

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2025. Том 81

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению Его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
заграницей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025. № 81

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2025. Nr. 81

Association “Rus” (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Прешевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plšková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Moldova, Pridnestrovie)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Moldova, Pridnestrovie)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
История	
Пашин С.С.	
Три галицких шляхетских рода с берегов Быстрицы-Солотвинской в XV в.	13
Иванов А.А.	
Идея Русской земли в церковной прессе Российской империи конца XIX – начала XX в.	29
Суляк С.Г.	
Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – жизнь и труды русского генера- ла, славянофила и его исследования Карпатской Руси	53
Стогов Д.И.	
Русская периодическая печать правого направления о русинах Буковины (1900–1917 гг.)	127
Ковалева Е.О.	
«Искони русский уголок нашего Отечества»: Холмская Русь и холмский вопрос в зеркале волынской прессы (1909–1912 гг.)	143
Чемакин А.А.	
Петлюровская делегация в белом Крыму (август – сентябрь 1920 г.)	164
Сушко А.В., Петин Д.И.	
Бывшие офицеры, социализировавшиеся в духовенство в советском обществе 1920-х гг. (на примере УССР)	187
Степнов А.О., Некрылов С.А.	
Наука и высшее образование на западных окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX в.): между имперскими и региональными интересами	202
Литература и литературоведение	
Копорова К.	
Четверть века Ассоциации русинских писателей Словакии	228

Лингвистика и язык

<i>Резанова З.И., Дударева А.И., Коновалов Р.А., Трифонова Е.А.</i>	
Структурное единство и этнокультурное своеобразие русской и алтайской сказки: анализ на основе применения генеративных моделей	239
<i>Дронова Л.П. Историко-культурная и лингвистическая биография льна (к вопросу о междисциплинарности исследования)</i>	254
<i>Коршунова И.С., Резанова З.И., Махмудов У.Р.</i>	
Актуализация перцептивного опыта при формировании общих концептов в условиях русско-турецкого контактирования: доминантная и эксклюзивная модальность	265

Социология и политология

<i>Зиновьев В.П., Суляк С.Г.</i>	
Геополитическое противостояние славянских и романо-германских народов	287

Некролог

Памяти Николая Николаевича Червенкова	297
--	------------

CONTENT

Editorial	9
History	
<i>Pashin S.S.</i>	
Three Galician noble families on the banks of the Bystrytsia Solotvynska in the 15th century	13
<i>Ivanov A.A.</i>	
The concept of the “Russian Land” in the church press of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century	29
<i>Sulyak S.G.</i>	
Aleksandr F. Rittikh (1831–1915) – the life and works of a Russian general, Slavophile, and his research on Carpathian Rus’	53
<i>Stogov D.I.</i>	
Right-wing Russian periodicals on the Bukovinian Rusins (1900–1917)	127
<i>Kovaleva E.O.</i>	
“A primordial Russian corner of our Fatherland”: Chełm Land and the Chełm Question through the lens of the Volhynian periodicals (1909–1912)	143
<i>Chemakin A.A.</i>	
Petliura’s delegation in White Crimea (August–September 1920)	164
<i>Sushko A.V., Petin D.I.</i>	
Former officers socialized into the clergy in 1920s Soviet society (The case of the Ukrainian SSR)	188
<i>Stepnov A.O., Nekrylov S.A.</i>	
Science and higher education in the Western borderlands of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Between imperial and regional interests	202

Literature and Literary Theory

<i>Koporova K.</i>	
A quarter century of the Association of Rusin Writers of Slovakia	228

Linguistics and Language

Rezanova Z.I., Dudareva A.I., Konovalov R.A., Trifonova E.A.

- Structural unity and ethnocultural distinctness of Russian and Altai fairy tales: An analysis based on the application of generative models 239**

Dronova L.P.

- The historical-cultural and linguistic biography of flax
(on the problem of interdisciplinary research) 254**

Korshunova I.S., Rezanova Z.I., Makhmudov U.R.

- Actualization of perceptual experience in the formation of shared concepts
in the context of Russian-Turkic language contact: Dominant and exclusive
modality 265**

Sociology and Political Science

Zinoviev V.P., Sulyak S.G.

- The geopolitical confrontation between the Slavic and Romano-Germanic
peoples 287**

Obituary

- In memory of Nikolai N. Chervenkov 297**

DOI: 10.17223/18572685/81/1

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

В двух выпусках журнала «Русин» (№№ 81 и 82) основную часть статей, помимо ранее запланированных, составляют публикации по материалам докладов IX Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов», которая состоялась 9–10 октября 2025 г. в Томском государственном университете. Организаторы конференции – факультет исторических и политических наук ТГУ и редакция международного исторического журнала «Русин».

На конференции представлены 38 докладов, подготовленных сотрудниками из 24 образовательных и научных организаций России и ближнего зарубежья, среди которых 15 докторов и 19 кандидатов наук. В рамках конференции также работала секция молодых исследователей.

Конференция прошла в очно-дистанционной форме, выступления были построены по хронологическому принципу.

Ряд докладов касались русинской тематики: А.А. Вологдин (Всероссийская академия внешней торговли) «Отношение населения к переходу территорий проживания в состав Российской империи в ходе разделов Речи Посполитой»; А.О. Степнов, С.А. Некрылов (Томский государственный университет) «Наука и высшее образование на западных окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX в.): между имперскими и региональными интересами»; С.Г. Суляк (Санкт-Петербургский государственный университет) «А.Ф. Риттих о русинах Карпатской Руси»; Д.И. Стогов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)) «Русская периодическая печать правого направления о русинах Буковины (1900–1917 гг.)»; Д.М. Нечипорук (Тюменский государственный университет) «Майкл Юхаш и оппозиция американской карпато-русинской эмиграции чешской политике в Подкарпатской Руси в 1920-е гг.»; Е.О. Ковалева (Санкт-Петербургский государственный университет) «Холмский вопрос в зеркале региональной прессы (1909–1912 гг.): на материалах периодических изданий Волыни».

Часть выступлений носила биографический характер. Л.А. Гаман (Северский филиал НИЯУ МИФИ) рассказала об исторических сочинениях философа-эмигранта Г.П. Федотова; Д.В. Карнаухов (Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный технический университет) и В.А. Спесивцева (Новосибирский государственный педагогический университет) –

об исследованиях современного польского историка А.Ф. Грабского; Д.А. Эфендиева (Дагестанский государственный университет) – о болгарском интернационалисте-просветителе Б.П. Николове.

А.Л. Афанасьев (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники) в докладе затронул деятельность союза христиан-трезвенников в дореволюционной России. Е.А. Полиновская (Новосибирский государственный педагогический университет) раскрыла модель самоуправляющегося социализма в Югославии. Е.А. Федосов (Томский государственный университет) осветил методы визуализации врага в послевоенных выпусках сатирического журнала «Перец». И.Д. Фilonov (Томский государственный университет) показал, как раскрывался образ молодёжи периода перестройки в республиканских и общесоюзных сатирических изданиях.

Обзорам литературы раннего Нового времени посвящены доклады К.М. Медведева (Санкт-Петербургский государственный университет) «Иосафат Кунцевич как “белорусский” святой в Речи Посполитой» и Ю.А. Чупрыны (Санкт-Петербургский государственный университет) «Древняя Русь в исторических сочинениях московских и киевских книжников второй половины XVII в.: в поисках общих воспоминаний».

Широко был представлен и лингвистический блок. Помимо докладов по сравнительно-сопоставительному направлению исследований славянских языков, Л.П. Дронова (Томский государственный университет) затронула тему историко-культурного значения льна у славян.

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear Editorial Board Members, Authors, and Readers of the Journal,

Issues 81 and 81 of *Rusin International Historical Journal* are largely comprised of papers presented at the 9th All-Russian Conference with International Participation, *The Slavic World: Responding to New Challenges*, hosted on October 9–10, 2025, by the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University together with the *Rusin* Editorial Board.

The conference, held in a hybrid (in-person and online) format, featured 38 presentations by both PhDs and young scholars from 24 educational and research institutions in Russia and neighboring countries. The presentations were organized according to a chronological principle.

A number of presentations focused on Rusin topics: “The population’s attitude towards the transfer of territories to the Russian Empire during the partitions of the Polish–Lithuanian Commonwealth” by Aleksandr A. Vologdin (All-Russian Academy of Foreign Trade); “Science and higher education in the Western Borderlands of the Russian Empire (Late 19th – Early 20th Century): Between Imperial and regional interests” by Andrey O. Stepnov and Sergey A. Nekrylov (Tomsk State University); “Aleksandr F. Rittikh on the Rusins of Carpathian Rus” by Sergey G. Suliaik (St. Petersburg State University); “The Russian right-wing periodical press on the Bukovina Rusins (1900–1917)” by Dmitrii I. Stogov (St. Petersburg State Electrotechnical University); “Michael Yuhash and the opposition of American Carpatho-Rusin Émigré to Czech Policy in Subcarpathian Rus in the 1920s” by Dmitrii M. Nechiporuk (Tyumen State University); “The Chełm question in the mirror of the regional press (1909–1912): Based on materials from Volhynian periodicals” by Elizaveta O. Kovaleva (St. Petersburg State University).

Several presentations took a bio-bibliographical approach. Lydia A. Gaman (Seversk Branch of the National Research Nuclear University MEPhI) examined the historical works of émigré philosopher Georgii P. Fedotov; Dmitrii V. Karnaukhov (Novosibirsk State Pedagogical University; Novosibirsk State Technical University) and Vera A. Spesivtseva (Novosibirsk State Pedagogical University) discussed the research of contemporary Polish historian Andrzej F. Grabski; and Djamila A. Efendieva (Dagestan State University) presented on Bulgarian internationalist educator Boris P. Nikolov.

Aleksandr L. Afanasiev (Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics) addressed the activities of the Union of Christian Teetotalers in pre-revolutionary Russia. Evgeniya A. Polinovskaya (Novosibirsk State Pedagogical University) explored the model of self-managing socialism in Yugoslavia. Egor A. Fedosov (Tomsk State

University) highlighted methods of visualizing the enemy in post-war issues of the *Perets* satirical magazine. Ilya D. Filonov (Tomsk State University) demonstrated how the image of youth during the Perestroika period was portrayed in republican and all-Union satirical publications.

The conference also featured literature reviews focused on the early modern period, including Kirill M. Medvedev's (St. Petersburg State University) report on Josaphat Kuntsevych as a "Belarusian" saint in the Polish–Lithuanian Commonwealth, and Yulia A. Chupryna's (St. Petersburg State University) analysis of narratives about Old Rus in the writings of Muscovite and Kiev scribes during the latter half of the 17th century.

Finally, the program included a robust linguistic section. Alongside reports on the comparative study of Slavic languages, Lyubov P. Dronova (Tomsk State University) addressed the historical and cultural significance of flax among the Slavs.

*Sergey G. Sulyak,
Editor-in-Chief*

УДК 94(438)13:323.31(045)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/2

Три галицких шляхетских рода с берегов Быстрицы-Солотвинской в XV в.

С.С. Пашин

Тюменский государственный университет

Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена шляхетскому населению Галицкой земли XV в. в бассейне Быстрицы-Солотвинской (ныне в Ивано-Франковской области Украины). В этом микрорегионе площадью около 800 км² было 13 сёл. 6 сёл принадлежали шляхтичам польского происхождения, проживавшим за границами микрорегиона. 2 села в 1461 г. лишились прежних владельцев. К концу XV в. здесь осталось 5 православных родов русинского и волошского происхождения, которые владели семью небольшими сёлами. История перешедших в 1509 г. на сторону молдавского господаря Богдана III Кнегининских и Дрогомирецких изучена автором в статье 2023 г. в журнале «Русин». В настоящей статье проанализированы происхождение, родственные связи и материальное положение Креховских, Опришовских и Джураковских – трёх родов, которые в 1509 г. сохранили верность Короне Польской. Практически все шляхетские сёла были пожалованы польскими властями в 70-е гг. XIV – первой половине XV в. Родоначальники трёх (из 5) семейств, возможно, были полуправилегированными слугами польских правителей. Статья акцентирует внимание на локальных особенностях шляхетского населения в различных частях сравнительно небольшой Галицкой земли Русского воеводства Польского королевства в XV в.

Ключевые слова: галицкие шляхтичи, генеалогия, XV в., река Быстрица-Солотвинская

Three Galician noble families on the banks of the Bystrytsia Solotvynska in the 15th century

Sergey S. Pashin

Tyumen State University

23 Lenina Street, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article examines the nobility within the Galician region of the 15th century, focusing on the basin of the Bystrytsia Solotvynska River (located in present-day Ivano-Frankivsk Oblast, Ukraine). This microregion, covering approximately 800 km², contained a total of 13 villages, six of which were owned by Polish-origin nobles, residing outside the area. In 1461, two villages changed hands from their previous owners. By the close of the 15th century, five Orthodox families of Rusin and Wallachian (Moldavian) origin held seven smaller villages. The history of Knegininski and Drogomiretski families, who defected to Moldavian Voivode Bogdan III in 1509, was explored by the author in a 2023 Rusin journal article. The present study analyzes the origins, familial connections, and economic standing of the three families that remained loyal to the Polish Crown in 1509: the Krekhovski, Opryszowski, and Dzhurakovski. Nearly all noble estates in this area were bestowed by the Polish authorities between the 1370s and the first half of the 15th century. It is possible that the ancestors of three out of these five families were individuals of intermediate status in the service of the Polish rulers. The article highlights the distinct local characteristics of the noble population in various parts of the relatively small Galician territory within the Rusin Voivodeship of the Kingdom of Poland during the 15th century.

Keywords: Galician noblemen, genealogy, 15th century, Bystrytsia Solotvynska

Данная статья продолжает серию наших историко-генеалогических исследований галицкой шляхты XV в. Сюжеты настоящей статьи порождены содержанием нашей статьи 2023 г. в журнале «Русин». В ней прослеживались судьбы семи галицких шляхетских родов XV в. Летом 1509 г. представители всех этих родов оказались в числе 24 шляхтичей, перешедших на сторону господаря Богдана III во время грабительского молдавского похода на Червонную Русь.

В конце статьи мы выразили несогласие с М.С. Грушевским, который характеризовал измену 24 человек как «массовый переход украинской шляхты Галицкой земли», продиктованный якобы «опре-

делённой внутренней связью» между православными народами Западной Украины и Молдавии. Мы подкрепили своё мнение двумя аргументами. Во-первых, все или почти все изменники проживали в сёлах, которые в 1509 г. оказались на пути молдавского войска. Иначе говоря, шляхтичи изменили Короне Польской не совсем по своей воле. Во-вторых, мы акцентировали внимание на том, что 24 (со)владельца дюжины сёл – это очень малая часть шляхетского населения Галицкой земли [4: 25].

Данную статью можно считать ещё одним аргументом в пользу мнения о лояльности польским властям подавляющего большинства галицкой православной шляхты русинского и волошского происхождения на рубеже XV–XVI вв.

В 1509 г. 8 из 24 шляхтичей проживали в бассейне Быстрицы, площадью около 2,5 тыс. км². Быстрица – один из главных правых притоков Днестра, несмотря на то, что её длина – всего 17 км. Река берёт своё начало 1 км севернее Ивано-Франковска, образуется в результате слияния Быстрицы-Солотвинской и Быстрицы-Надворнянской. В статье 2023 г. мы проследили историю живших в низовьях Быстрицы-Солотвинской Кнегининских и Дрогомирецких, поскольку в 1509 г. среди 24 изменников оказались двое шляхтичей из первого рода и четверо – из второго [4: 17–21]: итого шестеро, т. е. каждый четвёртый.

Настоящая статья посвящена истории трёх шляхетских родов, которые не перешли в 1509 г. на сторону молдавского господаря Богдана III. Они проживали (вместе с другими шляхтичами) на территории площадью около 800 км² – в бассейне Быстрицы-Солотвинской, а точнее, на обоих берегах этой реки длиной 82 км. По нашим подсчётам, в XV в. в нижнем и среднем течении реки, на протяжении примерно 50 (из 82) км, было только 13 сёл. Проследим их расположение вверх по течению.

При слиянии обеих Быстриц находилось село Волчинец, которое в 1473 г. принадлежало великому польскому мажновладцу, познаньскому каштеляну Петру с Шамотул [6: 408]. Выше по течению с Волчинцом граничило село Кнегинин (ныне микрорайон Княгинин на северо-западе Ивано-Франковска). Ещё южнее, на том же правом берегу Быстрицы-Солотвинской, раскинулись угодья села Креховцы (ныне Криховцы на границе с Ивано-Франковском).

На противоположном (левом) берегу, напротив Креховцев, находились сёла Загвоздье и бывший приселок Пасечное (ныне район улицы Пасечной в Ивано-Франковске). Загвоздье (наряду с другими сёлами) король Владислав-Ягайло пожаловал в 1394 г. видному жидачовскому шляхтичу русинского происхождения Даниле Дажбоговичу Задеревецкому, потом село принадлежало его потомкам

Чагровским, позднее сменило ещё двух владельцев и, наконец, в 1483 г. было куплено соседом Грицко Креховецким [5: 54; 8: 190]. Выше по течению с Креховцами граничили Дрогомирчаны (ныне Драгомирчаны) [6: 101].

Восточнее Креховцев и Дрогомирчан видим село Опришовцы (ныне микрорайон Опрышовцы на юго-востоке Ивано-Франковска). Формально село находилось на левом берегу Быстрицы-Надворнянской, однако мы включили очерк о владельцах Опришовцев в эту статью, потому что, во-первых, Быстрица-Солотвинская протекала всего в 4–5 км от села, во-вторых, Опришовские были довольно близкими родственниками Дрогомирецких и, в-третьих, они же длительное время были владельцами Старуни.

Выше (южнее) Дрогомирчан находилось принадлежавшее этническим полякам-галицким можновладцам Колам село Лисец – пожалование венгерской королевы Марии (1382–1385) [6: 69, 102, 150, 319; 8: 206, 216; 14: 32(В)]. Ныне – это, скорее всего, не посёлок Лисец на правом берегу, а село Старый Лисец на левом берегу Быстрицы-Солотвинской.

В наши дни далее следуют село Старые Богородчаны – на левом и посёлок Богородчаны – на правом берегу реки. Заложенное всего за 200 гривен Владиславом Варненчиком (1434–1444) фактическим хозяевам Подолии Бучацким село Богородчаны, вероятно, находилось на левом берегу, по соседству с нынешним Старым Лисецом [6: 93, 177; 8: 201; 14: 38(В)]. В 40-е гг. XV в. Бучацким также принадлежали сёла Ляховцы (ныне Подгорье) [6: 93, 157, 195] – на правом и Раковец [6: 202] – на левом берегу реки.

Источники 60–80-х гг. XV в. указывают на принадлежность Якову Бучацкому заложенного королевского имения Монастырчаны – примерно в 4 км ниже Раковца, на правом берегу Быстрицы-Солотвинской [6: 338; 8: 192; 14: 39(В)]. Рядом с Монастырчанами, на разных берегах реки, друг против друга расположились сёла Джураки и Старуня. В XV в. выше Раковца начинались безлюдные Карпатские предгорья и горы.

Список шляхетских родов, постоянно проживавших в конце XV в. на берегах Быстрицы-Солотвинской, оказался сравнительно коротким – это Кнегининские, Креховские, Дрогомирецкие, их родичи Опришовские и, наконец, Джураковские.

Креховские

Родоначальником Креховских (с последней четверти XV в.– Креховецких), возможно, был известный по списку свидетелей разъезжей грамоты 1404 г. галицкого старости Петра Влодковича «пан Лань

Крехович» [5: 67–68]. Его сыном мог быть впервые упомянутый в списке шляхтичей Галицкого повета от 28 июня 1427 г. Александр Lay de Krechanicze [13: 184]. Последнее упоминание Александра Креховского датируется первой половиной 1442 г.: пан Александр вместе с племянником (и соседом) Яном Кнегининским, сыном успевшего умереть Мацея, заплатили штраф за убийство Мацеем шляхтича Васька и вернули себе половину дедичного села Кнегинин(о) [6: 101].

С июля 1443 г. владельцем Креховцев выступает Васько (Василько) – определенно, единственный сын Александра [6: 116, 153]. В конце 1450 г. Васько выкупил у своего «брата» Яна его часть Кнегинина за 100 гривен и стал единственным владельцем половины села Кнегинин [6: 204]. При этом следует помнить о двух обстоятельствах. Во-первых, судебные записи не утверждают, что Александр Креховский и Мацей Кнегининский были родными братьями, а их сыновья Васько Креховский и Ян(ец) Кнегининский – кузенами. Впрочем, их близкое родство не вызывает сомнений. Во-вторых, очевидно, что несколько Кнегининских 50–60-х гг. XV в. – совладельцев второй половины села – были родственниками друг другу и чужаками для Васька Креховского и Яна Кнегининского.

Пан Ян более 10 лет жил на проценты от дачи в долг денег, полученных от продажи части Кнегинина и, видимо, от приданого жены Ганны Дрогомирчанской. После мая 1464 г. он бесследно исчезает вместе с супругой [6: 272, 297].

Женатый на шляхтянке Ульяне Васько Креховский также не пренебрегал ростовщичеством [6: 232, 305, 350], а полученные доходы стремился использовать для расширения своих земельных владений. В декабре 1458 г. он купил за 30 гривен у Ивана Дрогомирецкого дворище в соседнем селе Дрогомирчаны и за 10 гривен у Михаила Кнегининского – луг в Кнегинине, в 1465 г. стал владельцем оцененной в 24 копы грошей (30 гривен) части села Ляцкое, в 10 км от Креховцев [6: 259, 300].

Во время проведения люстрации заложенных королевских имений 1469 г. Waszko Crechowski предъявил «грамоту вечного дарения древнего короля (Владислава-Ягайло. – С.П.) на два села: Crechowycz – в Галицком, другое также Crechowicz – в Жидачовском (поветах. – С.П.) и монастырь Святой Пятницы», с обязанностью службы одним копьём и двумя лучниками [14: 35(В)]. Жидачовские Креховецкие иногда встречаются в документах конца XV – первой четверти XVI в. [7: 571; 11: 267], однако нет ни одного даже косвенного намёка на их родство с галицкими однофамильцами.

Умерший между июнем 1478 и маев 1480 г. [8: 184, 291] Васько имел сына Грицка и дочь Хоцимку, «киначе Фенну», не позднее 1470 г.

вышедшую с 50 гривнами приданого за галицкого шляхтича-русина Федька Подмихайловского [6: 334]. В январе 1489 г. она уже была супругой шляхтича Микиты Телеша и судилась с братом из-за положенной ей доли материнского имущества [8: 263].

Грицко с самого первого упоминания в судебных протоколах звался не Креховским, а Креховецким (Krechowecki, Crechowyeczky). По примеру отца он активно занимался земельными стяжаниями. Не позднее 1480 г. Грицко (или его отец?) стал держателем села Педиковцы (ныне Пядики) под Коломыей; в мае 1480 г. формально получил 60 гривен приданого за первой женой Рухной, дочерью коломыйского шляхтича Романа Княждворского, однако фактически речь шла о том, что Грицко одолжил тестю 60 гривен, а Роман с согласия дочери записал зятю 120 гривен долга на половине села Княждвор (тоже под Коломыей, но южнее), с правом распоряжаться этой половиной вплоть до уплаты 120 гривен [8: 184]. Со смертью в начале-середине 80-х гг. XV в. не имевшего сыновей Романа и Рухны Грицко стал владельцем всего села.

В августе 1482 г. Грицко продал Педиковцы за 194 гривны коломыйскому шляхтичу Максиму Ланчинскому, примерно в это же время, видимо, расстался и с Княждвором, а вырученные деньги пошли на покупку в январе 1483 г. у Миколая Карнковского за весомые 500 гривен соседних сёл Загвоздье и Пасечное [8: 190]. За 20 лет Загвоздье заметно выросло в цене: Станчул Чагровский в апреле 1461 г. продал село вместе с приселками Пасечное и Монастырь могущественному галицкому старосте Станиславу Одровонжу за 350 гривен, а последний в августе 1463 г. перепродал куплю Миколаю Карнковскому всего за 310 гривен [6: 270, 284]. Во время проведения люстрации 1469 г. Карнковский предъявил жалованную грамоту управлявшего Червонной Русью князя Владислава Опольского *super villa Zagoszdze in Haliciensi* (без указания адресата), при условии службы одним копьём и одним лучником [14: 37(В)].

В январе 1487 г. Грицко получил 100 гривен приданого за второй женой Олёнай, «иначе Олехной», дочерью покойного жидачовского шляхтича волошского происхождения Фёдора Чолганского. 200 гривен вена были записаны на всём селе Креховцы и половине части Кнегинина [8: 207].

Польские историки А. Бонецкий и Л. Выростек, ссылаясь на книгу 1865 г. М. Дзедушицкого, писали о том, что в 1496 г. Грицко записал на Загвоздье 100 гривен вена третьей жене Олухне – младшей дочери видного жидачовского шляхтича русинского происхождения Яцка Дедушицкого [9: 262; 12: 94, 162]. Следует уточнить, что ни один источник рубежа XV–XVI вв. не знает об Олухне Дедушицкой,

а М. Дзедушицкий, информируя о венной записи, ссыпался на какую-то выписку «из документов Шептицкого» [10: 43]. Это заставляет скептически относиться к реальности третьего брака Грицка Креховецкого.

Зато нет никаких оснований сомневаться в подлинности подтверждения, выданного Грицко Креховецкому 29 марта 1507 г. Этот документ подтвердил аутентичность (признаться, вызывающей вопросы) жалованной грамоты Владислава Опольского на сёла Загвоздье и Пасечное, выданной 6 декабря 1373 г. некоему Генрику de Stakor [11: 9–10]. В данном случае для нас важно, что пан Грицко здравствовал ещё весной 1507 г. Поскольку все Креховецкие XVI в. были его потомками, очевидно, что даже если он не дожил до трагических для всей Червонной Руси событий 1509 г., его сыновья (или сын), в отличие от ближайших соседей – двоих Кнегининских и четверых Дрогомирецких – не изменили Короне Польской и не перешли на сторону молдавского господаря Богдана III.

Своим наследникам Грицко Креховецкий оставил целое гнездо граничивших друг с другом сёл: Креховцы, Загвоздье, Пасечное, более половины Кнегинина, часть Драгомирчан. До семейных разделов XVI в. Креховецкие могли занимать промежуточное положение между средней и крупной шляхтой Галицкой земли.

Опришовские

В 1378 г. князь Владислав Опольский, «узревши есми на верную службу Драгумиру и на Некрину», пожаловал Драгомиру и его брату Станко село Новое, а Некре – село Старуня, которое «осадил отец Некринь пустиню». Оба села были «на Малой Быстрици» (на правом берегу Быстрицы-Солотвинской). За это пожалование «Драгомир и Некра съ братиєю своею, и съ их детми» должны были служить «трими стрелци» [2: 4–5]. Село Новое не позднее 1420-х гг. стало называться Драгомирчанами, а Драгомир оказался родоначальником многочисленных Драгомирецких XVI в. Старуня находилась 25 км юго-западнее Драгомирчан.

Насколько нам известно, никто из наших предшественников не嘗ался установить потомков волоха Некры. По нашему мнению, у Некры было два сына: Шандро и Ивашко. «Пань Шандро Некровичъ» впервые упоминается в списке «сведцев» разъезжей грамоты 1404 г., после известного нам Ланя Креховича [5: 67–68]. В купчей грамоте 1424 г. галицкого старосты Михаила Бучацкого он фигурирует уже как «пань Шандро Апришовъский» [5: 106]. Списку шляхты Галицкого повета от 28 июня 1427 г. известны Шандро Apreschowski и его брат

Ивашко [13: 184]. Таким образом, справедливо названный Л. Выростеком родоначальником Опришовских Шандро был сыном Некры, но не имел никакого отношения к легендарному основателю села волоху Опришу [12: 96].

Пяти записям галицкого суда 1438–1439 гг. известны не обязательно родные братья Сенько и Юрко с Опришовцев. Они долго судились с можновладцем русинского происхождения Прокопом (Тяптиковичем) из Стрелищ и Хриплина. Село Хриплин раскинулось напротив Опришовцев, на правом берегу Быстрицы-Надворнянской, однако тяжба велась из-за принадлежности половины небольшого села Березов [6: 39–40, 45–46, 58, 65].

В двух судебных протоколах от 2 января 1447 г. впервые появляется, кажется, единственный на тот момент владелец Опришовцев Федько. Он выкупил у «пана Куропатвы» заложенное ранее за 20 коп грошей село и одновременно заложил за 7 коп грошей два дворища своему зятю Ивашко (Медыньскому?) [6: 153]. Тот же Федько в 1464–1465 гг. судился с (видимо, своими племянниками) Грицко и Ходько Медыньскими из-за материнской доли имущества братьев в Опришовцах, а в марте 1467 г. заложил за 10 гривен дворище сестре Анне и её мужу Андею [6: 291, 294, 296, 305, 317].

Последний раз Опришовские упоминаются в двух записях галицкого земского суда от 23 апреля 1487 г. Речь в них, скорее всего, шла о двух внуках и внучке пана Федька. Согласно одной записи, Иван Опришовский получил за женой Фенной 30 золотых приданого и записал 60 золотых вена на своей части села. Во второй записи говорится о том, что Фетинья, «иначе Федя», дочь покойного Василия Опришовского, объявила, что её родные братья Иван и Васько выплатили ей её долю отцовского имущества в Опришовцах [8: 208, 209]. Согласно налоговому реестру 1515 г., в селе было 3 лана пахотной земли [14: 169].

Важные перемены в жизни ранее известного только по списку 1427 г. Ивашка «Некровича» раскрываются в записи галицкого земского суда 1476 г. Согласно ей, шляхтич Матвей, «иначе Negra», дедич Старуни, объявил, что он признает принадлежность его дедичного села Старуня галицкому каштеляну Якову Бучацкому. Отец этого Якова, подольский воевода Михаил Бучацкий, в своё время купил Старуню за внушительные 400 гривен у отца Матвея Negra, шляхтича Ивашка Starvynsky. Матвей и его потомки должны защищать права покупателя и его наследников [8: 174]. Остается добавить, что бывший в 1424 г. галицким старостой Михаил Бучацкий погиб в 1438 г. в борьбе с ордынцами. Разговор о Старуне и Матвее Негре мы продолжим в очерке о Джураковских.

Джураковские

Родоначальником Джураковских (с конца XVI в. – Жураковских) с большой долей условности можно считать княжеского писаря со странным именем (Lednis scribae), которому князь Владислав Опольский в 1378(?) г. пожаловал село Чераки (Czeraki) на левом берегу Быстрицы-Солотвинской, как раз напротив расположенной на правом берегу Старуни. В XV в. село называлось Джураки (Dzuraky), а ныне – Жураки.

Диспозиция переведённой со староукраинского языка на латынь и подтверждённой в 1530 г. грамоты заметно отличается от распоряжений других привилеев Опольского. Особенно бросается в глаза, что, вместо обычного требования служить точно определённым количеством копейщиков и «стрельцов», она содержит пожелание адресату и его наследникам служить, «как право земское устанавливает: по возможности» [2: 3, 5–6]. Впрочем, сама вероятность такого рода пожалований выходцу из писарей не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить, что родоначальником перемышльских Болестрашицких был «писарь пана старостинь дьякъ изъ Болестрашичъ именемъ Дьячковичъ» – составитель древнейшего червонорусского частного акта на староукраинском языке (1359 г.) [5: 10].

Автор единственного очерка о Джураковских XV в. Л. Выростек, с одной стороны, крайне упрощает ситуацию, а с другой, умудрился сделать несколько грубейших ошибок в тексте объёмом 0,5 страницы. Историк увидел две линии Джураковских в XV в. Одна линия представлена известным с 1441 г. и женатым на жидачовской шляхтянке Федьке-Оринке Голыньской шляхтичем Васько. У Федьки в качестве приданого каким-то образом оказалась часть Джураков. В этом браке появился сын Сенько, который в 1482 г. женился на простой селянке из Грабовца. Их потомки составили первую линию Джураковских XVI в.

Вторая линия Джураковских появилась благодаря другому Голыньскому – Матвею. Он также владел частью Джураков, в 1450 г. она была уступлена Иванишу Переросльскому. Сыном этого Ивана (Иваниша), по Л. Выростеку, был уже известный нам Матвей Негра (не внук волоха Некры!), который после отца наследовал ещё и Старуню. Часть тех же владений (Старуни) получил в 1489 г. и супруг Федьки-Оринки Голыньской Васько [12: 92–93]. Л. Выростек прямо не пишет, что читатель должен догадаться, что все Джураковские-Жураковские XVI в. были потомками упомянутых выше людей. В генеалогической таблице из Джураковских XV в. указаны только Васько из 1441 г. и его сын Сенько [12: 176].

Более близкий к действительности рассказ о Джураковских требует на время отклониться от темы статьи. В 35 км на северо-запад

от Жураков, в Калушском районе Ивано-Франковской области, есть село Голынь. В XV в. оно относилось к Жидачовскому повету Львовской земли. В 1391 г. король Владислав-Ягайло пожаловал это село «Леню Дьяку и его братьям» с обязанностью службы двумя «стрельцами» [3: 7–8].

Из грамоты жидачовского старосты Данила Задеревецкого известно, что в 1424 г. не имевший ни братьев, ни детей Лень (Lew Hołynecski) завещал после смерти отдать своей жене Екатерине перечисленное в грамоте движимое имущество и половину дома. Другую половину дома и, надо думать, всё село Голынь должен был наследовать его сестренец, т. е. сын сестры Матвей [1: 400–401].

Второй и третий раз племянник Леня упоминается уже как Матвей Голыньский в записях галицкого земского суда от 15 апреля 1437 г. и 13 января 1438 г. Истцом в этих делах выступала его жена Кася, сестра покойного галицкого шляхтича русинского происхождения Ходька Головеньчича. Она судилась со своим племянником Яцко Головеньчичем, требуя уступки в качестве приданого половины села Комаров (под Галичем) [6: 23, 31]. Ровно три года спустя, в январе 1441 г., Матвей Голыньский закладывал три дворища *in villa sua Dzuraky* своей дочери Федьке в счёт её приданого размером 30 коп грошей. Федька вместе с мужем Васько могут держать дворища в залоге вплоть до уплаты названной суммы [6: 93].

Обратим внимание читателя на несколько «белых пятен». Во-первых, мы не знаем, кем был отец Матвея и имел ли он какое-то отношение к Джуракам. Короче говоря, неизвестно, как Матвей стал владельцем джураковских дворищ, и почему он говорит о Джураках как «своём» селе. Во-вторых, туманны про происхождение его зятя Васька и, кстати, дальнейшая судьба этой семейной пары. Запись от 1 января 1450 г. о том, что Матвей за 30 коп заложил *bona sua hereditaria* шляхтичам из Переросли Иванишу и его братьям, на наш взгляд, свидетельствует, что супруги Федька и Васько покинули село (скорее всего, умерли, не оставив наследников), и Матвей заложил дворища малоземельным шляхтичам из близлежащего села [6: 202].

По-видимому, именно эта сделка вызвала продолжавшуюся, как минимум, всю весну 1451 г. тяжбу между Матвеем и шляхтянкой Оринкой de Dzuraky, супругой Васька de Dzuraky [6: 208, 211]. Здесь приходится указать на очередные ошибки Л. Выростека. Во-первых, Матвей был отцом двух дочерей: Федьки и Оринки. Во-вторых, с Джураками XV в. связаны две шляхтянки по имени Оринка, и обе они оказались близкими родственницами Матвея Голынского. Первая Оринка уже известна нам по тяжбе 1451 г. как жена Васька Джураковского. В записи галицкого суда от 16 января 1469 г. её назвал тёткой

по отцу (*amitam meam*) сын Матвея, Иван Голыньский [6: 321]. Иначе говоря, она была родной сестрой Матвея Голыньского.

Вторая Оринка впервые упоминается вместе с первой Оринкой как раз 16 января 1469 г. Запись от 8 октября 1470 г. называет её супругой шляхтича Матвея de Dzuraky, а сама Оринка говорит на судебном заседании о своем родном брате Иване de Holyn [6: 321, 341], т. е. это дочь Матвея Голыньского. Неоднократные упоминания Оринок вместе с мужьями очень помогают выяснению того, с кем мы имеем дело в той или иной записи: с сестрой или дочерью Матвея Голыньского.

Первая Оринка (сестра Матвея Голыньского) 16 января 1469 г. попыталась передать Иванишу de Dzurakow два дворища в Джураках «на вечные времена», однако эта сделка сразу была опротестована Иваном Голыньским, который заявил, что эти дворища «уступлены ему на вечные времена» [6: 320]. Можно догадаться, что в конечном итоге не ставший Джураковским Иваниш был знакомым нам по тяжбе 1450 г. жителем Переросли.

В тот же день, 16 января 1469 г., Оринка уступила треть Джураков своему мужу Васько «на вечные времена» и одновременно признала, что на двух других частях села єю записаны 30 коп грошей долга. Тогда же Иван Голыньский опротестовал эту запись своей тетки, заявив, что дарованная Оринкой мужу треть Джураков принадлежит ему, Ивану, и он готов подтвердить это записью в книге жидачовского суда. Оринка (жена Васька) и Оринка (супруга Матвея Джураковского) ответили уступкой племяннику и брату Ивану Голыньскому двух дворищ в Джураках «на вечные времена», в счёт уплаты долга в 20 коп грошей [6: 321]. Оставшиеся 10 коп (в тексте: гривен) долга Васько (Wasil de Dzuraky) заплатил Ивану Голыньскому в октябре 1470 г., чем вызвал недовольство Оринки – супруги Матвея Джураковского: она утверждала, что брат до сих пор не обеспечил её приданым, поэтому деньги следует отдать ей [6: 341].

В августе 1482 г. Васько Джураковский разрешил своему сыну Сенько записать очень скромные 17 золотых вена на половине своей части Джураков его жене Марухне – дочери не шляхтича, а обычного *hominis* Гриня из близлежащего села Грабовец [8: 187]. В галицких записях после 1482 г. постаревший Васько превращается в Василия – кредитора галицкого подчашего Франциска Куропатвы. В сентябре 1488 г. один из сыновей подчашего, Станислав, продал Василию свою часть граничившего с Грабовцом села Цецилов [8: 192, 210, 215].

Иван Голыньский вплоть до 1487 г. также время от времени выступал в роли кредитора галицких шляхтичей (правда, мелких) [8: 210, 252–254] и, возможно, вплоть до смерти оставался владельцем части Джураков. Множество Голыньских конца XVI в., скорее

всего, были потомками этого Ивана. В 1578 г. Голыньские владели не только Голынью, но и частями галицких сёл Старуня и Перерось [14: 83, 93].

Последние упоминания Василия и Матвея Джураковских связаны со знакомой нам Старуней. Уже упоминавшийся в этой статье галицкий каштелян Яков Бучацкий в 1479–1482 гг., в 2 этапа, продал село шляхтичу русинского происхождения с севера Галицкой земли Василию Свистельницкому [8: 183, 194]. Пан Свистельницкий, начиная с января 1483 г., неоднократно закладывал разные части Старуни Матвею Джураковскому, а 7 июня 1490 г. продал обе половины села (каждая – за 150 гривен) Василию и Матвею Джураковским. Матвей в тот же день продал треть своей половины Старуни шляхтичу Васько Perosky (вероятно, Переросльскому) [8: 191, 210, 213, 218].

На наш взгляд, именно супруги Оринок Василий (Васько) и Матвей являются главными претендентами на роль продолжателей рода Джураковских. Происхождение самих этих шляхтичей остается неясным. Скорее всего, они связали свою жизнь с Джураками благодаря своим женам. Мы не исключаем, что шурин Ивана Голыньского Матвей Джураковский до женитьбы был Матвеем Negra – сыном Иашка Некровича, внуком Некры и близким родичем Опришовских.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют достоверно установить, чьими потомками были Джураковские XVI в. Согласно налоговому реестру Галицкой земли 1515 г., Джураками владели Фёдор (1 лан пахотной земли) и Стец (2 лана). О владельцах Старуни реестр 1515 г. умалчивает, однако, судя по реестру 1578 г., село хотя бы частично также принадлежало Джураковским. Неясно и происхождение Миколая и безымянного Джураковских – в 1515 г. совладельцев граничившего со Старуней села Ляховцы, бывшего владения Бучацких [14: 93, 169].

То же самое можно сказать и про обратившихся в 1530 г. к королю Сигизмунду I с просьбой перевести de ruthenico in latinum и подтвердить жалованную грамоту князя Владислава Опольского на село Czeraki Миколая Dzurakowski, Fedorici alias Feodor, Ioannis alias Iwan et Iozephii. Последние трое шляхтичей оказались родными братьями – совладельцами села Старуня. В 1527 г. – вместе с Миколаем и Фёдором Джураковскими, Петром Переросльским, а также с шестью Драгомирецкими – они были среди тех, кто просили Сигизмунда I подтвердить жалованную грамоту 1378 г. Опольского на села Старуня и Новое [2: 2–3].

Подведём итоги. Мы рассмотрели шляхетское население предгорного микрорегиона, занимавшего примерно 4 % от 18 тыс. км² общей площади Галицкой земли. Бросается в глаза, что в XV в. все шляхетские

сёла находились только на берегах Быстрицы-Солотвинской – но не на притоках реки. Количество и населённость шляхетских сёл даже в конце XV в. не шли ни в какое сравнение с реалиями второй половины XVI в. На рубеже XV–XVI вв. около половины сёл концентрировалось на небольшом пятаке в месте слияния обеих Быстриц: понятно появление здесь в 1509 г. войска Богдана III – молдавские воины могли рассчитывать на богатую добычу в виде пленников и скота.

На протяжении всего XV в. всё немногочисленное постоянное шляхетское население бассейна Быстрицы-Солотвинской было представлено только православными – русинами и обрусевшими волохами. В 1509 г. всех совершеннолетних шляхтичей мужского пола можно было разделить на две не совсем равные части: одна половина родов (Кнегининские и Дрогомирецкие) перешла на сторону Богдана III, другая (Креховецкие, Опришовские и Джураковские) – осталась верна полякам; это соответственно 6 и 5-6-8 шляхтичей, соотношение если не 50 на 50, то примерно 40 на 60 %. Среди отказавшихся перейти на сторону Богдана III оказались и соседи изменников Креховецкие, и младший брат изменников Ивашко Кнегининский.

Что касается самих изменников, то следует приглядеться к их материальному положению: двое Кнегининских и четверо Дрогомирецких были совладельцами частей двух небольших сёл. То же самое можно сказать о десяти других изменниках на юге Галицкой земли, в Покутье: троих Мышинских и их соседях – семерых Березовских [4: 14–15, 24–25]. Иначе говоря, проживавшие в четырёх сёлах 16 шляхтичей, т. е. ровно две трети изменников, оказались даже не мелкими, а мельчайшими землевладельцами, не богаче (а возможно, и беднее) обычных крестьян-кметов. В отличие от зажиточных соседей, у них, скорее всего, просто не было возможности эвакуировать свои семьи, поэтому им пришлось подчиниться захватчикам.

Разумеется, нельзя не обратить внимание на позднее появление на берегах Быстрицы-Солотвинской шляхетского населения: Дрогомирецкие, Опришовские и Джураковские получили земельные пожалования в 70-е гг. XIV в. Сомнения в их шляхетском происхождении наводят на мысль, что весь бассейн Быстрицы-Солотвинской понапачалу не сильно привлекал местную и пришлую шляхту. Креховские, скорее всего, поселились в этих местах только на рубеже XIV–XV вв. В первой половине XV в. получили здесь сёла, но не стали местными жителями Бучацкие, Колы и некоторые другие крупные шляхетские роды польского происхождения.

Кнегининские оказались единственным шляхетским семейством, которое, кажется, не связано с земельными пожалованиями польских властей во второй половине XIV – первой половине XV в. Судя по раз-

мерам пашни (1 лан) и названию села, они едва ли были потомками галицких бояр древнерусских времён. Их предки больше похожи на княжеских полупривилегированных военных слуг.

С точки зрения макроистории Галицкая земля площадью 18 тыс. км² – это очень небольшой регион, который вроде бы должен обладать неким набором специфических характеристик, отличающих его от других земель Русского воеводства Польского королевства. В настоящей статье акцент был сделан на применении микроисторического подхода. Думается, это принесло свои плоды. Очевидно, что отдельные части Галицкой земли XV в. различались и по этническому (конфессиональному) составу шляхетского населения, и по численности шляхтичей, и даже по срокам освоения шляхтичами той или иной местности в «польский» период червонорусской истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AGZ - Akta grodzkie i ziemske z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie.

MRPS - Matricularium Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur / Ad. T. Wierzbowski.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капраль М. Данило Дажбогович Задеревецький – засновник роду Даниловичів // Academia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смолія: У 2-х кн. Київ: Інститут історії України НАН України, 2020. Кн. 1. С. 389–402.
2. Кілька грамот Володислава Опольського / подав М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1903. Т. LI. С. 1–8.
3. Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин західної України / подає М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1905. Т. LXIV. С. 47–94.
4. Пашин С.С. Семь шляхетских родов Галицкой земли XV века: генеалогический комментарий к указу 1510 г. короля Сигизмунда I об амнистии шляхтичей-изменников // Русин. 2023. № 72. С. 11–29. doi: 10.17223/18572685/72/2
5. Южнорусские грамоты / собр. В. Розовым. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1917. Т. 1. 176, 75, IX с.
6. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie, 1887. T. XII / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 551 s.
7. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie, 1891. T. XV / Wyd. X. Liske. XIII, 720 s.

8. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1906. T. XIX / Wyd. A. Prochaska. XXXIV, 855 s.
9. Boniecki A. Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1908. T. XII. 400, IV s.
10. [Dzieduszycki M.] Kronika domowa Dzieduszyckich. Lwów: Z drukarni Zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1865. 480, LXXXIV s.
11. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1910. Pars IV. Vol. 1. VII, 479 p.
12. Wyrosteł L. Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego, 1932. 192 s.
13. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materyał do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku / opr. O. Halecki // Archiwum komisji historycznej. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności Skład główny w księgarni G. Gebethnera i sp. w Krakowie, Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1919. T. XII. Cz. I. S. 146–218.
14. Źródła dziejowe. Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. T. XVIII. Cz. I / Ziemie ruskie. Ruś Czerwona / opis. przez A. Jabłonowskiego. 252, XVIII, 72, 66 (B) s.

REFERENCES

1. Kapral, M. (2020) Danilo Dazhbbohovych Zaderivets'kyi – zasnovnyk rodu Danylovychiv [„Danilo Dazhbogovich Zaderivetsky – Founder of the Danilovich Family”]. In: *Academia. Terra Historiae. Studiї na poshanu Valerii Smolia*. Vol. 1. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine. pp. 389–402.
2. Hrushevskyi, M. (ed.) (1903) Kil'ka gramot Volodislava Opol's'kogo [Several diplomas of Vladislav Opolsky]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. LI. pp. 1–8.
3. Hrushevskyi, M. (ed.) (1905) Materiały do istorii suspil'no-politychnykh i ekonomicznykh vidnosyn zakhidn'oi Ukraïny [Materials to the history of social-political and economic relations of the western Ukraine]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. 63. pp. 1–56.
4. Pashin, S.S. (2023) Seven noble families of Galicia in the 15th century: A genealogical commentary on the decree of King Sigismund I of 1510 on the amnesty of traitor nobles. *Rusin.* 72. pp. 11–29 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/72/2
5. Rozov, V. (ed.) (1917) *Yuzhnorusskie gramoty* [South Russian Charters]. Vol. 1. Kyiv: Kyiv-Pechersk Lavra.
6. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1887) AGZ. Vol. XII. Lwów: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie.

7. Liske, X. (ed.) (1891) AGZ. Vol. XV. Lwów: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie.
8. Prochaska, A. (ed.) (1906) AGZ. Vol. XIX. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.
9. Boniecki, A. (1908) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. XII. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie.
10. [Dzieduszycki, M.] (1865) *Kronika domowa Dzieduszyckich*. Lwów: Z drukarni Zakładu narodowego imienia Ossołońskich.
11. Wierzbowski, T. (ed.) (1910) MRPS. Part IV. Vol. 1. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.
12. Wyrostek, L. (1932) *Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej*. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego.
13. Halecki, O. (ed.) (1919) Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materyał do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku. *Archiwum komisji historycznej*. 12(1). pp. 146–218.
14. Jabłonowski, A. (ed.) (1902) *Źródła dziejowe*. Vol. 18(1). Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna.

Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Россия)

Sergey S. Pashin – Tyumen State University (Russia)

E-mail: pashin-s@yandex.ru

УДК 94+271.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/3

Идея Русской земли в церковной прессе Российской империи конца XIX – начала XX в.*

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

Понятие «Русская земля», употреблявшееся древнерусскими летописцами и продолжающее использоваться в современном мире, является одним из ключевых составляющих в системе русской идентичности и базисных традиционных духовно-политических ценностей русского народа. Его содержание, обладающее множеством смыслов, исследуется и анализируется историками, философами, филологами. Однако, несмотря на обширную исследовательскую литературу по данному вопросу, в российской и зарубежной историографии не существует консенсуса о формировании и значении концепта «Русская земля». Основное внимание исследователей удалено использованию данного концепта и его содержанию в летописных источниках, художественной литературе, историографии, современном медиапространстве. В данной статье впервые рассматривается использование идеи Русской земли в официальной церковной периодике Российской империи конца XIX – начала XX в., в которой этот концепт часто использовался и наделялся определенными смыслами и характеристиками. В научный оборот впервые вводятся тексты публицистов, касающиеся осмыслиения понятия «Русская земля», публиковавшиеся в официальных церковных изданиях различных областей Российской империи с 1880-х по 1917 г. В статье отмечается, что понятие «Русская земля» было характерным и типичным для церковных проповедей, воззваний, пастырских бесед и статей, написанных представителями православного духовенства, миссионерами, преподавателями ду-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.».

ховных школ. Доказывается, что в позднеимперской церковной публицистике концепт «Русская земля» занимал важное место, а его содержание отличалось весьма глубоким смысловым наполнением. Особое внимание в публикации уделено наиболее часто встречающимся в церковных изданиях религиозной, государственной, народной, исторической и географической составляющим концепта «Русская земля», его соотношению с такими понятиями как «русский мир» и «Святая Русь».

Ключевые слова: Русская земля, русский мир, Святая Русь, Российская империя, церковная пресса, церковная публицистика, епархиальная печать, история русской идеи

The concept of the “Russian Land” in the church press of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century*

Andrei A. Ivanov

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

The concept of “Russian Land,” used by Old Rus’ chroniclers and enduring into the modern era, constitutes a fundamental element within the system of Russian identity and core traditional spiritual-political values. Its polysemic nature has made it a subject of study for historians, philosophers, and philologists alike. Nevertheless, despite a substantial body of scholarly literature, Russian and foreign historiography have yet to reach a consensus regarding the formation and meaning of the “Russian Land”. Existing research primarily focuses on its usage and semantic content within chronicles, literary works, historiography, and the contemporary media landscape. This article presents the first study of the concept’s deployment within the official church periodicals of the Russian Empire during the late 19th and early 20th centuries—a context where it was frequently invoked and imbued with specific meanings. It introduces into scholarly discourse, for the first time, the relevant texts of church publicists discussing the “Russian Land,” drawn from official diocesan publications across various regions of the Empire from the 1880s until 1917. The analysis demonstrates that the concept was pervasive

*This research is supported by the Russian Science Foundation, Project no. 24-18-00294 “Russian World” and “Russian Land”: historical and socio-political aspects of the problem of national identity in the journalistic discourse of the mid-19th – early 20th century.

and integral to church sermons, pastoral addresses, appeals, and articles authored by Orthodox clergy, missionaries, and theological academy instructors. The study argues that in late Imperial religious journalism, the “Russian Land” occupied a significant position, characterized by a profound semantic depth. Particular attention is paid to the most recurrent components of the concept found in these publications: the religious, state, popular, historical, and geographical dimensions, as well as its interconnection with such related notions as the “Russian World” and “Holy Rus”.

Keywords: Russian Land, Russian World, Holy Rus', Russian Empire, church periodicals, church journalism, diocesan periodicals, history of the Russian idea

Концепт «Русская земля», являющийся одним из ключевых аспектов исторической памяти народа и самоидентичности, давно привлекает внимание историков, филологов, философов, изучающих его происхождение и содержательное наполнение. Со временем древнерусских летописей это понятие обозначало не просто территорию, но и особое единство народа, веры и культуры. ««Русская земля» – одно из важнейших понятий в системе русской идентичности», – пишет О.Б. Неменский [24: 66]. При этом, как справедливо отмечает другой современный исследователь, «в науке, как отечественной, так и зарубежной, до сих пор не прекращаются споры о происхождении названий русь, русский <...> до конца не определены и понятия, этими словами обозначаемые. Не существует и единого мнения о формировании и значении концепта Русская земля» [37: 53]. О том же пишет известный московский историк С.В. Перевезенцев, указывающий, что «в научной традиции пока не сложилось единого представления о содержании и сущности комплекса российских базисных традиционных духовно-политических ценностей» и «практически отсутствуют исследования, в которых бы не просто анализировались или иные понятия и ценностные блоки, но изучался сам процесс формирования... духовно-политических ценностных понятий, оказавшихся важными для становления и существования российской цивилизации» [27: 151]. К таковым понятиям историк относит и концепт «Русская земля», отмечая, что понятие «земля» обладает в славянском мировоззрении важными характеристиками, а непосредственно в русском языке это слово всегда имело «самые широкие смыслы» (земля, как место обитания людей; земля, как основание чего-либо, низ; земля как поверхность; земля, как одна из четырёх стихий; земля, как суша, «твёрдь»; земля как почва, верхний слой; земля, как страна, государство, край и т. д.) [27: 151–152].

Вместе с тем историография данного вопроса достаточно обширна. Исследователи уделяют особое внимание использованию этого

концепта и его содержанию в летописных источниках [6; 20; 38], рассматривают его использование в художественной литературе [28], изучают его как базовое понятие русской идентичности [24] и как важнейшую категорию русской духовно-политической мысли [27]; разбирают становление понятия в историографии [16] и его место в современном медиадискурсе [12]; анализируют коммуникативные значения составного наименования «Русская земля» [3]. Имея сложную семантическую структуру, концепт «Русская земля» за тысячелетнюю историю оброс множеством смыслов и трактовок, приобрел большую значимость в качестве важной составляющей русской идеи, русской языковой картины мира, став в то же время мишенью информационных атак и манипуляций [33]. Цель данной статьи – реконструкция и анализ трактовок идеи Русской земли в официальной церковной периодике Российской империи конца XIX – начала XX в., в которой не только весьма часто использовался этот концепт, но и предпринимались попытки наполнить его конкретным содержанием, дать ему объяснение, понятное широкой массе воцерковленных читателей – православному духовенству и его пастве.

Контент-анализ официальных церковных изданий, выходивших в Российской империи со второй половины XIX века по 1917 г. (епархиальных «Ведомостей», «Вестников» и «Известий»), показывает, что понятие «Русская земля» было весьма характерно и типично для церковных проповедей, воззваний и пастырских бесед, написанных представителями православного духовенства, а также статей других авторов, опубликованных на страницах епархиальной печати. При этом в подавляющем большинстве случаев этот концепт использовался без какого-либо разъяснения, как нечто само собой разумеющееся, интуитивно понятное каждому русскому православному человеку, не нуждающееся в подробном разборе. При этом смысловые составляющие понятия «Русская земля» могли быть разными. Не ограничиваясь исключительно религиозными сюжетами, церковные авторы затрагивали и национально-политические вопросы [14; 18; 43]. Упоминая Русскую землю, авторы, публиковавшиеся на страницах церковной печати, могли иметь в виду общее религиозно-культурное пространство, государство, страну, населяющий ее народ или народы, географию и историю. В связи с этим рассмотрим на конкретных примерах наиболее характерные и часто встречающиеся в церковной публицистике рассматриваемой эпохи примеры употребления концепта «Русская земля».

Русская земля как географическое понятие

Задаваясь вопросом, что есть Русская земля, один из церковных авторов рассуждал: «Русская земля в сорок раз больше Германии. Русская земля занимает половину Европы и больше трети (две пятых) Азии. Русская земля занимает шестую часть суши всего света, т. е. всего земного шара. Господь, от единой крови произведший весь род человеческий, здесь назначил предопределённые времена и пределы обитания народу русскому (Деян. 17:26), который и расселялся по этому обширнейшему пространству в продолжение тысячи слишком лет. На этом пространстве встречаются весьма разнообразные географические условия, разнообразная обстановка, в среде которой русским людям приходится трудиться. Тут горы и зелёные равнины, степи и луга, по которым голубыми лентами текут к востоку, северу, западу и югу величайшие в мире реки, с их многочисленными притоками, и бесчисленные ручьи; тут необозримые поля разнообразных хлебов, на которых зреют золотистые жатвы; тут бесконечные дремучие леса и рощи, из которых строится наша деревянная Русь; тут тёмные недра земли, в которых хранятся неизведанные сокровища. А эти океаны и моря, окаймляющие границы, а эти бури и снежные выюги, окутывающие нас снежным покровом, а это солнце и тепло, дающие благородствование воздуха, и этот свод небесный, покрывающий нас своим звёздным шатром – все это и многое другое есть Русская земля» [15: 194].

Очевидно, что в данном случае концепт «Русская земля» раскрывался через географические сведения о Российской империи, а также поэтическое и идеализированное восприятие природы родной земли. Сознательно избегая излишней конкретизации, автор взывал к чувствам читателя, стремясь пробудить в нём гордость и любовь к той обширнейшей и многообразной территории, на которой раскинулась империя, обращал внимание на красоту Русской земли. Устойчивость данного приёма при раскрытии представления о родной земле наглядно демонстрирует тот факт, что он широко применялся и в послереволюционное время. Показательно, что приведённый выше текст из церковного издания начала XX в. во многом перекликается с известной советской патриотической песней 1936 г., ставшей, в некотором роде, неофициальным гимном СССР – «Широка страна моя родная», автор текста которой В.И. Лебедев-Кумач с первых же строк задавал масштабность и подчеркивал необъятность Родины, делал акцент на бескрайних просторах страны, простирающейся «с южных гор до северных морей», множестве «лесов, полей и рек», на нивах, которые «взглядом не обшишь». Отметим, что и в сов-

ременной России одним из коммуникативных значений концепта «Русская земля» является представление о ней, как о «совокупности характерных для местности, на которой проживает русский народ, особенностей растительного мира, определяющих национальную ментальность россиян» [3: 121].

Как отмечает С.В. Перевезенцев, «с XVI в. понятие “Русская земля” перестает быть синонимом понятия “государство”, но приобретает новый символический смысл – “общая территория”» [27: 161]. В церковной публицистике конца XIX – начала XX в. понятие «Русское земля» также довольно часто выходило за государственные рамки Российской империи. Такой же Русской землёй, как губернии и области, входящие в состав Российского государства, являлись для церковных авторов территории, некогда составлявшие со средневековой Русью единое государственное, историческое и духовно-культурное пространство. Никто из авторов, публиковавшихся на страницах церковной периодики указанного периода, не сомневался в том, что оказавшиеся под властью Австро-Венгрии Галиция (Червонная Русь), Буковина (Зелёная Русь), Закарпатье (Угорская Русь) являются точно такой же Русской землёй, как и Великороссия, Малороссия, Белоруссия и другие территории Российской империи, а их население – малороссы, русины, карпатороссы – неотъемлемой частью большого русского народа, единого русского мира. «...Прикарпатская Русь по преобладающему своему населению – это русская земля, – писал автор “Православной Подолии”. – Русская она и по своей истории. Главная часть Прикарпатской Руси это – Галиция» [11: 76]. Во время Первой мировой войны другое церковное издание отмечало: «Победное движение русских войск в Галичине окрыляло всех надеждою, что эта исконно-русская земля и сопредельная с нею Буковина и угорская Русь после долгих лет томления под мадьярским и немецким игом, наконец, войдут в состав российского государства» [32: 360].

Русская земля как духовное и религиозное пространство

По очевидным причинам акцент на духовном и религиозном характере Русской земли был для церковной прессы доминирующим. «Русская земля – это наша святая Церковь и православная вера, под благодатным осенением которой мы родились, основали свои семьи, делали свои дела и под благословением которой мы умрём, та вера, которая утешала нас в скорбях и бедствиях, возвышала в радости, воодушевляла мужеством и всегда давала сердцу неиссякаемую усаду, – отмечал один из церковных авторов. – Русская земля – это русские храмы и монастыри, русские подвижники и святители, это

Пётр и Иона, Алексий и Филипп, Митрофан и Тихон, Сергий и Серафим, Феодосий и Иоасаф, Питирим и весь сонм святых мужей и молитвенников за царя и народ, словом, – это вся небесная святая Русь, под покровом которой живет земная Русь» [15: 195].

Церковные авторы также подчеркивали, что Русская земля – это сакральное пространство, ибо это не только территория, государство, населяющий его народ, но и православные святыни: «честные моши русских святых, чудотворные иконы, древние чтимые храмы с различными священными их принадлежностями» [40: 1202].

В 1888 г., когда на страницах церковной печати отмечалось 900-летие Крещения Руси, многие авторы отмечали, что событие это ознаменовало духовное рождение Русской земли, поскольку в 988 г. она «озарилась светом истинной веры и осветилась под кровом Церкви Божией» [36: 119]. «Светом этой веры, – писал преподаватель Могилевской духовной семинарии И.П. Трусковский, – избавилась земля Русская от тьмы языческого идолопоклонства, и русские люди, став христианами, научились веровать в Бога в Троице славимого, познали своего Спасителя Господа Иисуса Христа» [36: 127]. Отмечая значимость крещения для Русской земли, церковный автор заключал: «здесь – высокий завет нам свято хранить и возвращать то наследие, которое дано нам нашими предками, среди которого воспиталась и выросла наша Русская земля, которое возрастило духовно и нас самих» [36: 128]. Отождествляя Русскую землю со Святой Русью, в назидательных целях идеализируя средневековую Русь и ставя ее в пример современному ему русскому обществу, один из церковных авторов писал: «Уже в XI веке вся Русь превратилась, можно сказать, в один громадный монастырь, и с этого времени уже стала созидаться именно святая Русь» [21: 381–382]. В годы Первой мировой войны другой церковный публицист выражал надежду, что в «народе проснулась былая мощь и духовное величие», и «Русская земля опять стала “Святою Русью”, и русский народ – народом “Богоносцем”» [25: 9].

В контексте осмысления религиозного призыва Русской земли она также отождествлялась с Третьим Римом. Если для светской консервативной периодики позднеимперской России обращение к идее Третьего Рима не было характерным [35: 127], то в церковной печати оно встречалось значительно чаще. «Когда христианская вера из Иерусалима распространилась по всем пределам древней Римской империи и когда первый христианский государь – святой Константин Великий после двадцатилетнего царствования своего оставил языческий Рим и удалился на Восток и основал Константинополь – новый Рим, чисто христианскую столицу, то отсюда, из этого нового Рима свет христианского учения и благочестия воссиял, между прочим,

и над нашей Русской землёй, именно, еще до отделения западной половины христианской церкви от восточной, т. е., воссиял во всей чистоте и красоте первоначального устройства христианства», – писал священник В. Давыдов [10: 337–338]. Называя принятие веры Русской землёй от Византии «великим актом всеблагого Промысла Божия над Россией», церковный автор подчеркивал, что именно восприятие ею христианства с востока «в самом чистом и неповрежденном виде» позволило не только объединить «полудикие славянские племена и другие древние народности в одно целое государство», которое со временем «из тьмы и ничтожества, озаряемое светом христианства, выступило в силе и могуществе на поприще мировой жизни», но и принять эстафету от Константинополя в великом деле сохранения и распространения истиной веры. «После отделения Западной Европы от единства христианского исповедания с Востоком, Русская земля Промыслом Божиим восполнила собою число отпадших от Церкви западных христиан, затем отстояла себя от татарского ига, а когда Византийская империя пала под натиском мусульманства, Россия со своим третьим Римом – Москвою – стала носительницей православно-христианского самосознания и наследницей высших прав Византии, как выразительницы идеала истинно-христианской гражданственности, а вместе с тем и защитницей и покровительницей православия и вообще святынь христианских на востоке» [10: 338].

Церковные авторы также обращали внимание на то, что понятие «Русская земля» неразрывно связано с понятием «Земля христианская». Представитель Екатеринославской епархии отмечал, что в мировоззрении русского народа, особенно у его малороссийской ветви, слова «крестьянин» и «христианин» часто отождествляются. «...Слово крестьянин, – писал он, – произносится [как] хрестьянин и, таким образом, в народных представлениях уже много веков тому назад отождествились понятия христианин и крестьянин, христианский и крестьянский. Основания для такого сближения дают древнейшие памятники письменности. Так, в житии Бориса и Глеба, составленном, как думают, препод[обным] Нестором, читаем: “тако и сему Владимиру явление Божие быти ему крестьяну створи же”. «А вся Русская земля, – о чём говорит не только устная народная словесность, но и сознание современной нам литературы, – вся Россия есть страна земледельческая, страна крестьянская». Наша древнейшая летопись сближает понятия земля русская и земля христианская» [34: 456].

Подчеркивая, что благополучие и процветание народа напрямую связано с его духовно-нравственным обликом и религиозностью, другой церковный публицист, напоминая заветы славянофила А. С. Хомякова, наставлял своих читателей, что без православной веры не

будет ни Русской земли, ни русского народа: «Русский человек не может жить без веры; отступив от нее, он не в состоянии найти себе надлежащей почвы. Тогда он должен будет отказаться от своей роли руководителя и предоставить дело устроения своей жизни другим народностям. Космополитизм русского человека беспринципен и бессилен и означает не что иное, как национализм других народностей» [1: 399]. Автор «Черниговских епархиальных ведомостей» напоминал читателям, что со всеми бедами и испытаниями Русская земля справлялась потому, что для «верных сынов Родины... ничего не было дороже святой православной веры и блага своего отечества. Тогда Русская земля спасена была тем, чем всегда она спасалась в годины бедствий и тяжких испытаний, а именно – могучей и несокрушимой силой русского духа, горячо всегда веровавшего в помощь Божию, в заступничество Божией Матери и в молитвы св. угодников и беззаветно любившего все русское и родное» [39: 781]. Рассуждая о том, что было источником несокрушимой духовной силы русского народа, церковный автор писал: «Прежде всего то, что каждый русский человек смотрел на себя, как на человека православного как на члена единой вселенской Церкви, призванного воплощать в своей жизни Христовы заповеди и святить Его великое имя. Тогда жизнь всего русского народа от царских и боярских палат и до лачуги простеца была прежде всего жизнью церковной, по её святым уставам и заветам. Были одни законы – это законы Церкви и правила веры, которые знали все русские люди и страшились быть нарушителями их. Был один голос, к которому все русские люди всегда чутко прислушивались – это голос совести» [39: 781]. Говоря о благочестии средневековых русских людей, автор заключал: «Одним словом, вся Русская земля была как бы одним сплошным монастырём, в котором возносилась хвала небесному Отцу <...> «Знали они хорошо, что как только русская земля перестанет быть русской, она перестанет вместе с тем быть и православной. Оберегая и до крови защищая свою отчизну, наши предки оберегали то сокровище, которое в ней хранилось» [39: 782–783].

Отмечая, что вера Христова из-за бескрайних просторов Русской земли просветила не все народы, её населяющие, редакция «Волынских епархиальных ведомостей» в возвзвании к своим читателям писала: «...В отдаленных краях Русской земли, особенно в Северной и Восточной Сибири, которая была присоединена к Русскому государству уже в позднейшие времена, остается очень много язычников, не принявших Христова учения, а внутри России, в поволжских странах, где некогда жили татары, господствовавшие над Русью около двух веков, также на Кавказе, в Крыму и в недавно присоединенной к

России области Туркестанской, проживает много магометан» [7: 651]. Считая перечисленные территории тоже Русской землей, издание призывало активнее развивать дело православной миссии, чтобы духовно сплотить в единое целое народы империи.

Русская земля как государство

«Русская земля – это созданное русским народом русское царство, во главе с самодержавным русским царём, которому народ русский отдается душою и телом, который всегда спешит на помощь туда, где его крепкая рука всего нужнее, который всюду водворяет порядок, мир и тишину, умеряет внутреннюю борьбу, давая защиту слабому и тем приводя противоборствующие элементы во внутреннее равновесие, который защищает войсками целость и честь своего царства отвне», – отмечал один из церковных авторов, трактуя Русскую землю как государство и государство прежде всего монархическое, управляемое православным царем – Помазанником Божиим [15: 195]. Роль православного государя в концепте «Русская земля» была для дореволюционных церковных авторов весьма значимой. Как отмечал один из них, «вслед за Богом и своим отношением к Нему, народ обращает свое мудрое слово на земного царя: “Бог на земле”: “все Божие да государево”; “без Бога свет не стоит, без царя земля не стоит”. Власть царя должна быть самодержавной, ибо “один Бог, един государь”: “никто против Бога да против царя”. <...> Народ наш глубоко верит, что “русская земля вся под Богом”, и что “русским Богом да русским царем святорусская земля стоит”; и эта вера заставляет его убежденно говорить: “умри да не сходи с родительской земли”, потому что “где возросла сосна, там она и красна”» [23: 729–730]. В этом контексте концепт «Русская земля» стоял в одном смысловом ряду с понятием «Русское царство» и/или «Российское государство».

Центром Русской земли традиционно провозглашалась Москва. «Москва – сердце России. Здесь сложилась русская государственность. Здесь корни тех основ, на которых покоится русская земля. Понятно, что кто мощною рукою укреплял эти корни, кто берег и лелеял русскую государственность, – тот должен быть почтён Москвой», – писал известный миссионер И.Г. Айвазов [4: 710]. Но не забывали церковные публицисты и о древней, «сакральной» [17] столице Русской земли – Киеве. Ведь, как справедливо отмечает современный историк, понятие «Русская земля», как самоназвание государства с центром в Киеве, в X–XII вв. закрепилось в историко-политическом сознании жителей Древней и Средневековой Руси [27: 154]. «Юго-Западный край – край святого равноапостольного князя Владимира,

колыбель русского православия, русского государства и русского народа. Здесь Русь получила святое крещение, здесь был заложен фундамент и возведены первые этажи русского государства, здесь началась историческая жизнь русского народа; отсюда Русская земля озарилась светом православного христианства, отсюда, как говорит летописец, «Русская земля стала есть»», – напоминал автор «Церковных ведомостей» [8: 476]. В опубликованном на страницах церковной прессы очерке известного консервативного публициста М.В.Юзефовича, посвящённом преодолению Смутного времени, польской интервенции и воссоединению с Малороссией, подчеркивалось, что Московской Русью не ограничивалась Русская земля, так как ее неотъемлемой, но временно порабощенной частью были и Литовско-русская земля, и украинские земли. «...С погибелю Москвы погибала и Россия, – писал Юзефович. – ...[Но] когда достигла до народа весть о пленении Москвы врагом его веры и народности, он встрепенулся и достаточно было одного голоса простолюдина Косьмы Минина, чтобы поднять на этого врага весь Русский Восток: меч спасения был вручен одному из потомков Мономаха, князю Пожарскому, который, приняв этот меч, сокрушил вражью силу и очистил от нее Московскую землю. Но этим подвигом спасена была только Московская Русь, а не вся Русская земля. Для ее спасения требовался еще новый подвиг, новый более решительный удар врагу. Тридцать шесть лет спустя, на Юго-Западе России, раздался другой голос, тоже простого земского человека, малороссийского казака Зиновия Хмельницкого, прозванного Богданом, и тот же православный дух русского народа откликнулся на его призыв, собрал всех до единого под его знамя, вручил ему меч спасения, с которым народный вождь одолел врага и возвратил весь Юго-Запад России под державу отечественного царя. С той поры тяжба России и Польши была решена: на безграницной великой равнине Русской земли должно было осуществиться и осуществилось историческое предопределение, – между семи морей этой земли сложилась единая держава и Польша вошла, наконец, в состав всероссийской империи» [42: 308–309].

В статье, написанной накануне революции 1917 г., автор, характеризуя Русскую землю как государственное тело русского народа, включал в это понятие не только самодержцев и выдающихся деятелей, но и государственные органы, появившиеся в Российской империи в последнее десятилетие ее существования. «Русская земля, – заявлял он, – это наши государи и государственные мужи, это наши защитники и герои, это Владимир Святой, Мономах, Александр Невский, Андрей Боголюбский, Дмитрий Донской, Иоанн Грозный, Петр Великий и Екатерина II, Александр I Благословенный, Николай I, Александр II Освобо-

дитель, Александр III Миротворец и ныне благополучно царствующий Николай II, и все их многочисленные слуги, в мире и войне, в Совете министров и в воинских организациях, в Государственном совете и в Государственной думе, в центральных и местных, в губернских и уездных правлениях и земских учреждениях» [15: 195].

Последнее неудивительно, поскольку после царских слов, сказанных в 1906 г. о том, что Государственная дума создана монархом «для обновления нравственного облика Земли Русской» [29: 75], церковные авторы, поддерживая пожелания государя, указывали, что истинная Государственная дума должна стать голосом Русской земли и помощницей монарху в ее устроении. «Русский народ, – писал один из пастырей, – теперь призывается царём проявить в жизни эту мудрость во всей красе её, полноте и силе. Правда должна воскреснуть в Земле русской! Лучшие силы России должны возродиться в правде, и сама правда должна воссиять у нас краше солнца! Вместе с тем изменится, конечно, и нравственный облик Земли русской» [26: 390]. Впрочем, следует пояснить, что речь здесь шла о том, какой Государственная дума должна была быть, а не о современных автору реалиях, о которых он отзывался так: «Русская земля находится пока в плачевном состоянии. Какие только беды нас не постигли ныне?! “Глад, губительство, огонь, меч, нашествие иноплеменников, междуусобные брани, крамолы” – все беды, молиться об избавлении от коих всегда наставляла нас св. Церковь, обрушились ныне на нас, сделали нас несчастными, бесславными. <...> Русская земля ныне стала “позором” для всех других народов – не только враждебных, но и дружественно к нам расположенных» [26: 391].

Русская земля как историческое понятие

Концепт «Русская земля» также рассматривался в церковной периодике и как историческое понятие. «Русская земля, – писал анонимный церковный автор, – предлагает своим чадам, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить её, её прошлую жизнь и ее истинную сущность, не смущаясь и не со-блазняясь никакими случайными и внешними наплывами, которых не мог избегнуть ни один народ новой истории» [1: 399]. «Русская земля, – отмечал другой автор, – это наша русская история, это наши предки, их подвиги и труды, их радости и горе, слёзы и страдания, пролитая ими кровь; это наши воспоминания, сказания, наше бытописание; это всё то, что вспомнило и вскормило нас такими, каковы суть русские люди, какова есть русская народность; это – всё наше прошедшее, всосавшееся в нашу плоть и кровь, определившее наши склонности и

стремления, влиявшие на наши привычки и настроение; наконец – это те идеалы, которые объединяли, одухотворяли, оживляли и двигали то исполинское и многостороннее целое, которое мы называем священным именем Отечества и без которых оно не было бы тем, что оно есть. Это те идеалы, которые предносились взору наших предков их созидающей исторической деятельности и которые по преемству восприняты всеми русскими людьми. Это те идеалы, которые связывают прошедшее с настоящим и указывают на будущее» [15: 195].

Рассматривая Русскую землю как совокупность всех на ней когда-либо живших, церковные авторы часто отмечали живую связь поколений и преемственность с предками. Протопресвитер военно-го и морского духовенства Георгий Шавельский, бывший во время Русско-японской войны полковым священником, после отпевания павшего на поле боя казака, обращаясь к его сослуживцам, сказал: «казаки сейчас продолжают великое дело своих предков – отстаивание чести России и расширение её восточных сибирских пределов... [и] хотя потеря каждого человека, не только для родных, друзей его, но и для всего русского народа тяжела, но в каждой смерти на поле брани есть нечто и отрадное: русская кровь, проливаемая на чужеземных полях, является семенем, из которого вырастает новое величие Русской земли, новая слава; если бы не было потерю, не было жертв, – не была бы так славна Русская земля, не было бы так славно и русское воинство...» [41: 536–527]. Таким образом, Русская земля рассматривалась ещё и как непрерывная связь поколений, подвиги и свершения которых возвеличивали её, а грехи и проступки погружали в смуты и нестроения. Так, вологодский священник Н. Рукин, наставляя паству, писал, что источник бед Русской земли во гневе Божием, заслуженном «за какие-либо особые грехи, ибо огонь, град, и глад, и смерть созданы на месть нечестивым людям (Сир. 39:36)» [31: 511].

Однако в попытках определить историческое начало Русской земли единомыслия у церковных авторов не было. Одни вели этот отсчет от летописного основания русской государственности, другие – от появления на Руси христианства, третьи – от крещения Руси. Самым же оригинальным был взгляд писателя, историка и филолога, публициста-славянофила П.Д. Голохвастова, который на страницах петербургских «Церковных ведомостей» доказывал, что отсчет этот следует вести с гораздо более ранних событий. Категорически не соглашаясь с тем, что историю Русской земли следует отсчитывать от призыва на княжение Рюрика, Голохвастов предлагал исчислять ее от первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. Напоминая, что летописный рассказ говорит о том, что в 852 г. «...наченшу Михаилу царствовать, нача ся прозывати Руская земля», а церковное преда-

ние, запечатленное в «Повести временных лет», и вовсе говорит о появлении апостола Андрея на будущих землях Руси и благословении их, публицист писал: «Следовательно провозвестить, прообъявить, проявить землю все равно, что проявить, провозвестить её крещение; то, чем единственно может земля возместится к бытию и, став быть, начать именоваться, ся прозывать известными нам синонимами своими: христианством, православием, землёю» [9: 613]. Отмечая, что тверской летописец именно так и понял слова Нестора, Голохвастов заключал, что эти события были семенем, со временем принесшим плод в виде крещения Русской земли. Обращая внимание на то, что в летописи просьба болгар к византийскому императору Михаилу III (858 г.) названа «началом Земли русской», публицист рассуждал: «... Возразят, неужели Нестор был такой панславист, что считал Болгарию за ту же Русь? Да; и не одну Болгарию, а всё православное или становившееся православным славянство считал тою же Русью, и не один Нестор. Все русские люди, изначала даже и до днесъ, весь народ, а до Петра и всё общество – такие же панслависты. Птенец гнезда Петрова Татищев первый мог вознегодовать, что ученый малоросс XVII века архимандрит Иннокентий Гизель в Синописе, говоря о крещении болгар, называет их русскими... Откройте Пролог, книгу по ее читателям, как и по составителям, самую народную. Под 14 февраля: память преп. отца нашего Кирилла философа, учителя словенского. Под 11 мая: память преп. отца нашего Мефодия, учителя росского. Прочтите оба жития. Отчего один словенский учитель, а другой российский? Оттого, что, по вековому убеждению наших агиологов, славянство и Русь, славянский и русский – чистые синонимы» [9: 614]. Касаясь значения равноапостольных Кирилла и Мефодия для Русской земли, Голохвастов заключал: «Переложение (церковных книг.– А.И.), как известно, начали св. братья с Евангелия, в порядке зачал церковных, с пасхального Евангелия от Иоанна. Начал св. Кирилл. Когда он перекрестился и написал: “В начале бе Слово, благословил Господь начало земли нашей”. И так вот откуда пошла быть Русская земля, ибо славянский язык и русский одно есть: пошла быть с первоапостолов славянских Кирилла и Мефодия. А с кого она, совершенно уже, стала есть земля: с совершителей Кирилло-Мефодиева дела, с равноапостольных Ольги и Владимира» [9: 623].

Русская земля как синоним народа

Довольно часто концепт «Русская земля» использовался в значении, тождественном понятию «русский мир». Как справедливо отмечает современный исследователь, термин «русский мир» в XIX в. был весьма популярным благодаря распространению славянофильских

идей и в рамках славянофильского дискурса часто использовался в двух значениях: «как обозначение культурно-языковой общности или как синоним “народа” / “общины”» [19: 13]. «...Русская земля – это те различные народности, которые вошли в состав её населения, примкнули к русскому племени, стали под покровительство и защиту русского царя, полюбили свою русскую Родину и сознательно соединились с нами, как своеобразные части с своим целым», – писал один из церковных публицистов [15: 196]. Но, в первую очередь, отмечал тот же автор, Русская земля – это «энергия, это сила русского человека, накопленная веками и прилагаемая к созданию русского быта; это – тот мужик, тот барин, тот купец, мещанин, тот мастер и зодчий, тот воин и пахарь, словом, – тот русский богатырь, который другую тысячу лет без устали делает своё великое дело своими сохами и плугами, топорами и пилами, штыками и пушками, кораблями и железными дорогами, фабриками и заводами, пером и книгою и всякими другими приспособлениями. Русская земля – это русский ум, руководящий силою народною, это русский гений, своеобразный склад мыслей, своеобразное отношение к вещам, своеобразное творчество, проявляющееся в его культурном делании; это наши ученые, поэты, живописцы, ваятели, инженеры, техники, архитекторы, полководцы, правители и весь многочисленный сонм работников, наполнявших сокровищницу нашей культуры бесценными вкладами своей мысли от времен древних и до ныне» [15: 196].

Иногда, впрочем, представление о Русской земле сужалось до понятия о собственности русского народа. Так, например, известный архиерей, епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий (Герасимов), будущий митрополит Харбинский, в 1911 г. в одной из своих проповедей говорил: «Русская земля есть национальная собственность русского народа, а не какое-то общее достояние русских, евреев, бурят, черкесов и разных других народностей Русского государства, из коих иные о своих исторических и культурных заслугах могут только разве сказать, что у них было одно дело – пить, есть, спать да производить потомство. Русская земля есть наша земля, мы хозяева и господа этой земли, а не евреи, черкесы, армяне. Мы должны дать и другим национальностям; несправедливость унижает господствующую нацию и озлобляет подчиненные национальности. Но даем, кому хотим и сколько хотим, сообразно заслугам перед нами [той или иной] национальности. Русское государство есть единое живое политическое тело; душа этого тела русский народ, который своим потом, кровью создал Русское государство и одухотворил его своим религиозным и национально-культурным духом» [30: 519]. А другой, не менее известный церковный иерарх Андрей (Ухтомский), много

рассуждавший и писавший на тему русского национализма [13], в бытность епископом Уфимским заявляя: «Или русская земля, великая Россия, останется наша русская, – или она развалится...» [5: 200].

В этом плане «Русская земля» являлась совокупностью людей, разделяющих общие идеалы, обладающих внутренним единством и чувством соборности, способствующим выработке общих представлений и восприятия мира.

В связи с тем, что существование Русской земли напрямую связывалось с самосознанием населяющего его народа, церковные издания уделяли немало внимания национальному воспитанию своей паствы. Известный педагог С.И. Миропольский со страниц церковного издания призывал вспомнить идеал древнерусского воспитания, который видел в том, что оно было высокопатриотическим: «Русская земля являлась общею отчизною для всех сынов ее. Св. вера, язык, предания, быт все было общим для Руси» [22: 54]. Один из авторов «Владикавказских епархиальных ведомостей», рассуждая о необходимом для России школьном воспитании, ссылаясь на немецкого педагога А.Дистервега, утверждавшего, что школа должна заимствовать свои правила и законы от свойств народа и его истории, писал: «черты, характеризующие русского человека: преданность и покорность воле Божией, преданность и покорность воле царской, преданность Русской земле. Кто знаком с русскою историей, тому не трудно припомнить, как в русском народе проявлялись эти особенности. Некогда языческая Русь, сделавшись Святою Русью, с покорностью воле Божией переживала тяжелые годы татарского ига, междуцарствия т. п. С словами “за веру и отечество” вступали в битву со врагами наши предки; для защиты “веры православной и св. Руси” отдавали Минину все свое имущество граждане нижегородские; со словами “за Веру, Царя и Отечество” умер под ударами поляков костромской крестьянин Иван Сусанин; во имя веры православной на нашей памяти в 1877 году как один человек ополчилась Русская земля на защиту единоверных нам славян; как один человек вся Россия в 1894 году оплакивала преждевременную кончину Царя-Миротворца и проч. и проч. Таким образом и прошлая и настоящая жизнь русского народа свидетельствует, что Бог, царь и Русская земля – те силы, власть которых беспрекословно и беззаветно признавал и признает над собою русский народ, – те святыни, которыми дорожил и дорожит русский человек. Эти-то святыни он и желал бы вкоренить через воспитание и обучение и в сердцах своих детей» [2: 94–95].

Подводя итог, следует отметить, что в церковной публицистике Российской империи конца XIX – начала XX века концепт «Русская земля» занимал важное место, а его содержание отличалось весьма глубоким

смысловым наполнением. Для церковных авторов позднеимперской России это понятие в первую очередь означало пространство русского мира, т. е. территории, освященные православной верой; с русскими (в широком значении этого слова) самосознанием, духовностью и культурой. Абсолютно все авторы церковных изданий сходились в том, что идеал Русской земли, к которому она должна стремиться, – это Святая Русь, и что без православия не останется и русскости, ибо, отказавшись от истинной веры, русский народ перестанет быть богоносцем и потеряет моральное право на роль руководителя другими народностями, населяющими империю. Русская земля также воспринималась и как государственное понятие, однако практически всегда оно было шире политических границ Российской империи, так как включало в себя и территории, которые, по мнению авторов церковных изданий, в силу неблагоприятных исторических обстоятельств временно оказались под властью инославных монархов. При этом, в соответствии с церковным мировоззрением и обстоятельствами рассматриваемого периода, практически всегда подчеркивалось, что для свободной, органичной и угодной Богу жизни Русская земля должна управляться православным самодержцем – Помазанником Божиим, руководствующимся в своей государственной и политической деятельности церковными заветами. В то же время, концепт «Русская земля» также включал в себя всех русских людей, когда-либо живших на ней и внесших свой вклад в религиозную, культурную, государственную, военную, научную и прочие сферы деятельности русского мира. Таким образом, идея Русской земли имела в работах церковных авторов позднеимперской России сакральное, государственное, историческое и географическое измерение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Религиозная вера как основное начало жизни русского народа // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1906. № 15. С. 392–400.
2. А.В-ский. Дух и характер церковных школ (Окончание) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 92–95.
3. Адамко Д.С. Коммуникативные значения составного наименования «Русская земля» // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума, Новозыбков, 17–20 мая 2022 г. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. С. 117–123.
4. Айвазов И. Кто такой Л. Толстой // Московские церковные ведомости. 1908. № 28. С. 709–714.

5. Андрей (Ухтомский). Письмо к русским воинам, православным, христо-любивым // Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8. С. 199–201.
6. Василик В.В. Образ русской земли в Галицко-Волынской летописи // Русин. 2009. № 4 (18). С. 38–49.
7. Воззвание // Волынские епархиальные ведомости. 1891. № 31. С. 651–653.
8. Волынец А. Древнейшие памятники православия на Руси // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1909. № 10. С. 476–479.
9. Голохвастов П. Летописное начало земли крещение // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1888. № 23. С. 612–623.
10. Давыдов В. свящ. Промысл Божий в судьбах России // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. № 21. С. 337–340.
11. Е.С. Прикарпатская Русь // Православная Подolia. 1915. № 2. С. 75–86.
12. Ерофеева И.В. Концепт «Русская земля» в современном медиадискурсе // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2–2. С. 48–50.
13. Иванов А., Амбарцумов И. Апология и критика русского национализма в публицистике епископа Андрея (Ухтомского) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 3. С. 255–283. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-3-255-283
14. Иванов А.А. Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78. doi: 10.17223/18572685/58/5
15. К.В. Русская земля и война // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1914. № 33. С. 193–196.
16. Кириленко С.А. Становление концепции «Русская земля» в советской историографии второй половины 1940-х – начале 1950-х гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 171–176.
17. Котов А.Э. «Наш родной Сион»: образ Киева на страницах консервативной печати 1860–1870-х гг. // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 133–141. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_133
18. Котов А.Э. Национальный вопрос на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 206–219.
19. Котов А.Э. Образ «русского мира» в консервативном дискурсе второй половины XIX столетия: об одном из источников соловьевского «панмоноголизма» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 12/2. С. 13–17. doi: 10.37882/2223-2982.2024.12-2.27
20. Котышев Д.М. «Русская земля» в первой половине XII в.: из наблюдений над текстом Ипатьевской летописи за 1110–1150 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2006. № 7. С. 26–41.

21. М-в. Н. Святая Русь // Московские церковные ведомости. 1916. № 27–28. С. 380–384.
22. Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 1. От основания при св. Владимире до монгольского ига // Приложение к журналу «Церковные ведомости», издаваемые при Святейшем Синоде. СПб.: Синодальная типография, 1894. 62 с.
23. Народная мудрость // Вестник военного духовенства. 1897. № 23. С. 727–731.
24. Неменский О.Б. «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности. За что сражались в Полтавской битве? // Информационные войны. 2012. № 1 (21). С. 66–69.
25. Один из трезвенников. О трезвости // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1915. № 1. С. 9–10.
26. Островский Д. Слово на 6-е мая – день рождения Государя Императора Николая Александровича // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 389–392.
27. Перевезенцев С.В. «Русская земля» как важнейшая категория Русской духовно-политической мысли // Белоозеру Синеуса – 1160 лет: Материалы Международного научного форума, Липецк, 23–24 сентября 2022 г. / под ред. В.В. Фомина. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 151–163.
28. Печенкина О.Ю. Концепт Русская земля (Святая Русь) в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 225–230.
29. Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб.: Книгоиздательство «Друг народа», 1906. 80 с.
30. Речь Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия епископа Забайкальского и Нерчинского к Епархиальному съезду духовенства и мирян // Забайкальские епархиальные ведомости. 1911. № 19–20. С. 503–529.
31. Рукин Н. Погребение в день празднования избавления г. Вологды от смертоносной язвы, бывшей в 1654 году // Вологодские епархиальные ведомости. 1889. № 21. С. 510–515.
32. Рункевич С. Великая отечественная война и церковная жизнь в 1914–1915 гг. // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 13. С. 360–365.
33. Сквородников А.П., Севруженко Н.С. «Русская земля» как нациеобразующий концепт // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 30–46. doi: 10.17516/2311-3499-099
34. Соколов Г. Речь при открытии Братства Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира в г. Екатеринославе 15-го июля // Екатеринославские епархиальные ведомости. 1888. № 16. С. 453–466.

35. Стогов Д.И. Русские консерваторы начала XX в. о Византии и византизме // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 120–132. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_120
36. Трусковский И. Девятисотлетие крещения Руси // Могилевские епархиальные ведомости. 1888. № 13. С. 119–128.
37. Ужанков А.Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с. doi: 10.34685/HI.2022.86.40.004
38. Ужанков А.Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–161.
39. Филипп, иеромонах. О любви к св. вере и родине // Черниговские епархиальные известия. 1910. № 22. С. 780–785.
40. Хитон Спасителя // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1913. № 30. С. 1202–1206.
41. Шавельский Г. Из боевой жизни 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. (Впечатления и заметки очевидца-священника) // Вестник военного духовенства. 1904. № 17. С. 522–527.
42. Юзефович М. Богдан Хмельницкий в Русской истории (По поводу сооружения ему памятника в Киеве) // Ярославские епархиальные ведомости. 1870. № 38. С. 308–310.
43. Kotov A.E., Kalinovsky V.V. The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s) // Bylye Gody. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 639–646. doi: 10.13187/bg.2018.2.639

REFERENCES

1. N. (1906) Religioznaya vera kak osnovnoe nachalo zhizni russkogo naroda [Religious faith as the main principle of life of the Russian people]. *Nizhegorodskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik*. 15. pp. 392–400
2. A. V-skiy (1896). Dukh i kharakter tserkovnykh shkol. (Okonchanie) [The Spirit and Character of Church Schools (Conclusion)]. *Vladikavkazskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. pp. 92–95.
3. Adamko, D.S. (2022) Kommunikativnye znacheniya sostavnogo naimenovaniya “Russkaya zemlya” [Communicative meanings of the compound name “Russian land”]. *Russkie traditsii bytovoy Lingvokul'tury v slavyanskom pogranich'e* [Russian traditions of everyday linguistic culture in the Slavic borderland]. Proc. of the International Forum. Novozybkov, May 17–20, 2022. Bryansk: BSU. pp. 117–123.
4. Ayvazov, I. (1908) Kto takoy L. Tolstoy [Who is Leo Tolstoy]. *Moskovskie tserkovnye vedomosti*. 28. pp. 709–714.

5. Andrey (Ukhtomskiy). (1917) Pis'mo k russkim voinam, pravoslavnym, khristolyubivym [Letter to Russian soldiers, Orthodox, Christ-loving]. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti*. 7–8. pp. 199–201.
6. Vasilik, V.V. (2009) Obraz russkoy zemli v Galitsko-Volynskoy letopisi [The Image of the Russian Land in the Galicia-Volyn Chronicle]. *Rusin*. 4(18). pp. 38–49.
7. Anon. (1891) Vozzvanie [Appeal]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 31. pp. 651–653.
8. Volynets, A. (1909) Drevneyshie pamyatniki pravoslaviya na Rusi [The oldest monuments of Orthodoxy in Rus']. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 10. pp. 476–479.
9. Golokhvastov, P. (1888) Letopisnoe nachalo zemli kreshchenie [Chronicle of the beginning of the earth baptism]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 23. pp. 612–623.
10. Davydov, V. (1914) Promysl Bozhii v sud'bakh Rossii [God's Providence in the Destinies of Russia]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. pp. 337–340.
11. E.S. (1915) Prikarpatskaya Rus' [Carpathian Rus]. *Pravoslavnaya Podoliya*. 2. pp. 75–86.
12. Erofeeva, I.V. (2009) Kontsept "Russkaya zemlya" v sovremennom mediadiskurse [The concept of "Russian land" in modern media discourse]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2–2. pp. 48–50.
13. Ivanov, A. & Ambartsumov, I. (2020) Apologiya i kritika russkogo natsionalizma v publitsistike episkopa Andreya (Ukhtomskogo) [Apologia and Criticism of Russian Nationalism in the Journalistic Writings by Bishop Andrey (Ukhtomsky)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 38(3). pp. 255–283. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-3-255-283
14. Ivanov, A.A. (2019) Problems of Russian nationalism in papers and sermons of metropolitan Anthony (Khrapovitsky)]. *Rusin*. 58. pp. 58–78 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/58/5
15. K.V. (1914) Russkaya zemlya i voyna [Russian land and war]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 33. pp. 193–196.
16. Kirilenko, S.A. (2017) Stanovlenie kontseptsii "Russkaya zemlya" v sovetskoy istoriografi vtoroy poloviny 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [The formation of the concept of "Russian land" in Soviet historiography in the second half of the 1940s – early 1950s]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 8. pp. 171–176.
17. Kotov, A.E. (2025) "Nash rodnoy Sion": obraz Kieva na stranitsakh konservativnoy pechati 1860–1870-kh gg. ["Our Native Zion": The Image of Kyiv on the Pages of the Conservative Press of the 1860s–1870s]. *Russian-Byzantine Herald*. 1(20). pp.133–141. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_133

18. Kotov, A.E. (2020) Natsional'nyy vopros na stranitsakh "Litovskikh eparkhial'nykh vedomostey" [The National Question as Covered in "Lithuanian Diocesan Bulletin" in 1860–1890 Years]. *Tetradi po konservativizmu*. 1. pp. 206–219.
19. Kotov, A.E. (2024) Obraz "russkogo mira" v konservativnom diskurse vtoroy poloviny XIX stoletiya: ob odnom iz istochnikov solov'evskogo "panmongolizma" [The image of the "Russian world" in the conservative discourse of the second half of the 19th century: On one of the sources of Solovyev's "panmongolism"]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 12/2. pp. 13–17. doi: 10.37882/2223-2982.2024.12–2.27
20. Kotyshev, D.M. (2006) "Russkaya zemlya" v pervoy polovine XII v.: iz nablyudeniy nad tekstom Ipat'evskoy letopisi za 1110–1150 gg. [Russia in the first half of the XII century: observations of the text of Ipatievo Annals 1110–1150]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorija i filologija*. 7. pp. 26–41.
21. M-v. N. (1916) Svyataya Rus' [Holy Russia]. *Moskovskie tserkovnye vedomosti*. 27–28. pp. 380–384.
22. Miropolskiy, S.I. (1894) Ocherk istorii tserkovno-prikhodskoy shkoly ot pervogo ee vozniknoveniya na Rusi do nastoyashchego vremeni. Vyp. 1. Ot osnovaniya pri sv. Vladimire do mongol'skogo iga [An essay on the history of the church parish school from its first appearance in Rus' to the present day. Issue 1. From the foundation under St. Vladimir to the Mongol yoke]. *Prilozhenie k zhurnalu "Tserkovnye vedomosti", izdavaemye pri Svyateyshem Sinode*. St. Petersburg: Synodal Printing House.
23. Anon. (1897) Narodnaya mudrost' [Folk wisdom]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*. 23. pp. 727–731.
24. Nemenskiy, O.B. (2012) "Russkaya zemlya" kak bazovoe ponyatiye russkoy identichnosti. Za chto srazhalis' v Poltavskoy bitve? ["Russian land" as the basic concept of Russian identity. What did they fight for in the battle of Poltava?]. *Informatsionnye voyny*. 1(21). pp. 66–69.
25. Odin iz trezvennikov. (1915) O trezvosti [About sobriety]. *Vestnik Vilenskogo pravoslavnogo Svyato-Dukhovskogo bratstva*. 1. pp. 9–10.
26. Ostrovskiy, D. (1906) Slovo na 6-e maya – den' rozhdeniya Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Speech for May 6th – the birthday of Emperor Nicholas Alexandrovich]. *Olonetskie eparkhial'nye vedomosti*. 10. pp. 389–392.
27. Perevezentsev, S.V. (2022) "Russkaya zemlya" kak vazhneyshaya kategoriya Russkoy duchkovno-politicaleskoy mysli ["Russian land" as the most important category of Russian spiritual and political thought]. In: Fomin, V.V. (ed.) *Belozeru Sineusa – 1160 let* [Belozero Sineusa is 1160 years old]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 151–163.

28. Pechenkina, O.Yu. (2017) Kontsept Russkaya zemlya ('Svyataya Rus') v romane A.K. Tolstogo "Knyaz' Serebryanyy" [The concept of the Russian land ('Holy Rus') in the novel "Prince Serebrenni" by Aleksey K. Tolstoy]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(33). pp. 225–230.
29. [Nicholas II]. (1906) *Polnoe sobranie rechey imperatora Nikolaya II. 1894–1906* [Complete Collection of Speeches of Emperor Nicholas II. 1894–1906]. St. Petersburg: Drug naroda.
30. [Mefodiy]. (1911) Rech'Ego Preosvyashchenstva, Preosvyashchenneyshego Mefodiya episkopa Zabaykal'skogo i Nerchinskogo k Eparkhial'nomu s"ezdu dukhovenstva i miryan [Speech of His Grace, Most Reverend Methodius, Bishop of Transbaikal and Nerchinsk to the Diocesan Congress of Clergy and Laity]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. 19–20. pp. 503–529.
31. Rukin, N. (1889) Pouchenie v den' prazdnovaniya izbavleniya g. Vologdy ot smertenosnoy yazvy, byvshey v 1654 godu [Sermon on the day of celebration of the deliverance of the city of Vologda from the deadly plague that occurred in 1654]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. pp. 510–515.
32. Runkevich, S. (1916) Velikaya otechestvennaya voyna i tserkovnaya zhizn' v 1914–1915 gg. [The Great Patriotic War and Church Life in 1914–1915]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 13. pp. 360–365.
33. Skvorodnikov, A.P. & Sevruzhenko, N.S. (2020) "Russkaya zemlya" kak natsieobrazuyushchiy kontsept ["Russian land" as a nation forming concept]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 1. pp. 30–46. doi: 10.17516/2311-3499-099
34. Sokolov, G. (1888) Rech' pri otkrytii Bratstva Sv. Ravnoapostol'nogo Velikogo Knyazya Vladimira v g. Ekaterinoslave 15-go iyulya [Speech at the opening of the Brotherhood of the Holy Equal-to-the-Apostles Grand Duke Vladimir in the city of Yekaterinoslav on July 15]. *Ekaterinoslavskie eparkhial'nye vedomosti*. 16. pp. 453–466.
35. Stogov, D.I. (2025) Russkie konservatory nachala XX v. o Vizantii i vizantizme [Russian Conservatives at the Beginning of the 20th Century about Byzantium and Byzantism]. *Russian-Byzantine Herald*. 1(20). pp. 120–132. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_120
36. Truskovskiy, I. (1888) Devyatysotletie kreshcheniya Rusi [Nine hundredth anniversary of the baptism of Rus]. *Mogilevskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. pp. 119–128.
37. Uzhankov, A.N. (2022) *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [The World Picture of an Old Russian Scribe. Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: Institut Naslediya. doi: 10.34685/HI.2022.86.40.004.
38. Uzhankov, A.N. (2005) Kontsepty "Rus" i "Russkaya zemlya" v mirovozzrenii drevnerusskikh knizhnikov XI–XV vv. [The concepts of "Rus" and "Russian land"

in the worldview of ancient Russian scribes of the 11th–15th centuries]. *Russia XXI*. 5. pp. 134–161.

39. Filipp. (1910) O lyubvi k sv. vere i rodine [About love for the holy faith and homeland]. *Chernigovskie eparkhial'nye izvestiya*. 22. pp. 780–785.

40. Anon. (1913) Khiton Spasitelya [The Savior's Tunic]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 30. pp. 1202–1206.

41. Shavelskiy, G. (1904) Iz boevoy zhizni 33-go Vostochno-Sibirskogo strelkovogo polka. (Vpechatleniya i zametki ochevidtsa-svyashchennika) [From the combat life of the 33rd East Siberian Rifle Regiment. (Impressions and notes of an eyewitness priest)]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*. 17. pp. 522–527.

42. Yuzefovich. M. (1870) Bogdan Khmel'nitskiy v Russkoy istorii. (Po povodu sooruzheniya emu pamyatnika v Kiev'e) [Bohdan Khmelnytsky in Russian history. (On the construction of a monument to him in Kyiv)]. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. 38. pp. 308–310.

43. Kotov, A.E. & Kalinovsky, V.V. (2018) The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s). *Bylye Gody*. 48(2). pp. 639–646. doi: 10.13187/bg.2018.2.639

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

Andrei A. Ivanov – St. Petersburg State University (Russia)

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

УДК 94(436+438+470+477+478);31;35;39;325.1;342.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/4

Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – жизнь и труды русского генерала, славянофила и его исследования Карпатской Руси

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Александр Фёдорович (Александр-Пётр Фридрихович) Риттих (23 июня 1831 г., Санкт-Петербург – 22 июня 1915 г., Царское Село) – генерал-лейтенант Русской императорской армии картограф, этнограф, военный теоретик, военный историк, geopolитик, публицист, славянофил. На военной службе с 1846 г. Закончил Главное инженерное училище и офицерский класс при нём. Автор многочисленных работ по картографии, этнографии, geopolитике, истории славян, военному делу, военной истории, статистике. Его наиболее известные исследования: «Этнографическая карта славянских народностей» (СПб., 1874), «Этнографическая карта Европейской России» (СПб., 1875), «Славянский мир» (Варшава, 1885), «Материалы для этнографии Царства Польского. Люблинская и Августовская губернии» (СПб., 1864), «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» (Казань, 1870), «Материалы для этнографии России. Прибалтийский край» (СПб., 1875), «Австро-Венгрия, общая статистика» (СПб., 1874), «Числовое отношение полов в России» (Харьков, 1879), «Переселения» (Харьков, 1882), «Чехия и чехи» (СПб., 1897), «Восточный вопрос» (СПб., 1898), «Четыре лекции по русской этнографии» (СПб., 1895). Помимо этого, он печатался во многих журналах и газетах («Голос», «Новое время», «Свет», «Русь», «Славянские известия» и др.). В ряде своих работ он касался истории Карпатской Руси и её населения. Многие труды А. Риттиха не потеряли своего значения и в наши дни.

Ключевые слова: Александр Риттих, картография, славяне, русские, Карпатская Русь, Галичина, Буковина, Бессарабия, Холмщина, Подляшье

Aleksandr F. Rittikh (1831–1915) – the life and works of a Russian general, Slavophile, and his research on Carpathian Rus'

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Aleksandr Fyodorovich (Alexander-Peter Friedrichovich) Rittikh (June 23, 1831, St. Petersburg – June 22, 1915, Tsarskoye Selo) was a Lieutenant General in the Russian Imperial Army, cartographer, ethnographer, military theorist, military historian, geopolitician, publicist, and Slavophile. He began his military service in 1846, graduating from the Main Engineering School and its officer classes. Rittikh authored numerous works on cartography, ethnography, geopolitics, Slavic history, military affairs, military history, and statistics. His most notable studies include: *Ethnographic Map of Slavic Peoples* (St. Petersburg, 1874), *Ethnographic Map of European Russia* (St. Petersburg, 1875), *The Slavic World* (Warsaw, 1885), *Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland: Lublin and Augustów Provinces* (St. Petersburg, 1864), *Materials for the Ethnography of Russia: Kazan Province* (Kazan, 1870), *Materials for the Ethnography of Russia: Baltic Region* (St. Petersburg, 1875), *Austria-Hungary: General Statistics* (St. Petersburg, 1874), *Numerical Ratio of the Sexes in Russia* (Kharkov, 1879), *Migrations* (Kharkov, 1882), *Bohemia and the Czechs* (St. Petersburg, 1897), *The Eastern Question* (St. Petersburg, 1898), *Four Lectures on Russian Ethnography* (St. Petersburg, 1895). In addition, he contributed to many journals and newspapers, such as *Golos Novoye Vremya*, *Svet, Rus*, *Slavyanskiye Izvestiya*, and others. In several of his works, he addressed the history of Carpathian Rus' and its population. Many of Rittikh's works remain relevant to this day.

Keywords: Aleksandr F. Rittikh, cartography, Slavs, Russians, Carpathian Rus', Galicia, Bukovina, Bessarabia, Chełm region, Podlasie

Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – видный российский военный деятель, генерал-лейтенант Российской императорской армии, известный учёный, картограф, этнограф, военный теоретик, военный историк, geopolитик, публицист. Был активным участником славянофильского движения, сочетал успешную военную карьеру с глубоким интересом к изучению славянских народов. В ряде его

научных трудов поднималась тема Карпатской Руси и её коренного населения.

В данной статье представлен обзор жизни, военной карьеры, основных научных трудов Александра Риттиха, в т. ч. работ, затрагивающих историю Карпатской Руси и её населения, его вклада в этнографию и картографию славянского мира, его исследований по geopolитике.

Александр Риттих родился 23 июня 1831 г., происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии, по вероисповеданию – лютеранин. Его отец Христиан Фридрих (Фёдор Фёдорович) фон Риттих (1791–1856), выходец из лифляндского дворянского рода, родился в Риге. Был действительным статским советником (30 июня 1846 г.), доктором медицины, гофмедиником, врачом канцелярии обер-прокурора Святейшего правительства Синода, состоял при Строительном департаменте Морского министерства. Кавалер четырёх орденов: Св. Владимира 4-й ст. (1826), Св. Анны 3-й ст. (1824), Св. Анны 2-й ст. (1853), Св. Станислава 2-й ст. с императорской короной (1839). Действительный статский советник Ф.Ф. Риттих был жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство. Мать – Элеонора Риттих (?–1872, в девичестве – фон Таубе). Обвенчаны с Христианом Фридрихом в 1822 г. У Александра было четыре брата (Николай Роберт (Роман), Оскар, Бартоломей Вальдемар (Владимир), Константин) и сестра (Отилия (Олимпия))¹ [1: 541; 4; 8: 194–195; 19: 844; 53].

20 февраля 1869 г. роду Риттихов был пожалован герб с бразоном: «В лазуревом щите три золотые шестиконечные звезды – две и одна. Над щитом дворянский коронованный шлем. Нашлемник: лазуревое орлиное крыло, на нём золотая шестиконечная звезда. Намёт лазуревый с золотом». Он был внесён за № 31 в 12-ю часть «Сборника дипломных гербов российского дворянства, не внесённых в Общий гербовник» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1483. Дело Департамента герольдии правительства Сената о гербе Риттиха от 29 сентября 1864 г.).

Военную службу А. Риттих начал в 1846 г. В 1851 г. закончил Главное инженерное училище. С 8 августа 1850 г. – прапорщик. С 20 июля 1852 г. – подпоручик. В 1853 г. обучался в офицерском классе Главного инженерного училища (ГИУ). По окончании 30 июля 1853 г. присвоено звание поручик (см. в Приложении [9: 119]). Начал службу в рижской инженерной команде. В 1854–1855 гг. участвовал в Крымской войне. В 1854 г. находился в составе войск, охранявших берега Лифляндии и Курляндии. С 1855 г. был офицером для особых поручений при командующем войсками в Лифляндии. В 1856–1858 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба. С 1 января 1859 г. – штабс-капитан. С 1 января 1860 г. – капитан. В 1862–1864 гг.

А.Ф. Риттих. 1901 г.

во время наблюдения в Минской губернии за постройкой и ремонтом православных церквей открыл приблизительно 30 народных школ. С 17 апреля 1863 г. – подполковник. Принимал участие в подавлении польского мятежа 1863–1864 гг. В 1863 г. причислен к Генеральному штабу. С 21 августа 1864 г. – начальник штаба 37-й пехотной дивизии. С 27 марта 1866 г. – полковник и начальник штаба 22-й пехотной дивизии. С 26 июня

1868 г. – начальник штаба местных войск Казанского военного округа. С 10 июня 1869 г. – начальник штаба 2-й пехотной дивизии. В 1865–1868 гг. по Высочайшему повелению наблюдал за рекрутскими наборами в Казанской, Саратовской и Новгородской губерниями. 1 октября 1869 г. назначен командиром 158-го пехотного Кутаисского полка. С 21 марта 1871 г. по 8 марта 1872 г. состоял при Генеральном штабе без должности, затем – при Главном штабе для письменных занятий [4; 8: 196; 14; 40: 223; 41: 325].

С 5 мая 1873 г. служил делопроизводителем канцелярии Военно-учёного комитета Главного штаба. С 28 октября 1876 г. – помощник начальника штаба Харьковского военного округа. 1 января 1878 г. произведён в генерал-майоры «за отличие по службе». Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заведовал перевозкой раненых и больных с театра военных действий. С 11 сентября 1880 г. состоял для особых поручений при командующем войсками Харьковского военного округа. С 17 сентября 1883 по 20 июня 1884 г. был ещё и председателем войсковой хозяйственной комиссии по постройке казарм в Кременчуге. 25 июля 1884 г. назначен командиром 2-й бригады 10-й пехотной дивизии. 15 мая 1885 г. назначен начальником Варшавского Уездовского военного госпиталя с оставлением в прежней должности. 28 января 1889 г. стал

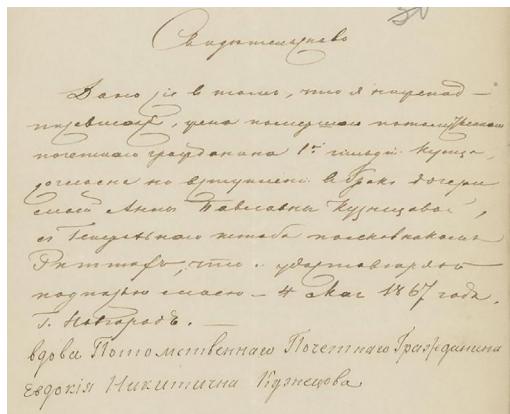
командиром 2-й бригады 3-й пехотной дивизии, 20 февраля 1889 г. – командиром 1-й бригады 2-й гренадёрской дивизии. 27 мая 1891 г. – командующим 35-й пехотной дивизией. 30 августа 1891 г. произведён в генерал-лейтенанты «за отличие по службе» с утверждением начальником 35-й пехотной дивизии. 31 октября 1891 г. зачислен в списки Генерального штаба. 14 мая 1894 г. уволен в отставку с мундирем и пенсиею [1: 541; 3; 4; 8: 196; 14; 40: 223; 41: 325].

За годы службы был награждён орденами Св. Анны 4-й ст. (1855), Св. Анны 3-й ст. (1861), Св. Анны 2-й ст. (1867), Св. Владимира 4-й ст. (1870), Св. Владимира 3-й ст. (1875), Св. Станислава 1-й ст. (1880), Св. Анны 1-й ст. (1884), Св. Владимира 2-й ст. (1887), а также прусским орденом Красного Орла 2-й ст. (1875) и болгарской медалью за науки и искусства (1886) [4; 41: 325].

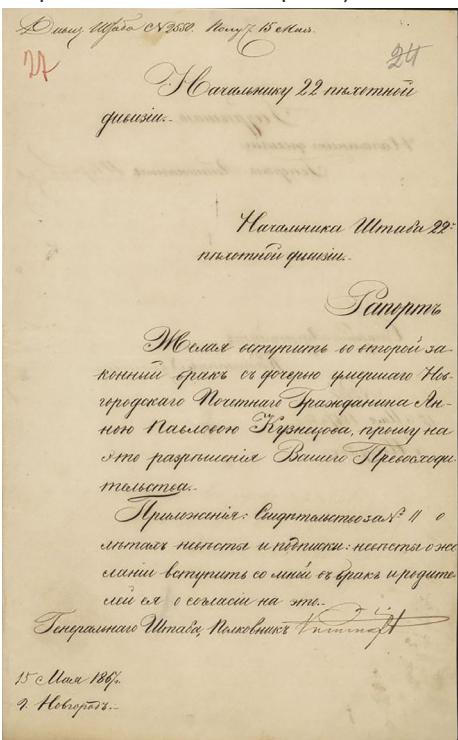
А. Риттих был дважды женат. Первый брак – с Анной Карловной Поггенполь (1839–?). Её отец Карл Фёдорович Поггенполь (1801–1846) был полковником лейб-гвардии Уланского (к сожалению, неизвестно, какого из двух. – С.С.) полка. В браке Анной – две дочери: Ольга (1860–1950, в замужестве – Завалишина, после революции эмигрировала во Францию, похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа), Клеопатра (1863–1931, в замужестве Курченинова, умерла в эмиграции, похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа). Второй брак – с Анной Павловной Кузнецовой (1842(43?)–1875), дочерью новгородского потомственного почётного гражданина, купца первой гильдии Павла Михайловича Кузнецова. Венчание состоялось в Новгородском Софийском кафедральном соборе 2 июня 1867 г. От неё у него были сыновья Александр (1868–1930, сенатор с 1916 г., министр земледелия с 12.01.1917 г., умер в эмиграции в Лондоне), Фёдор (1871–1923, генерал-майор, умер в эмиграции в Мюнхене) и Пётр (1874–1936, военный востоковед, исследователь Персии, Персидского Белуджистана и Афганистана, в 1935 г. сослан из Ленинграда в Казань на 5 лет, был лишен пенсии, попал в клинику с психическим расстройством)² [1: 541; 4; 8: 196–197; 53].

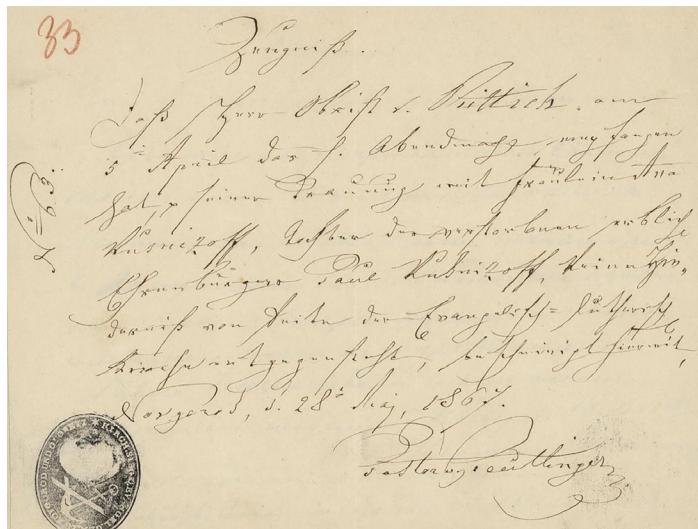
Умер А. Риттих 22 июня 1915 г. в Царском Селе «от миокардита, хронического воспаления лёгких». Похоронен на Волковом немецком (лютеранском) кладбище в Петрограде [3; 4]. Газета «Славянские известия» в некрологе писала: «Среди лиц, близко знавших покойного и с ним работавших, он оставил о себе светлую память, как неутомимый, весьма сведущий работник и прекрасной души человек» [3].

Риттиху принадлежат многочисленные работы по картографии, этнографии, в т. ч. этнографические карты, истории славян, военным вопросам, военной истории, geopolитике, статистике, не утратившие актуальности и сегодня. Многочисленные статьи на различные темы,

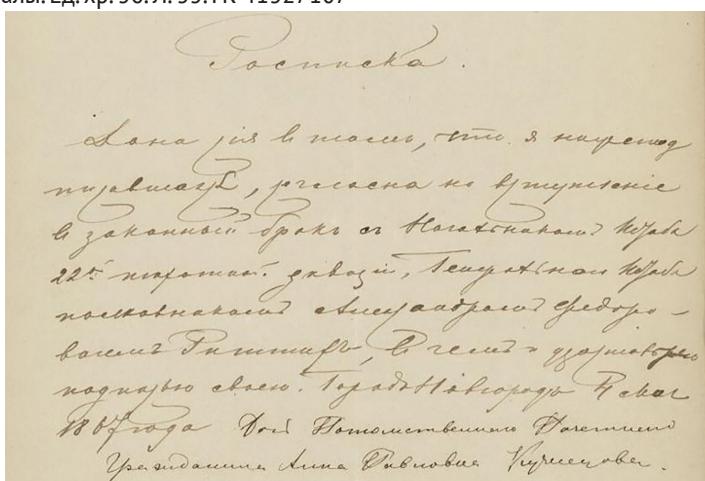

Свидетельство вдовы новгородского потомственного почётного гражданина Кузнецовой Евдокии Никитичны о согласии на вступление дочери Анны в брак с полковником Генерального штаба Риттихом Александром Фёдоровичем. 04.05.1867 г./НГМ (Новгородский государственный музей) КП (Книга поступлений) 25982/5341. Ф.69. Коллекция брачных документов. Оп.1.Документальные материалы. Ед. хр. 32.Л. 32.ГК (Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации) 41327184

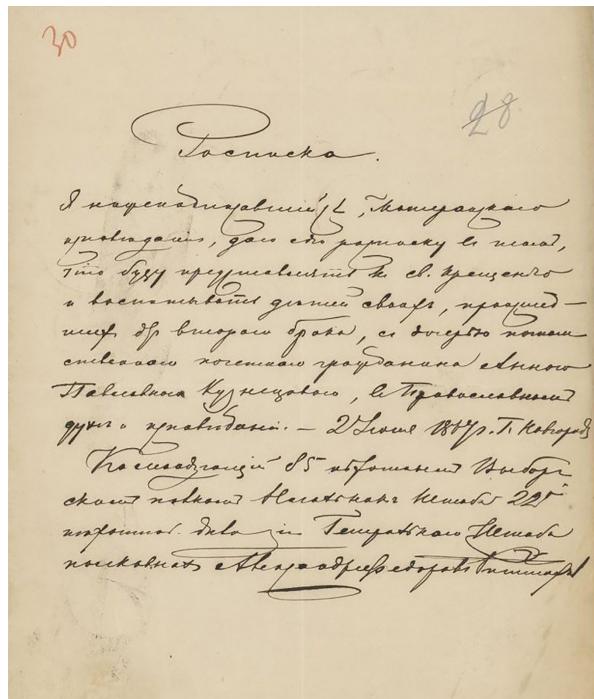

Свидетельство № 63 пастора Евангелическо-лютеранской церкви, выданное полковнику фон Риттиху об отсутствии препятствий для вступления в брак с дочерью умершего новгородского потомственного почётного гражданина Кузнецова Павла. 28.05.1867 г. // НГМ КП 25982/5338. Ф. 69. Коллекция брачных документов. Оп. 1. Документальные материалы. Ед. хр. 36. Л. 33. ГК 41327107

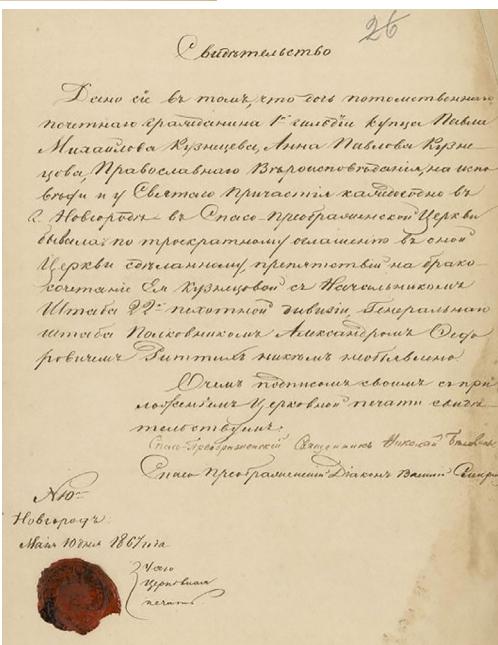

Расписка дочери новгородского потомственного почётного гражданина Кузнецовой Анны Павловны о согласии вступить в брак с начальником штаба 22-й пехотной дивизии, полковником Генерального штаба Риттихом Александром Фёдоровичем. 04.05.1867 г. // НГМ КП 25982/5340. Ф. 69. Коллекция брачных документов. Оп. 1. Документальные материалы. Ед. хр. 33. Л. 31. ГК 41327114

Расписка командую-
щего 85-м пехотным
Выборгским полком,
начальника штаба
22-й пехотной дивизии
полковника Генерально-
го штаба Риттиха Александра Фёдоровича с об-
ещанием крестить и вос-
питывать в православии
будущих детей от второго
брака с дочерью новогор-
одского потомственного
почётного гражданина
Кузнецовой Анной Пав-
ловной. 02.06.1867 г. //
НГМ КП 25982/5339. Ф.
69. Коллекция брачных
документов. Оп. 1. До-
кументальные матери-
алы. Ед. хр. 37. Л. 30. ГК
41327169

Свидетельство № 10 причта
Новгородской Спасо-Преоб-
раженской церкви, выданное
дочери новгородского потомст-
венного почётного гражданина,
купца 1-й гильдии Кузнецовой
А.П. для вступления в брак с на-
чальником штаба 22-й пехотной
дивизии полковником Риттихом
А.Ф. 10.05.1867 г. // НГМ КП
25982/5337. Ф. 69. Коллекция
брачных документов. Оп. 1. До-
кументальные материалы. Ед. хр. 34.
Л. 29. ГК 41327108

в т. ч. и по геополитике, печатались в «Голосе» (в 1876 г. – статьи о сербско-турецкой войне), «Новом времени», «Свете», «Руси», «Славянских известиях» и других газетах, и журналах. Он публиковался в т. ч. и под псевдонимами А. Р., А. Ф. Р. Литературной деятельностью А. Риттих занимался до последних дней своей жизни. Его наиболее значимые труды: «Этнографическая карта славянских народностей» (СПб., 1874), «Этнографическая карта Европейской России» (СПб., 1875), «Этнографическая карта Кавказа» (СПб., 1875), «Славянский мир» (Варшава, 1885), «Материалы для этнографии Царства Польского. Люблинская и Августовская губернии» (СПб., 1864), «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» (Казань, 1870), «Материалы для этнографии России. Прибалтийский край» (СПб., 1875), «Австро-Венгрия, общая статистика» (СПб., 1874), *Aperçu général des travaux ethnographiques en Russie pendant les trente dernières années* (Харьков, 1878), «Числовое отношение полов в России» (Харьков, 1879), «Этнографический очерк Харьковской губернии» (Харьков, 1879), «Переселения» (Харьков, 1882), «Еврейский вопрос в Харькове» (Харьков, 1882), «Ce que vaut la Russie pour la France» (Париж, 1887), «Русский военный быт» (СПб, 1893), «Четыре лекции по русской этнографии» (СПб., 1895)+, «Русская торговля и мореходство на Балтийском море» (СПб., 1896), «Славяне на Варяжском море» (СПб., 1897), «Чехия и чехи» (СПб., 1897), «Современные дворянские вопросы» (СПб., 1897), «Славяно-французский конгресс в Париже в 1900 г.» (СПб., 1899), «Восточный вопрос» (СПб., 1898). А. Риттих также читал лекции по русской этнографии. По своим убеждениям был славянофилом и русским патриотом. Принимал активное участие в деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, в 1910 г. был избран его почётным членом. Являлся действительным членом Императорского Русского географического общества, Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорского Вольного экономического общества, Харьковского статистического комитета, Общества естествоиспытателей при Казанском университете (с 1869 г.) [3; 6: 956; 10: 404; 14; 36].

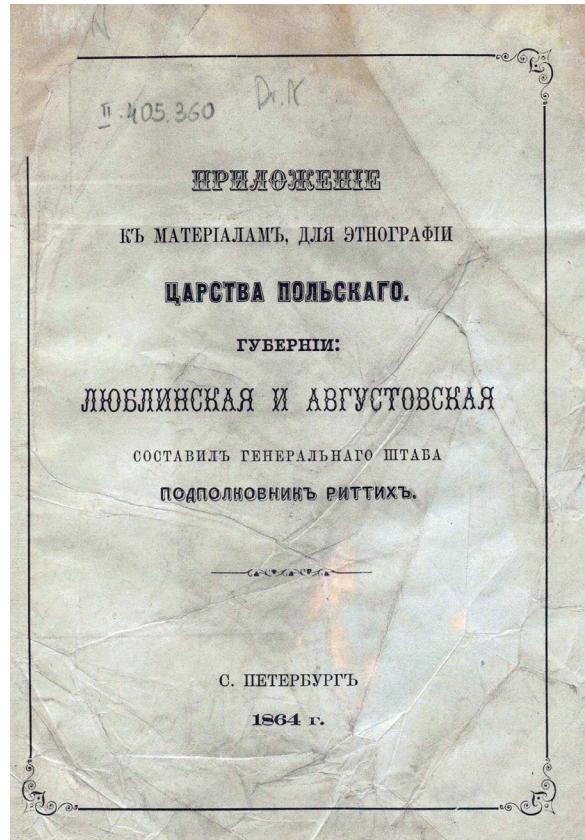
О некоторых наиболее значимых, на наш взгляд, трудах А. Риттиха расскажем подробнее. Будучи в 1862–1864 гг. в Минской губернии, Генерального штаба подполковник А. Риттих под руководством действительного статского советника П.Н. Батюшкова составил свою первую картографическую работу. П. Батюшков в то время занимал пост вице-директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел и заведовал устройством православных храмов в западных губерниях. Составление атласа

было начато в 1859 г. А. Риттих обработал сведения по исповеданию населения девяти губерний (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской), собранные офицерами Генерального штаба, направленными в губернии по поручению Военного министерства и Министерства внутренних дел. В 1863 г. вышел «**Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям**». Он был «составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях» и вначале предназначался для служебного пользования. Атлас вышел в разгар польского восстания. В 1864 г. было выпущено его второе, исправленное и дополненное издание [8: 198; 13: 223; 17; 18; 40: 223].

В «Атласе», помимо «синхронистической таблицы древних княжеств западно-русского края», помещена общая карта народонаселения западно-русского края по вероисповеданиям и девять карт по исповеданию отдельных губерний масштаба 1 : 630 000 с приложениями. На картах губернии наносимым вручную цветным фоном выделено население православного, католического, протестантского и мусульманского вероисповеданий. Подчёркиванием показаны населённые пункты, где проживает «еврейское население по обществам». В приложениях к картам губерний приведена численность прихожан по статьям по каждой церкви и приходу. А. Риттих показал, что большинство населения в данных губерниях составляют русские и православные: «Всех жителей в 9 западных губерниях числится 10 659 712 душ обоего пола. Из этого числа: православных 62,56 %, римско-католиков 24,7 %, иудеев 11,07 %, старообрядцев 0,98 %, протестантов 0,62 %, магометан 0,06 %. Племенная градация представляется в следующем виде: русских 67,2 %, евреев 11,07 %, поляков 8,86 %, литовцев 6,01 %, жмуди 4,29 %, латышей 1,75 %, молдаван 0,39 %, немцев 0,32 % и татар 0,06 %» [8: 198; 13: 223; 17; 18; 40: 223]. За «Атлас населения западно-русского края по исповеданиям» А. Риттиху в 1858 г. была присуждена малая золотая медаль Императорского Русского географического общества [5: 164; 7: 1363].

Следующая работа в области этнической картографии была посвящена восточным регионам Царства Польского. Над этнографической картой Люблинской и Августовской губерний исследователь работал параллельно с «Атласом народонаселения западно-русского края по исповеданиям». В 1864 г. вышли карты народонаселения губерний по исповеданиям и племенам со статистическими таблицами («**Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская**» [25] и «**Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская**» [34]). В

«Отделе религиозном» приложения А. Риттих приводит численность римско-католических, греко-униатских, православных, лютеранских и реформаторских приходов губерний по уездам и населённым пунктам, раскольничих молелен, количество иудеев и магометан. В «Отделе этнографическом» он описывает население губерний (подробнее см. далее). Источниками исследования послужили (изданные и неизданные) работы: Военно-статистические обозрения губерний, сделанные офицерами Генерального штаба; Списки обитаемых мест в Царстве Польском (в Академии наук); Списки православных и греко-униатских приходов в Царстве Польском; Карта Царства Польского, с показанием православных церквей и деревень, раскольничих молелен и деревень М.Ф. Мирковича (в Императорском географическом обществе); Список евангелистских лютеранских приходов по сведениям из Царства Польского, географические и статистические очерки Царства Польского; монография деятеля русинского Возрождения Д.Зубрицкого «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси. От водворения христианства при князьях поколения Владимира Великого до конца XV столетия» (М., 1845); этнографическая карта Европейской России П. Кёппена, «сведения местных деятелей» и т. д. [25].

Титульный лист исследования А. Риттиха «Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская» (СПб., 1864) [34]

В 1870 г. выходит в серии «Материалы для этнографии России» новое исследование А. Риттиха «**Казанская губерния**» в 2 ч. [26; 27] с «**Картой народонаселения Казанской губернии по племенам**» (СПб., 1870). В предисловии полковник А. Риттих написал, что «представляемый труд начал разрабатываться ещё в 1865 году, вслед за изданием моих этнографических исследований по западно-русскому краю и восточной полосы Привислянских губерний» [26: I]. Он указал 46 источников, которые использовал при написании работы [26: XI–XII]. В первой части А. Риттих перечисляет этносы, населяющие губернию и прилегающие территории, даёт их краткую историю, показывает переселенческие процессы. Во второй части он описывает проживающие в губернии коренные народы: татар, мещеряков (мишарей – этническую группу в составе волго-уральских татар. – С.С.), чувашей, черемисов (марицев. – С.С.), вотяков (удмуртов. – С.С.), мордву. В Приложении он публикует молитву господню на шести языках племён Казанской губернии, сравнительный словарь на десяти языках, казанские типы и одежды, сравнительную музыку татар, чувашей и черемисов. Он также поместил племенную карту, статическую таблицу, план с. Болгары и виды болгарских развалин [26; 27].

Его описания народов данного региона считаются одними из лучших в конце XIX – начале XX в., не потерявших актуальности и сегодня. К примеру, в «Чувашской энциклопедии» авторы в разделе информации об исследователе отметили, что его очерк о чувашах признаётся одной из лучших работ по этнографии чувашей второй половины XIX в. А в приложении дана самая ранняя нотная публикация чувашской народной музыки, нотации по просьбе автора были выполнены капельмейстером И.В. Гусевым. Авторы предположили, что «именно этой публикацией воспользовался А.П. Бородин при сочинении музыки знаменитых “Половецких сцен” в опере “Князь Игорь”» [11].

В 1873 г. в той же серии вышло исследование А. Риттиха «**Материалы для этнографии России. Прибалтийский край. 15, 16, 17. Приложения: карта по племенам и исповеданиям и три статистические таблицы по племенам и исповеданиям Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний**». Он использовал «капитальные труды последнего десятилетия», в т.ч. «Военное обозрение Рижского военного округа» (1869), а также «Этнографическую карту Европейской России» академика П.И. Кёппена, «который доставил бы ещё лучшие основания статистикам, если бы списки населённых мест Прибалтийского края были бы сообщены ему с такою же точностью, как из других губерний» [28: 1–2]. На карте фоном показаны 11 народов, сгруппированных по этническому признаку: славянское племя: великороссы и белорусы,

поляки; литовское племя – литва, жмудь, латыши; германское племя – шведы, немцы; финское племя – финны, ливы, эсты и отдельно евреи [28]. Современные исследователи считают, что такая группировка народов, а не простое их перечисление в изъяснении (условных обозначениях) в истории отечественной этнической картографии была проведена впервые. Затем А. Риттих применил этот принцип в своей самой известной картографической работе «Этнографическая карта Европейской России» в 1875 г. [13: 225].

Здесь же А. Риттих поставил вопрос о необходимости во время переписей ставить графу о народности (национальности)³. Он считал, что «один язык не может ещё обрисовать народность», приводя в пример следующую «страннысть»: «по курляндскому статистическому ежегоднику за 1869 год значится, что говорящих по-немецки 77 840 д. об. п. Далее прибавлено, что к говорящим по-немецки должны быть отнесены евреи. Вследствие чего население, говорящее по-немецки распадается на 44 133 христиан и 33 707 евреев... Определение народности тесно связано, кроме того, с ассимиляцией нескольких в одно общее племя. При общих исчислениях, там, где не нужны подробности, такой способ обобщения облегчает этнографический обзор страны, но при этом нередко встречаются грубые ошибки, в которые впадают добросовестнейшие статистики, по отсутствию подробных этнографических разработок по племенам, их народностям и наречиям». Он привёл пример, когда австрийский статистик и политический деятельпольского происхождения Otto Hausner (Otto Hausner) в своей работе «*Vergleichende Statistik von Europa*». Bd. 1, 3 (Lemberg, 1865) причислил латышей к финскому племени и к общей монгольской расе. А. Риттих также отметил, что «среди тюркского племени можно встретить черемис, вотяков и пермяков около татар». Он считал, что «этнографическое неведение отражается на исторических событиях». Это «известно из опыта 1862 г., когда заграничная пресса вздумала уверять, что весь западно-русский край заселён по преимуществу польским элементом». Поэтому «такие ошибки, вводящие в заблуждение, отражаются не совсем благоприятно, прежде всего ложно, при рассмотрении состава населения России и потому требуют серьёзной разработки» [28: 2–4].

Для правильного определения национальности он предложил принимать во внимание «для каждого лица, на научных основаниях и независимо изустных показаний»: «а) место родины, которое указывает на заселённость по преимуществу той или другой народностью; б) народность отца и матери, которая переходит на детей, за исключением некоторых случаев; в) подданство; г) вероисповедание; д) язык; е) школа обучения: правительенная, общественная или

приходская, в период окончания учебных занятий; ж) признание опрашиваемой личности» [28: 2–3].

В 1875 г. вышла одна из самых значимых картографических работ А. Риттиха «**Этнографическая карта Европейской России**» (60 вёрст в дюйме, 1 : 2 520 000) [50]. Издание новой этнографической карты Европейской России было, по словам вице-председателя Императорского Русского географического общества П.П. Семёнова, «самым крупным картографическим предприятием общества»⁴. Идея эта возникла в отделении этнографии в 1871 г., когда встал вопрос об исправлении этнографической карты П. Кёппена, которая к тому времени устарела и была малого масштаба (75 вёрст в дюйме). Основным материалом при составлении новой карты должны были послужить списки населённых мест, издаваемые Центральным статистическим комитетом и приходские списки Академии наук. Для проверки этих материалов могли стать специальные географические исследования и местные разыскания. Основанием «для племенных различий должен был быть положен язык, а в случае могущих возникнуть сомнений, – и те местные указания, по которым известное население относится к тому или другому племенному типу» [6: 953–954].

Была создана комиссия для разработки этого вопроса в составе Л.Н. Майкова, А.С. Будиловича, М.И. Венюкова, А.А. Ильина и А.Ф. Риттиха. Однако не было средств на составление и издание карты. Отделение отказалось в связи с этим от издания атласа и решило на основании имеющихся новых данных составить и издать этнографическую карту России с нанесением на неё Кавказа и Царства Польского [6: 954].

В 1873 г. действительный член общества А.Д. Башмаков пожертвовал на это Совету общества сумму в 2 000 руб. Была создана комиссия для наблюдения за составлением этнографической карты из членов общества: Л.Н. Майкова, А.И. Артемьева, М.И. Венюкова, А.Ф. Риттиха и Н.В. Христиани, впоследствии к ним присоединились И.И. Куник и В.Н. Майнов [6: 955]. Собрание основного материала, т. е. «составление карточек, затем нанесение заключающихся в них данных на карту 10-вёрстного масштаба и перенесение с неё на карту 60-вёрстного масштаба», было поручено особому редактору А. Риттиху. К концу 1873 г. он привёл карту в такой вид, что члены комиссии могли приступить к проверке листов. Сам же Риттих вторично пересмотрел карту и переделал несколько листов, относящихся к Кавказу. Когда труд А. Риттиха был окончен, комиссия приступила к его подробному рассмотрению [6: 956–957].

Было решено отпечатать карту тиражом 1 500 экз., по возможности не дороже 5 000 руб. Продажную цену назначили в 6 руб., А. Риттиху

как составителю решено было предоставить 100 экз. П. Семёнов писал, что «одной из самых крупных заслуг карты А.Ф. Риттиха перед картой П.И. Кёппена было то, что на первой из них были различены белорусы и малороссияне от великороссиян, чего не было на карте Кёппена. Неутомимой энергии А.Ф. Риттиха общество было обязано тем, что прекрасный труд его, окончательно начертанный ещё в 1874 году и затем тщательно исправленный, в течение 1875 года был окончен и печатанием. Это последнее производилось в картографическом заведении А.А. Ильина, который как действительный член общества, принимал со своей стороны всевозможные меры к тому, чтобы исполнить дело самым точным и изящным образом. Карта в 60-вёрстном масштабе на 6 листах, была вполне отпечатана в мае 1875 года». Экземпляры её были отправлены в Париж на Международную географическую выставку. На выставке А. Риттиху была присуждена медаль первого класса⁵ [6: 958–959].

На карте А. Риттих показал 46 народов. Каждый из них был выделен своим цветом. Впервые в отечественной этнической картографии этносы были в легенде карты сгруппированы по лингвистическому принципу, и родственные в языковом плане этносы были выделены единой цветовой гаммой. Долгое время карта А. Риттиха была основным пособием для изучения расселения народов России [12: 12; 13: 226].

Немецкий картограф и географ Август Петерман (August Petermann) в предисловии к изданию карты на немецком языке, датированном 21 марта 1878 г., подробно описал процесс подготовки и издания карты, показал огромную работу, проделанную А. Риттихом: «Редактирование этого великолепного труда осуществлялось под руководством полковника Генерального штаба Российской империи А.Ф. Риттиха по плану Этнографического отдела Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге и потребовало 2,5 года напряжённой работы. Редакция получила 2 000 рублей, из которых 500 рублей внёс г-н А.Д. Башмаков, который впоследствии также внёс 2 000 рублей на литографирование. Для содействия редактированию и выпуску труда Географическое общество учредило специальную комиссию в составе гг. Артемьева, Вейденбаума, Венюкова, Куника, Лерхе, Майкова, Майнова, Семёнова и Христиани. Все вопросы, касающиеся редактирования, передавались этой комиссии и после уточнения были занесены в протокол, который затем служил руководством для редакции. Основным материалом послужили многочисленные приходские списки, хранившиеся в Академии наук, метрические книги всех населённых пунктов и многочисленные специализированные исследования, проведённые компетентными лицами – около

35 000 отдельных первичных записей. Весь этот материал был первоначально нанесён на карту Стрельбицкого, состоящую из 133 листов масштабом 1 : 420 000, которую начальник Генерального штаба граф Гейден предоставил Географическому обществу для этой цели. Финляндия и Кавказ потребовали отдельных специальных исследований. Литографирование и цветная печать оригинала карты были выполнены Картографическим институтом Ильина в Санкт-Петербурге; стоимость литографии тиража в 1 500 экземпляров составила 4 000 рублей, или около 12 000 марок» [54: IV–V].

Он указал, что при публикации карты подчёркивалось, «что её изготовление представляло значительные технические трудности». Сама печать «была чрезвычайно дорогостоящей». А. Петерман отметил, что «тем не менее результат технически совершил неудовлетворителен: 46 различных цветов в целом очень трудно различить друг от друга; поляков, разбросанных по Западной России, например, практически невозможно не заметить; разнообразное и весьма интересное смешение народов Кавказа предстаёт размытым, нечётким и непривлекательным изображением, преобладающим в зеленовато-жёлтых тонах и т.д. Причём цвета не только лишены необходимой ясности и чёткости, но и читабельность и ясность текста ещё больше ухудшаются из-за цвета. Общее впечатление от карты не привлекательное, а скорее отталкивающее. Это серьёзный недостаток карты». Он отметил, что «здесь мы снова видим, как много зависит от техники картографирования; можно даже сказать, всё! С другой стороны, даже самая худшая техника не всегда может полностью лишить карту её внутренней ценности» [54: V]. А. Петерман переиздал данную карту хоть и уменьшенном масштабе, однако более качественно.

В 1877 г. А. Петерман выпустил этнографическую карту России по материалам А. Риттиха и М.И. Венюкова «Ethnographische Karte des Russischen Reiches, nebst Andeutung der hauptsächlichsten Völkergrenzen in den Nachbargebieten. Hauptsächlich nach Rittich und Venjukoff von A. Petermann» [8: 210–211]. Как писал сам Петерман в 1878 г. в предисловии к «Die Ethnographie Russlands nach A.F. Rittich. Mit zwei Karten» («Этнография России по А.Ф. Риттиху. С двумя картами»): «...мы начали детальное исследование этнографии России на основе последних официальных исследований и, конечно же, по этому случаю опубликовали прежде всего обзорную карту всей Российской империи (см. Табл. 1, “Geographischen mittheilungen”, 1877). Эта карта уже включает в себя обширный, фундаментальный и новаторский труд Риттиха. Однако в мелком масштабе 1 : 20 000 000 её можно было представить лишь в самом общем виде...» [54: III].

В 1878 г. он выпустил карту А. Риттиха в большем масштабе (1 : 3 700 000), разделённую на северную и южную части («Ethnographische Karte von Russland (Nördliches Blatt)», «Ethnographische Karte von Russland (Südliches Blatt)», вначале описав народы России [54].

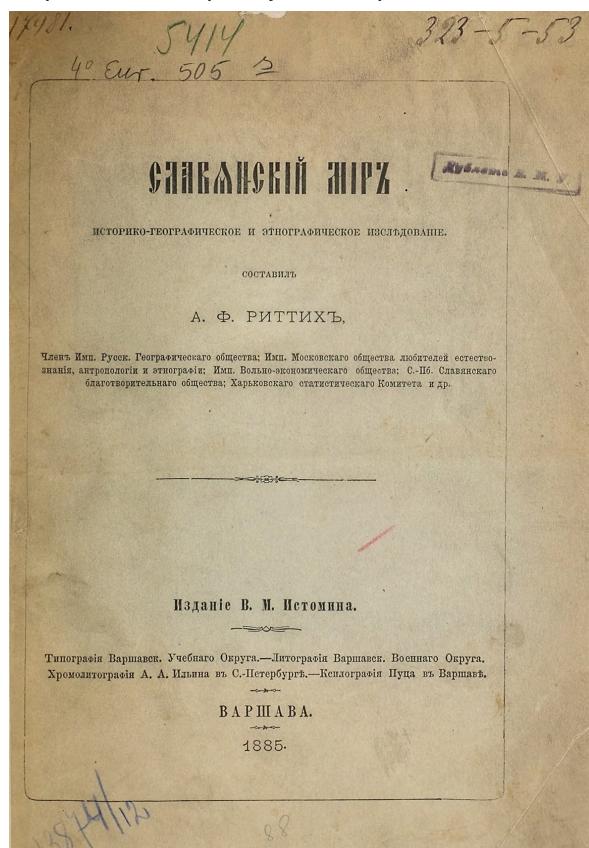
В книге «**Переселения**» (1882), посвящённой памяти императора Александра II, А. Риттих рассказывает о переселениях славян, русской колонизации, рассматривает переселенческий процесс с бытовой и экономической точек зрения, говорит о потребностях и последствиях переселений. Он приводит в качестве примера заселение Пруссии при Фридрихе II, переселение немцев при Иосифе II, французскую колонизацию Алжира. Он считал, что «если только наше переселение достигнет желанного благоустройства и совместного с требованием политической экономии народа, то будущность нашего дорогого отечества превзойдёт величие всех бывших и настоящих государств. От Львова до Семипалатинска будет слышен единый язык, господствовать одна вера, нрав и быт. Повсюду на широком пространстве средней России можете развиться могучая и понятная нам, русским, жизнь, какую по своим последствиям не имеет впереди ни одно государство в мире. Безостановочное движение по железной дороге от Варшавы на Оренбурге и далее придаст торговле и нашему сбыту по хлебу и всяким сырым произведениям особенную оживлённость, а в случае войны масса народа, живущего за Киевом, всегда будет иметь время и силу собираться многократно и откidyвать любую коалицию. Мы можем расти, ничего не теряя, тогда как на западе прирост есть отрицательное счастье, от которого отделяются там миграцией, т. е. потерю населения. У нас это слово может быть не всегда вычеркнуто из лексикона, у нас может быть только перемещение!» [32: 90].

Широкую известность приобрела монография А. Риттиха «**Славянский мир**» (1885 г.; переиздана в 2013 г. Институтом русской цивилизации). Автор посвятил книгу «тысячелетней памяти первоучителей славянских, свв. Кирилла и Мефодия. 6 апреля 885–1885)» [36; 37]. В ней он систематизировал сведения о происхождении, расселении и исторической судьбе славянских племён и народов, даёт карты расселения и миграций славян и соседних народов. Он также приводит сведения о материальной и духовной культуре славян, особенно об их верованиях. В конце книги – список работ А. Риттиха («Перечень исследований А.Ф. Риттиха»). В предисловии он написал: «Во времена Польского восстания 1862–3 годов нам впервые пришлось ближе ознакомиться с русским народом в его массе. Симпатичные черты этого народа возбудили в нас мысль поработать для его пользы, а отношение к России Запада и взгляд на неё европейских народов определили характер и направление самой работы⁶. С одной сто-

роны, голословное, но безапелляционное отрицание достоинств в великой славянской отрасли человечества вообще и беспрерывные заграничные нападки на невежество русских в частности; предна- меренное закрывание глаз на все хорошее, самобытное, что дали Европе славянство и Россия, вековая то скрытая, то прорывающаяся наружу злоба и гордое самомнение и эгоизм наших противников; с другой, – скромная, безответная молчаливость великого народа пред злобными выкриканиями его недоброжелателей – вот что побудило нас предпринять в своё время ряд географических, этнографических и исторических исследований о России. Цель этих работ заключалась в том, чтобы ознакомить с Россией и Славянский мир, и, отчасти, самих русских и, наконец, представить правду о ней пред лицом целой Европы» [36: I].

Автор упомянул, что «главнейшим подспорьем в этом по возможности скжатом труде были Шафарик и Гиль-фердинг». Также он использовал работы Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина и других российских и зарубежных исследователей [36: II–III]. В книге он поместил 45 чёрно-белых карты и две цветные (Этнографическую карту Славянского мира и Карту западных и южных славян) [36].

Свою книгу «Записка по предстоящим вопросам (Очерк государственной обороны)»⁷, изданную в 1906 г.,

Титульный лист исследования А. Риттиха «Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование» (Варшава, 1885) [36]

после завершения Русско-японской войны, А. Риттих посвятил вопросам укрепления обороноспособности России, оценкам существующих угроз и рекомендациям по подготовке государства к возможным конфликтам [23].

А. Риттих, один из немногих учёных того времени, признавал православных славян-македонцев «самостоятельным племенем, имеющим общий язык» и выступал за «цельную, нераздельную, автономную» Македонию, представлявшую из себя «самовластное княжество, которое не должно входить в состав какого-либо государства, в особенности в состав Болгарии, которой управляют такие личности, как немец Фердинанд и Родославов, отрекающийся от всего славянства». Об этом он писал издателю газеты «Македонский голос» в 1914 г. Этот вопрос он поднимал и ранее в своих публичных выступлениях, в частности перед офицерами в 1901 г. [24]. В 1903 г. это выступление вышло отдельной брошюрой «Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе», где он выделил отдельно язык «македонян (старославян)», назвав их «наречие, близко подходящее к болгарскому и сербскому». Их численность он определил в 913 842 чел., православных по вероисповеданию [35: 4]. Этую тему он поднимал в ряде статей. К примеру, в небольшой статье «Македония» (Славянские известия. 1913. № 42 (35). 1 сентября. С. 592–593) Здесь А. Риттих кратко изложил историю македонского народа иставил вопрос об его автономии.

К сожалению, хотя его имя часто упоминается в исследованиях по истории русской картографии (см., например: [12; 13]), многие работы в настоящее время забыты. Сведения о Риттихе и его деятельности размещены в немногочисленных и неполных биографических заметках (см., например: [1; 11; 14; 40]), некрологах (см., например: [3]), статье О.А. Красниковой [8], в которой автор приводит ряд немногочисленных архивных документов о жизни и деятельности А. Риттиха.

В ряде его исследований затрагивается тема Карпатской Руси и её населения.

В «Приложении к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская» (СПб., 1864) [34], которое составил подполковник Генерального штаба А. Риттих, даются сведения о религиозном и этническом составе вышеперечисленных губерний. Его карты народонаселения двух губерний по исповеданиям и племенам вышли под названием «Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская» (СПб., 1864) [25].

В начале «Приложения» в «Отделе религиозном» Риттих приводит сведения по численности католических, греко-униатских, православных, протестантских приходов [34: 3–12].

В Люблинской губернии в этот период насчитывалось 640 423 католика, 216 246 греко-униатов, 6 629 православных, 7 646 лютеран [34: 6, 9]; в Августовской – 474 263 католика, 8 751 греко- униат, 2 522 православных, 28 729 лютеран и реформаторов. Упомянул он, ссылаясь на данные М. Мирковича, о двух раскольничих моленых в Сейненском уезде в сёлах Погорельцы и Глубокий Ров [34: 11–12].

В «Отделе этнографическом» исследователь даёт развёрнутые сведения по национальному составу губерний. В начале он упомянул, что, «рассматривая размещение католических и греко- униатских приходов, оказывается, что последних ещё очень недавно было, вероятно, гораздо больше; что было время, когда раздельная черта одной религии от другой, обозначалась резкою сплошною массою и что линия эта сливалась с границами двух смежных земель Польши и России, споривших между собою за обладание правым берегом Вислы. Теперь лишь только остатки православия, отдельные пятна униатов в Августовском, Ломжинском, Седлецком и Люблинском уездах, служат доказательством этой истины, подтверждаемой историческими воспоминаниями. Таким образом, можно предполагать, что до Брестской церковной унии масса малороссов и белорусов, числом до 480 тыс. человек, или 1/3 всего населения Восточной Польши, исповедовали православие, тогда как католицизм в то же время господствовал за Люблинским и Щебржешиным, в Мазовии и по левой стороне Немана, в Литве» [34: 13].

Говоря об истории появления различных этнографических групп в Люблинской и Августовской губерниях, он пишет, что в середине X в. по левой стороне Немана, как и ныне, жило литовское племя, которое польский историк И. Лелевел называл судавами (ятвяги. – С.С.). Их остатки сохранились ныне в смежных частях Восточной Пруссии. Весь Ломжинский уезд и южную часть Августовского уезда занимали мазовшане, распространяясь на юго-восток, соприкасаясь с ятвягами, населявшими Бельский, часть Седлецкого и Луковского уездов. В северной части Люблинской губернии ятвяги и мазовшане столкнулись с белохробатами (белыми хорватами. – С.С.), перешедшими через Вислу при слиянии Вепржа, и с бужанами, занимавшими остальное пространство по обеим сторонам Западного Буга. Южнее них жили древляне, западнее последних, по обеим сторонам Вепржа, обитали хорваты в Червенских городах, остатки которых сохранились и поныне в виде земляных укреплений, около М. Чермо, на юг от М. Уханы, вблизи Хелма (Холма). Все эти славянские племена, пишет автор, вошли отчасти около 981 г. в состав владений великого князя Владимира [34: 13].

Основываясь на исследованиях польских и российских учёных,

А. Риттих сделал вывод, что «в X веке нынешняя Люблинская губерния разделена была на две половины, из которых восточная принадлежала Руси, а западная – Польше. Христианская вера проникла в эту землю с двух сторон, сообщила западной половине учение западной Римской церкви, принятое Мечиславом, королём Польским; а восточной – восточной Греческой церкви, принятое Владимиром Святым». Князь А.В. Трубецкой в своей брошюре *«La Pologne n'estpas morte»* (1862) определил западную границу владений Владимира Святого, по данным Нестора, Шлёцера, Карамзина, Полевого и Соловьева: Карпатские горы, Сан, прямая линия попрёк долины Вепржа, от слияния Саны с Вислою до слияния Мухавца с Западным Бугом, далее по болотам истока Припяти, Щара и Немана до слияния его с Вилией и т.д. Граница эта, не совсем верная, но, по мнению А. Риттиха, «доказывает, что часть Люблинской губернии входила в состав Владимиrowой державы, с принятием православия, которое впоследствии времени, заменявшихся унией, даёт повод полагать, что граница эта проведена слишком умеренно, о чём ещё свидетельствуют войны Владимира Святого с ятвягами и покорение их; а все вместе указывают на границу не попрёк Вепржа, а по его долине, вплоть до самой Вислы». Д. Зубрицкий считал, что уже Владимир Святой владел всем правым берегом Вислы, указывая на войны Ярослава в пределах Польши по левой стороне Вислы в 1030 г. В 1264 г. Даниил Галицкий двинулся из Галича к Любlinу, захватил его. Он также присоединил к своему княжеству часть княжеств Сандомирское и Мазовецкое до рек Вислы и Буга [34: 13].

Юго-восточная часть Люблинской губернии, вошедшая в состав Галицкого княжества, пишет автор, «составляла впоследствии часть Червонной Руси. Весь Грубешовский уезд и южная часть Замостского уезда составляли княжество Бельзкое. Остальная часть Замостского уезда, восточная часть Люблинского уезда и весь Красноставский уезд составляли Русское Холмское воеводство с главным городом Холмом, основанным русскими князьями в это же время. Эти две части ещё в 1799 году назывались Червонной Русью, судя по карте, присланной в недавнее время из Варшавы в Императорское Русское географическое общество, тогда как в XVIII столетии настоящую Червонную Русь, уже успели заменить Галицией» [34: 13].

Севернее Холмского воеводства, по обоим берегам Буга, находилось Брестское воеводство с главным городом Берест-Русский (ныне Брест-Литовский). Ещё севернее, занимая весь Бельский и часть Седлецкого уезда по обоим сторонам Буга, тянулись Дрогичинская и Мельницкая земли, владения русские, включённые И. Лелевелем в состав Подлясии (Подляшья). Левее этих владений лежало Сандомирское воеводство в Люблинском, Луковском уездах и в остальной

части Седлецкого уезда. Севернее была Мазовия, которая граничила с окраиной Лодомирии, рекою Лик. «За нею, вплоть до прусской границы и до Августова, поворачивая и изгибаясь в неопределенном направлении до Гродно, тянулся выдавшийся кусок русской земли, со своими пограничными укреплениями Липском и Райгородом» [34: 14].

В середине XIV в. Казимир Великий утверждается в Галиции и в Бельзе, а в 1377 г. воевода Сендувий из Шубина взял приступом Хелм и покорил Хелмскую землю, которая под названием Русского воеводства, вошла в состав королевства. Ягелло в 1390 г. отдал Бельзскую землю мазовецким князьям. После того как их род в 1462 г. угас, эта земля присоединена была к Польше. Со времени Казимира Великого, пишет исследователь, «начинается постепенное переселение поляков в этот край и столь же равномерное пополнение его евреями». Мазовецкие же князья во время своего недолгого правления раздали множество земель пришлым мазурам и полякам, своим приближённым, католической церкви и монастырям. Д. Зубрицкий отметил, что вслед за покорением русских земель начались систематическое преследование греческой церкви, изгнание бояр и утверждение католицизма [34: 14].

Литва, расширяясь и присоединяя русские земли, включила часть этих земель в состав своих владений, в 1358 г. гранича с Мазовией. До вступления великого князя Литовского Ягелло на польский престол в 1389 г. Литва ничего не имела общего с Польшей. Во владениях литовско-русских не было польского населения. В 1569 г. был подписан в Люблине акт об унии, в результате которого произошло объединение Королевства Польского и Великого княжества Литовского в единое государство – Речь Посполитую. «С этого периода начинается новая эпоха для всего русско-литовского населения Люблинской и Августовской губерний. Везде первое место, первый голос принадлежит полякам, католицизму, которые настолько уничтожали русскую народность, насколько должны были терпеть литовскую. Стоить только взглянуть на размещение поляков между литвинами и русскими, чтобы наглядно убедиться в справедливости этих слов. Другой причины, кроме сознательной боязни с одной стороны, бессилия с другой и равноправности в соединении с единоверием, с третьей стороны, не было» [34: 14–15].

После раздела Польши Августовская губерния досталась Пруссии, а Люблинская – Австрии. В то время там поселились немцы. Наполеон в 1807 г. восстановил Герцогство Варшавское из земель, отошедших к Пруссии. В состав его вошла и северная часть Августовской губернии, которая никогда не принадлежала Польше и считалась частью

Литвы до и после соединения с Польшей. Спустя три года герцогство увеличилось за счёт Австрии присоединением к нему Люблинской губернии. В 1815 г. было восстановлено Царство Польское. В состав восточной полосы вошло население русское и литовское, составляющие половину населения края, некогда принадлежавшего Лодомерии (Галицко-Волынскому княжеству. – С.С.) и Литве [34: 15].

Далее А. Риттих подробно описывает население двух губерний, начав с севера, с литовцев. Литовское племя, как уже было им отмечено, занимает три северных уезда Августовской губернии: Мариампольский, Кальварийский и часть Сейненского. Из 256 708 литовцев жмудян – 204 010 чел., литовцев – 52 698 чел. [34: 15–16].

Присутствие белорусского наречия в Августовской губернии впервые замечено летом 1863 г. местными деятелями Виноградовым и другими корреспондентами «Русского инвалида». Их причисляли, по официальным сведениям, к мазурам, число белорусов 23 759 душ обоего пола приблизительное [34: 16].

А. Риттих обратил внимание, что белорусов Августовской губернии нередко «зовут на иностранных и на нашем языке русинами». Он считал, что «прозвище это вымыщено заграницею, без всякого основания и повторяется на таких же началах. Во Львовской брошюре за 1850 г. «Die Ruttenische Frage in Galizien von Anton Dabczansky, Landrath von Leinberg» сказано: «...прозвище русин появилось с первым изданием галицко-русской грамматики в 1834 г. Высокопочтенный изатель, не желая навлечь на себя невзгоду правительства и избегая неверности в назывании русских – рутенами, нашёл удобным изобрести слово русин. Оно понравилось и привилось у иноземцев ко всему русскому, проживающему за границею. И теперь всех русских в пределах Австрии и Польши находят верным признавать за каких-то особенных русинов, забывая совершенно, что народность не зависит от произвола, а единственno от установившихся в самом пароде понятий о своём происхождении, и что рано или поздно истина всплывёт наверх»⁸ [34: 14].

В средней части Августовской губернии, в лесах, около озёр и по р. Гонче, по границе Сейненского и Августовского уездов, живут великороссы-старообрядцы. Они говорят «чистым русским языком» и сохранили все обычаи и нравы Центральной России. «Они принадлежат к филиппонам, вышли из ближайших к Западной России губерний, при Алексее Михайловиче, Петре Великом и Анне Иоанновне и ныне ещё пополняются выходцами, целыми семействами, бродягами, беглыми и отставными солдатами». Их насчитывается 3 829 д. об. п. А. Риттих считал, что цифра эта неполная. По его мнению, их до 4 500 чел., часть скрывается в труднопроходимых болотах.

Кроме того, как видно из отчёта начальника Люблинской губернии за 1862 г., «в деревне Мелянове, Луковского уезда, живут 117 душ филиппонов, беспоповцев, занимаясь хлебопашеством». Он дал список всех старообрядческих посёлков и деревень [34: 17].

Кроме старообрядцев, в Августовской губернии проживало 2 522 чел. великороссов православных, а в Люблинской – 4 605 чел. Они в основном административные служащие или военные. Поэтому автор их не рассматривает в этнографическом плане [34: 17].

Мазуры, или мазовшане отличались своим наречием «и особенностями в нравах, обычаях и домашнем быту» от поляков. Раньше у них было своё особое княжество и, «имея всё своё собственное, хотя и родственное Польше, это племя, войдя однажды в состав Речи Посполитой, почти совершенно утратило свою народность, принимая всё более и более нравы и обычай поляков, которые большими масштабами шляхты заселяли прежние владения мазовецких князей, уезды Ломжинский и южную часть Августовского. Кроме того, оказывается из частных сведений, что около Сувалок также живут мазуры». По Сейненскому уезду их насчитывалось 7 318 чел., по Августовскому – 20 161 и по Ломжинскому – 11 478 чел. Всего – 38 957 д. об. п. Юго-восточную часть Ломжинского уезда населяли остатки ятвягов, слившихся со своими соседями и принявшими их язык, веру и обычай, так что они ничем не отличаются от мазуров. В этом населении можно встретить два прихода греко-униатов и остатки русских селений, ранее православных. В Люблинской губернии, в Седлецком уезде проживало до 25 174 мазуров, в Луковском – 56 987. Всего – 82 161. А. Риттих отметил, что среди них «104 православных, в Дрогичинском приходе». Всего количество мазуров в двух губерниях не превышало 121 118 душ обоего пола [34: 17–18].

Юго-западная часть Ломжинского уезда, близ Прусской границы, довольно лесистая, была заселена пущаками, или курниками (лапотниками, от слова «курне» – лапоть). Население это, занимая Новогрудскую и Мишленецкую пущи, тянулось и далее по северо-восточной части Пржаснышского и Остроленского уездов Плоцкой губернии, составляя половину населения последнего. Их насчитывалось 22 705 душ. Курники, как писал А.Ф. Ростковский, говорят «наискажённом польском языке, заменяя, как мазуры, шипящие буквы мягкайшими, а в некоторых словах, выпускают целые слоги». Дома их, отметил А. Риттих, просторны и опрятны, но одежда очень бедна. Редко кто из них имел сапоги и ещё реже тулул. Они отличались «полудикостью нравов, буйным характером и непокорностью властям» [34: 19].

С разделом Польши и присоединением Августовской губернии к Пруссии, а Люблинской – к Австрии здесь поселилось довольно зна-

чительное количество немцев-колонистов, которых в Августовской губернии до 28 729 чел., а в Люблинской – 7 646 чел. [34: 19].

Поляков, т. е. жителей левого берега Вислы, говоривших чистым польским языком, можно встретить рассеянными по всему пространству восточной полосы Царства Польского. Они составляли высшее сословие края, духовенство, шляхту и весьма незначительное число сельского населения. Собственно поляков (без мазуров и люблян) – 297 777 чел. Из них в Августовском уезде – 140 925, в Люблинской губернии – 156 852 чел. [34: 19–21].

Массу населения, простонародье, уездов Люблинского и западных частей Краснostaвского и Замостского называли люблянами. От остального населения Замостского, Краснostaвского и Грубешовского уездов они отличались католической верой. А. Риттих отметил, что «язык их, прежнее малороссийское наречие, от примеси польского в некоторых местах совершенно изменился, так точно, как и во многом изменились нравы и обычаи люблян. Поэтому нам кажется вернее причислить это ополяченное население к польскому племени». Как их описывал К.К. Витовский, «люблинский крестьянин носит сукману тёмно-кофейного цвета, рубаху – поверх холщовых штанов, сапоги юфтовые, с длинными голенищами и высокими каблуками, надеваюt лишь в праздники, а в будни ходят босиком или носят лапти; бороду бреют все, кроме стариков; усы запускают. Волосы у люблян длинные и вьются кудрями; на голову, летом, надеваюt соломенную шляпу, а в другое время года овчинные высокие шапки из чёрных или белых барабашков. Женщины надеваюt шерстяную полосатую юбку и парчянку, то есть холщовый длиннополый каftан; голову же покрывают чепцом, повязывая его платком или завийской, т. е. куском белого холста. Башмаки носят с высокими каблуками и большей частью без чулков. Одежда незамужних женщин отличается только тем, что они ходят с открытой головою, волоса сплетают в косу, убирая её лентами. Особенное почтение питают они к своим помещикам; проходя мимо господского двора, хотя бы помещика и не было дома, снимают шапку; при встрече с человеком высшего сословия, даже с экономом, приветствуют его глубоким поклоном. Честность, трудолюбие и услужливость отличают их. Военной службы они не любят. Склонность к пьянству, суеверие и другие недостатки им столько же свойственны, как и остальным крестьянам Люблинской губернии. Характера они более задумчивого, нежели весёлого. Музыка и песни их заунывные; трубка составляет единственное развлечение для пожилого крестьянина, в дороге и в досужее время; грамоту знают редкие. Занимаясь, кроме земледелия, пчеловодством, рыбной ловлею, судоходством, лесным промыслом и ткацким ремеслом, любляне живут безбедно. Страсть

к общежитию у них проявляется сильнее, нежели между прочими жителями Люблинской губернии [34: 23]. Всего люблян 164 664 д. об. п. [34: 25].

В Люблинской губернии никогда не было белорусов, т. к. соседняя Волынь и южная часть Гродненской губернии до р. Нарева заселены малороссами. «В прежние же времена жили в Седлецком, Бельском и Луковском уездах ятвяги, а в Радзыньском – бужане. Впоследствии мазуры с одной стороны, а малороссы с другой, стесняя всё более и более ятвягов, слились с ними, придав населению тот типичный оттенок, которым характеризуется малороссийское население Радзыньского, Бельского и части Седлецкого уездов, так, напр., их язык отличается своим подлясским наречием и своим особым ударением. Называют эту северную часть губернии Подлясией, т. е. находящуюся под лесами, или Подляхией, страною, находившуюся под властью ляхов, отчего и названо северное римско-католическое управление епископством Подлясским. Наконец, в подтверждение того, что жители этих 3-х уездов, принадлежат к малороссийскому наречию, служит их вера, по происхождению православная, ныне греко-униатская, причём оказывается, что до сего времени сохранилось там, при всех неблагоприятных обстоятельствах, 112 греко- униатских приходов» [34: 25].

А. Риттих считал, что «ещё весьма недавно общее число греко-униатов Седлецкого уезда, прежних православных, было значительно больше, и потому Седлецкий уезд, за исключением его северной части, нельзя признать польским, а, следовательно, и граница русского племени, выдвигается более к западу, вплоть до столкновения с мазурами, с трёх сторон» [34: 25]. Он полагал, что количество малороссов в Люблинской губернии достигает 452 346 чел. Из них католиков⁹ – 236 892, греко-униатов – 213 564 чел., православных (воссоединившихся из греко-униатов) – 1 920 чел. [34: 26].

А. Риттих отметил, что этих жителей восточной половины Люблинской губернии, малороссов, «по местности, на севере, зовут подлясками, на юге – люблянами, южнорусами, русинами и червонорусами». Эта полоса, по мнению исследователя, «без всяких резких раздельностей населена малороссами, с чем согласны все этнографы, а также г. Шафарик. Везде преобладает малороссийское наречие, более чистое около Хелма и с примесью польского около Вепржа и на западе Подлясии. Нравы и обычаи, одежда и постройки домов и деревень, смотря потому, с кем из соседей малороссы приходят в большее соприкосновение, то представляют настоящий тип украинцев; то приближаются к припятским жителям, с которыми имеют даже одну болезнь – колтун; далее около мазур и люблян, малороссы имеют многое с ними общее; а по границе Галиции они весьма схожи с теми малороссами, которых

за границею зовут русинами, название вымышленное и признаваемое только в кабинете и немецких сочинениях. Что касается до названия червонорусов, то это чисто местное название и не мешает им быть малороссами» [34: 27].

К. Витковский писал, что «жители Грубешовского и восточных частей Замостского и Красноставского уездов в наружных формах обрядов и праздников имеют более сходства с жителями Полесья и что многие поверья последних те же, что и на юге. При всём том следует, однако ж, заметить, что католики этих трёх уездов, имеют много общего с люблянами и мазурами, но наречие их то же, что у греко-униатов, т. е. малороссийское» [34: 27].

Далее К. Витковский в своём «Военно-статистическом обозрении Российской империи. Люблинская губерния» (1851) говорит о подлясаках, «применяя их быт к греко-униатам юго-восточной части губернии и к неополячившемуся остальному малороссийскому населению Люблинской губернии».

«Подлясский крестьянин обыкновенно среднего роста и плотного телосложения; цвет лица его большою частью смуглый, бледный, взгляд суровый, и вообще выражение лица угрюмое, усы густые и повисшие, все телодвижения его медленны и менее ловки, нежели у мазуров. Подлясский крестьянин способен к перенесению всех нужд, лишений и непогод; все, даже женщины, хорошо ездят верхом. Одежда подлясаков состоит из сукманы темно-коричневого цвета, до колен, для которой сукно делают сами. Сукманы эти перетягиваются тёмным шерстяным поясом. Исподнее платье состоит из ногавиц, т. е. холщовых штанов, поверх которых выпускают белую холщовую сорочку, низенький воротник, который застёгивается обыкновенно медною запонкой или завязывается жичкой, то есть шерстяной красного цвета ленточкой. Обувь в праздники составляют чоботы, т. е. сапоги из юфтовой кожи с длинными выше колена голенищами и огромными каблуками, подбитыми подковками. В будни и вообще во время работы носят постолы, то есть лапти, плетёные из липовой коры, а иногда из кожи, которые прикрепляют к ноге верёвками, обернув её прежде онучею. Летом употребляют соломенные шляпы, а в прочее время – низенькие шапки, обтянутые чёрным барашком. Впрочем, в окрестностях м. Лосиц мужчины носят сукманы серые, чёрную круглую поярковую шляпу или шапку высокую, обшитую мехом из серых барашков, с одной стороны мех этот разрезан, а для соединения разреза пришиты завязки из разноцветных ленточек.

Женщины на Подлясии вообще некрасивы, но зато отличаются трудолюбием; с утра до ночи, они работают или в поле, или дома и столь же способны к перенесению физических трудов и непогод, как

и мужчины; нередко случается видеть на другой день после родов женщину, занятую или домашнею, или полевою работою, которая, по-видимому, нисколько не утруждает её. Замужние женщины носят такую же сукману, как и мужчины, на ногах лапти, а голову покрывают чепцом, поверх которого повязывают плат, т. е. кусок белого холста в 4 арш. длиною, один конец которого обвивают кругом головы, а другой спускают на плечи и спину ниже пояса. В некоторых местах косу навивают на кибалек, т. е. обруч из молодого орешника или дуба, что заменяет гребёнку; но все-таки по верх кибалка кладут чепец, а на чепец плат, повязывая его различно. В окрестностях м. Лосиц, женщины носят суконные кофточки с металлическими пуговками и голову повязывают платком. Незамужние женщины, перевязав косу ленточками, спускают её на спину; лоб обвязывают полосой белого холста, забрасывая концы его назад; на шею навешивают бусы; сукманы носят темно-кофейного цвета, несколько короче мужских; из под сукманы выглядывает короткая шерстяная полосатая юбка; обувь составляют лапти.

Подлясаки вообще имеют нрав крутой и настойчивый. Перед высшими они смиренны до унижения и, говоря им “паньска тело, а божеская душа”, кланяются в пояс и целуют ноги. Воспитание детей у них пренебрежено. Впрочем, подлясаки не столь мстительны как мазуры, и за нанесённую помещиком обиду ни один из них не решится сжечь панские строения либо сделать пану вред иным способом; набожность и добросовестность особенно отличают этих людей.

Подлясаки терпеть не могут шляхты загонковой, т. е. мелкопоместной, и особенно ненавидят своих соседей мазуров, которым при всяком удобном случае то остротами, то поговорками и пословицами, стараются выказать свою ненависть.

Подлясаки страстью любят музыку, танцы и песни; мелодия последних обыкновенно заунывная. В песнях их больше поэзии, чем в песнях мазуров. Употребительнейшие их музыкальные инструменты: скрипки, пастушеский рожок и фуяра, род флейты с шестью отверстиями. К числу их танцев принадлежат *заверуха* – четыре человека, взявшись накрест за руки, вертятся кругом; *гайдук* – в одну линию через всю избу четыре человека кладут свои шапки, и каждый прыгает и пляшет подле своей; *козак* – две пары (мужчина с женщиной), ставши по углам избы, пляшут друг против друга накрест; *шталер*, или *штасиер*, род вальса, только его танцуют размашистее обычного; *наконец*, *вальс* и *обертас* (курсив автора. – С.С.).

Праздники проводятся в корчме, где молодёжь пляшет и развеселится, а старики пьют и толкуют» [34: 28–29].

«Дома подлясаков деревянные, покрытые соломою, поверх крыши

местами выводят деревянные трубы, редко каменные, а местами оставляют лишь отверстия для дыма, потому что у них жилые избы, почти у всех курные. Подле избы находится клеть или камора, где хранится всё богатство и платье хозяев; далее хлевы и на дворе конюшня, сарай или стодол» [34: 28–29].

Евреев, по отчётом губернаторов, в 1862 г. в Августовской было 111 368 чел., в Люблинской губернии – 139 716 чел. [34: 34].

Татар проживало незначительное число: в Августовской губернии – 166 чел., в Люблинской – 264 чел. Скорее всего, они были поселены тут при великих литовских князьях. В Августовской губернии они имели мечеть (в Кальварийском уезде, с. Винкшнуп), и при ней жил их мулла. В Люблинской губернии они жили в нескольких местах. Некоторые из этих татар на государственной службе, все остальные – помещики, дворяне и землевладельцы – жили по фольваркам довольно зажиточно. Они вели образ жизни шляхты, говорили по-польски, хотя сохранили некоторые обряды ислама [34: 36].

В 1909 г. в Варшаве в период обострения обсуждения холмского вопроса вышли составленные В.А. Францевым «Карты русского и православного населения Холмской Руси», где наряду с историей изучения вопроса приводятся статистические таблицы. Автор отметил, что вопрос о количестве и территории расселения русского населения в Холмской Руси и Подляшье изучен слабо. Интерес к этому возник, когда был поднят «давний проект образования Холмской особой губернии». Появились материалы в печати, которые были написаны в основном поляками и имели односторонний характер. Впервые картину расселения русского населения в данных регионах, по словам В. Францева, дал А. Риттих. В основном же этим вопросом ранее предвзято занимались польские исследователи [46: 104–105].

Будучи полковником Генерального штаба, А. Риттих составил описание **Австро-Венгрии** (Отдел 1. Общая статистика. СПб., 1874; Отдел 2. Вооружённые силы. СПб., 1876) [15; 16]. В **Отделе 1** он приводит данные австрийского исследователя Шмитта, «подогнавшего предшествующие этнографические исследования к цифре населения Австро-Венгрии за 1869 г.», т. к. в переписи 1869 г. не было распределения населения по национальностям [14: 40]. Русских (русинов. – С.С.) в Галиции насчитывалось 2 379 800 чел. (поляков – 2 292 800 чел.), в Буковине – 204 800 (румын – 201 800 чел.), в Венгрии – 448 000 чел. [14: 41]. Униатов в Галиции насчитывалось 2 315 782 чел., в Буковине – 16 901, в Венгрии – 981 537, в Трансильвании – 596 502 чел. Православных в Галиции – 1 369 чел., в Буковине – 376 118, в Венгрии – 1 414 282, в Трансильвании – 652 945 чел. (из них большинство – румыны. – С.С.). А. Риттих отметил, что «все почти немцы,

чехи, моравы, поляки, словинцы и кроаты и часть словаков католики; сербы, большинство румын и часть русских православные; большинство русских и часть словаков – униаты; значительная часть маджьяр (мадьяр.– С.С.) – протестанты» [15: 41–43]. В **Отделе 2** он перечисляет округа пополнения австро-венгерской армии, указывая национальный состав приписанных местностей. Это позволило сделать вывод об этническом составе пехотных полков (и, соответственно, дивизий), стрелковых батальонов, кавалерии, артиллерийских подразделений, инженерных полков и военного флота Австро-Венгрии [16].

Отдел 3. Военный обзор восточных областей был составлен флигель-адъютантом Е. И. В. Генерального штаба полковником Ф.А. Фельдманом. Здесь содержаться более развёрнутые сведения по населению Австро-Венгрии [49].

В 1874 г. (повторное издание – в 1875 г.) Славянский благотворительный комитет выпустил **«Этнографическую карту славянских народностей»**, изданную в 1867 г. М.Ф. Мирковичем и дополненную А.Ф. Риттихом. В статистических таблицах он разделил славян по государствам и народностям, а также по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). Было выделено 10 славянских народностей: русские, болгары, сербо-хорваты, словенцы, словаки, чехо-мораване, верхнелужицкие сербы, нижнелужицкие сербы, кашубы, поляки [51; 52].

Численность русских он определил в 61 199 590 чел. В Российской империи проживало 57 905 294 чел., в Пруссии – 1 196, в Австро-Венгрии – 3 223 100, Румынии – 20 000, в Турции – 50 000 чел. Среди русских православных – 54 517 557 чел., раскольников – 3 074 127, униатов – 3 101 909, римо-католиков – 500 000 чел. [51; 52].

К карте 1875 г. А.С. Будилович, внёсший значительный вклад в изучение население Карпатской Руси, в т. ч. и Холмщины [42], выполняя поручение Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, написал приложение «Статистические таблицы распределения славян: а) по государствам и народностям, б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). С объяснительной запиской» [2].

А. Будилович обратил внимание на недостоверность цифр славянского населения Австро-Венгрии и на «всегдашнее желание статистиков немецких увеличить по возможности немецкий элемент империи, а мадьярских – мадьярский, насчёт преимущественно элементов славянских и румунских». Численность славянского населения Австро-Венгрии он взял у чешского учёного В. Крикка (как более согласного с Шафариком и другими источниками славянскими), высчитанную на основании переписи 1869 г. В этой переписи не

было этнографических сведений, поэтому пришлось дополнительно обратиться к переписи 1851 г., хотя, как признавал А. Будилович, «славян там указано – *minimum*, а для неславян, особенно немцев и мадьяр, – *maximum*» [2: 8–10]. «Данные, относящиеся к России, сообщены А.Ф. Риттихом» [2: 6].

В целом славян в Европе вместе с Россией (европейская часть, Кавказ, Сибирь и Средняя Азия) насчитывалось 90 365 633 чел. Всего русских – 61 199 590 чел. В России проживало 57 905 294 русских. В европейской части – 51 496 294 чел., на Кавказе – 1 144 000, в Сибири и Средней Азии – 5 265 000 чел. Предполагалось, что среди них было 14 168 288 малорусов и 3 488 600 белорусов. В Пруссии – 1 196 чел., в Австро-Венгрии – 3 223 100, в Румынии – 20 000, в Турции – 50 000 чел. Среди русских 54 517 554 были православными, 3 074 127 – раскольниками, 3 107 909 – униатами, 500 000 – римо-католиками [2:4–6].

Говоря об «иноверцах племени русского», А. Будилович отметил, что число раскольников в России, предположительно, около 3 000 000 чел.; в Турции и Румынии – до 70 000; в Пруссии – 1 196; в Буковине – 2 951 чел. Итого: 3 074 127 чел. Униатов в России – 200 000 чел., остальные 50 000 униатов Холмской епархии воссоединились недавно (1875 г.) с православием, и процесс этот продолжается. В Галиции – 2 311 90 чел.; в Угорщине – 596 000 чел. Итого: 3 107 909 чел. Русские католики в Западной России и Галиции, писал автор, «обыкновенно причисляются в переписях к полякам. Шафарик предполагал в одной Белоруссии 350 000 русских-католиков. Если вспомнить, что в Галиции статистики ещё более смешивают католическую религию спольскою народностью, то придётся и там предположить немалое число зачисленных в католицизм русских. Поэтому цифра 500 000 будет низшим пределом для обозначения русских католиков. Строго говоря, на эту цифру нужно бы уменьшить сумму – не русской, а польской народности в наших таблицах. Но будем предполагать, что эти полмиллиона русских при переписях не отрекаются от своего происхождения». Всего «русских иноверцев» – 6 682 036 чел. Православных – 54 517 554 чел. [2: 20–21].

Говоря о славянских литературных языках, А. Будилович написал: «Из 11 отмеченных в таблице славянских литературных языков лишь один русский заслуживает этого названия по своей распространённости, древности преданий и обработке. Все остальные суть собственно наречия, а не языки; лишь случайно возвысились они на степень органов литературных и с трудом удерживаются в этом звании при неравной борьбе с языками литературными мировыми. В числе этих литературных “языков” славянских нужно бы упомянуть ещё о малорусском, который употребляется некоторыми писателя-

ми украинскими, галицкими и карпаторусскими, преимущественно униатами. Но этот малорусский литературный жаргон не имеет определённой территории, на которой бы он был органом школ, судов и администрации. Поэтому трудно указать для этого “языка” границы его распространённости и число душ, для которых он служит литературным органом, одним словом – дать этому факту статистическое определение. Вот почему “язык” этот опущен в наших таблицах» [2: 18].

В исследовании «**Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России**», вышедшем в 1875 г., А. Риттих пишет, что «в северных уездах Бессарабской области (с 1873 г. стала губернией. – С.С.) живут малорусы-украинцы, которых иногда зовут русняками. Этот отдел славянства ничем не отличается от своих соседей в Галичине, Буковине – русин и в Подолии украинцев, причём весьма вероятно, что именно о предках этих славян говорили древнейшие греческие и римские писатели как о хлебопашцах и земледельцах» [33: 180]. Он же отметил, что «из брака румынки (молдаванки. – С.С.) с малорусом или украинцем всегда образуется румынское семейство». В то же время союзы румына с украинкой или малороссиянкой «составляют исключение» [33: 34].

В книге «**Славянский мир**» (1885) А. Риттих касается истории Карпатской Руси и её коренного населения. После прекращения династии Рюриковичей польский король завладел Галицким княжеством. «С этих пор в Галиции стала развиваться католическая пропаганда; начались совращения, потом, с Ягелло, уния, окончившаяся уничтожением боярского рода, наводнением поляками и католиками Западной Галиции, а с XVIII ст. и немцами. Вследствие всего этого этнографический состав страны изменился; она разделилась на две части: восточную, русскую, и западную, польскую, по Сан. Князь Острожский говорил: “Знай, ляше, что по Сан – наше”, – указание границы, которая и теперь удержалась». Галиция, в свою очередь, «находится в тесной связи с русскою Угорщиною, т. е. той южной полосой прикарпатской местности, Угрии или Венгрии, которая ныне входит в состав Мадьярского, или Венгерского королевства. Вся её восточная половина находилась некогда во власти русских князей, причём граница шла при в. к. Владимире св. от Тиссы по Тепле к городу Слану, ныне Соовар, около Пряшева (Эперис)» [36: 61].

«Угрское королевство основано в 899–907 гг., на руинах славянских княжеств в древней Паннонии, завоёванных мадьярами или уграми», однако «сношения Закарпатской Руси с Галицией и Россией продолжались по-прежнему, и сами угры до известной степени подверглись цивилизующему влиянию покорённых». Даже после принятия венграми христианства, когда они «окрепли в государств-

венном и гражданском смысле и, в свою очередь, стали оказывать социально-политическое давление на угорусов», последние смогли долгий период «исторической борьбы сохранить свою народность, и такими остаются они поныне, со своим почти полумиллионным населением, именуемым русским». Этому, по мнению автора, способствовал «разновременный наплыв переселенцев с севера и востока». А. Риттих упоминает о переселении из Подолии в 1339 г. (опечатка. Правильно – 1393 г. – С.С.) литовско-русского князя Федора Кариатовича (Кориатовича. – С.С.) со своими подданными. Он напомнил, что к 899 г. вторгшиеся угры «нашли тут совершенно устроенное княжество под правлением Лаборца. Такие же княжества были и южнее, у Плес, т. е. Балатонского, или Блатного озера (болотного), по Дунаю и Тиссе; но всё это были только обломки прежнего величия святополковой монархии». Эти княжества «были отчасти смыты спустившимся с Карпат ураганом мадьяр, привольно раскинувшихся по степям Дуная и Тиссы. Народ, отчасти истреблённый, бежал к Карпатам и временно жил в их ущельях, пока не наступило время сближения двух народов. Эта смесь галичан, подолян, дулебов, быстрян, разных русских и южной ветви, или, как немцы её зовут, виндской, образовали Русскую Угорщину с языком, очень подходящим к русско-украинскому. Близость говоров будет очень понятна, если взять во внимание, что примитивное славянство говорило почти одинаковым наречием, а порчи его в Угорщине со временем покорения её мадьярами не могло быть, так как мадьяры не ударили на Угорщину ни единым лучом просвещения» [36: 62–63].

А. Риттих писал, что «в 1649 г. случилось здесь большое несчастье: православие после ужасных гонений было вытеснено унией, хотя русский народ ещё долго не признавал папу. Появились отщепенцы по корысти и самолюбию, погибли все потомки княжеских родов, бояре и дворянство, и остался один народ, без духовной помощи и призрения. Выручили его предания старины, родной язык и та простота, которую обуславливается жизнь в диких Карпатах. Таких отщепенцев насчитывается ныне в живых 400 т. д. Но не всё прошло, так как продолжение Карпат к востоку сливается с Русью, где в укромном уголку лежит страна букового леса, Буковина, и там-то православие было поддержано и сохранилось по настоящее время во всей своей мефодиевской древности у 208 000 д. русского населения». Он, ссылаясь на Я.Ф. Головацкого, считал, что «дулебы, тверцы, бужане, бастарны-быстряне, певки-лемки, бойки, галичане и словенцы образовали в последние 1000 летто, что теперь называется Угорская Русь, сливающаяся на востоке с православною Румынией и двигающаяся нравственно и реально к югу, по Дунаву и Тиссе, на соединение со Славонией и Кроацией» [36: 63].

Говоря о будущем славянского мира, А. Риттих приводит слова словацкого учёного Людовита Штура, что «для своего возрождения, для занятия во всемирной истории места, соответствующего своим силам и способностям, славяне должны прежде всего освободиться от невыносимого чуждого ига, приобрести государственную самостоятельность». Существует три способа решения этого вопроса: «а) через образование федерации из славянских земель; б) через соединение всех юго-западных славян с Австрией; и в) через присоединение всех славян к России» [36: 334].

Третье предложение, по мнению Л. Штура, «единственно исполнимо и желательно». Он говорит, что «Россия пересоздала и вдохнула новую жизнь в Балканский п-ов, что она же согнула мадьяр и защищила австрийских сербов, хорватов и словаков и своим влиянием на Запад вынуждает щадить, хотя бы для виду, всех остальных славян. Штур представляет себе будущую славянскую монархию самодержавную, с государственным советом из лиц от всех жуп (племён). Общей связью всех племён должны быть православие, преподанное первоучителями, и литературный язык. <...> Да, только Россия – и по своей истории, и по своему современному политическому положению, – может соединить в своем лоне разорванный мир славянский. Она отстояла христианство в борьбе его с исламом. Она же одна сложилась, выросла и окрепла в могучий организм, не нуждающийся ни в чьей поддержке. В ней светлое будущее славян...» [36: 336].

Эту тему А. Риттих позже продолжил в статье **«Объединённое славянство»** (Славянские известия. 1908. № 6. С. 230–252). Учитывая изменившуюся внутриполитическую ситуацию в России, он скорректировал своё видение проблемы единения славян, а также предсказал состав противников и примерный ход боевых действий в грядущем военном столкновении двух сторон, причём раньше П.Н. Дурново¹⁰. А. Риттих писал: «...в преобладающем числе эти славяне по корню своего происхождения живут в России, которая теперь очень удручена собственными делами и не вполне ещё свыклась, определилась в своём новом строе самоуправления; к последнему, как к большой новизне в России, западные славяне относятся пока не достаточно доверчиво, привыкши издавна к тени того их хромающего парламентаризма, который они считали выше самодержавия, но упуская из виду, что он-то их именно обижал основательно, обессиливая всех славян, отнимая у них не только голос, но не признавая их даже за людей. Папа, Габсбурги и султан знали только себя и своих – славяне для них не существовали... А между тем без России такому объединению не обойтись, так как она давно сложившееся государство, сила с большим мировым голосом. С её представителями в славянстве

следует прежде всего прийти в соглашение, войти в справедливую полюбовную сделку и не требовать от них безусловного подчинения, невозможных уступок, которые не к лицу русскому народу, жившему независимо и самостоятельно не одну сотню лет, совершенно отдельно от западных славян, не раскаиваясь в этом, не завидуя участии своих братьев на западе и юге. Также следует принять во внимание, что всякие неосторожные шаги, ненужное задевание чужих, соседственных интересов несродных славянам народов могут всколыхнуть до противодействия, даже до вооружённого столкновения те четыре западноевропейские державы, в недрах которых живут теперь юго-западные славяне, и тогда вместо объединения возгорится такая гибельная война, которая принесёт всем больше вреда, чем пользы: общее разорение!.. Русскому государству теперь нужен покой, потребна большая работа и полное возрождение. Мы далеко ещё теперь не готовы взять на себя исключительно всю эту мало изученную и не испробованную работу объединения, которая не менее сложна, как примерно создание нового государственного организма, а тут таких столько же, сколько на свете славянских народцев с их наречиями, нравами, обычаями, верою и жизнью. Вопрос этот сложен, требуя очень большой работы, громадной энергии, таланта и знаний, и едва ли он окончательно разрешится в меньший срок, чем сколько потребовалось с возрождения западных славян, т. е. два поколения» [31: 3–4].

Есть ещё два центра, могущие объединить славян: «...вторая держава, с преобладающим славянским элементом, – Австро-Венгрия» и Балканский полуостров. Австро-Венгрия «за такое дело не может взяться; это было бы противно её крови и натуре! Ей дорог немецкий уклад, всякое начало славянского рабства. Её апостолическое католичество сгубило и поработило с давних пор всё западное славянство. А между тем в ней то покоится настоящее ядро возникшего вопроса, которое требует лучших дней и уже очень давно стремится к культурной самостоятельности; другая ему пока не по силам, ведь скобу Германия с бронированным кулаком!» [31: 4].

Третья сторона, Балканы, с «запутанным клубком народностей и недоразумений между ними». А. Риттих считал, что «тут всё зависит от союза Болгарии, Сербии и Черногории и стойкости этих славянских народностей. Они могли бы отбросить свои вечные скучные пререкания и доверчиво протянуть руки для обоюдной обороны и этим способом установить тот устой на долинах бассейна Дуная, который на веки удержал бы напор как с юга, со стороны Турции, так и с севера – Австро-Венгрии» [31: 5].

Также «заинтересованы в славянском деле Германия и Италия. У первой проявилось желание проглотить всех славян, и это она до-

казывает теперь среди населения старой Польши». «Италия, в своём северо-восточном углу владеет небольшим словенским осколком, под названием резан, взамен чего часть итальянцев живёт в Тироле. Эти резане также достойны иметь свой голос среди словен, но об этом не заботятся славяне, и их ассимилируют итальянцы исправно, из года в год. Италия теперь пристально смотрит на противоположный берег Адриатики, на Албанию, которая её едва ли не больше интересует, чем вопрос об ирриденте!» [31: 5–6].

Изложенное как бы указывает, что центр деятельности, направление всех видов культуры не может быть в России, что, однако же, не мешает ей иметь в этом деле свой особый, веский голос. «В этом центре, в его руках, должна постоянно действовать испытанный опытом и очень честная демократическая работа, вполне сознательная, уравновешенная, экономная и с сильным, беспощадным по совести, контролем. Русские дела с нашим беспорядочностью и с поклоном во все стороны такому серьёзному делу не соответствуют. Мы ещё дети по демократической совести. Мы тщательно искали этот центр среди других славян с их городами и должны были остановиться на Чехии и её Золотой Праге» [31: 6–7].

А. Риттих предположил, что «славянские устроители» для решения вопросов Всеславянского союза могут заседать в Праге. Такое учреждение, по его мнению, «может быть только коллегиальное, с принятием решения трех четвертей голосов, имея в виду, что каждый решённый вопрос в славянских интересах будет иметь свой худой или хороший отклик за границею, у враждебных славянству народностей». Однако «следует выступать на арену славянской культуры осторожно и, сделав это, идти вперёд уверенно и неходить в Каноссу». Риттих высказал мнение о примерном составе такого всеславянского совета с представительством от всех славянских народов, в т. ч. помимо русских (из империи), угрорусов, русских галичан и буковинцев. Было бы справедливо, по его мнению, включить сюда и голос карпаторусов (лемков, бойков и гуцулов). Он поднял вопрос о его содержании и описал планы по экономической основе Всеславянского союза. Он также предложил сделать русский язык «официальным всеславянским», ввести национальные языки в богослужение различных конфессий [31: 7–17].

Он привёл примерную численность сухопутных сил сторон при возможном вооружённом столкновении в Европе и примерный ход боевых действий. Он, в частности, писал, что у Италии «очень жидки финансовые средства, а особых выгод не предвидится». Говоря об экономической составляющей, А. Риттих упомянул: «...что касается денежных средств для ведения этой войны, то их ни у кого нет в на-

личности, разве они окажутся в Англии, да ещё в России, тот золотой фонд в 1 миллиард, который теперь хранится без употребления и пользы. За три месяца такой войны она обойдётся одной России, никак не меньше 3 миллиардов рублей, и это будет ещё очень милостиво» [31: 17–20].

Он предположил, что Германия нанесёт основной удар по России. «Поэтому на Вислу направится не менее 1 250 тыс. войск. Они, благодаря своей удивительно скорой мобилизации и отличным путям к нашей границе, займут налётом всё левобережье Вислы и двинутся через Восточную Пруссию, к Брест-Литовску и Ковне, в тыл. Однако крепости на Висле и укрепления на северо-востоке и немалая армия и громадная кавалерия противника, хотя бы иррегулярная, заставят германскую армию остановиться. Может даже случиться, что Восточная Пруссия до Вислы очутится в русских руках. Флот германский для десанта в Прибалтийском kraе будет бездействовать, его парализуют англичане, отчасти Дания и мы; это нам будет возможно. За три месяца войны у нас будут крупные неудачи, но крепости будут отстаиваться, а армия ещё сильна, получая подкрепления с тыла». Движения германской армии в духе Наполеона не получится, т. к. «Германия начнёт уставать, а 2/5 её населения – голодать! Подвоз жизненных продуктов, в особенности из России, неминуемо прекратится, а без этого жить в Германии невозможно. Остальные пути снабжения будут накрепко заперты!» [31: 20–21].

А. Риттих считал, что Россия «кинет на Вислу, хотя бы с опозданием, не менее 1 250 000 войск и много кавалерии; последняя постараётся двинуться за пределы границы, наделав там немалых бед. Со стороны Кёнигсберга она станет действовать наступательно, опираясь на крепости Ковно, Осовец и Брест-Литовск. Получится ли из всего этого Цорндорф или Кунерсдорф, неизвестно, но, должно быть, правая сторона Вислы до устья будет в руках русских» [31: 21–22].

Касаясь положения Франции, А. Риттих предположил, что Германия против неё направит не менее 1 млн войск. Введение Францией двухгодичного срока службы «да та неурядица мыслей, направлений и поступков, какие теперь замечаются во Франции, дают повод думать, что французы будут подавлены вторжением немцев. Однако Седана все-таки не будет, и до Парижа не дойдут: нет Бисмарка и Мольтке! Хотя и у французов теперь нет Наполеона I». Он отметил, что «тут сражения будут, бойни, но они не решат судьбы Франции, и в силу общего театра войны может случиться, что германцы подадутся назад, к Рейну» [31: 21].

По мнению А. Риттиха, «Германии эта война не обещает лавров, напротив, приведёт к истощению, и потому не следует удивляться,

что даровитый император Вильгельм II делает вид, что всегда готов сразиться, тогда как в сущности он только мирно обороняется! На союзников – Австро-Венгрию и Италию – надеяться рискованно: первая разлагается, а вторая далеко и имеет свою минутную задачу – оборону. Для Германии всё зависит от того, как пойдут её военные дела на Висле» [31: 21]. А. Риттих отметил, что «узел всех битв, Косово поле, случится у Балкан» [31: 22].

Он считал, что «такая бойня в Средней Европе продолжаться более 90 дней не может (Первая мировая война продлилась 4 года 106 дней. – С.С.). Ведь все будут разорены и истощены до крайности! Государственные долги, внутренние, возрастут непомерно, и все скопления за сто лет, богатства культуры исчезнут, как ледяной покров весною! Торговля, обмен товаров, жизненных припасов совсем прекратятся. Из строя борющихся сторон свыше 11 млн лучшего населения Европы убудет убитыми, ранеными и больными до 3½ млн, причём одних убитых будет свыше миллиона (потери в Первой мировой войне составили около 9 млн погибших в боях и более 5 млн мирных жителей. – С.С.)! В наиболее лучшем положении очутится Англия и незатронутыми – С.-А. Соединённые Штаты. Последние со свободными руками захватят оба океана: Великий и Атлантический и невольно опять обратятся в посредников и заставят приостановить военные действия. Снова соберётся конгресс, вроде Венского или Берлинского, вероятно, в Америке, и начнётся тот раздел, который переиначит карту всей Европы! Поплатиться должны будут Австро-Венгрия и Турция из-за славянского вопроса, за славян, которым они причинили столько зла» [31: 23].

Россия, по его мнению, «освободив окончательно славян, соберёт свои русские земли, возвратив себе Владимирову Русь до р. Саны, Карпаты и угорорусов до р. Тиссы и окончательно объединится. Но зато она легко может потерять все своё прибрежье у Тихого океана, причём Чукотский полуостров перейдёт к засевшим там американцам! На Кавказе она может получить для округления своих границ, Баязетский округ. Босфор не станет более препятствием для выхода черноморского флота в Эгейское море» [31: 23].

Англия заберёт себе почти все германские колонии. Франция, вероятно, отстоит Лотарингию и получит Люксембург. Италия получит своих итальянцев в Тироле и, может быть, Истрию. Турция очутится за Босфором, в Малой Азии. Все юго-западные славяне Турции и Австро-Венгрии, освободившись, пожелают, по всей вероятности, управляться сами, конфедеративно и не под эгидою русского орла. В эту новую конфедерацию войдут как равноправные члены Венгрия, Румыния и Греция. Это новое государство со столицею в Константинополе, будет

относиться к России с благодарною памятью, но станет оберегать свои интересы настолько же, как это делает теперь Италия по отношению к Франции. Во всяком случае, это новое царство не удивит свет своею неблагодарностью, как то сделала Австрия, за что сама судьба сулит ей достойное возмездие [31: 23–24].

В 1895 г. были изданы «Четыре лекции по русской этнографии» А. Риттиха. Как он писал в предисловии, «предлагаемые лекции по независящим от автора обстоятельствам не могли быть осуществлены». Этот «долголетней труд автора над вопросами русской этнографии принадлежит к эпохе борьбы действительности с отрицанием (нигилизмом. – С.С.), к периоду 62–81 годов» [39].

Он, в частности, отметил, что «для того, чтобы осмысленно обнять православие, его необходимо понять, а это возможно единственно чрез посредство русской школы, теперешней приходской, где одновременно с изучением языка идёт такое же по закону Божию. Обратить татарина, алеута, айноса или манзу в православного, давая им понятие о началах христианства на их языках, не значит ещё сделать их всех русскими людьми. Все они будут православными, христианами, но далеко не русскими. Точно так же сербы, болгары, черногорцы православные славяне, к которым следует причесть тех православных буковинцев и угрских славян, которые сами признают себя за русских, так как некогда при Владимире Св. они входили в состав русского государства. Румыны так же православные, но они не призадумались даже примкнуть к Западу, а униаты Галиции, эти русские люди князей Даниила и Романа, признающие папу, уж очень отделились от нас» [39: 15].

Говоря о Бессарабии, «лакомом для Румынии кусочке», А. Риттих напоминает, что «румынская земля была некогда чисто славянскою, но в силу исторических обстоятельств огрекорумынилась» [39: 60]. Касаясь ассимиляционных процессов, он отметил, что «от смешанного брака с русским, что легко по единоверию, всегда оказывается лишний румын на лице». «Так древний Рим и древняя Галлия, соединившись воедино у устьев Дуная и приняв в себя до $\frac{3}{4}$ славянского элемента, стоят теперь на страже против нас и своими уколами комаров и москвичей, немало тревожат старого медведя, у которого под одним из его пальцев лежит Бессарабия, где уезды Оргеевский, Сорокский и Ясский имеют преобладающее румынское население. И тут, чтобы ослабить аппетит соседей, необходимо позаняться русскими школами и языком и восстановить память древних тверцев, поглощённых звучностью румынского языка и ассимиляционной способностью римлян, поработивших Дакию, но и отказавшихся от неё через столетие – гиганту это оказалось тогда не по силам» [39: 61].

Касаясь темы «немецкого порабощения кельто-славянского эlementa», он напомнил, что эта « дальновидная политика германского племени продолжается и теперь в Африке» германцами и англичанами. Началась такая политика со времён Карла Великого, когда непокорённые страны включались в виде мархий (пограничных областей Каролингской державы. – С.С.) – старой, новой, виндской и т. д. – уже считались принадлежностью государства, хотя до осуществления такого помысла было ещё далеко». В настоящее время продолжается то же самое: «...за мархию считают Царство Польское, Прибалтийский край, а от них идут разведки во все стороны до Москвы, Петербурга и Киева на тот случай, когда б Илья Муромец заснул, чтоб тогда его выбросить не только за Днепр, но сопричислить к народам Азии, живущим за Волгою. И после этого станут нам понятны эти множества планов кампании разных Сарматикусов, эти союзы, травли русских и все то, что мы испытали во время этого доброго времени, дружбы с Германией с 1854–1881 год. Нас обошли, одурачили» [39: 63].

Автор объяснил, почему это, по его мнению, произошло: «Россия, не поняв всей глубины мысли своего великого преобразователя, усвоила себе только наружную форму цивилизации и, в силу судеб, попала в руки иностранцев, пред которыми преклонялась, считая их за учителей и правителей. Во главе последних стоит герцог Бирон. А далее шло то же самое, до забвения России и предания её и всех её интересов, на пользу не русского человека, а вообще человечества, что и разразилось идеей Священного союза, длившегося до крымской компании. Тогда прозрели, но уже было поздно! Учение Лагарпа и нашего слашавого певца Жуковского, питомца XVIII ст., также принесли свои неспелые плоды. Идеи Фихте, Канта, Гегеля и Клопштока с наукой нашей немецкой академии одинаково немало работали не в пользу русского дела, тогда как проповедники вроде Жан-Жака Руссо, Вольтера, Дидро, Байрона, Шиллера, Гёте, Кернера и Гейне, за отсталостью и отсутствием собственных у нас писателей и критиков, окончательно вскружили всем головы, и наша интеллигенция с правителями, забыв царство и народ, умственно совсем переселилась на Запад. А одновременно совершаются великие события при Екатерине II: падает и делится Польша, Россия завладевает Чёрным морем и русская царица едет по Днепру осматривать свои новороссийские владения, целое царство степей, украшенное по берегам Днепра декорациями городов, сёл, деревень и замков» [39: 63–64].

А. Риттих пишет, что заселение началось «всякими народностями: греки, сербы, влахи и молдаване, французы, итальянцы и шотландцы – всё пригодно, чтобы ожили степи и эти Запорожские острова, которые тогда же были отданы немцам». Причём выходцы колоний

в Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Саратовской, Самарской и Бессарабской губерниях «считают своею родиною Германию и Швейцарию; тут встречаются имена всех швейцарских кантонов, множество баварских, виртембергских и баденских. Однажды такое начало было положено, в новую страну потекли немцы северной Германии из Ганновера, Ольденбурга, Мекленбурга, Саксонии, Пруссии и т. д., причём все они назвали свои селения именами сражений за освобождение 1813, 14 и 15 годов». После Польского восстания 1863–1864 г. «возбуждённый в прусских головах вопрос о мархиях вызвал своё действие под непонятным покровительством русских властей! Желая укротить умы, повернуть их в другую сторону и не зная, что во всём этом польский народ ни при чём, напустили немцев, колонистов по левую сторону Вислы, без принятия подданства, и вот эти немцы начали работать на пользу Германии» [39: 64].

Затем «были пущены преднамеренно колонии от Тильзита к Курляндии и от Волочиска к Киеву, по шоссе. А так как в Привислянском kraе и без того было много немцев по наследству от Пруссии и Австрии, то и выходит теперь, что они все вместе, с этими безнадёжными для нас евреями, представляют из себя неудобную для нас нравственную массу, которой противопоставлены русские штыки. Дело это поправляется, но идёт медленно, и закон обходится» [39: 65].

Говоря о баронах Прибалтики, А. Риттих напомнил, что «их множество, помимо своей службы в России и особых правителей края, которыми умело они пользовались, все смотрели в лес, оглядывались на Германию и обращались с Россией безбожно нагло и неумно, народив в своих рядах таких предателей как Ширен, Бок, Этлингер и другие». «Вот этот то фальши: служить своему царю и отечеству, пользоваться всем и даже больше, чем русские, и одновременно якшаться с нашими врагами, действовать нам во вред, вот это-то не может быть прощено и послужило причиной тем преобразованиям, которые случились ещё недавно по Министерству юстиции и народного просвещения и которые в конечном результате вернули Дерпту своё прежнее название Юрьев, а Динабург обратился в Даугавпилс» [39: 65].

«Самому государству ни те, ни другие (немцы и колонисты. – С.С.) по своей обособленности видимой пользы не приносили. Народ от них ничего не мог заимствовать по той же причине; всё это жило только для себя и для своей выгоды, сносясь постоянно с заграницею, откуда черпались идеи антигосударственные, откуда получались профессора, учителя, пастыри, шульце (старосты), немецкие книги, газеты и возвзвания, и портреты Вильгельмов, Бисмарка и Мольтке, а о нашем царе, нашем языке не было и помину. Вот это-то и обидно и терпимо быть не может, и этого то не сообразили те немцы: дворяне, колони-

сты, купцы, профессионисты, которые так долго пользовались всеми благами русского государственного покровительства» [39: 65–66]. Нельзя не упомянуть, продолжил А. Риттих, что «строгостью жизни, дисциплиною общины и благодеяниями правительства колонисты скопили большие общественные капиталы, которые даются взаймы благонадёжным членам и общинам за весьма ограниченные проценты – от 2–3. Этими деньгами скупают земли, большие поместья, завоёвывая себе мирным путём русское достояние, до вытеснения русского хозяйства из природных земель. Вот почему закричали екатеринославские дворяне, которые неожиданно очутились окружёнными со всех сторон немецкими колониями, вытеснившими русских рабочих; и это идёт прогрессивно из года в год и в действительности угрожает тому, что целая губерния может очутиться в руках людей, хотя бы и отсталых от теперешней немецкой культуры, но крепко придерживающихся всего нерусского» [39: 66].

Говоря о немцах-ремесленниках, живших «по всем городам России» начиная со времён правления Иоанна IV, автор отметил, что «они жили целыми слободами в городах, но с течением времени слились и вошли в состав городского населения, немало потрудившись над разными ремёслами и немало обучив тысячи русских мастеров. Это был народ способный, знающий и говоривший и говорящий на русском языке хорошо, потому что работал с народом и он ему близок, и их никак нельзя смешивать с колонистами и торговцами» [39: 66].

Он коснулся вопроса «тех неподданных, которые под покровительством своих консулов, делая своё дело, вредят нам немало». Автор высказал мнение, что «теперь вся Россия покрыта этими немецкими комиссионерами, которые, комиссионерствуя для своих торговых фирм, вместе с тем занимаются разведкой всего того, что полезно их государству, их войску, стратегии, дипломатии, большому Генеральному штабу. Едва ли в последнем не больше сведений о России, чем у нас самих, так как о своих труднее говорить, чем о врагах!» [39: 66].

3 декабря 1901 г. А.Ф. Риттих прочёл лекцию офицерам армии и флота [21: 217] в «Обществе ревнителей военных знаний». Статистические таблицы и схема расселения юго-западных славян, составлявшие приложения к сообщению, вышли отдельным изданием «**Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе**» [35]. Здесь наряду с другим славянским населением даются сведения по численности и расселению русинов (русского населения) Австро-Венгрии.

Он разделил её русское население на следующие группы:

а) Угорусы. В Северо-Восточной Венгрии под Карпатами. 620 000 чел. (все униаты). Между униатами встречаются православные. Язык украинский киево-волынский (народный);

- б) Украинцы-галичане (русины (опечатка, русины. – С.С.), или рутены). От Саны и Бескид до русской границы и Буковины. 3 009 151 чел., из них 2 723 151 униат, 286 000 католиков. Между униатами есть православные в небольшом количестве;
- в) Лемки. В горах Бескид и Карпат. 90 000 чел. (униаты);
 - г) Бойки. В лесистых Карпатах. 80 000 чел. (униаты);
 - д) Гацулы (опечатка, гуцулы. – С.С.). В лесистых и горных Карпатах 110 000 (униаты);
- ж) Буковинцы. В Буковине, по границе с Россией. 225 000 чел. (православные);
- з) великороссы. В Буковине (Белой Кринице) и Восточной Пруссии на границе с Россией, около Лыка. 6 500 чел. (старообрядцы). Из них 3 500 чел. – в Белой Кринице и 3 000 чел. – в Пруссии.

Всего русских в Австро-Венгрии (и в Восточной Пруссии), по мнению учёного, было 4 140 651 чел. [35: 6–7].

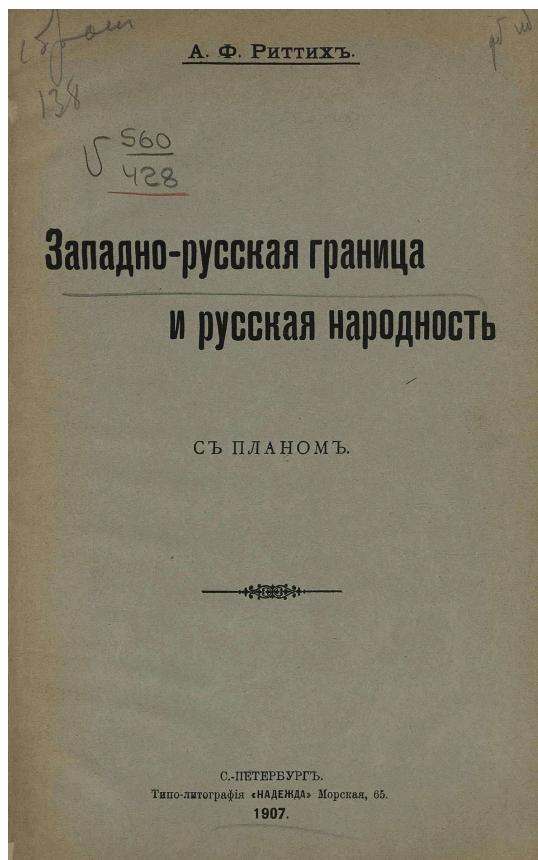
В названиях этнических групп (украинцы-галичане, гацулы, буковинцы) присутствуют неточности или опечатки. К примеру, буковинцы – это всё население края, а русское население – русины (рускаки), в составе которого были и гуцулы. Впрочем, и среди «угорусов» наличествовали местные гуцулы, бойки и лемки. Несмотря на это, его сообщение было одним из немногих в то время, информирующих российскую общественность о русинском населении Австро-Венгрии.

Свою статью **«Западно-русская граница и русская народность»** (Русская старина. 1907. Т. 130. Май) А. Риттих начинает с краткой истории, где он касается волнений на Украине в 1768 г., войны с Турцией, противоречий с Австрией, разделов Польши. Касаясь истории Древней Руси и её границ, он пишет: «Если посмотреть на чертёж юго-западной границы Владимировой Руси, то окажется, что эта граница также по народности, как и в наше время Червонная Русь в Седлецкой и Люблинской губерниях такая же, как ныне по народности, т. е. русская. Река Сан в Галиции, как и ныне, отделяет русскую народность, язык от польской народности. Города Ярославль и Перемышль существовали тогда уже, существуют и ныне. Утрачена полоса народности за Саном у Пряшева и Слана. За то исходало до нищенства русское население по Карпатам – гуцулы, лемки и бойки – держатся, изнемогая от нищеты. Далее граница Владимировой Руси заходила за Карпаты, до рр. Тёплой и Тиссы, где на всём пространстве, живут поныне угорусы, столь угнетённые теперь венграми. Владимира Русь кончалась на р. Серете и Быстрице, сливаясь с Киевскою Русью. Вот эта-то Галиция с прилежащими странами к югу и западу досталась Австрии задаром, по первому разделу, с 3 млн русских жителей. Эту землю с населением объевреили и обвенгерили, насколько хватило сил, но, тем не менее,

не могли уничтожить русский народ. Он, свалившись уже, все ещё держится, несмотря на страшное давление, игоподобное, и терпеливо выжидает помощи со стороны России и русского народа с востока. И есть надежда, что когда-нибудь это случится, так как другой задачи у нас на западе не имеется...» [22: 372].

Он говорит о присоединении части Руси к Литве, объединении Литвы с Польшей, притеснениях русского народа, Брестской унии и его порабощении, деятельности иезуитов, о «противодействии католичеству и польщизне» Петра Могилы, казачестве, Богдане Хмельницкому, присоединении Царства Польского к России, бунтах 1831 и 1863 гг.

Говоря о подавлении восстания 1863 г., А. Риттих отметил: «Спасли Россию от позора ум и твёрдость М.Н. Муравьёва. Это был для того времени великий русский человек, который не жалел крамольников, зачинщиков, ксёндов, польскую знать, но вместе с тем он знал убеждённо, что делал, за что карал. Казнённых, сосланных, заключённых, было немало, а всё-таки их было гораздо меньше, чем в Киевском и Варшавском генерал-губернаторствах. Он своими разумными распоряжениями сумел обуздять мутителей – ксёндов и всё католичество, опекая православие с его народом; он унял панство со шляхтою, указав ей границы своего хозяинчанья, и обложил всех землевладельцев поляков 10 % сбором, т. е. ударил по тому карману, который давал средства к восстанию» [22: 388].

Титульный лист исследования А. Риттиха «Западнорусская граница и русская народность»
(СПб., 1907) [22]

Автор, кстати, подчёркнул, что «везде собственно народ – белорусы, малороссы и поляки – не принимали участия в бунте и восстаниях» [22: 389] (что, к сожалению, игнорируют многие исследователи. – С.С.).

Заканчивает он краткую историческую справку изложением следующих событий: освобождение крестьян в 1861 г., зависимость крестьян от помещиков (в Западном крае в основном помещики были поляками. – С.С.), введение земства в западных губерниях, введение Закона о веротерпимости, отпадение от православия в Холмщине. Он приводит численность русского населения в западных губерниях. По переписи 1897 г. в 9 губерниях западно-русского края жило 19 929 000 чел. «Из этого числа русских всех трех наречий – великоруссов, белорусов и малоруссов – считается 68,50 %, или 13 792 610 д. об. п. Всех великоруссов, по преимуществу старообрядцев – 216 026 – 1 %. Остальные 31,50 % инородцев распределены между 18 языками и наречиями, причём на литовцев приходится 11,93 %, или 2 378 529 д. об. п.; на поляков – 5,45 %, или 1 096 130 д. об. п. и на евреев 11,79 %, или 2 349 029» [22: 391].

Касаясь «восточной полосы Привислинского края, Забужья и прусской границы», А. Риттих сообщил, что «в 1864 г., когда при руководстве Н.А. Милютина перестраивалось Царство Польское после восстания, в тогдашней Люблинской губернии, теперешняя Седлецкая и Люблинская губернии, имелось 256 униатских малорусских приходов с населением в 215 484 д. об. п. Кроме того было там 12 православных приходов с населением в 4 723 д. об. п.». В Августовской губернии, преобразованной в Сувалкскую и Ломжинскую, в 1864 г. было 4 униатских белорусских прихода и 2 моленные старообрядцев, великороссов Сейненского уезда, с униатским белорусским населением в 8 751 чел. и 6 329 старообрядцев-великороссов. Всего в нынешних 4 восточных губерниях Привислинского края в 1864 г. было 224 225 малороссов и белорусов и 6 929 великороссов. В 1875 г. все униаты с их 268 приходами были воссоединены с православием, и «старая граница Владимировой Руси, Червлёные города, сделались опять вполне русскими по вере и со своим русским языком» [22: 394].

За эти 30 лет православное население Люблинской и Седлецкой губерний увеличилось до 319 058 чел., вместе же в четырёх губерниях дошло до 344 248 чел. До 150 000 чел. отпали от православия и приняли католичество. А. Риттих обратил внимание «на полнейшее попустительство русской власти и печальное понимание своих обязанностей как русских чиновников, так и управителей в губерниях». 194 248 православных остались «верными религии своих отцов, достойны того, чтобы на них обратили не только внимание, но и защитили бы их от открытых нападок католицизма и фанатического

произвала хозяев – панов-католиков, землевладельцев. Казалось бы, что губернаторы с высшим православным духовенством в Холмской епархии с помощью уездных начальников и их помощников, да православные церковные клириры могли бы знать положительно, сколько именно отпало, сколько у них осталось в православии и сколько обиженных, батраков, выгнанных панами и католическим духовенством, с работы, с заработка наущного хлеба только за то, что они православные? Этим пострадавшим как духовно раненым, в борьбе за веру следует помочь средствами, отысканием работы защитою против всех напастей всяких фанатиков-католиков». Он посоветовал русской администрации и православному духовенству Холмской епархии действовать так, как действуют польские общества в Познани против немцев [22: 394–395].

А. Риттих обратил внимание, что в западных губерниях и Привислинском крае поляки считали «всякого католика поляком», упомянув, что среди католиков есть литовцы (866 тыс.), жмудины (448 тыс.) и русские. Количество русских католиков (малороссов и белорусов) здесь дошло, вероятно, до 1 368 000 чел. В четырёх губерниях Привислинского края их было 251 900 чел. В то же время «закон о веротерпимости теперь не требует уже, чтобы русский человек был непременно православным; ему разрешается в ущерб православия, быть всякой дозволенной в государстве веры. За то поляки, католическое духовенство с епископом Роопом во главе усиленно охраняют свою польскую национальность, считая всех русских католиков за поляков. Этим способом число поляков увеличится более чем на целый миллион душ. Тем не менее домашний язык, родной, остаётся русским, а с разрешением теперь проповедовать и молиться на своём родном языке, эти люди, вероятно, не отпадут от своей народности» [22: 397–398].

В 1911 г. в двух номерах журнала «Русская старина» опубликован исторический очерк А. Риттиха **«Обиженный край»** [29], который затем вышел отдельной брошюрой [30]. Здесь он кратко излагает историю «основы теперешнего Русского государства», «первородной России, Западного края», территории «теперешних 8 западно-русских губерний, включая в это число Виленскую губернию» [29: 61–62] начиная с XII в. Он описывает ситуацию, сложившуюся на Западной Руси после татаро-монгольского нашествия: «...вся Угорщина, Закарпатская Русь, отошла от внуков Мономаха, обратившись в достояние венгров, и кой-как ещё удержалось Галическое княжество при князьях Данииле и Романе, но и оно с прекращением династии, было захвачено польским королём Казимиром в 1340 г.». Литва, не пострадавшая от татар, окрепшая ещё при киевских князьях, «вос-

пользовалась погромом России и начала исподволь присваивать себе земли по соседству, подчинять себе удельных князей, кое-как ещё выживавших по Западной Двине, Неману, Припяти, в теперешних Виленской, Гродненской, Минской и Волынской губерниях. Так, будто незаметно сформировалось к XIV ст. новое Литовско-русское государство, в котором преобладающее русское население» [29: 63]. Автор пишет, что «опаснейшим врагом» новой Московской державы был литовско-русский великий князь Витовт, тестя великого князя Московского и Владимира Василия Дмитриевича [29: 64].

Он показывает историю русско-литовского государства до династической унии и создания польско-литовского государства [29: 64–66]. После Люблинской унии и образования Речи Посполитой «руssкие княжества и земли были прикреплены через Литву к Польше», начались гонения на православие, русское боярство, чтобы сохранить привилегии, переходило в католичество. Он упоминает о борьбе за сохранение православия (создание братств, в т. ч. Львовского, которому вселенский патриарх подчинил все остальные, а также дал братству право, по утвержденному им уставу, отлучения от церкви, в т. ч. и епископов). А. Риттих говорит о роли князя Константина Острожского, митрополита Петра Могилы в сохранении православия на Западной Руси [29: 66–70].

Затем «с постепенным присвоением Польшей русских земель и введением в них польского законодательства, со всякими привилегиями для католиков, признающих только польское право распоряжаться и владеть землёй, все русское погибло из столетия в столетие, и уже обедневшие княжеские семьи, боярско-дворянские роды, члены княжеской дружины успели войти в состав шляхты. Все крестьяне к концу XVI века уже находились в положении рабов и хлопов, зависели всецело от воли своего пана, и ополячение русского шляхетства пошло вперёд быстрыми шагами. Некатоликам не предоставлялось никаких коронных должностей. Для этого пошли в дело такие меры, как лишение чести и покровительство законов, а с другой стороны награды в разных видах, до владения доходными имениями и покорным хлопом. Ко второй половине XVII века русская шляхта забыла свой язык и веру. Эта причина оттолкнула от них народ, а одновременно разразилось среди панов что-то в роде болезни, небывалая дотоле роскошь» [29: 70–71].

Для того чтобы жить в роскоши, стали ещё больше обирать крестьян: «5 дней работы на пана и 2 на себя; за улей, вола, помол они также платили отдельно. Но и этого было мало, и окатоличенная русская шляхта, равно как пришлые поляки, нашли справедливым войти в тесные сношения с евреями и армянами, которым сдавали

православные церкви в аренду. И начал этот беззащитный народ платить за вход в свою церковь при крещении, за венец, погребение, за исповедь и за всякое богослужение своего рода церковную пошлину. Церкви сдавались паном в аренду еврею, который за это уплачивал пану дорого, но затем был как бы собственником церкви. И полуголодный без того народ терял таким образом последнее, свою душу, веру, обращаясь действительно в скот, быдло, и он ненавидел своих панов, чувствовал глубоко это иноземное порабощение и начал толпами уходить, бежать в привольные южные и западные степи, где в то время хозяевами были запорожцы и малороссийские казаки. Эти казаки, возникая на востоке Польши как бы для охраны её земель от турок и крымского хана, при Сигизмунде I в 1516 г. получали свои привилегии на вольное владение землями». Начались «кровавые восстания в конце XVI и в первой половине XVII века. Это восстание слилось, совпало с гонением за православную веру во всём казачестве», и «интересы казаков частью слились с понятием о русской свободе и её народности» [29: 71–72].

Далее автор рассказывает о личности Богдана Хмельницкого и восстании, поднявшем «всю Русскую Украину¹¹», присоединении Левобережной Украины к России, войне со шведами в союзе с польским королём Августом II. К сожалению, улучшений в жизни западно-русского населения не произошло. А. Риттих описывает последние годы польского государства, выборы королей, вмешательство во внутренние дела королевства других государств. Фридрих II присоединился к требованиям Екатерины II о даровании диссидентам (некатоликам) равноправия с католиками. Польский сейм вынужден был подписать в 1768 г. «трактат, по которому давалась свобода вероисповедания диссидентам, уравнивались политически-гражданские их права с католиками». Далее он пишет о разделах Польши, ликвидации Запорожской Сечи, возвращении униатов из вновь присоединённых земель в православие, польском бунте 1830–1831 гг., реформах после неудачной Крымской войны (особенно о крестьянской реформе, в ходе которой в 1861 г. упраздили крепостное право в России), имевших особое значение для западно-русского края, новом польском восстании 1863–1864 гг. В последнем приняли участие «не только всё дворянство, шляхта, но ксёндзы, женщины и даже дети» [29: 72–87].

Вторую часть очерка А. Риттих начинает с описания деятельности графа Михаила Николаевича Муравьёва. «Во время мятежа 1831 г. он успешно действовал против банд в Витебской, Минской и Виленской губерниях, производил следствия о политических преступниках и вводил русское гражданское управление в Белоруссии. Он же ратовал о введении русского языка во все учебные заведения в

западно-русском крае и о закрытии Виленского университета¹², а также об устраниении католического духовенства в образовании и воспитании юношества» [29: 303].

Говоря о деятельности М. Муравьёва во время восстания 1863–1864 гг., исследователь отметил, что «1 мая 1863 г., когда наши власти совсем растерялись от повстания, которое прозевали, и уже готовы были отдать Ц. Польское Пруссии, ухватились за Муравьёва как за спасителя погибающего русского дела. Он был назначен генерал-губернатором с диктаторскою властью семи с.-западных губерний, включая Августовскую. Польским кинжалщикам и жандармам-вешателям он ответил сожжением польских деревень и околов и ссылкой в Сибирь целыми семействами, до 5 000 душ. Имения секвестровались; таких было до 1 250, и продавались обязательно русским. Контрибуция с имений и 10 % сбор достиг 2 600 000 р. в год. Католическое духовенство в смысле взысканий и наказаний подверглось общей участии восставшей шляхты и дворянства, которая заплатила за все расходы по восстанию и обязана была держать вооружённую сельскую стражу по всем губерниям, что обошлось ему до 800 тыс. руб. Было ещё и много других мер для унятия расходившегося повстания, что привело в совокупности в ноябре 1863 г. к тому, что оно притихло и углеглось, оно было в корне подавлено, не только в губерниях под управлением М.Н. Муравьёва, но по его же примеру в Юго-Западном крае и в Ц. Польском. Для русского государства, для сохранения его целости, и чтобы не было повадно в будущем, это была громадная заслуга графа М.Н. Муравьёва. В 1864 г. он удалился от дел и умер 70 лет в 1866 г.» [29: 304].

Последующие преобразования во всей России (введение гласного суда, всесословная воинская повинность, отмена откупов и замена их акцизным управлением, новый режим по народному образованию, основание церковно-приходских школ) вместе с «наплывом русских помещиков и чиновников в западно-русский край изменили несколько его физиономию и заставили польских помещиков и шляхту несколько присмиреть, но, увы, не надолго!». Поляки «после тех вольностей, которыми они никогда не пользовались при своих королях и ещё при императоре Александре I, не могли помириться с тем, что случилось; они всё ещё подумывали о своём королевстве от моря до моря». Автор напоминает о покушении на императора Александра II в Париже 25 мая 1867 г., «когда поляк Березовский стрелял в государя» [29: 305].

А. Риттих напоминает, что с «учреждением в России двух палат – Государственной Думы и Государственного совета – в первой поляки защищали своё дело до того умело, что большинство Г.Думы с трудом

удерживало свою русскую позицию, своё русское дело и теперь вопрос о Холмщине после 2 лет рассмотрения в комиссии отложен в долгий ящик. А в Государственном Совете представители от 8 губерний, оказались поляки. Здравый смысл не может верить в такую аномалию, а она такова. Чтобы это исправить, было предложено ввести в 6 губерниях западно-русского края земство на одинаковых началах, как оно действует во внутренних губерниях. Этот проект благополучно прошёл, с некоторыми, впрочем, существенными изменениями, через Государственную Думу. Закон был отвергнут из-за уменьшения ценза и введения курий, т. е. выборов по национальностям в Г. совет (помещики польского происхождения выделялись в отдельную избирательную курию. – С.С.)! Тогда палаты были распущены на 3 дня, и за это время земство, по проекту Государственной Думы, введено в крае, в 6 губерниях, по 87-й статье¹³ [29: 308].

Имея в виду настроения, царившие в российском обществе, А. Риттих писал: «Русский космополитизм, марксизм, незнание России и её народа, вечная рознь и упрямство взяли верх над государственностью и национальной идеей. Общество не хочет и не может понять, что Россия может жить только с таким духом народа, как было при царях Иоанне III и Алексее Михайловиче. Западно-русский край, этот громадный плацдарм, где разыгрывались разорительные войны, как-то вторжение поляков до Москвы, поход Алексея Михайловича до Гродно, Северная война, походы Ласси, Миниха, князя Салтыкова, Суворова, 12-й год, восстание 1831 и 1863 годов, этот край требует теперь особой заботы, попечения о себе, иначе он легко может сделаться достоянием немцев, даже австрийцев и, чего доброго, поляков. Не напрасно же они мечтают о своём государстве от моря до моря!» [29: 308].

Автор ставит вопрос о том, «как удержать эту нашу родную национальность в западно-русском крае». Он приводит результаты переписи 1897 г. по западно-русскому kraю: общее количество населения в 9 губерниях (Ковенской, Витебской, Могилёвской, Киевской, Подольской, Волынской, Гродненской, Минской, Виленской) – 20 211 000 чел., около 25 млн в настоящее время. Русского населения по языку по переписи 1897 г.¹⁴ – 14 155 992 (68,34 %), около 17,5 млн чел. в настоящее время. Преимущественно это крестьяне, которых насчитывалось по переписи 14 966 210 чел. (75,75 %). Поляков по переписи – 885 362 чел. (5,04 %). Православных – 12 624 078 чел. (59,50 %), 16 млн в настоящее время. Старообрядцев – 223 722 (1,42 %). Католиков – 3 613 748 чел. (22,88 %), из них «совращённых католиков, русских» – 1 390 171 чел. (8,80 %). Получается, «собственно прирождённых католиков» – 14,08 % от всего населения. Среди

католиков также 2 527 380 (17,39 %) не поляков – литовцев, жмуди, латышей. Протестантов¹⁵ – 226 700 чел., евреев – 2 608 726 чел. (13,28 %). Дворян, в основном поляков, всего 481 666 чел. (2,82 %). Показав, что большинство населения края «крестьянство, по преимуществу русской речи, православные и по крови, однородные с нами», А. Риттих указал, что «теперь настало время позаботиться о них ещё больше». Он считал, что «русский народ должен быть взят крепкою русскою властью под свою особую защиту, с проведением широко национальной идеи как единственной, с которой возможно ещё долго прожить. Местные деятели, близкие к народу, как мировые судьи, земские начальники, исправники, становые и все им подобные, должны быть непременно из числа русских, честных, неподкупных деятелей». Также он предлагал учредить в городах и местечках «наёмные для рабочих конторы, где собирается артель под началом старшего артельщика, непременно из русских. С ним разговаривает экономия или завод, через него выдаёт заработную плату, с него требует, а не с единичных рабочих, до которых не касаются штрафы, взыскания и всякие пререкания. Тогда будет порядок, законный ответ, и рабочий люд не будет обижен» [29: 308–321].

По мнению А. Риттиха, «Северо-Западный край темнее, запущеннее, гораздо смиреннее, чем Юго-Западный край», поэтому ему нужно уделить большее внимание. Создание Белорусского вспомогательного общества с резиденцией в Петербурге и с отделами в белорусских губерниях обеспечило бы, по мнению автора, «защиту, помошь народу, с устраниением всякого обмана и насилия». Здесь необходимо также обратить на школу, «но не такую, где учат читать, писать и счетоводству с 4 правилами арифметики; такая грамотность или, вернее, полуграмотность производит дурных писарей, говорунов на сходках, полуульяных ходатаев и, наконец, слишком часто глупых крикунов. Школа должна иметь вполне полезное направление, которое состоит в том, чтобы развить простолюдина со стороны национальной, в любви к отечеству и престолу, а это достигается некоторым понятием по истории России, её географии, которые в интересных рассказах и с разумными руководствами легко понимаются и слушаются детьми, да и взрослыми с восторгом. Школа эта обязана учить сельскому хозяйству практически и теоретически. Она должна иметь свой ремесленный отдел в роде обучения портняжному, сапожному, столярному, токарному, кузнечному, слесарному и другим мастерствам». Для того чтобы поднять «приниженное крестьянство», «для независимого существования белоруса» он предложил вести систему мелких кредитов, хотя бы не более 50 руб. на руки, «под ручательством на три года». Этот кредит освободит крестьян от ростовщиков [29: 321–323].

Завершается очерк критикой украинофильства (приводим отрывок полностью, т. к. здесь автор высказывает свою позицию): «К особенностям Юго-Западного края следует отнести появление там с 60-х годов XIX ст. украинофильства, сильно теперь подогреваемого австрийскими агентами. Это дело с обществом Шевченки во главе, какою-то оперою Наталки-Полтавки и ограниченным числом фантазёров, полагающих, что Малороссия, малороссы составляют что-то особенное со своим неразработанным наречием и своими чумаками, может самостоятельно существовать, не нуждаясь в общем отечестве – России! Никогда они самостоятельно существовать не могут, и это доказано удельными князьями времён Андрея Боголюбского и потом татарщиною, а далее Литвой и Польшей, которые все её громили, покоряли и уродовали вплоть до присоединения Малороссии в 1654 г., а затем и Украины при Екатерине II. Даже эти 60 тыс. реестровых казаков с Хмельницким во главе чуть-чуть что не признали своим повелителем турецкого султана, а ведь они боролись с поляками не на жизнь, а на смерть, и немало били Польшу, но и тогда решили наконец на раде, в Переяславе, что лучшего покоя, как под покровом восточного, православного царя, они не найдут и, разумеется, нашли. Случился ещё изменник Мазепа со своими 6 тыс. казаков, но неслыханная ещё победа под Полтавой отняла у всех надежду возвратиться к каким бы то ни было старым отжившим порядкам. И вот из числа миллионных людей, нашлись какие-то 100, хотя бы даже 1 000 человек, не особенно культурных, которые, опираясь на Австрию и поляков, затеваюут теперь совратить Украину, Малороссию и далее до Кубани и всё это отнять от России и эту благодатную страну, добытую русскою кровью от Польши и Турции, образовав здесь какое-то славянское государство, с апостолическим величеством во главе и с передачей за это Германии 15 млн австрийских немцев Западной Австрии.

Напротив того, не пора ли бы войти в соглашение с Германией и окончательно присоединить к себе русскую Галицию по Сан: знай, ляше, что Сан – наше, и заняв, Карпаты с их бойками и лемками, притянуть к себе угрорусов, весь комитет Мормараш (Мармараш, Марамуреш, Маромараш. – С.С.), до берегов Тиссы. Мы уверены, что, случись война у нас, а она будто и надвигается, то даже все наши левые встанут под ружьё и будут защищать своё отечество. Аннексия Боснии и Герцеговины – это ещё последний вздох несчастной Японской войны, которая проиграна благодаря также долготерпению и преобладанию ничтожных личностей! Теперь вё это прошло, и наше дело как национальное далеко не проиграно. С каждой минутою, что мы живём, мы чувствуем нашу возвращающуюся к нам силу и вовсе не удивляемся конфликту с нашими палатами...

Как у немцев, Германия превыше всего, так у нас наш русский государь превыше всего. Это удостоверяет история, народное избрание и пышно расцветшая Россия с её богатствами и 160 млн народом, из которых $\frac{3}{4}$ русского народа. И вот к царю обратилась русская депутация Юго-Западного края, прося о земстве. Она была принята благожелательно, и как закрытие палат, так и статьи 87, вопреки протеста, произведены законно и по воле и царскому желанию. Что были чрезвычайные обстоятельства, это так ясно, как день. Мы имеем полное право воскликнуть: руки прочь, и да будет русский народ с его государем решителем наших судеб» [29: 323–325].

Геополитике, вопросам укрепления обороноспособности России и будущему военному противостоянию посвящён ряд других работ А. Риттиха. В 1898 г. выходит его книга «**Восточный вопрос (политико-этнографический очерк)**» (СПб., 1898). В исследовании, посвящённом т. н. Восточному вопросу, А. Риттих предсказал возможный ход развития событий в регионе при условии увеличения активности России в этом направлении. По его мнению, «Восточный вопрос без перемены карты Европы едва ли может разрешиться; уж слишком много заинтересованных народов по праву и неправде». Он раскрывает интересы России, Австрии, Великобритании, Франции, Германии, балканских стран в данном регионе, отметив, что «ни одна из западноевропейских держав не имеет на Балканском полуострове своих правовых интересов, т. е. национальных» [21: 3].

Так как «в настоящую минуту при всем кажущемся согласии держав, кроме дружелюбной Франции, все остальные державы не доброжелательны к России», А. Риттих считал, что необходимо поддерживать всеми силами «Румынию, Сербию, Болгию, Черногорию и Грецию, дабы они росли в своих национальных границах и развивались в укор русским противникам» [21: 9]. России эти страны «следует смирять, направлять к одной цели, объединять, помогать деньгами, оружием, товаром, торговлею, договорами и всем, что умно и полезно, став одновременно во главе их и, способствуя через них, умирать Турции, потом Австро-Венгрии и даже, если нужно, не пожалеть Германию» [21: 9–10].

По его мнению, «такой протекторат России, сильной армией и всем её населением над славянами полуострова предварительно даст немало с их стороны, около 700 тыс. воинов румын, сербов, болгар и греков, которые с небольшою помощью русских войск легко отнимут Боснию и Герцеговину, что будет только справедливым возмездием за прошлое коварство. С другой стороны, этот же протекторат посодействует России высказать словечко за Галицией, за галичан, за угрорусов и рано или поздно восстановить границу России при княжении Владимира» [21: 10].

А. Риттих допускал, что Румыния может принять сторону Тройственного союза, т. к. «руssкие прозевали всё то, что сделано в Румынии недавно против России». Но ей следует объяснить, что от России она ничего не получит, а на западе, практически до р. Тисы, они могут рассчитывать на почти 7 млн «единородных душ» [21: 11].

Таким образом, «политика России должна быть направлена к упрочнению созданных ей государств и в употреблении их с пользою для самих себя и в конечном выводе для общего дела всех славяно-православных народов. Россия как сильнейшая помогает везде, покровительствуя каждой народности в отдельности и всем вообще и преследуя единую цель: выделить славян из западной сферы, освободить их, создав на Востоке новую жизнь и культуру. А Запад пусть себе живёт своею жизнью, пусть он крепнет и развивается у себя и в своих многочисленных колониях, но не на счёт самостоятельного славяно-православного Востока, этого особого мира, который сам сумеет размежеваться» [21: 11].

Также «России, при всём её медленном движении вперёд, необходимо иметь свободу на морях и в торговле, чему немало препятствует уже три столетия, враждебная ей Англия. Против последней, России нужна тесная дружба с Францией и с теми мелкими государствами Запада, которых Англия притесняла и притесняет, да вдобавок, коли можно, бомбардирует. И в этом смысле нужна работа, самая настойчивая и энергичная, даже если б это и не входило в расчёты русской ближайшей соседки. Думаем, что Германия, даже в крайнем случае с Англией, против такого союза ничего не поделает» [21: 12].

Касаясь Англии, А. Риттих отметил, что «бессспорно она сильна на море, но, строя суда и расширяя свою торговлю с захватами, кто же у неё останется под конец в метрополии. Она, ещё два века тому назад вполне земледельческая страна, выкинулась искусственно в моря и рассеялась по всему свету, насыщая оставшихся дома колониальными добычами. Такое неестественное дело когда-нибудь дойдёт до своих пределов; как тогда? Этот предел теперь выдвигается на очередь конкуренцией за новыми землями других народов, и Англия начинает блекнуть среди разрешающегося Восточного вопроса» [21: 12–13].

По мнению А. Риттиха, «если Турция умирает, то Австро-Венгрия очень больна, и её смерть не за горами» [21: 17]. Он был уверен, что Германия, стремящаяся объединить все немецкие земли, рано или поздно присоединит к себе Австрию [21: 14]. Династии Габсбургов придётся переместиться в Пешт (Будапешт. – С.С.). Россия же, преследуя свои цели, для решения восточнославянского вопроса может добиться, чтобы сербы, румыны и русские выделились из Австро-Венгрии и отошли к своим государствам [21: 15]. В составе Австро-Венгрии

останутся «мадьяры и весь апостолический католицизм, т. е. хорваты, словаки, словинцы, чехи и поляки» [21:16]. Чехи и другие славянские народы, возможно, захотят остаться под управлением Габсбургов, если Габсбург будет короноваться в Праге с признанием основных законов Чехии и одновременно провозгласит себя королём триединого королевства: Кроатии, Славонии и Далмации. «Такая сборная держава – не новость; также по своему бессилию она повиснет между Россией и Германией. Но тут ничего не поделаешь, ведь это остатки тех несправедливых приобретений, которые достались Австрии же нитьбой, коварством, захватом и политикою на счёт слабых соседей. Что посеешь, то и пожнёшь, и потому остаётся только сожалеть, что чехи, выдвинувшись так много вперёд и оставшись цели среди немецкого моря, не могут иметь той участи, какую достигли Балканские государства! Впрочем, при тяготении к России, всё это устроится в их пользу, хотя им будет это труднее выполнить, чем триединому королевству на юге, которое, несмотря на свой католицизм, может легче примкнуть по соседству к Балканской конфедерации» [21: 16–17].

С другой стороны, «новая, объединённая Германия не захочет такого скорого распадения Австро-Венгрии, да ещё с такими последствиями для России, которую она презирает и боится. Страх утратить какого ни на есть друга, Австро-Венгрию, не приобретя нового, и знать о состоявшемся тем или другим путём объединении славян под руководством России, слишком велик» и потребует «самоотверженных со стороны Германии мер» [21: 17–18].

100

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ

ПОЛИТИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининский каналъ, д. № 45.

1898.

Титульный лист книги А. Риттиха
«Восточный вопрос (политико-этнографический очерк)».
(СПб., 1885) [21]

Германия, присоединив австрийских немцев, объединит 75 млн человек почти однородного населения. «Это огромная империя и громадная сила с огромным полем действий, но уж не в Европе, а в Африке. Там она при своём умении работать и устраиваться может сделать многое не только для себя, но и для человечества. Там же ей придётся встретиться лицом к лицу с Англией, что теперь уже предвидится, и потому ненапрасно Вильгельм II так усиленно хлопочет о своём флоте. Ему он нужен не столько в Европе, как около своих колоний, в океанах. В предстоящем споре с Англией последней не миновать катастрофы...» [21: 19].

Кроме Англии, у Германии есть и «другой враг, давнишний» – Франция. Между странами существует территориальный спор: пограничные Эльзас и Лотарингия [21: 20]. Поэтому Франция будет противиться, «если Германия с согласия России начнёт поглощать немецкую Австрию». Возможен союз Франции с Англией в защиту Австрии и против Германии и России. Однако утрата союза с Россией Франции невыгодна, а «подход англо-французского флота к берегам Балтики и Чёрного моря, по изменившимся обстоятельствам русской обороны, техники и сообщений, сопряжён с громадным риском». «Чтобы обойти все эти неудобства, невыгодные, бесконечно спорные для Германии, Франции и отчасти России, и чтобы парализовать самолюбивые расчёты Англии в этом чисто континентальном вопросе», А. Риттих предложил компромиссное решение. Германия возвращает Франции «эти 14 ½ тыс. км² отвоёванной немцами земли с их 1 600 000 жителями полуфранцузов-полунемцев Эльзаса-Лотарингии». Франция же выплачивает за это Германии деньги, «которые ей теперь очень нужны», около 1 ½ млрд. И вопрос о реванше сам собой отпадёт» [21: 21].

Разумеется, Франция «этим не останется довольна», т. к. от этого Германия ещё больше усилится. Поэтому на Францию надо надавить ещё другим: в Турции помещены французские сбережения на 6 млрд франков. В счёт компенсации за это Франции под протекторат надо отдать земли, «где Франция проливала кровь, и где также немало потрачено французского труда да средств, и где католичество находится как бы под её протекторатом по наследству от средневековых французских королей». Речь идёт о Сирии и Египте с Суэцким каналом. Англия касательно Египта будет противодействовать, «но если Россия, Германия и Франция станут действовать в этом вопросе согласно, что вполне возможно, то Англия должна ретироваться» [21: 22].

Если Англия не захочет уступить, то, «в крайнем случае, могут прийти из-под Карса и Туниса русско-французские сухопутные силы и тогда заставят англичан сделать то, что будет угодно этому союзу. А

кроме того, сбоку Абиссиния с помощью Франции может также указать англичанам, что им здесь не место. Думаем, что это дело возможно устроить легче, чем предполагают. Но при этом придётся соблюсти одно условие: отдавая Египет под протекторат Франции, Суэцкий канал с выходами в Средиземное море и в Индийский океан, должны быть объявлены на вечные времена нейтральными ради общих интересов мира, и такое условие должно быть гарантировано всеми заинтересованными державами, решающими этот вопрос окончательно. То же самое следует выговорить относительно нейтральности Иерусалима. Таким-то образом устраниются всякие будущие конфликты между Германией, Францией и Россией» [21: 23].

А. Риттих предложил: для того чтобы на Балканском полуострове «устранить в будущем малейшее соревнование, несправедливость, замешательства и даже войны, то прежде всего следует признать равноправными разные славянские наречия и народности и на основании только такой равноправности разграничить между собою эти новые государства с их старыми народами». Он привёл примеры возможных границ Румынии, Сербии, Болгарии, Греции, Албании, Черногории [21: 26–39].

А. Риттих коснулся и претензий Румынии на российскую территорию: «Толкаемая германскими Гогенцоллернами, во вред своему народу, Румыния домогается и ждёт своего вознаграждения более всего от России, у которой по соседству в Бессарабии живёт несколько сот тысяч румын. Но это может случиться только при полнейшем разгроме России, что сомнительно. Зато обратное занятие русскими всей Румынии не совсем неправдоподобно. Однако такой её погром может случиться только тогда, если Румыния будет и впредь гогенцоллернистовать, и понятно, что при таких обстоятельствах ей нельзя надеяться на какой бы то ни было успех, на приращение и объединение её национальности, хотя бы при этом объединилась бы вся Германия». Румынии, считал автор, «следует придерживаться России» и «надеяться, что в скором времени Румыния будет вознаграждена до народных границ угорусов и мадьяр, от истоков Прута по Тиссе, до Варадина, Арада, Вайскирхена и Дуная, т. е. до пределов своего языка и своей веры» [21: 28].

А. Риттих полагал необоснованными претензии Сербии на часть Македонии. Признавая право Сербии на возвращение Боснии и Герцеговины, он считал, что территория, где проживают хорваты-католики, «принадлежит триединому королевству Кроации-Славонии и Далмации». Взамен Сербия должна получить свои исторические земли: «Косово поле с Расой, Дмитровицей, Приштиной, Призреном, Печь, да Ускуб, т. е. Старую Сербию, гранича с юга с болгарами по

хребту Чёрной горы, а с запада с Черногорией по истокам Белого и Чёрного Дрина» [21: 29–31].

Касаясь вопроса «проливов с Константинополем», А. Риттих рассмотрел права претендентов на «достояние древней Византии»: Турции, Греции, Болгарии, России. Он считал, что для России «проливы в прежнем смысле потеряли свою прелесть, вопрос приелся, а св. София давно заменена множеством других русских святынь. Эта палеологовщина совсем утратила свою силу, и Киев, Москва, Петербург и т. д. русские никогда не уступят за Константинополь». И что «Россия сделала своё культурное дело без проливов и доказала, что обходилась без них, без этого амулета, который ей чего доброго не принесёт особого счастья, зато хлопот бездна, с оттягиванием многих хороших русских соков и богатств к этим вечно зеленеющим Принцевым островам». Он напомнил, что если России отойдут проливы, то в военное время никто не войдёт в Чёрное море. Однако «и русским не выйти из него; их немедля задержат у самого выхода около островов Лемноса и Имброза» [21: 39–43].

А. Риттих сделал вывод, что «акт завладения проливами, благодаря всему, что случилось с 1856 г., не только не выгоден теперь, но не безопасен для России по двум причинам: слишком уж она расположится и потому ослабеет раньше, чем закончит свои внутренние вопросы, и, во-вторых, ни одна из западных держав ей этого не простит, да ещё вопрос, как на такое присвоение посмотрят все вообще славяне?». Правда, говоря о Константинополе, он отметил, что «никто из западных держав не имеет прав им владеть, и если вся эта землица около проливов может быть кому-либо отдана на поддержание, то единственno России, которая лучше других сможет водворить здесь порядок, даже лучший, чем какой она сумела установить у себя внутри!» [21: 43].

Он предложил «на основании всего высказанного», что «удобнее всего было бы признать эту землицу – море нейтральным уделом, причём для водворения порядка поставить его под протекторат России. Управление там может быть демократическое, народное, при русском уполномоченном. Остальные нации Европы не должны вмешиваться, иначе при обычных в этом отношении интригах спокойствие никогда не водворится. Можно надеяться, что при таких условиях Константинополь весьма скоро дойдёт до цветущего состояния и что это будет величайший в мире город по своему торговому и бытовому положению». Учитывая, что при установлении нового порядка придётся иметь дело со «многими равноправными народностями: турками, греками, армянами, болгарами, евреями и другими, которые, увлекаемые страстью и порывами гнева, могут взяться за оружие, необходимо,

чтобы при русском уполномоченном была сильная военная охрана и такая же полиция, которая при всех обстоятельствах умеряла бы эти страсти и водворяла бы порядок в среде этого разнокалиберного состава населения по берегам проливов. И в этом случае понятно, что эти войска и полиция должны быть русские» [21: 43–44].

Говоря о приоритетах внешней политики Российской империи, А. Риттих отметил, что «для России среди всех её европейских международных сношений самым дорогим делом, корнем русского бытия, несомненно, был славянский вопрос и благополучие всех вообще славян Европы, что должно было бы стоять на первом плане русских политических соображений; это вопрос её западных границ, и потому он постоянно, как призрак, затрагивает русские интересы. Всё же остальное составляет как бы пристёгнутое к первоначальному делу: оно удерживается или бросается как второстепенный предмет, нам малоинтересный. Живите себе, народы, как знаете, наша кровная забота сосредоточивается вокруг и около всего в совокупности славянского востока» [21: 49].

В статье **«Старые погудки на новый лад»**, опубликованной в газете «Славянские известия» в 1913 г., А. Риттих касается политики западноевропейских стран по отношению к России. В частности, он писал, что Россия, чтобы обезопасить свои границы, начала наступать на юге. «Это наступление русских к югу идёт в XVIII ст. мерным шагом вперёд и кончается в 1812 г. у берегов Дуная с приобретением Бессарабии. Начинается как бы новая эра: открытое покровительство России славянам – сербам и болгарам на правом берегу Дуная. Но тут-то русская дипломатия получила первый удар с Запада, и христиане Балканского полуострова были изъяты из покровительства России и подчинены совокупной опеке Западной Европы в 1856 г. Чтобы задержать Россию в её поступательном движении к югу, её отдалили от Дуная и запретили ей иметь флот на Чёрном море, т. е. заперли её на замок у проливов. Россия направилась на восток к Памиру». Сан-Стефанским договором было «основано княжество Болгарское, но благодаря Англии и Австрии, а отчасти и Германии наша победа и многие жертвы далеко не дали того, что было желательно, и Россия, ослабленная войною 1877–8 годов, должна была унильно согласиться на то, что решила Европа... Затем наши теперешние друзья устроили у себя в Лондоне, Париже и в других городах притонодержательство всяких революционеров и террористов, которые возбуждали население внутри страны и привели к катастрофе 1881 г. (убийство императора Александра II. – С.С.). Но этим Запад не удовлетворился и заключил союз с Японией, а мы получили в конечном результате Цусиму и Мукден! Потеряв и тут край наших

владений и лишившись флота, мы, продолжая верить только словам, но не делу, заключили союз с Францией против Германии и вступили в соглашение с Англией на тот конец, чтобы нашими вооружёнными силами защищать не столько себя, сколько наших отъявленных врагов, скрывающих свои истинные намерения под пышными фразами. Никто из них за нас не шевельнёт пальцем, и если Россия хочет быть не только сильной, но и целой, без уступок земли и населения, то ей необходимо, не покладающи рук, работать над войском, не боясь расходов» [38: 540].

А. Риттих считал, что Вторая Балканская война (29 июня – 10 августа 1913 г.), когда «четыре маленькие державы, все православные, и с ними в хвосте разбитая Турция, вооружились против Болгарии, созданной незабвенным императором Александром II», устроена «по милости Австро-Венгрии и Германии, которые воспользуются нашей слабостью и возьмут себе то, что им нужно». В заключение он отметил: «Вся наша беда состоит именно в том, что мы отказались быть великой державой. Наши вооружённые силы не соответствуют ни нашим бесконечным границам и расстояниям, ни нашему пространству, ни громадному населению, ни силам наших противников...» [38: 540].

В небольшом очерке **«Большая опасность»** (Славянские известия. 1914. 1 января. № 1) он в очередной раз предупреждает российское общество о грядущей войне и её последствиях: «У нас недостаточно ясно сознают всю силу напора немцев на Восток: на Россию, на славянство, на православие». А. Риттих напомнил, что Германия занялась модернизацией турецкой армии и направила в Константинополь 43 офицера во главе с генералом фон Сандерсом. Их назначили командовать частями 1-го армейского корпуса. Турецкие силы под немецким командованием могут запереть проливы и в нужный для них момент остановить «нашу вывозную торговлю от Дарданелл до Аланских островов». После этого немцы, скорее всего, появятся на всех берегах Чёрного моря. И у нас останется свободным только Архангельск, который не сможет удовлетворить потребности всей России. А. Риттих считал, что немцы не остановятся в Малой Азии, а пойдут дальше на Восток. В их руках окажутся весь Курдистан и вся Армения, а также все стоявшие там турецкие войска. И через два года, считал он, мы будем иметь против нас не Тройной союз, а Четверной, «и наше Закавказье, равно как Юго-Западный и Привислинский край весьма скоро очутятся в немецких руках». Хотя автор ошибся в сроках начала войны: Германия объявила войну через 7 месяцев после публикации статьи, его предположения в целом оказались верными. За исключением Закавказья, где благодаря активным действиям Кавказской армии удалось сорвать планы по захвату российского Закавказья и перенести боевые действия на территорию противника [20: 12].

В заключение он пишет: «Нам могут возразить: неужели же мы за всё это время, за 8 лет, не принимали никаких мер, чтобы парализовать такое нашествие, такое почти бескровное завоевание немцами наших пограничных владений? Разумеется, меры приняты, но какие? Никому неизвестно, что у нас делается по военной части, да и делается ли вообще что-нибудь, чтобы противостоять четверному вторжению. Говорят, всё благополучно, и нам ничего не нужно... Но зато соседям нужны земли, золото и унижение России, низведение её до положения Болгарии, в котором она очутилась после всех подлостей, мастерски состряпанных Лондонской конференцией послов, а потом Грецией и Румынией. Пример этот следует одинокой России иметь в виду всегда и не надеяться на Англию и Францию. Последняя может быть раздавлена Германией, а Англия для спасения себя и своих колоний, в особенности Индии, до которой доходит очередь освобождения, останется нейтральной и, возможно, начнёт действовать против нас. Этот манёвр Германия имеет в виду и, делая вид, что желает сразиться с Англией, всё время готовится нанести смертельный удар России.

Ёё давнишняя работа приходит к концу, обещая ей богатейшую жатву, а нам позор, унижение и крушение всех наших идеалов, широко воспетых поэтами, но увядших раньше своего расцвета. Берегись, русский человек: всё говорит не в твою пользу, и час расправы близок. А пока – как больно переживать это наше разочарование...» [20].

Исследования А. Риттиха, русского офицера и патриота, были востребованными в конце XIX – начале XX в. Помимо научной, они имели и практическую ценность. Его «Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям», вышедший во время Польского восстания, убедительно доказал преобладание русского православного населения в 9 западно-русских губерниях [17]. Это впоследствии привело к изменению государственной политики в данных регионах. Его «Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская», в котором было показано наличие здесь значительного количества русского населения, помогло принять меры по его защите и постановке вопроса о выделении регионов компактного проживания данного населения в отдельную губернию. В нём он также описал существовавшие здесь в то время этнические группы [34]. Эти, как и многие другие его труды, не потеряли ценности и сегодня. В частности, его работы по geopolитике, где он предсказал будущую Перовую мировую войну, примерный расклад сил противников и ход боевых действий.

Примечания

1. Сведения о семье отца А. Риттиха, впрочем, как и о его семье, противоречивы, содержат неточности и описки. Поэтому автор в тексте приводит несколько источников, выбрав из них наиболее, на его взгляд, достоверную информацию.

2. Дополнительно см.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т./ Российская государственная библиотека. Отдел литературы русского зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. Т. 3: И–К. М.: Пашков дом, 2001. С. 654; Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т./ Российская государственная библиотека. Отдел литературы русского зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. Т. 6, кн. 1: Пос–Скр. М.: Пашков дом, 2005. С. 214. Также справочную информацию см.: Риттих Александр Александрович // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3510866; ресурс «Офицеры русской императорской армии»: Риттих Фёдор Александрович (URL: <https://www.ria1914.info/index.php?title=%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>) и Риттих Пётр Александрович (URL: <https://ria1914.info/index.php?title=%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%8B%D1%87>). В «Списке генералам по старшинству», составленном на 1 мая 1894 г., написано, что А. Риттих вдов, 7 детей [41: 325]. Вероятно, двое детей умерли в юном возрасте.

3. О поднятом А. Риттихом вопросе определения национальной принадлежности упомянула в своей статье О.А. Красникова [8: 203].

4. П. Семёнов (в документах с 1906 г. – Семёнов-Тян-Шанский) подробно описал процесс подготовки «Этнографической карты Европейской России» и вклад А. Риттиха в её составление.

5. Газета «Русский инвалид», ссылаясь на «Голос», писала в № 29 от 2 февраля 1877 г. (с. 2), что на «Международной выставке искусств, промышленных изделий и продуктов почв и шахт» в Филадельфии в 1876 г. полковнику А. Риттиху была присуждена высшая награда – медаль с отзывом за представленную им «Этнографическую карту Европейской России». Он и А. Ильин (за работу его картографического предприятия) – единственные, кто получил высокие награды по картографической части.

6. Мятеж польской шляхты заставил многое переосмыслить не только А. Риттиха. Ранее мы писали о В.В. Крестовском [44] и

В.И. Кельсиеве [43], для которых 1862–1863 гг. тоже стали своеобразным поворотным пунктом.

7. Книга была издана тиражом всего 100 экз. и, как сообщила газета «Русский инвалид» в № 52 от 7 марта 1906 г. (с. 5), «роздана автором избранным им лицам». Основная мысль автора изложена в предисловии: «Только что законченная война и продолжающаяся смута ослабили Россию до ужасающих размеров. Потребность переустройства внутри и обороны окраин очевидна. Наши необъятные границы, населённые почти сплошь инородцами, заставляют трепетать за будущее нашей родины. Предлагаемые меры (административного, политico-экономического и оборонительного, характера) расчитаны исключительно на пользу русского народа – этой основы государства, созданного его работою и кровью. Все остальные народы могут и должны жить не хуже большинства и преобладающего русского племени, но только как части общего достояния и без малейших преимуществ...».

8. А. Риттих здесь не прав. Русин (нем. russinen) – самоназвание населения Галичины, Угорской Руси и Буковины. Он упоминает о первой в Галичине грамматике русского (русинского) языка (Grammatik der ruthenischen oder Klein russischen Sprache in Galizien von Joseph Lewicki (mit einer Kupfertafel) = Грамматика языка русского в Галиции = Grammatyka jazyka russkiego w Galicy). Её издал в 1834 г. Иосиф Левицкий в Перемышле за свой счёт. В предисловии на немецком языке он даёт краткую историческую справку о русинском населении Карпат. См.: [45].

9. А. Риттих писал, что «хотя религия и может служить в подразделении населения на племена, но она не может проводить окончательно раздельную черту и находится в тесной связи с говором народа, его нравами, обычаями, привычками и другими признаками этнографии» [34: 26].

10. Меморандум члена Государственного совета Российской империи, бывшего министра внутренних дел П. Дурново (Записка Дурново) был подан Николаю II в феврале 1914 г. С военной точки зрения, прогноз военных действий А. Риттиха составлен грамотно. Некоторые неточности в принадлежности ряда второстепенных государств к одной из двух коалиций вызваны тем, что к тому времени не все страны окончательно определились в выборе военного блока. К примеру, А. Риттих считал, что Япония в будущей войне станет противником России. Он также не мог предположить, что некомпетентность ряда военачальников приведёт к гибели кадровой армии и императорской гвардии в 1914–1915 гг. Не мог он предвидеть, что крепости Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Ковно падут в 1915 г. после

непродолжительной осады, так же как и Осовец, защитники которой героически оборонялись и выдержали три штурма. А главное, на наш взгляд, то, что А. Риттих не учёл значение деятельности внутренних и внешних (среди которых были и «союзники» России) врагов империи по развалу страны, которая привела к дестабилизации и двум революциям.

11. Ранее А. Риттих упомянул, что «эти казаки, комплектуясь из года в год недовольными из народа, жили в губерниях Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской и ещё восточнее, в Свободской Украине, в нынешней Харьковской и Черниговской губерниях» [29: 72]. Следовательно, постоянно используемый А. Риттером термин «Украина» охватывает, по его мнению, в то время территории этих губерний. Описывая данные территории, начиная со времени присоединения Левобережной Украины к России и войны со шведами, А. Риттих уже их разделяет их на Украину (польскую часть) и Малороссию (российскую часть) [29: 74–75]. По классическому определению, приведённому в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона, «Украина – так назывались юго-восточные русские земли Речи Посполитой. Это название никогда не было официальным; оно употреблялось только в частном обиходе и сделалось обычным в народной поэзии. Границы земель, которые были известны под именем “украинных”, трудно определить, тем более что название это не было устойчивым и в разное время обнимало собою неодинаковое пространство. Лучший знаток истории У. в польское время А. Яблоновский полагает, что в половине XVII столетия название “У.” обнимало собой на Поднепровье повет Киевский (за исключением его северной, древлянско-северской лесной части) вместе с городом Киевом, а также дикие поля нижнего течения Днепра с Запорожьем; на Побужье – всю старую Звенигородщину на “Синих водах”, повет Брацлавский, сливающийся с полем Очаковским, и восточную половину повета Винницкого; западная половина этого повета, на самом Буге, называлась, скорей, Подольем, брацлавское междуречье между Днестром от устья Мурахвы и Бугом – Побережем. Таким образом, в обозначенных пределах У. обнимала собой юго-вост. часть нын. губерний Подольской, значительную часть Киевской, разве только юго-западную часть Черниговской, всю Полтавскую и значительную часть губерний Екатеринославской и Херсонской (“*Słownik geograficzny*”. Т.XII. С. 773–774). На этом пространстве были в древности княжества Киевское, Переяславское, отчасти Черниговское; небольшая часть юго-западной У. принадлежала к Подольской земле. В XIV веке все эти земли подпали под власть Литвы, а со времени Люблинской униони (1569 г.) – и Польши. <...> В 1654 году У. соединилась с Москвой. По

Андрусовскому договору 1667 г. Левобережная У. осталась за Москвой, Правобережная – за Польшей. С этого времени для Левобережной У. обычным названием делается Малороссия. На левом берегу Днепра Украиной называлась официально только У. Слободская, т. е. теперешняя Харьковская губ. На правой стороне Днепра название У. сохранилось за всеми землями, составлявшими прежде Киевское и Брацлавское воеводства и остававшимися во владении Польши до самого её падения» [48: 633–634].

12. В нём «историк Лелевель (польский историк и политик Иоахим Лелевель. – С.С.) читал страстью историю Польши и готовил молодёжь к последующим бунтам» [29: 84].

13. По предложению П.А. Столыпина, Николай II на время приостановил деятельность Думы и Государственного совета и издал 14 марта 1911 г. высочайший указ (закон) «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии» на основании ст. 87 «Основных государственных законов» (от 23 апреля 1906 г.). Данная статья позволяла царю принимать законы «во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере».

14. А. Риттих делает классическую ошибку: смешивает понятия родной (материнский) язык и национальность. В переписи 1897 г. не было графы «национальность», ставить же знак равенства между родным языком и национальностью не совсем корректно. В западных губерниях русский язык мог быть родным языком и для части поляков, евреев и представителей других национальностей. Также и наоборот. На примере данных переписи 1897 г. по Бессарабской губернии видно, что язык не всегда определяет этническую принадлежность: часть гагаузов продекларировали родным языком болгарский, остальным записали родным турецко-османский язык. Среди 55 790 чел., признавших родным языком турецко-османский, 55 615 чел. (97,7 % мужчин и 99,6 % женщин), были православными, т. е. гагаузами, никакого отношения к туркам не имеющими [47: 20]. Кстати, в «Материалах для этнографии России. Прибалтийский край» (1873) А. Риттих сам пишет, что «один язык не может ещё обрисовать народность» на примере населения, говорившего по-немецки, к которому, помимо немцев, относят и евреев [28: 3].

15. О немцах, проживавших в западно-русском крае, А. Риттих писал: «Что касается немцев, то они, как вообще протестанты, многих оттенков, неприятны тем, что не сливаются с русским народом, имеют будто свои чисто немецкие учреждения, школы в особенности и, получая субсидию из Германии, из разных ферейнов (от нем. verein –

союз, общество, клуб. – С.С.), владеют большими землями, богаты и богатеют, но признают за своё отчество не Россию, а Германию. Таких протестантов разнообразнейших духовных понятий насчитывается в крае 226 700 д. об. пола» [29: 317]. Будучи сам по происхождению немцем и протестантом (лютеранином) по вероисповеданию, А. Риттих, как видим из его работ, считал себя русским. Он, кстати, предложил переселить этих немцев «с мест наших стратегических путей в Сибирь, хотя бы с в вознаграждением землями и всякими льготами, только бы подальше от соблазна, туда, где и тепло, и не голодно, но где это твёрдо стоящее на своём я Deutschland über alles потонуло бы в изобилии земель и будущих русских переселенцев. Так бы они, эти немецкие колонисты, наконец, из-за сбыта своих произведений обрусили бы, потонули бы в обширности пространства и вдали от своих и милых однородных друзей, врагов нашего Отечества, по соседству» [29: 318].

ЛИТЕРАТУРА

1. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917): в 4 т. Т. 3: М–Р / сост. Е.Л. Потемкин. М.: Б. и., 2019. 609 с.: цв. ил.
2. Будилович А.С. Статистические таблицы распределения славян: а) по государствам и народностям, б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). С объяснительной запиской. Приложение к «Этнографической карте славянских народностей» М.Ф. Мирковича, изданной Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1875. 23 с.
3. Ген.-лейт. А.Ф. Риттих (Некролог) // Славянские известия. 1915. № 14. Сентябрь. С. 172.
4. Генералитет российской императорской армии и флота. Риттих Александр (Александр-Пётр) Фёдорович (Фридрихович) URL: http://www.rusgeneral.ru/gen/r/gen_r427.html (дата обращения: 05.09.2025).
5. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895: в 3 ч./ сост. по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 1. Отделы I, II и III. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. XXX, 468 с., [1] л. портр.
6. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895: в 3 ч./ сост. по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества

П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 2. Отдел IV. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. XI, с. 472–979, [3], [1] л. портр.

7. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895: В 3 ч./ сост. по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 3. Отдел V, приложения, указатель и состав общества. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. VIII, с. 984–1377, 66, [1] л. портр.

8. Красникова О.А. А.Ф. Риттих – картограф, писатель, генерал-лейтенант (1831–1917?) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12 / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 192–218.

9. Максимовский М.С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819–1869. С приложениями / составлено при Николаевской инженерной академии М. Максимовским. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. I–IV, 1–208, 1–183 с., 2 л. фронт. (портр.), 11 л. ил.

10. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. / ред. Б.П. Козьмин. Т. 4: Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. 558 с.

11. Матвеев Г.Б., Кондратьев М.Г. Риттих Александр Федорович // Чувашская энциклопедия. URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/144996 (дата обращения: 10.09.2025).

12. Псянчин А.В. Из истории отечественной этнической картографии (по материалам ИРГО и КИПС). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 52 с.: ил.

13. Псянчин А.В. Александр Федорович Риттих – этнокартограф // История наук о земле. Сборник статей. Вып. 1. М.: ИИЕТ РАН, 2007. С. 223–227.

14. Риттих, Александр Феодорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVI^А: Резонанс и резонаторы – Роза ди-Тиволи. СПб.: Тип. акц. общ. «Издат. Дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. С. 819.

15. Rittих А.Ф. Австро-Венгрия. Отдел 1. Общая статистика / сост. Генерального штаба полковник А.Ф. Риттих; под ред. генерал-лейтенанта Н.Н. Обручёва. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1874. 131, [2] с.: табл.

16. Rittих А.Ф. Австро-Венгрия. Отдел 2. Вооружённые силы / сост. Генерального штаба полковник А.Ф. Риттих, под ред. генерал-лейтенанта Н.Н. Обручёва. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1876. IV, 385, [1] с., [8] л. цв. ил.: ил., табл.

17. Rittих А.Ф. Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям. Составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях. СПб., 1863. 1 атл. (13 л.): цв., карты, табл. + прил. (60 л.).

18. Риттих А.Ф. Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям. Составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1864. 1 атл. (18 сдв. л.): цв., карты, табл. + прил. (28 с.).
19. Риттих А.Ф. Барон Р.М. Таубе. 1808–1812 г. // Русская старина, 1876. Т. 17, № 12. С. 842–844.
20. Риттих А.Ф. Большая опасность // Славянские известия. 1914. № 1. 1 января. С. 12–13.
21. Риттих А.Ф. Восточный вопрос (политико-этнографический очерк). СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1898. 54 с.
22. Риттих А.Ф. Западно-русская граница и русская народность. С планом // Русская старина. 1907. Т. 130. Май. С. 369–407 (отдельный оттиск: СПб.: Типо-лит. «Надежда», 1907. 39 с., 1 л. пл.).
23. Риттих А.Ф. Записка по предстоящим вопросам (Очерк государственной обороны). СПб.: Тип. Штаба Отдельн. корп. жандарм., 1906. [4], IV, 154 с.
24. Риттих А.Ф. Кто такие македонцы? // Македонский голос. 1914. № 11. 20 ноября. С. 217–218.
25. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская / сост. Генерального штаба подполковник Риттих. СПб., 1864. 2 л. в обл.
26. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. 14. Ч. 1. Приложения: Племенная карта, стат. табл., план Болгар и виды болгарских развалин. Казань: типография Императорского казанского университета, 1870. [2], X, IV, III с., 7 л.: ил., карт.
27. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. 14. Ч. 2. Приложения: Молитва господня на 6 языках; сравнительный словарь на 10 языках; казанские типы и одежды; сравнительная музыка татар, чуваши и черемис. Казань: Типография Императорского казанского университета, 1870. 225 с., 8 л.: ил.
28. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Прибалтийский край. 15, 16, 17. Приложения: карта по племенам и исповеданиям и три статистические таблицы по племенам и исповеданиям Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний. СПб.: Издание картографического заведения А.А. Ильина, 1873. [2], 71 с., 6 л.: карт., табл.
29. Риттих А.Ф. Обиженный край // Русская старина. 1911. Т. 147. Июль. С. 61–87; Август. С. 303–325.
30. Риттих А.Ф. Обиженный край (С картой Зап.-рус. края). СПб.: Типография т-ва п/ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1911. [2], 49 с., 1 л.: карт.
31. Риттих А.Ф. Объединённое славянство. Оттиск из «Славянских известий». СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1908. 25, [1] с.
32. Риттих А.Ф. Переселения. Харьков: Типо-литография Окружного штаба, 1882. II, 90 с.

33. Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России / сост. Генерального штаба полковник А.Ф. Риттих, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб.: Издание картографического заведения А.А. Ильина, 1875. [2], X, 352 с.
34. Риттих А.Ф. Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская / сост. Генерального штаба подполковник Риттих. СПб., 1864. 1 кор. (36 с.).
35. Риттих А.Ф. Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе. Статистические таблицы и схема расселения юго-западных славян, составлявшие приложения к программе сообщения, прочитанного в Обществе ревнителей военных знаний генерал-лейтенантом А.Ф. Риттихом / редактировал лектор. Издание Общества ревнителей военных знаний. СПб.: Экономическая типо-литография, 1903. 8 с.: табл., 1 отд. слож. л. карт.
36. Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование / сост. А.Ф. Риттих [чл. Имп. Рус. геогр. о-ва, Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии...]. Варшава: Издание В.М. Истомина, 1885. 389 с. разд. паг., 10 л. карт.
37. Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. 567, [1] с.: карты.
38. Риттих А.Ф. Старые погудки на новый лад // Славянские известия. 1913. № 38–39 (31–32). 11 августа. С. 539–540.
39. Риттих А.Ф. Четыре лекции по русской этнографии. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1895. 83 с.
40. Сосса Р.І. Ріттіх Олександр Федорович // Енциклопедія історії України. Т. 9: Прил – С / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2012. С. 223–224.
41. Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1894 года. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1894. ХХIII, 910 с.
42. Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166–181. doi: 10.17223/18572685/48/12
43. Суляк С.Г. Василий Кельсиев (1835–1872): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях «ренегата» и патриота // Русин. 2025. № 80. С. 15–80. doi: 10.17223/18572685/80/2
44. Суляк С.Г. Все́волод Крестовский (1840–1895): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях русского писателя и офицера // Русин. 2025. № 79. С. 15–80. doi: 10.17223/18572685/79/2
45. Суляк С.Г. Иосиф Левицкий – просветитель Галицкой Руси // Русин. 2023. № 71. С. 16–51. doi: 10.17223/18572685/71/2
46. Суляк С.Г. В.А. Францев и Карпатская Русь // Русин. 2021. № 64. С. 89–114. doi: 10.17223/18572685/64/5
47. Суляк С.Г. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // Русин. 2012. № 1 (27). С. 6–26.

48. Украина // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрана. Т. XXXIV^А: Углерод – Усилие. СПб.: Тип. акц. общ. «Брокгауз-Ефрон», 1902. С. 633–635.

49. Фельдман Ф.А. Австро-Венгрия. Отдел 3. Военный обзор восточных областей / сост. флигель-адъютант Е.И.В. Генерального штаба полковник Ф.А. Фельдман; под ред. генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1875. IV, 392 с.: табл.

50. Этнографическая карта Европейской России / сост. по поручению Императорского Русского географического общества А.Ф. Риттих; под наблюдением спец. комиссии из вице-пред. Императорского Русского географического П.П. Семенова и др. СПб.: Картографическое заведение А.А. Ильина, 1875. 1 к.: цв.

51. Этнографическая карта славянских народностей = Карта славянских народностей / с 1-го изд. 1867 г. М.Ф. Мирковича, доп. А.Ф. Риттихом. 1:4 200 000, 42 км в 1 см. СПб.: Отдел Славянского благотворительного комитета, 1874. 1 л.: цв.

52. Этнографическая карта славянских народностей / М.Ф. Миркович; доп. А.Ф. Риттих. 1 : 4 200 000, 42 км в 1 см. 2-е изд. СПб.: Отдел Славянского благотворительного комитета, 1875. 1 л. в обл.: цв.: табл.; 87×70 см, обл. 24×16 см + прил. (23 с.).

53. Geni. Александр Фёдорович Риттих. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85/600000054484283474> (дата обращения: 05.09.2025).

54. Rittich A.F. Die Ethnographie Russland's nach A.F. Rittich. Mit zwei Karten (Ergänzungsheft Nr 54 zu Petermann's "Geographischen mittheilungen"). Gotha: Justus Perthes, 1878. VI, 43 S.

REFERENCES

1. Potemkin, E.L. (2019) *Biografcheskiy slovar': Vysshie chiny Rossiyskoy imperii* (22.10.1721–2.03.1917): V 4 t. T. 3: M–R [Biographical Dictionary. The Highest Ranks of the Russian Empire (22.10.1721–2.03.1917): In 4 vols. Vol. 3: M–R]. Moscow: [s.n.].

2. Budilovich, A.S. (1875) *Statisticheskie tablitsy raspredeleniya slavyan: a) po gosudarstvam i narodnostyam, b) po veroispovedaniyam, azbukam i literaturnym yazykam (narechiyam). S ob"yasnitel'noy zapiskoy. Prilozheniye k "Etnograficheskoy karte slavyanskikh narodnostey" M.F. Mirkovicha, izdannoy Peterburgskim otdelom Slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta* [Statistical Tables of the Distribution of Slavs: a) by States and Ethnicities, b) by Confessions, Alphabets and Literary Languages (Dialects). With an Explanatory Note. Supplement to "The

Ethnographic Map of Slavic Peoples" by M.F. Mirkovich, Published by the St. Petersburg Department of the Slavic Charitable Committee]. St. Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya.

3. *Slavyanskie izvestiya*. (1915) Gen.-leyt. A.F. Rittikh (Nekrolog) [Lt. Gen. A.F. Rittikh (Obituary)]. 14. p. 172.

4. Rusgeneral.ru. (n.d.) *Generalitet rossiyskoy imperskoy armii i flota. Rittikh Aleksandr (Aleksandr-Pyotr) Fyodorovich (Fridrikhovich)* [The Generals of the Russian Imperial Army and Navy. Rittikh Aleksandr (Alexander-Peter) Fyodorovich (Friedrichovich)]. [Online] Available from: http://www.rusgeneral.ru/gen/r/gen_r427.html (Accessed: 5th September 2025).

5. Semenov, P.P. & Dostoevskiy, A.A. (eds) (1896a) *Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°.

6. Semenov, P.P. & Dostoevskiy, A.A. (eds) (1896b) *Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°. pp. 472–979.

7. Semenov, P.P. & Dostoevskiy, A.A. (eds) (1896c) *Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°. pp. 984–1377.

8. Krasnikova, O.A. (2019) A.F. Rittikh – kartograf, pisatel', general-leytenant (1831–1917?) [A.F. Rittikh – Cartographer, Writer, Lieutenant General (1831–1917?)]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge: Biograficheskiy aspekt. XVIII–XX vv.* [Germans in St. Petersburg: Biographical Aspect. 18th–20th Centuries. Iss. 12]. Vol. 12. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 192–218.

9. Maksimovskiy, M.S. (1869) *Istoricheskiy ocherk razvitiya Glavnogo inzhenernogo uchilishcha 1819–1869. S prilozheniyami* [Historical Outline of the Development of the Main Engineering School 1819–1869. With Appendices]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

10. Masanov, I.F. (1960) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnay palaty.

11. Matveev, G.B. & Kondratiev, M.G. (n.d.) *Rittikh Aleksandr Fedorovich* [Rittikh Aleksandr Fedorovich]. [Online] Available from: https://chuvenc.ru/show_MainTable/144996 (Accessed: 10th September 2025).

12. Psyanchin, A.V. (2008) *Iz istorii otechestvennoy etnicheskoy kartografii (po materialam IRGO i KIPS)* [From the History of Domestic Ethnic Cartography (Based on Materials from the IRGS and CIPS)]. Ufa: RAS.

13. Psyanchin, A.V. (2007) Aleksandr Fedorovich Rittikh – etnokartograf

[Aleksandr Fedorovich Rittikh – Ethnocartographer]. In: *Istoriya nauk o zemle* [History of Earth Sciences]. Vol. 1. Moscow: RAS. pp. 223–227.

14. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1899) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXVIA. St. Petersburg: Tip. Akts. Ob'sch. "Izdat. Delo, byvsheye Brokgauz-Yefron". p. 819.

15. Rittikh, A.F. (1874) *Avstro-Vengriya. Otdel 1. Obshchaya statistika* [Austria-Hungary. Section 1. General Statistics]. St. Petersburg: Voyennaya tipografiya (v zdanií Glavnogo shtaba).

16. Rittikh, A.F. (1876a) *Avstro-Vengriya. Otdel 2. Vooruzhonnnye sily* [Austria-Hungary. Section 2. Armed Forces]. St. Petersburg: Voyennaya tipografiya (v zdanií Glavnogo shtaba).

17. Rittikh, A.F. (1863) *Atlas narodonaseleniya Zapadno-Russkogo kraja, po ispovedaniyam* [Atlas of the Population of the West Russian Region, by Confessions]. St. Petersburg: [s.n.].

18. Rittikh, A.F. (1864a) *Atlas narodonaseleniya Zapadno-Russkogo kraja po ispovedaniyam* [Atlas of the Population of the West Russian Region by Confessions]. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].

19. Rittikh, A.F. (1876b) Baron R.M. Taube. 1808–1812 g. [Baron R.M. Tauber. 1808–1812]. *Russkaya starina*. 17(12). pp. 842–844.

20. Rittikh, A.F. (1914) *Bol'shaya opasnost'* [Great Danger]. *Slavyanskie izvestiya*. 1st January. pp. 12–13.

21. Rittikh, A.F. (1898) *Vostochnyy vopros (politiko-etnograficheskiy ocherk)* [The Eastern Question (A Political-Ethnographic Essay)]. St. Petersburg: Tip. V.D. Smirnova.

22. Rittikh, A.F. (1907) *Zapadnorusskaya granitsa i russkaya narodnost'* [The West Russian Border and Russian Nationality]. *Russkaya starina*. 130. pp. 369–407.

23. Rittikh, A.F. (1906) *Zapiska po predstoyashchim voprosam (Ocherk gosudarstvennoy oborony)* [A Note on Forthcoming Issues (An Outline of National Defense)]. St. Petersburg: tip. Shtaba Otdel'n. korp. zhandarm.

24. Rittikh, A.F. (1914) *Kto takie makedontsy?* [Who are the Macedonians?]. *Makedonskiy golos*. 20th November. pp. 217–218.

25. Rittikh, A.F. (1864b) *Materialy dlya etnografii Tsarstva Pol'skogo. Gubernii Lyublinskaya i Avgustowskaya* [Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Lublin and Augustów Provinces]. St. Petersburg: [s.n.].

26. Rittikh, A.F. (1870a) *Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. 14. Ch. 1* [Materials for the Ethnography of Russia. Kazan Province. 14. Pt. 1]. Kazan: Kazan University.

27. Rittikh, A.F. (1870b) *Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. 14. Ch. 2* [Materials for the Ethnography of Russia. Kazan Province. 14. Pt. 2]. Kazan: Kazan University.

28. Rittikh, A.F. (1873) *Materialy dlya etnografii Rossii. Pribaltiyskiy kray. 15,*

- 16, 17 [Materials for the Ethnography of Russia. 15, 16, 17. Baltic Region]. St. Petersburg: Izdaniye kartograficheskogo zavedeniya A.A. Il'ina.
29. Rittikh, A.F. (1911a) *Obizhennyj kray* [The Wronged Land]. *Russkaya starina*. 147. pp. 61–87; August. pp. 303–325.
30. Rittikh, A.F. (1911b) *Obizhennyj kray (Skartoy Zap.-rus. kraja)* [The Wronged Land (With a Map of the West. Russian Region)]. St. Petersburg: Elektro-tip. N.Ya. Stoykovoy.
31. Rittikh, A.F. (1908) *Ob'edinonnoe slavyanstvo* [United Slavdom]. St. Petersburg: Tip. V.D. Smirnova.
32. Rittikh, A.F. (1882) *Pereseleniya* [Migrations]. Kharkov: Tipo-litografiya Okruzhnogo shtaba.
33. Rittikh, A.F. (1875) *Plemenoy sostav kontingentov russkoj armii i muzhskogo naseleniya Yevropeyskoy Rossii* [The Tribal Composition of the Contingents of the Russian Army and the Male Population of European Russia]. St. Petersburg: A.A. Il'in.
34. Rittikh, A.F. (1864c) *Prilozhenie k materialam dlya etnografii Tsarstva Pol'skogo. Gubernii Lyublinskaya i Avgustovskaya* [Supplement to the Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Lublin and Augustów Provinces]. St. Petersburg: [s.n.]
35. Rittikh, A.F. (1903) *Slavyanskie narechiya XX veka v Yugo-Zapadnoy Yevrope. Statisticheskie tablitsy i skhema rasseleniya yugo-zapadnykh slavyan* [Slavic Dialects of the 20th Century in South-Western Europe. Statistical Tables and a Scheme of the Settlement of South-Western Slavs]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya tipo-litografiya.
36. Rittikh, A.F. (1885) *Slavyanskiy mir. Istoriko-geograficheskoe i etnograficheskoe issledovanie* [The Slavic World. A Historical-Geographical and Ethnographic Study]. Warsaw: V.M. Istomin.
37. Rittikh, A.F. (2013) *Slavyanskiy mir. Istoriko-geograficheskoe i etnograficheskoe issledovanie* [The Slavic World. A Historical-Geographical and Ethnographic Study]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
38. Rittikh, A.F. (1913) *Starye pogudki na novyy lad* [Old Tales in a New Way]. *Slavyanskije izvestiya*. 38–39 (31–32). 11th August. pp. 539–540.
39. Rittikh, A.F. (1895) *Chetyre lektsii po russkoj etnografii* [Four Lectures on Russian Ethnography]. St. Petersburg: Tipografiya V.V. Komarova.
40. Sossa, R.I. (2012) Rittikh Oleksandr Fedorovich. In: *Entsiklopediya istorii Ukrayiny* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka. pp. 223–224.
41. Anon. (1894) *Spisok generalam po starshenstvu. Sostavljen na 1-ye maya 1894 goda* [List of Generals by Seniority. Compiled on 1 May 1894]. St. Petersburg: Vojennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba).
42. Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovich and Carpathian Rus'. *Rusin.* 2(48). pp. 166–181 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/48/12

43. Sulyak, S.G. (2025a) Vasily Kelsiev (1835–1872): Life, Works and Rusin Themes in the Works of a “Renegade and Patriot”. *Rusin.* 80. pp. 15–80 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/80/2
44. Sulyak, S.G. (2025b) Vsevolod Krestovsky (1840–1895): Life, Works and Rusin Themes in the Works of a Russian Writer and Officer. *Rusin.* 79. pp. 15–80 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/79/2
45. Sulyak, S.G. (2023) Józef Lewicki – Enlightener of Galician Rus. *Rusin.* 71. pp. 16–51 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/71/2
46. Sulyak, S.G. (2021) V.A. Frantsov and Carpathian Rus'. *Rusin.* 64. pp. 89–114 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/64/5
47. Sulyak, S.G. (2012) “Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii v XIX – nachale XX v. [Ethno-Demographic Processes in Bessarabia in the 19th – Early 20th Century]. *Rusin.* 1(27). pp. 6–26.
48. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1902) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brockhauza i Yefrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXIVA. St. Petersburg: Tip. Akts. Obshch. “Brokgauz-Yefron”. pp. 633–635.
49. Feldman, F.A. (1875) *Astro-Vengriya. Otdel 3. Voennyy obzor vostochnykh oblastey* [Austria-Hungary. Section 3. Military Review of the Eastern Regions]. St. Petersburg: Voyennaya tipografiya (v zdaniï Glavnogo shtaba).
50. Rittikh, A.F. (1875) *Etnograficheskaya karta Yevropeyskoy Rossii* [Ethnographic Map of European Russia]. St. Petersburg: Kartograficheskoye zavedeniye A.A. Il'ina.
51. Mirkovich, M.F. & Rittikh, A.F. (1874) *Etnograficheskaya karta slavyanskikh narodnostey = Karta slavyanskikh narodnostey* [Ethnographic Map of Slavic Peoples = Map of Slavic Peoples]. St. Petersburg: Otdel slavyanskogo blagotvorit. komiteta.
52. Mirkovich, M.F. & Rittikh, A.F. (1875) *Etnograficheskaya karta slavyanskikh narodnostey* [Ethnographic Map of Slavic Peoples]. 2nd ed. St. Petersburg: Otdel Slavyanskogo Blagotvoritel'nogo Komiteta.
53. Geni. Aleksandr Fyodorovich Rittikh. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85/600000054484283474> (Accessed: 5th September 2025).
54. Rittich, A.F. (1878) *Die Ethnographie Russland's nach A.F. Rittich. Mit zwei Karten (Ergänzungsheft No 54 zu Petermann's "Geographischen mittheilungen")*. Gotha: Justus Perthes. VI.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)083+94(438).071

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/5

Русская периодическая печать правого направления о русинах Буковины (1900–1917 гг.)

Д.И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)

Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, литер а Ф
E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается отношение русской периодической печати (газеты, журналы) правого направления к русинскому населению Буковины. Проанализированы публикации, так или иначе касающиеся русинов Буковины, из ведущих правых периодических изданий («Русское знамя», «Земщина», «Новое время», «Колокол», «Московские ведомости», «Гражданин», «Русский вестник», «Почаевский листок» и др.). Выявлены основные сюжеты, которые затрагивались в этих публикациях: природные и географические особенности Буковины, социальная организация местных русинов, взаимоотношения с австро-венгерскими властями, религиозные и культурные особенности русинов Буковины и др. Русские правые публицисты делали акцент на рассмотрении репрессивной политики австро-венгерских властей по отношению к русинам, а также резко осуждали попытки украинизации местного православного населения. Кроме того, на страницах русской правой периодической печати встречались публикации, в которых обрисовывались контуры предполагаемого будущего русинов Буковины в составе Российской империи. Однако последующие события, связанные с Февральской революцией 1917 г., привели к тому, что эти проекты не были реализованы; к тому же в 1917 г. все органы правой периодической печати были закрыты. Делается вывод о том, что интерес к русинскому населению Буковины со стороны правой печати диктовался, прежде всего, важными общественно-политическими событиями, в особенности занятием территории Буковины русскими войсками в период Первой мировой войны, которое предопределило надежды правых на воссоединение русинов с остальной частью русского народа.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, Буковина, русины, периодическая печать, консерватизм, правые, Первая мировая война

Right-wing Russian periodicals on the Bukovinian Rusins (1900–1917)

Dmitrii I. Stogov

St. Petersburg State Electrotechnical University

5 Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197022, Russia

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Abstract

This article examines the stance of Russian right-wing periodicals—including newspapers and magazines—toward the Rusin population of Bukovina. It analyzes relevant publications from leading conservative outlets such as *Russkoe Znamya*, *Zemshchina*, *Novoye Vremya*, *Kolokol*, *Moskovskie Vedomosti*, *Grazhdanin*, *Russkiy Vestnik*, and *Pochaevskiy Listok*, among others. Key themes addressed in these sources include Bukovina's natural and geographical features, the social structure of the local Rusin community, their relations with Austro-Hungarian authorities, and their religious and cultural characteristics. Russian right-wing commentators consistently highlighted the repressive policies of the Austro-Hungarian government toward the Rusins and strongly opposed efforts to Ukrainianize the local Orthodox population. Additionally, several publications outlined prospective visions for the future of Bukovina's Rusins within the Russian Empire. However, the February Revolution of 1917 ultimately thwarted such plans, and all right-wing periodicals were shut down that same year. The article concludes that the right-wing press's interest in the Rusins of Bukovina was largely stimulated by significant socio-political developments, particularly the Russian occupation of the region during World War I. This event fueled hopes among conservative circles for the reunification of Bukovina's Rusins with the broader Russian populace.

Keywords: Russian Empire, Austria-Hungary, Bukovina, Rusins, periodicals, conservatism, right-wing, World War I

Введение

В настоящее время становится всё более актуальным изучение народов Европы в переломный исторический период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне и включающий Первую мировую войну. Именно в те годы происходила значительная социально-экономическая и политическая трансформация Европы, которая во многом предопределила последующее развитие континента в XX – начале XXI в. Особое внимание в этой связи занимает положение этнических групп, проживающих на стыке нескольких

цивилизаций. Такое пограничное положение касается в том числе русинов, территория компактного проживания которых в начале XX в. была разделена между несколькими восточноевропейскими государствами: Австро-Венгрией, Российской империей, Румынией. Особое место среди земель, на которых проживали русины, занимает Буковина – историческая область, северная часть которой в настоящее время находится в составе Украины (Черновицкая область без Днестровского района), а южная – в составе Румынии. Территория в основном покрыта отрогами Карпат, название происходит от славянского слова «бук». С конца XVIII в. значительная часть территории Буковины находилась в составе Священной Римской империи (впоследствии – Австрийской империи, Австро-Венгрии) – Австрийская Буковина. Существовала и Русская Буковина – часть Хотинского уезда Бессарабской губернии [24: 281–282]. Особенностью Буковины начала XX в. являлся ярко выраженный полигэтнический, поликонфессиональный состав (русины, румыны, евреи, молдаване и др.).

Цель исследования – проанализировать публикации в русских дореволюционных правых газетах и журналах, посвящённые русинскому населению Буковины. Интерес к правым изданиям определяется, во-первых, возрастающим в последние годы общим вниманием исследователей к ранее, в советское время, недостаточно изученным страницам истории, связанным с деятельностью русских правых политических организаций, во-вторых, тем, что именно консерваторы пытались в начале XX в. играть роль идеологов русской монархии, а их взгляды соприкасались с официальной идеологией Российской империи – монархизмом.

Задачи исследования: проследить отношение русской правой печати к различным сторонам деятельности русинов Буковины: к их социально-экономическому положению, политическим взглядам, религиозной жизни, культурным особенностям. Особое место в статье занимает анализ публикаций на страницах русской правой печати, касающихся отношения русинов Буковины к украинской идее.

Хронологические рамки статьи определяются началом XX в., т. е. периодом, который непосредственно предшествовал революции 1917 г. в России. Подробно рассматривается период Первой мировой войны, когда на некоторое время (три раза) Буковина оказывалась занятой российскими войсками. Это обстоятельство давало шанс воссоединению русинов Буковины с остальной частью русского народа в рамках Российской империи, однако последующие события (в том числе выход России из войны в результате революционных событий 1917 г.) поставили крест на преждевременных ожиданиях в этом направлении.

Статья построена на широкой источниковой базе. Использованы материалы русской правой периодической печати: газеты «Русское знамя», «Земщина», «Новое время», «Колокол», «Московские ведомости», журналы «Гражданин», «Русский вестник», «Почаевский листок» и др.

Современная историография представлена многочисленными трудами, так или иначе касающимися русинов Буковины и правого движения Российской империи. Так, С.Г. Суляк в статье, посвящённой терминологии Карпатской Руси, пишет, что Буковина наряду с другими территориями Карпатской Руси являлась «регионом компактного расселения русинов Австро-Венгрии» [24: 272]. В другой статье, посвящённой русинам в период Первой мировой войны, исследователь подчёркивает, что в начале XX в. большинство русинов отождествляли себя не с украинцами, а с русским народом [26: 46], тогда как украинская историография внедряет ложный тезис о якобы существовавших противоречиях между местным населением современной Западной Украины и «москалями». В отдельной статье С.Г. Суляк проанализировал мемуары военнослужащих русской армии, в которых выражается их отношение к русинам, в том числе проживавшим в Буковине [25]. М.В. Медоваров изучил публикации консервативного журнала «Галицко-русский вестник», который издавался в конце XIX в. В издании рассматривались в том числе особенности жизни и быта русинов Буковины. Историк делает вывод о том, что публикации журнала способствовали росту интереса к русинской проблематике в консервативно настроенном русском обществе, затрагивали вопрос, связанный с национально-освободительной борьбой русинов [13: 111]. Примечательна статья Б.П. Савчука и Г.В. Билавича, посвящённая особенностям трезвеннического движения в австрийской Буковине и Хотинском уезде Бессарабской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи приходят к выводу о том, что накопленный опыт по организации обществ трезвости и антиалкогольной кампании в этих регионах, сочетавший в себе как инициативу «снизу» (опыт Буковины), так и финансовое обеспечение «сверху» (опыт Хотинщины), представляет интерес и сегодня [19: 74]. В работе Д.И. Стогова, освещающей украинский вопрос на страницах правой периодической печати, отмечается, что австро-венгерские власти искусственно взращивали политическое «украинство», в том числе на территории Буковины [23: 211]. О.Г. Казак изучил освящение конфессиональных отношений, в том числе в Буковине, на страницах газеты «Русская правда», вышедшей в Черновцах в 1910–1913 гг. [11]. В частности, в публикации затронута тема преследования православного населения региона австро-венгерскими властями.

Ю. Данилец изучил процесс развития православного движения в Угорской Руси в начале XX в., в том числе коснулся деятельности возглавляемого графом В.А. Бобринским «Галицко-русского общества», которое оказывало активную поддержку русинам в том числе в целях противодействия украанизации [5]. В.В. Фролов представил образ Буковины на страницах журнала «Летопись войны» [28].

Историография русского правого движения начала XX в. представлена многочисленными работами. В качестве примера достаточно привести новейшую монографию А.А. Иванова, посвящённую правым партиям [10]. Несмотря на многочисленность научных трудов, до настоящего времени комплексного изучения публикаций русской правой периодической печати начала ХХ в., связанных с русинами Буковины, не предпринималось. Данная статья призвана сделать определённый шаг в изучении этого сюжета.

Социально-экономическая и общественно-политическая жизнь русинов австрийской Буковины на страницах русской правой периодической печати начала ХХ в.

Правые периодические издания Российской империи информировали читателей об особенностях Буковины и социально-экономической жизни её населения. Так, черносотенная газета «Земщина» сообщала, что Буковина – чрезвычайно плодородная область, изобиловавшая пастбищами, лесами, соляными залежами, железной рудой, занимавшая пространство в 9 092 квадратные версты и граничившая с Галицией, Румынией, Венгрией и Бессарабией. На территории, информировало издание, проживало 750 000 человек, преимущественно русинов; кроме того, в Буковине жили иудеи, немцы, румыны, чехи, армяне и др. В Черновцах, писала «Земщина», население которых составляло в начале ХХ в. около 70 000 человек, преобладали иудеи. Газета отмечала, что хотя более 70 процентов населения Буковины исповедовало православие и говорило на «русинском наречии», ничего общего с немцами оно не имело. Тем не менее в Черновцах с 1875 г. работал университет с преподаванием на немецком языке [21]. Известный учёный-славист, публицист, член монархической организации «Русское собрание» А.С. Будилович ещё в 1906 г. в статье «Самоопределение народностей», опубликованной в консервативной газете «Окраины России», также указывал, что немецкий язык постепенно стал господствующим в органах управления, судах и школах Буковины [1: 263].

В одной из статей «Земщины» весьма подробно рассматривалась история Буковины, или, как её ещё называли, «Зелёной Руси», дол-

гое время являвшейся ареной борьбы между соседними народами. Немцев в австрийской Буковине было сравнительно немного, но они смогли занять здесь господствующее положение. «Швабы» самым жестоким образом подавляли национальное самосознание русских, и положение последних стало очень тяжёлым. Бывший во времена молдавских господарей официальным русский язык стали преследовать. Газета уверяла, что никакие преследования не смогли заставить русских Буковины забыть кровное родство с великороссами, и «взоры их с надеждой устремились на Россию». Среди местных русинов увеличивалось число борцов за идею воссоединения с Российской империей. В качестве примера «Земщина» напоминала, что незадолго до начала войны широкий резонанс получило дело братьев Геровских, обвинённых австрийцами в государственной измене в пользу России. Геровские смогли бежать из тюрьмы в Россию, но были приговорены к расстрелу их соратники: редактор издававшейся в Черновицах газеты «Русская правда» И.Ю. Цурканович, священник Д.К. Кисель-Киселевский (в публикации «Земщины» ошибочно написано Д.Д. Кисель-Киселевский), судья Смерчинский и др. [16]. Умеренно правая газета «Новое время» утверждала, что они были в начале войны расстреляны [4], но Цурканович был на самом деле амнистирован и умер в 1947 г., а Кисель-Киселевский, вернувшись из концлагеря Талергоф, до 1940 г. служил в Садгоре, скончался в Радовцах. Таким образом, очевидно, газета распространяла слухи и непроверенную информацию.

Многие правые выражали опасение в связи с активной деятельностью «инородцев» (прежде всего, евреев и поляков) на принадлежавшей Австро-Венгрии территории. К примеру, в «Почаевском листке» были опубликованы высказывания главы черносотенцев Бердичевского уезда Киевской губернии М.Н. Мариуц-Гриневой о том, что русское крестьянское население Галиции, Буковины и Угорской Руси стало совершенно нищим ввиду того, что «инородцы» скупили у них практически всю землю [12: 855].

Подобного рода воззрения были характерны для русской правой печати в целом. Так, в одной анонимной публикации, посвящённой положению евреев и русских в Буковине, отмечалось, что после того как в 1860 г. австрийские власти разрешили иудеям приобретать недвижимость, в Буковине за последующие 40 лет иудеи скупили «миллионной стоимости леса» [6: 34]. То же самое касалось и значительной части пахотных земель. Автор выражал опасение, что в скором времени вся крестьянская земля Буковины перейдёт к евреям. Он возмущался тем, что во все три гимназии, существовавшие в Черновицах, иудеям открыт свободный доступ, тогда как русскому

населению разрешалось обучаться только в одной из них [6: 34–35]. Хотя в университет в Черновицах был открыт доступ всем народностям, но иудеи, опираясь на помощь жандармов, как утверждал автор публикации, буквально осаждали учебное заведение в дни зачисления, в результате чего получали до половины мест, тогда как русские – только одну шестую мест [6: 35].

Итак, правые периодические издания в целом проявляли интерес к жизни и быту русинов Буковины, писали о его материальных проблемах, а также о гнёте, который испытывали русины со стороны австро-венгерских властей, осуждали активную экономическую деятельность «инородцев», считая, что она несёт вред русинскому населению. Безусловно, осуждались репрессивные акции Габсбургской монархии по отношению к русинам региона, такие как закрытие русинских организаций в Буковине, русских бурс в Черновицах и других населённых пунктах этой исторической области. Характерной особенностью публикаций в русских правых изданиях было то, что нередко Галиция, и Буковина, и Угорская Русь рассматривались как нечто единое целое, много говорилось об угнетении поляками этой территории, тогда как на самом деле польское владычество относится не к Буковине (где доминировали немцы), а к Галиции.

Религиозная жизнь русинов австрийской Буковины на страницах русской правой периодической печати начала XX в. Правые периодические издания Российской империи подчёркивали, что русины Буковины в отличие от русинов Галиции сохранили каноническое православие, ибо территория Буковины не находилась под польским владычеством, при котором в результате Брестской унии 1596 г. православному населению навязывалось униатство [20].

Вместе с тем, отмечали правые, австро-венгерская власть в целом не сочувствовала православию и православным, и тенденция по окатоличиванию местного населения наблюдалась и здесь. Газета «Новое время» сообщала, что ещё в 1863 г. австрийское правительство приняло закон о конфискации церковного, в том числе монастырского имущества ценностью до трёхсот миллионов в целях ослабления позиций православия. В результате был создан специальный «религиозный фонд», находившийся в ведении Министерства народного просвещения Габсбургской империи. В газете отмечалось, что на средства этого фонда был построен православный собор в Черновицах и митрополитская палата [4].

Н.М. Мариуц-Гринева возмущалась, что галицких и буковинских русинов насильно обращали в католицизм, обучали польскому языку, а за преданность православию заключали в тюрьму и подвергали телесным наказаниям [12: 855]. В «Вестнике Союза русского народа»

в 1911 г. было опубликовано приветствие Мариуц-Гриневой в связи с открытием Сосновского отдела Союза в г. Сосновка Киевской губернии, в котором отмечалось, что в Галиции, Буковине и Угорской Руси поляки и венгры продолжали угнетать русский народ, «принадлежащий католической стране Австрии» [12: 875]. Таким образом, правые периодические издания начала XX в., как и в случае с Галицией, выражали возмущение в связи с дискриминацией православного населения Буковины со стороны властей Австро-Венгрии. Кроме того, вновь наблюдается тенденция, характерная для правых периодических изданий России, а именно сопоставление Буковины с Галицией, в которой, в отличие от Буковины, действительно в значительной степени господствовали поляки.

Русины Буковины и проблема «украинства». Русская правая периодическая печать рассматривала русинов, в том числе проживавших в Буковине, как составную часть единого русского народа [3], а «мазепинцы» (сторонники самостийной Украины) характеризовались как «покорные слуги Австрии», отравлявшие жизнь русинов [14]. Русские правые никогда не называли местное православное население украинцами, зато в правой периодике повсеместно встречаются такие слова, как «русины» либо «русские». Мало того, русские правые полагали, что «украинство» в меньшей степени затронуло буковинских русинов, чем население Галичины, и даже утверждали, что «язва мазепинского движения их не коснулась»; отсюда, полагали они, их большее тяготение к Российской империи, чем у галицких русинов [20]. Так, газета «Новое время» уверяла, что кратковременная оккупация Буковины русскими войсками при Екатерине II оставила самые положительные воспоминания у местного русского населения, и от дедов к внукам на протяжении десятилетий передавались соответствующие рассказы, высказывались надежды, что рано или поздно «Зелёная Русь» воссоединится с державой «Белого Царя» [4].

Тем не менее русские правые выражали озабоченность ростом «украиномании» в среде буковинских русинов. Так, А.С. Будилович на страницах консервативного журнала «Русский вестник» в статье под названием «Генезис российского украиномана» ещё 16 марта 1903 г. писал о том, что австрийские власти создали все условия для того, чтобы в Буковине развивать политическое «украинство» («украиноманство») [1: 190]. В другой публикации из «Русского вестника», «Об отношении народного к общечеловеческому в связи с идеей русского национального единства», в 1904 г. Будилович отмечал, что австрийцы содействовали распространению в Буковине украинского «жаргона», гибридного «языка... пропитанного массой полонизмов» [1: 232].

В период, предшествовавший Первой мировой войне, правые требовали, чтобы русское правительство усиливала влияние на русинское население в целях противодействия «украинству». В частности, консерваторы считали нужным расширять сеть периодических изданий русского, имперского направления, которые должны были информировать русинов об опасности «мазепинщины» [7]. В период Первой мировой войны правые также заявляли о важности создания благотворительных обществ на освобождённых территориях Галиции и Буковины, требовали организации всероссийского церковного сбора на нужды русского населения этих земель [27].

Мнение русской правой периодической печати по украинскому вопросу в целомозвучно идеям, изложенным карпаторусским общественным деятелем и политиком А.Ю. Геровским, который в 1916 г. направил в Ватиканско-славянский отдел Министерства иностранных дел России записку «По вопросам “украинскому”, аграрному и религиозному в Червонной Руси». Признавая актуальность украинской проблемы для Галичины и Буковины, автор записи считал, что с политическим «украинством» следует бороться с помощью так называемой культурной работы, с привлечением печати и образовательных учреждений, а также постепенно решая аграрный, религиозный и другие актуальные вопросы [9].

Особняком стояла позиция консервативного издания «Гражданин», полагавшего, что «мазепинщину» изобрели не австрийцы, а сами «хохлы» в целях извлечения из этой идеи дополнительной материальной выгоды [18: 4]. Осуждая украинский сепаратизм, издание не видело опасности в популяризации украинской культуры и полагало, что её развитие надо поощрять [18: 4].

Русины Буковины и Первая мировая война

В период Первой мировой войны количество публикаций в правых изданиях, посвящённых Буковине и её русинскому населению, значительно увеличилось. Так, консервативная газета «Московские ведомости» в разгар Галицкой битвы, 24 августа 1914 г., в статье, посвящённой русской Галичине, указывала, что помимо восточной Галиции русскими изначально была заселена значительная часть Буковины. В отличие от Галичины, говорилось в издании, до последнего времени здесь русский язык и православие не терпели масштабных преследований, и в целом русским жилось легче, однако постепенно австрийский гнёт усиливался и уже был сопоставим с положением русских в Галичине. Газета выражала уверенность, что в связи с занятием русскими войсками Галиции и Буковины «занимается новая заря». Естественно, издание было уверено, что эта территория войдёт

в состав Российской империи, «исстрадавшийся народ может вздохнуть свободно», преследования православных полностью прекратятся, а о тяжёлых временах австро-венгерского владычества можно будет забыть навсегда, ибо «где раз поднят русский государственный флаг, там он более не спускается» [17]. Русские правые издания подчёркивали, что занятие императорской армией Черновиц в конце августа 1914 г. должно принести огромную пользу [20].

«Земщина», характеризуя репрессии против пророссийски настроенных русинов Буковины, писала об озлоблении русинов против «швабов» и о восторженной встрече русских войск местным населением во главе с черновицким митрополитом Владимиром и православным духовенством [16]. Также газета подчёркивала, что на территории Буковины находится местечко Белая Криница, в котором проживали старообрядческие митрополиты. Таким образом, при предполагаемом окончательном присоединении Буковины к России так называемое австрийское согласие перестанет быть австрийским, а духовный глава старообрядцев будет жить в России [16]. Аналогичное мнение высказывала и газета «Новое время» [4].

Вновь российская правая периодическая печать затронула проблему Буковины в 1916 г., когда в ходе Брусиловского прорыва русская армия снова взяла её под контроль [8; 15, 29–32], сообщала о многочисленных молебствах во многих городах Российской империи в связи с очередным занятием русскими войсками Черновиц, о приветственных телеграммах генералу А.А. Брусилову в связи с победой, об «огромном энтузиазме населения», о том, что многие города России по случаю победы были разукрашены государственными флагами, а вечером были иллюминированы [2]. Газета «Русское знамя» в публикации, посвящённой взятию Коломыи, восторгалась подвигами «чудо-богатырей земли русской», которые одерживают победы во имя блага Родины и величия монарха [29]. В одном из номеров «Земщины» подробно изложены обстоятельства, связанные со взятием русскими Черновиц [21]. 19 июня 1916 г. «Земщина» восторгалась победами русских и занятием русскими Коломыи и выражала уверенность, что теперь Буковина оказалась под полным контролем русских войск, что, в свою очередь, предопределяет дальнейшие победы за её пределами [22].

О положении Буковины после очередного её занятия русскими войсками подробно писала газета «Новое время» [33]. Издание обращало внимание на крайнюю бедность местного населения, которая усилилась в период Первой мировой войны, когда австрийцы энергично забирали по реквизиции всякую живность и местным земледельцам приходилось прибегать к различным уловкам, чтобы

сохранить за собой хотя бы единственную корову или овцу. Положение ухудшалось дальше к югу Буковины, ближе к Карпатам. Находясь под австрийским владычеством, буковинский крестьянин прятал скотину в горных местностях и глухих ущельях, спасая её от австро-венгерской реквизиции. Обозреватель «Нового времени» утверждал, что местное славянское население приветствовало российских гостей, а встречные пешеходы-евреи «низко-пренизко снимали шляпы» [33].

«Новое время» описывало ситуацию в буковинском городе Серете (ныне – Сирет, принадлежит Румынии), который был совершенно разорёнвойной, превратившись в обгорелые обломки и груды стекла. На улицах встречались исключительно оборванцы, уныло бродившие по пустынным улицам без всякой цели. Несколько иная картина наблюдалась в сельской местности. Обозреватель издания подробно описал внешний вид крестьян-русинов Буковины. Он обратил внимание на длинные седые волосы крестьян – в деревнях практически не осталось мужчин средних лет, оставались либо старики за шестьдесят, либо беспечно игравшие дети не старше 10–12 лет. Кругом в праздничный день у плетёных заборов можно было увидеть одетых в чистые рубахи женщин. Всё здоровое мужское население было мобилизовано австрийцами [33].

Далее обозреватель «Нового времени» описал жизнь в буковинском городе Радауце (ныне – Рэдэуци, Румыния), которая ему показалась более налаженной, чем в Серете. Попадалась мирная гражданская публика, в том числе дамы и девицы, одетые в цветные кофточки. Велась рыночная торговля, были открыты некоторые магазины, а также множество парикмахерских [33].

Подводя некоторые итоги, стоит отметить, что в целом в период Первой мировой войны русские правые периодические издания проявляли больший, чем ранее, интерес к жизни русинов Буковины, красочно описывали жизнь и быт местного населения, обращали внимание на усилившиеся в связи с войной социально-экономические проблемы. Во многих публикациях русские консерваторы выражали надежду, что русины «Зелёной Руси» в скором времени вольются в единый русский народ и интегрируются в состав Российской империи.

На самом деле судьба Буковины в то время решалась в ходе сложной дипломатической игры. Велись переговоры между союзниками по Антанте – России и Румынией; при этом последней за участие в войне обещали южную часть герцогства Буковина. Таким образом, видение ситуации русскими правыми периодическими изданиями значительно расходилось с более сложной реальностью.

Выводы

Органы периодической печати правого направления начала XX в. живо интересовались особенностями жизни и быта русинов Буковины. Этот интерес заметным образом возрос после 1914 г., когда часть Буковины, населённая русинами, оказалась занята русскими войсками в ходе боевых действий против австро-венгерских войск. Количество публикаций, посвящённых Буковине и местным русинам, заметно возросло.

Правые периодические издания, как правило, делали акцент на социально-экономической жизни русинов Буковины. В них отмечалось, что в эпоху австро-венгерского владычества экономическое положение местных русинов оставалось тяжёлым, коронные власти, а также местные помещики и предприниматели эксплуатировали местное население.

В русских правых газетах и журналах довольно много внимания уделялось религиозной жизни русинов Буковины. Отмечалось, что в отличие от русинов Восточной Галиции они в большей степени сохранили православную веру, несмотря на значительные языковые и социокультурные различия от остальной части русского населения, и, несмотря на попытки украинизации, местное население, как правило, не желало принимать украинскую идею.

Органы правой печати уделяли повышенное внимание положению русинов Буковины в период их пребывания в составе Австро-Венгрии. Делался акцент на репрессивной антирусской политике австро-венгерских властей, которую они резко осуждали.

В период Первой мировой войны в правых периодических изданиях много говорилось о будущем русинов Буковины, которое рассматривалось исключительно в рамках Российской империи. Последующие события привели к тому, что все надежды на интеграцию русинов Буковины в рамках единого Российского государства рухнули в одночасье. К тому же после Февральской революции 1917 г. происходит практически полное закрытие правых периодических изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будилович А.С. Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 784 с.
2. Война. От штаба Верховного главнокомандующего // Земщина. 1916. 7 июня. № 2376. С. 1.

3. Высоцкий И. Санкт-Петербург, 26 февраля. Услужливость «дурней» // Колокол. 1914. 26 февраля. № 2348. С. 1.
4. Д. В-к. Внешние известия. Освобождение Буковинской Руси // Новое время. 1914. № 13822. 4 (17) сентября. С. 4.
5. Данилец Ю. Второй Мараморош-Сиготский процесс против православных в Закарпатье. URL: https://pravoslavie.ru/30790.html?ref=otcuznyna.com#_ftn19 (дата обращения: 14.09.2025).
6. Евреи в Буковине // Революция, бунт, забастовки. Что говорят об этом пастыри церкви. [Казань: Типо-литография И.Н. Харитонова, 1906]. 44 с.
7. Е-въ. Уния и «самостийна Украина» (по поводу музея имени Шептицких во Львове) // Колокол. 1914. 16 января. № 2315. С. 3.
8. Западный фронт // Земщина. 1916. 6 июня. № 2375. С. 1.
9. Записка А.Ю. Геровского по вопросу «украинскому», аграрному и религиозному в Червонной Руси // Библиотека журнала «Русин». 2016. № 2 (5). С. 7–18. doi: 10.17223/23451734/5/2
10. Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
11. Казак О.Г. Конфессиональные отношения в Буковине, Галиции и Угорской Руси в освещении газеты «Русская правда» (Черновцы, 1910–1913 гг.). URL: <https://zapadrus.su/rusmir/rlg/2041-konfessionalnye-otnosheniya-v-bukovine-galitsii-i-ugorskoy-rusi-v-osveshchenii-gazety-russkaya-pravda-chernovtsy-1910-1913-gg.html> (дата обращения: 14.09.2025).
12. Кальченко Т.В. Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев: Интерконтиненталь-Украина, 2024. 976 с.
13. Медоваров М.В. «Галицко-русский вестник» как феномен российской журналистики // Русин. 2024. № 76. С. 95–116. doi: 10.17223/18572685/76/6
14. Нивич Я. Правда о «мазепинцах» // Колокол. 1917. 26 января. № 3199. С. 2.
15. Обзор военных действий // Русское знамя. 1916. 1 сентября. № 189. С. 1–2.
16. П.Г. Буковина // Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 2.
17. Русская Галичина // Московские ведомости. 1914. 24 августа. № 196. С. 1.
18. С.Г. Тайноред // Гражданин. 1914. 2 февраля. № 5. С. 2–4.
19. Савчук Б.П., Билович Г.В. Феномен движения трезвости в Буковине и Хотинском уезде Бессарабской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: евроатлантическая, русинская, российская модели // Русин. 2021. № 63. С. 52–80. doi: 10.17223/18572685/63/5
20. Собирание Руси // Земщина. 1914. 2 сентября. № 1771. С. 3.
21. Старый артиллерист. Заметки о войне. CCLXXI. Падение Черновца // Земщина. 1916. 7 июня. № 2376 (145). С. 2–3.
22. Старый Артиллерист. Заметки о войне. CCLXXVI. Занятие Коломыи //

Земщина. 1916. 19 июня. № 2388 (157). С. 3.

23. Стогов Д.И. Украинский вопрос на страницах русской правой периодической печати (1914 – февраль 1917 г.) // Русин. 2023. № 73. С. 205–220. doi: 10.17223/18572685/73/13

24. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. Международный исторический журнал / отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2019. № 55. С. 272–316. doi: 10.17223/18572685/55/16

25. Суляк С.Г. Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. doi: 10.17223/18572685/44/6

26. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

27. Трегубов А. «Отторженное воссоединим!» // Колокол. 1914. 6 сентября. № 2502. С. 1.

28. Фролов В.В. Образ Буковины на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 2–2. С. 153–157.

29. Ш.-ъ. Обзор военных действий. Взятие Коломыи // Русское знамя. 1916. 19 июня. № 136. С. 1.

30. Ш.-ъ. Обзор военных действий. Неудачи австро-германцев // Русское знамя. 1916. 22 июня. № 138. С. 1.

31. Ш.-ъ. Обзор военных действий. После взятия Коломыи // Русское знамя. 1916. 21 июня. № 137. С. 2.

32. Ш.-ъ. Обзор военных действий. Успех за успехом // Русское знамя. 1916. 7 июня. № 125. С. 1.

33. Юрий Л. По холмам Буковины (корреспонденция «Нового времени»). К Карпатам // Новое время. 1916. 8 (21) августа. № 14520. С. 2.

REFERENCES

1. Budilovich, A.S. (2014) *Slavyanskoe edinstvo* [Slavic Unity]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
2. Zemshchina. (1916) Voyna. Ot shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego [War. From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. 7th June. p. 1.
3. Vysotskiy, I. (1914) *Usluzhlivost' "durney"* [The Obsequiousness of 'Fools']. *Kolokol*. 26th February. p. 1.
4. D. V-k (1914) *Vneshnie izvestiya. Osvobozhdenie Bukovinskoy Rusi* [Foreign News. The Liberation of Bukovinian Rus']. *Novoe vremya*. 4th September. p. 4.
5. Danilets, Yu. (n.d.) *Vtoroy Maramorosh-Sigotskiy protsess protiv pravoslavnykh v Zakarpat'e* [The Second Maramoroş-Sighet Trial Against Orthodox Believ-

- ers in Transcarpathia]. [Online] Available from: https://pravoslavie.ru/30790.html?ref=otcuznyna.com#_ftn19 (Accessed: 14th September 2025).
6. Anon. (1906) Evrei v Bukovine [Jews in Bukovina]. In: *Revolyutsiya, bunt, zabastovki. Chto govoryat ob etom pastyri tserkvi* [Revolution, Riot, Strikes. What the the Church Pastors Say About This]. [Kazan: Tipo-litografiya I.N. Kharitonova].
7. E-v. (1914) Uniya i "samostiyna Ukraina" (po povodu muzeya imeni Sheptitskikh vo Lvove) [The Unia and 'Independent Ukraine' (Regarding the Sheptytsky Museum in Lviv)]. *Kolokol*. 16th January, p. 3.
8. Zemshchina. (1916) Zapadnyy front [The Western Front]. 6th June. p. 1.
9. Gerovsky, A.Yu. (1916) A Note by A.Yu. Gerovsky on the 'Ukrainian', Agrarian, and Religious Issues in Red Rus'. *Biblioteka zhurnala "Rusin"*. 2(5). pp. 7–18 (in Russian). doi: 10.17223/23451734/5/2
10. Ivanov, A.A. (2024) *Pravye partii Rossiyskoy imperii* [Right-wing parties of the Russian Empire]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
11. Kazak, O.G. (n.d.) *Konfessional'nye otnosheniya v Bukovine, Galitsii i Ugorskoy Rusi v osveshchenii gazety "Russkaya pravda"* (Chernovtsy, 1910–1913 gg.) [Confessional Relations in Bukovina, Galicia, and Hungarian Rus' as Covered by the Newspaper "Russkaya Pravda" (Chernivtsi, 1910–1913)]. [Online] Available from: <https://zapadrus.su/rusmir/rlg/2041-konfessionalnye-otnosheniya-v-bukovine-galitsii-i-ugorskoy-rusi-v-osveshchenii-gazety-russkaya-pravda-chernovtsy-1910-1913-gg.html> (Accessed: 14th September 2025).
12. Kalchenko, T.V. (2014) *Monarkhicheskoe dvizhenie v Kieve i na territorii Kievskoy gubernii* (1904–1919). *Istoricheskaya entsiklopediya* [The Monarchist Movement in Kiev and in the Territory of Kiev Province (1904–1919). A Historical Encyclopedia]. Kyiv: Interkontinental'-Ukraina.
13. Medovarov, M.V. (2024) 'Galitsko-Russkiy Vestnik' as a Phenomenon of Russian Journalism. *Rusin*. 76. pp. 95–116 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/76/6
14. Nivich, Ya. (1917) Pravda o "mazepintsakh" [The Truth About the 'Mazepists']. *Kolokol*. 26th January. p. 2.
15. Russkoe znamya. (1916) Obzor voennykh deystviy [Overview of military operations]. 1st September. pp. 1–2.
16. P.G. (1914) Bukovina [Bukovina]. *Zemshchina*. 6th September. p. 2.
17. Moskovskie vedomosti. (1914) Russkaya Galichina [Russian Galicia]. 24th August. p. 1.
18. S.G. (1914) Taynoved [Mystery Scientist]. *Grazhdanin*. 2nd February. pp. 2–4.
19. Savchuk, B.P. & Bilavich, G.V. (2021). The phenomenon of temperance movement in Bukovina and Khotyn District of Bessarabia Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Euro-Atlantic, Rusin, and Russian models. *Rusin*. 63. pp. 52–80 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/63/5
20. Zemshchina. (1914) Sobiranie Rusi [The Gathering of Rus']. 2nd September. p. 3.

21. Staryy artillerist. (1916a) *Zametki o voynе. CCLXXI. Padenie Chernovtsa* [Notes on the War. CCLXXI. The Fall of Chernowitz]. 7th June. pp. 2–3.
22. Staryy artillerist. (1916b) *Zametki o voynе. CCLXXVI. Zanyatie Kolomyi* [Notes on the War. CCLXXVI. The Capture of Kolomyia]. *Zemshchina*. 19th June. p. 3.
23. Stogov, D.I. (2023) The Ukrainian question in the Russian right-wing periodicals (1914 – February 1917). *Rusin*. 73. pp. 205–220 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/73/13
24. Sulyak, S.G. (2019) On the Terminology of Carpathian Rus'. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/55/16
25. Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2(44). p. 73–92 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/44/6
26. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during the First World War and the Russian Turmoil]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.
27. Tregubov, A. (1914) "Ottorzhennoe vossoedinim!" ["We Shall Reunite That Which Was Torn Away!"]. *Kolokol*. 6th September. p. 1.
28. Frolov, V.V. (2022) Obraz Bukoviny na stranitsakh voennogo periodicheskogo izdaniya "Letopis' voyny 1914–1917 gg." v pervye gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1915 gg.) [The Image of Bukovina on the Pages of the Military Periodical 'Chronicle of the War 1914–1917' in the First Years of World War I (1914–1915)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 14(2–2). pp. 153–157.
29. Sh-. (1916) Obzor voennykh deystviy. Vzyatie Kolomyi [Overview of Military Operations. The Capture of Kolomyia]. *Russkoe znamya*. 19th June. p. 1.
30. Sh-. (1916) Obzor voennykh deystviy. Neudachi avstro-germantsev [Overview of military operations. Austro-German failures]. *Russkoe znamya*. 22nd June. p. 1.
31. Sh-. (1916) Obzor voennykh deystviy. Posle vzyatiya Kolomyi [Overview of Military Operations. After the Capture of Kolomyia]. *Russkoe znamya*. 21st June. p. 2.
32. Sh-. (1916) Obzor voennykh deystviy. Uspekh za uspekhom [of Military Operations. Success After Success]. *Russkoe znamya*. 7th June. p. 1.
33. Yuriy L. (1916) Po kholmam Bukoviny (korrespondentsiya "Novogo vremeni"). K Karpatam [On the Hills of Bukovina (Correspondence from 'Novoye Vremya'). To the Carpathians]. *Novoe vremya*. 8th August. p. 2.

Стогов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина) (Россия).

Dmitrii I. Stogov – St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/6

«Искони русский уголок нашего Отечества»: Холмская Русь и холмский вопрос в зеркале волынской прессы (1909–1912 гг.)^{*}

Е.О. Ковалева

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Авторское резюме

Анализируется освещение волынскими периодическими изданиями дебатов по холмскому вопросу в 1909–1912 гг. Если столичные газеты и журналы концентрировались преимущественно на ходе заседаний Государственной думы, на которых непосредственно обсуждался вопрос о выделении Холмщины в качестве самостоятельной губернии, то региональная пресса Волыни занимала более вовлечённую позицию, публикуя материалы, раскрывающие этнографические, конфессиональные и социально-экономические особенности региона, и рассуждая о его дальнейшей судьбе. Такая глубокая заинтересованность волынских изданий неудивительна, ведь исторические судьбы Волыни были тесно связаны с Холмщиной, входившей в XIII–XIV вв. в состав Галицко-Волынского княжества. Кроме того, проблемы сословного (поляки-помещики и русские крестьяне) и конфессионального (католики и православные) противостояний были настолько схожи с ситуацией в самой Волынской губернии, что эта общность, подкреплённая тесными религиозными связями двух регионов, сформировала уникальный взгляд волынских публицистов на холмский вопрос. На основании публикаций в таких изданиях, как «Почаевский листок», «Волынская земля», «Жизнь Волыни», «Волынская почта», «Юго-Западная Волынь», «Волынь», большая часть которых впервые вводится в научный оборот, показано, что консервативные и либеральные издания Волыни осветили следующие важные темы: основные формы «польской угрозы» для русского населения Холмщины; деятельность архиепископа Евлогия (Георгиевского) и Холмского православного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.»).

братства; протесты польских студентов во Львове против выделения Холмщины и др. «Почаевский листок», «Волынская земля» и «Жизнь Волыни» рассматривали территорию Холмской Руси как исторически русскую землю, населённую русскими людьми, нуждающимися в защите от ополячивания и окатоличивания. Поэтому для них образование Холмской губернии было не только логичным, но и необходимым шагом. Либеральные издания Волыни демонстрировали свою позицию менее открыто, прибегая к цитированию заметок из других изданий или речей некоторых депутатов, содержащих критику положений холмского проекта.

Ключевые слова: русская земля, Холмщина, холмский вопрос, Холмская губерния, волынская пресса, Волынь

“A primordial Russian corner of our Fatherland”: Chełm Land and the Chełm Question through the lens of the Volhynian periodicals (1909–1912)**

Elizaveta O. Kovaleva

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Abstract

This article analyzes how Volhynian periodicals covered debates surrounding the Chełm question from 1909 to 1912. While metropolitan newspapers focused primarily on the State Duma hearings concerning a separate Chełm Governorate, the regional Volhynian press engaged more deeply with the issue, publishing on the region's ethnographic, confessional, and socioeconomic specificities and actively deliberating on its future. This strong regional interest is understandable given the historical ties between Volhynia and Chełm Land, which formed part of the Kingdom of Galicia–Volhynia in the 13th–14th centuries. Moreover, social and religious tensions in Chełm Land—such as conflicts between Polish landowners and Russian peasants, and between Catholic and Orthodox communities—closely mirrored those in Volhynia Governorate. These parallels, reinforced by close religious connections, shaped a distinct perspective on the Chełm question within the Volhynian press. Drawing on publications from periodicals such as *Pochaevskiy listok*, *Volynskaya zemlya*, *Zhizn' Volyni*, *Volynskaya pochta*, *Yugo-*

* This research is supported by the Russian Science Foundation under Project No. 24-18-00294, “‘Russian World’ and ‘Russian Land’: Historical and Socio-Political Aspects of the Problem of National Identity in Journalistic Discourse from the Mid-19th to Early 20th Centuries.”

Zapadnaya Volyn', and *Volyn'*—many introduced here into scholarly discourse for the first time—the study shows that both conservative and liberal Volhynian periodicals addressed key themes: main forms of the “Polish threat” to the Russian population of Chełm Land, the activities of Archbishop Evlogy (Georgievsky) and the Chełm Orthodox Brotherhood, and protests by Polish students in Lviv against the separation of Chełm Land. Conservative periodicals like *Pochaevskiy listok*, *Volynskaya zemlya*, *Zhizn' Volyni*, presented Chełm Land as historic Russian territory inhabited by a Russian population in need of protection from Polonization and Catholicization. Therefore, they viewed the establishment of a separate Chełm Governorate as not only logical but necessary. The liberal publishers in Volhynia expressed their stance more indirectly, demonstrated their position less overtly quoting articles from other periodicals or speeches by Duma deputies who opposed provisions of the Chełm project.

Keywords: Russian land, Chełm Lands, Kholmshchina, Chełm question, Chełm governorate, Volhynian periodicals, Volhynia

Обсуждение холмского вопроса в 1909–1912 гг., связанного с выделением Холмщины в качестве самостоятельной губернии из областей Люблинской и Седлецкой губерний, неоднократно становилось объектом изучения исследователей. Основы историографии проблемы были заложены ещё в дореволюционный период. Многие выдающиеся учёные затрагивали в своих работах ключевые аспекты истории Холмщины, включая её этноконфессиональную проблематику и саму идею административного выделения. Так, фундаментальный вклад в изучение темы внесли А.С. Будилович [7], В.А. Францев [64], И.П. Филевич [27; 48–63], причём последний, будучи уроженцем Холмщины, уделял ей особое внимание.

Данная проблема также затрагивалась в многочисленных работах российских и украинских исследователей. Этносоциальная характеристика Холмщины представлена в отдельной главе монографии А.Я. Авреха [2], а также в исследовании В.Н. Савченко [41]. Историко-этнографическому описанию региона посвящены коллективная монография В. Борисенко, Г. Вишневской и Ю. Гаврилюка и др. [6], а также статья Т.Е. Шевчука [71]. Непосредственно политическая сторона проблемы также привлекала внимание учёных. Так, ход парламентских дебатов по холмскому вопросу в Государственной думе рассматривается в статье Р.А. Циунчука [69]. Деятельность специальной Холмской подкомиссии подробно освещена Е.С. Борзовой [5]. Особо ценным представляется исследование И.И. Верняева [10], поскольку автор не только раскрыл причины возникновения холмского вопроса и показал остроту думских дебатов, но и проследил трансформацию русского национального и имперского дискурса в контексте обсуждения

законопроекта. Процесс развития национальных движений в регионе затронут в докторской диссертации А.В. Турчака [47]. Важное место в историографии занимают статьи С.Г. Суляка, посвящённые биографическому и научному наследию выдающихся учёных-славистов (таких как А.С. Будилович, И.П. Филевич и В.А. Францев), исследовавших историю и проблематику Карпатской Руси [43–46]. Необходимо также отметить работы, в которых проанализирована деятельность одной из ключевых фигур, повлиявших на создание отдельной Холмской губернии – архиепископа Евлогия (Георгиевского) [29; 68]. Вопрос об отношении владыки к проблеме русского национализма, в том числе на примере его выступлений по холмскому вопросу, затрагивается в статье А.А. Иванова и А.А. Чемакина [21].

Исследователями был проанализирован широкий пласт источников по проблеме – статистические данные, стенографические отчёты заседаний III Государственной думы, материалы специальной Холмской подкомиссии и др. Содержание региональной прессы, в частности волынской, до сих пор не становилось объектом специального изучения. Историки, как правило, обращались к материалам столичных изданий, однако именно волынская пресса не только с формальной стороны рассказывала своим читателям о разработке законопроекта, но и активно рассуждала о судьбе Холмщины, возможных вариантах решения холмского вопроса и его проблематике.

Такая вовлечённость изданий Волыни неудивительна, ведь исторические судьбы этого региона были тесно связаны с Холмщиной, входившей в XIII–XIV вв. в состав Галицко-Волынского княжества. Кроме того, проблемы сословного (поляки-помещики и русские крестьяне) и конфессионального (католики и православные) противостояний, тесно связанные с этнокультурными факторами, были столь же актуальны для Холмской Руси, как и для Волынской губернии. Отметим также, что между Холмщиной и Волынью существовала тесная религиозная связь – тысячи богомольцев из года в год тянулись к знаменитой Почаевской лавре. Так, 23 мая 1912 г. холмские приходские священники организовали паломничество в лавру для 138 православных холмщаков, чтобы поднять религиозный дух своих «добрых, покорных пасомых, которым не совсем легко живётся среди врагов православия и русской народности» [4: 4].

О значении этой православной святыни в обсуждении холмского вопроса нужно сказать отдельно. Издания лаврской типографии наиболее активно публиковали материалы, посвящённые холмскому вопросу. Это обстоятельство напрямую связано с личностью и деятельностью её главы, архимандрита Виталия (Максименко), являвшегося одновременно редактором-издателем ряда её газет, журналов

и брошюр, а также руководителем самого многочисленного отдела правой организации Союза русского народа (СРН) – Почаевского. Он не только выступал в роли энергичного борца за русское дело на Волыни, но и обращал внимание на положение русского народа, проживавшего в соседних областях – Холмщине и Галиции. Поэтому в «Почаевском листке» и «Волынской земле», издававшихся о. Виталием, а также в черносотенной «Жизни Волыни» (газета выходила в Житомире, её издателем в 1909–1917 гг. был генерал-лейтенант А.М. Красильников, возглавлявший Житомирский отдел СРН) обсуждению холмского вопроса уделялось особое внимание.

«Возникновение “холмского вопроса” в общем смысле этого слова относится ко временам седой древности. Собственно говоря, вся история Холмщины представляет одно сплошное развитие этого вопроса, грустное для русского национального сознания повествование о постепенном и упорном поглощении одной национальности другою», – размышлял о сущности холмского вопроса автор «Жизни Волыни» [15: 1]. Как правило, в консервативных изданиях («Жизнь Волыни», «Волынская земля», «Почаевский листок») выделяли следующие предпосылки его возникновения: полонизация края, окатоличивание русского населения и экономическая эксплуатация русских крестьян поляками-землевладельцами.

По мнению консервативной прессы Волыни, давление, оказываемое на русское население Холмщины со стороны польских помещиков, ксёндзов и служащих, преследовало одну цель – подавление в нём народного самосознания с помощью религии, образования, притеснения крестьян в аграрной области и распространения польского языка [39: 1]. Так, священник П. Петров в своём «Руководстве для сельских пастырей» писал, что средствами полонизации, применяемыми в прошлом на территориях Волыни, Подолии, Галиции и Холмской Руси, были: закрытие русских школ, расхищение крестьянских земель, утверждение новых порядков народной жизни, замена русского языка польским [32: 838].

Особенно остро волынская пресса реагировала на участившиеся случаи перехода православного населения Холмщины в католичество, связанные с изданием указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. При этом проблема виделась не столько в сути распоряжения, сколько в интерпретации его положений польскими ксёндзами, которые, по выражению автора одной из статей, воспользовались «новой милостью не для свободного исповедания своей веры», а чтобы вкрадчиво и настойчиво перейти «в мирное с виду, воинствующее по существу наступление» [12: 1]. При этом читателей призывали не винить католических священников за по-

добное поведение, а отдать должное их «естественной, красивой, упрямой, патриотической мощи» и бороться с «чужой воинствующей культурой» посредством распространения собственных традиций и усиления религиозной пропаганды [12: 1].

Об этом же говорил и один из холмских православных иноков, совершивших паломничество в Почаев в 1911 г. Он отмечал, что Церковь должна учесть изменившиеся условия и выработать «новые способы воздействия на паству», так как появление вероисповедного указа привело к оживлению деятельности католиков, начавших активно переманивать православных в католицизм с помощью различных интриг. Среди других факторов, способствовавших успеху католической пропаганды, монах, неназванный по имени, выделял следующие: воздействие помещиков-католиков, отказывавшихся брать православных на работу на заводы, фабрики и в свои хозяйства; распространение польскими ксёндзами слухов о том, что у лиц, не принявших католичество, отнимут землю [72: 895]. Холмский батюшка подчёркивал, что в изменившихся реалиях священник больше не мог ограничиваться ролью «корректного требоисполнителя», а для удовлетворения нужд пасомых должен обладать знаниями из различных областей – агрономии, медицины, юриспруденции и т. д. [72: 896].

По оценкам волынских авторов, последствия активной пропаганды католицизма выходили за рамки религиозного и переходили в область национального вопроса, так как «сбитые с толку русские люди» из числа белорусов и малороссов, перешедших в католицизм, стали идентифицировать себя как поляков, не умея при этом даже «грамотно» говорить по-польски. Они опасались, что если признают себя русскими, то будут вынуждены перейти в православие [39: 1]. «Почаевский листок» был также обеспокоен проблемой угасания русского самосознания среди населения западнорусских земель и с возмущением писал о пассивности русской интеллигенции и чиновников в этом вопросе: «Русские писатели не интересуются прошлым Западной Руси. Никто не думает о пробуждении русского народного самосознания. Русские чиновники заняты тем, чтобы “не восстановлялось одно сословие против другого”, то есть, чтобы не возбуждалась неприязнь в русских крестьянах к польским панам» [11: 11].

Заметим, однако, что к польскому народу как к этнографической единице черносотенная пресса не испытывала негатива, напротив, относилась к позиции поляков по холмскому вопросу даже с некоторым сочувствием. В публикациях неоднократно подчёркивалось, что русский народ ведёт борьбу не с поляками как таковыми, а с польской шляхтой, которая стремится к ослаблению России посредством укрепления белорусского и украинского сепаратизма [39: 1].

Одним из часто использовавшихся консервативными изданиями приёмов, с помощью которого обосновывалась необходимость принятия холмского законопроекта, были отсылки к сюжетам истории Холмщины. «Судьба Холмщины исключительна. Представляя искони русский уголок нашего отечества, населённый родными нам по крови братьями, Холмщина ускользнула не только от внимания, но даже из памяти прочих русских людей», – писала «Жизнь Волыни» [23: 2]. Ссылаясь на статью Вакуловского в «Санкт-Петербургских ведомостях», издание подчёркивало, что Холмщина с незапамятных времён была русской землёй, так как упоминаемый в летописных сказаниях Щек, поделив славянские земли с братьями Киевом и Хоривом, получил в управление город Холм. В газете также утверждалось, что первый православный епископ поселился в Холме ещё при князе Владимире одновременно со строительством в городе деревянной церкви [15: 1]. По мысли автора статьи, это свидетельствовало о первенстве православия в этом регионе.

В прессе уделялось внимание и рассмотрению этнографических особенностей Холмской Руси. Так, в одной из статей говорилось, что население холмских земель, входящих в состав Люблинской губернии, представлено двумя ветвями «польянского» древа. Первая – ополяченные потомки южно-руссов, принявшие католицизм и говорящие на «польском испорченном языке». Вторая – русины, использующие в речи южнорусский язык, исповедующие греко-униатство и походящие бытовыми привычками на малороссов. Русины, дополняя свою характеристику автор заметки, «резко отделяются от поляков своим задумчивым характером, – на котором отразилось многострадальное прошлое их родной земли, – танцами, одеждой» [15: 1]. Интересно, что при этом в другой статье того же издания заявлялось, что «никаких “русинов” и не существует в действительности» и на самом деле они «выдуманы поляками из боязни тяготения русских галичан к России», поэтому «холмичане, как и галичане, – русские» [14: 1].

«Волынские епархиальные ведомости» приводили фрагменты из брошюры известного психиатра, профессора Киевского университета Святого Владимира и идеолога русского национализма И.А. Сикорского «Русские и украинцы», в которой указывалось, что обширные пространства от «Архангельска до Таганрога и от Люблинского Холма до Саратова и Тамани» населены представителями финно-славянской русской народности, а деление на великороссов, малороссов и белорусов связывалось не с антропологическими, а с лингвистическими особенностями [16: 509].

Ещё одной значимой темой на страницах волынской прессы стал еврейский вопрос. На территориях будущей Холмской губернии

проживало значительное число евреев: так, из 758 тыс. человек всего населения их насчитывалось 114 тыс. [30: 3], а в самом Холме – 12 из 31 тыс. жителей были евреями [9: 14–15]. По утверждению изданий, иудейское население контролировало практически всю торговлю, искусственно завышая цены на товары [22: 16]. В качестве решения этой проблемы «Почаевский листок» приводил в пример задумку Холмского православного братства, которое предлагало для развития русской кооперации направить делегатов в Варшаву, Почаевскую лавру и Галичину, чтобы изучить и перенять опыт местных коммерческих объединений и со временем вытеснить еврейских торговцев. Эта проблема была особенно близка волынцам, поскольку экономическая жизнь Волыни также характеризовалась особой активностью еврейского элемента – иудеи выступали в роли монополистов при скупке продуктов крестьянского производства, а также являлись ростовщиками, выдававшими займы под высокий процент. Вождь волынских черносотенцев, архимандрит Виталий (Максименко) вступил в решительную борьбу с экономическим засильем евреев через открытие союзных лавок и складов, а с 1911 г. начало работу его детища – банк «Почаево-Волынский народный кредит» [26]. Поэтому опыт Волыни в этом деле был бы для Холмщины весьма полезен.

Таким образом, консервативная пресса Волыни выступила с безусловной поддержкой холмского законопроекта, обсуждаемого на заседаниях III Государственной думы. «С проведением такой реформы, надо надеяться, холмский русский народ, вечно приниженный и подневольный во многих отношениях, почувствует себя самостоятельным хозяином и, объединенный со всем русским народом, начав новую жизнь, он, наконец, приблизится к заветной своей мечте сравняться со своим ближайшим свободным волынским единоверным и единоплеменным народом-соседом», – цитировал «Почаевский листок» речь волынского депутата-националиста Г.Н. Беляева [35: 5].

Как и столичные издания, волынские газеты пристально следили за происходившим в стенах Таврического дворца. «Если бы можно было говорить о комическом в случаях столь серьёзных, то, конечно, историю этого законопроекта можно было рассказывать только в собрании комических анекдотов, – иронизировал по поводу думских батальйон холмскому законопроекту автор “Жизни Волыни”. – Это даже и не гора мышь родила, а просто какая-то насмешка над Россией, над Холмщиной, над русским законодательством, над рядом искренних и горячих слуг России, выдвинувших проект» [15: 1]. Главная цель законопроекта виделась в защите коренного русского населения края от насильтственного обращения в католичество и ополячивания. «Правительство должно подать руку помощи коренным

жителям Холмщины, желающим сохранить в неприкосновенности свои национальные особенности, религию и жизненный уклад», – заключало издание [15: 1].

Атмосфера думских заседаний характеризовалась как чрезвычайно напряжённая и шумная: «...всякая хотя бы незначительная победа, как известно, окрыляет депутатов, особенно теперь, когда так заметен упадок сил и настроения в Г. Думе. В кулуарах шумно. Шумят октябрьсты. Посмеиваются оппозиция. Правые ругаются, а националисты дуются» [17: 2].

Консервативные и либеральные издания Волыни, цитируя на своих страницах речи депутатов, делали это, как правило, выборочно, публикуя высказывания тех парламентариев, чьим позициям они симпатизировали. Так, например, «Юго-Западная Волынь» и «Волынская почта», не выступая против законопроекта напрямую, акцентировали внимание на мнении депутатов, составлявших польское коло [19: 3]. Первое издание, например, цитировало речь депутата от Калишской губернии, польского юриста и этнографа А.И. Парчевского, заявившего с думской трибуны, что все статьи холмского законопроекта «являются актом насилия, либо логическим и юридическим абсурдом», а истинный мотив выделения Холмщины связан с переходом в католичество «насильно приписанного к православию» населения [20: 3].

Черносотенная «Жизнь Волыни» делилась интересным опытом правого депутата и публициста С.В. Воейкова, который при подготовке доклада по холмскому вопросу для выступления 29 апреля 1911 г. перед членами «Русского собрания» переоделся в костюм крестьянина и с котомкой богомольца за плечами частично прошёл пешком, частично проехал на лошади расстояние вдоль предполагаемой западной границы будущей Холмской губернии. Как отмечал докладчик, на всём пути он непрерывно слышал русскую речь, и только два раза на его многочисленные расспросы ему ответили по-польски [66: 1]. Поскольку русская речь использовалась и в более западных областях, С.В. Воейков предлагал включить в состав Холмской губернии не только отдельные уезды Люблинской и Седлецкой губерний, а их территории целиком [66: 1].

В контексте разработки холмского законопроекта волынская пресса уделяла большое внимание деятельности архиепископа Холмского Евлогия (Георгиевского), явившегося также депутатом II и III Государственной думы и членом Главного совета Всероссийского национального союза (ВНС). «Жизнь Волыни» атtestовала его как «известного борца за православие в Холмщине» [70: 1]. «В Столыпине и Евлогии, лишь как в хорошем оптическом зеркале, нашла отражение давняя и окончательно после 1905 г. назревшая потребность...», – отмечал

автор данного издания [12: 1]. Обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер в одной из своих речей также подчеркнул, что архиепископ внёс весомый вклад в дело освобождения «поработённого поляками Холмского края» и «своей грудью отстоял независимость Холмщины от Польши» в Государственной думе [1: 785]. Являясь единственным епископом в партии русских националистов, владыка Евлогий выступал на мероприятиях ВНС по «холмскому вопросу», призывая снять с Холмщины «польскую печать» и законодательно признать её русской землёй [21: 155].

Значительное внимание волынские издания уделяли деятельности Холмского православного Свято-Богородицкого братства, попечителем которого был сам Евлогий (Георгиевский). Архиепископ считал его одной из «немногих организаций, подготовлявших переход Холмской Руси к единению с православной Россией» [34: 792]. Стоит отметить, что распространяемые братством среди населения Холмщины «русские заповеди» публиковались как консервативными [38: 4], так и либеральными изданиями [37: 2]. Защита интересов русского православного населения края велась братством не только в религиозной, но и в экономической, и в политической сферах. Так, в 1912 г. оно выступило против создания в Холме цеха каменщиков, инициированного местными строительными фирмами, предложив взамен учредить ремесленную управу с преобладанием русских мастеров [3: 4]. В области политики, ещё до официального образования губернии, братство развернуло подготовку к будущим выборам в Думу. Была выдвинута целая программа по изменению избирательного законодательства, включавшая создание национальной курии, расширение прав кооперативов и русских обществ, а также увеличение числа лояльных избирателей за счёт чиновников и передачи женщинами имущественного ценза родственникам-мужчинам [67: 1].

26 апреля 1912 г. Государственной думой в третьем чтении был принят законопроект об образовании Холмской губернии [65]. «Иgorь рабства и невзгоды / Сбросит Холмская земля! / Озарят лучи свободы / Наши нивы и поля; / Смолкнут, смолкнут горлодраны; / Что кричат на весь свет: / “В Холмской Руси перекидцы,” / “Православных будто нет”», – выражал радость по поводу перехода законопроекта на следующую стадию «Почаевский листок» [28: 12]. Однако далеко не все восприняли это известие положительно. Либеральная «Волынская почта» отреагировала на эту новость с показательным прискорбием, сравнив отделение Холмщины от Царства Польского с потерей матерью ребёнка, а утверждение закона – с ампутацией: «В Таврическом оперативном зале уже совершена ампутация... Над трупом Холмщины хочется не плакать, а собраться с мыслями...»

[31: 3–4]. Ей вторила «Юго-Западная Волынь», на страницах которой отмечалось, что Холмщина, будучи буфером между «Россией и Польшей», приобретёт все черты «гермафродитических организмов» – «недоразвитость, уродливость, политическую и этическую слабость» – и «станет гнойником русско-польского касания, самым чувствительным, слабым и ноющим местом и на русском, и на польском организмах» [36: 2].

Кроме того, негативная реакция на принятие холмского законо-проекта звучала и за пределами Российской империи. Так, польские студенты организовали протестную демонстрацию во Львове, в ходе которой многотысячная толпа проследовала от здания русского консульства к помещению, где располагалась редакция газеты «Прикарпатская Русь», разгромила последнее и выбила окна [18: 2]. Стоит отметить, что при оценке действий австрийской полиции позиции либеральных и консервативных изданий Волыни не совпадали. Если либеральная «Волынская мысль» писала о жестокости конных отрядов, разгонявших толпу демонстрантов холодным орудием и нанёсших этими действиями ранения 20 студентам [24: 2], то консервативная «Жизнь Волыни», напротив, сетовала по поводу безучастности полицейских. Издание указывало, что они молча наблюдали за шествием студентов-социалистов и не предприняли никаких действий, когда демонстранты подожгли портреты членов императорской фамилии у памятника Адаму Мицкевичу [33: 1].

Газета «Волынь» осветила и позицию австрийских властей, опубликовав телеграммы российского посла в Вене Н.Н. Гирса. В одной из них посол передавал министру иностранных дел С.Д. Сазонову реакцию австрийской прессы на сожжение портретов императорской четы. Австрийские издания, по словам посла, писали, что, «если подобный факт действительно произошёл, то, конечно, он должен быть заклеймён глубочайшим негодованием» [25: 2]. Однако вина за случившееся не признавалась, напротив, в цитируемых Н.Н. Гирсом материалах особо подчёркивалось, что установить точно, чьи портреты сожгли протестующие студенты, невозможно, так как инцидент случился внезапно, длился недолго и полицейские могли опираться при расследовании только на слухи из толпы [25: 2].

Львовское католическое духовенство также выступило против выделения Холмщины. Один из местных епископов – Владислав Бандурский – выступил с обращением к полякам, в котором призвал их жертвовать средства на латинизацию и ополячивание Холмщины, чтобы тем самым оказать сопротивление укреплению православия и русской народности в регионе [13: 709].

Тем не менее 23 июня 1912 г. закон «Об образовании из восточных

частей Люблинской и Седлецкой губерний особой Холмской губернии, с изъятием её из управления варшавского генерал-губернатора» был высочайше утверждён императором. В Холме по этому случаю были устроены религиозные торжества, продлившиеся с 24 июня по 2 июля [40:3].

Газета «Жизнь Волыни» оценивала утверждение законопроекта как победу русского дела в этом регионе, однако подчёркивала, что выделение Холмщины является только первым шагом на пути решения вопроса о культурном и национальном укреплении русского населения [42:1]. Автор издания для достижения этих целей предложил целую программу религиозных, экономических и социальных изменений, включавшую такие пункты, как: внедрение всеобщего обучения на русском языке, расширение сети образовательных учреждений (школ и библиотек), развитие внешкольного образования; введение богослужения на русском языке для этнически русских жителей, исповедующих католицизм; увеличение благосостояния русского населения через оказание помощи по землеустройству крестьянам, развитие учреждений мелкого кредита, открытие производительных артелей и товариществ потребительской кооперации [42: 1]. По мнению автора «Волынской земли», успешность подобных мероприятий напрямую зависела от представителей администрации будущей губернии, которые должны быть не только стойкими и энергичными при проведении преобразований, но и обладать знаниями об особенностях быта и обычаях жителей Холмщины [8: 2].

Таким образом, обсуждение холмского законопроекта стало одним из центральных сюжетов, затрагивавшихся на страницах волынских периодических изданий в 1909–1912 гг. При этом авторы не только освещали судьбу законопроекта в Государственной думе, но размышляли о проблемах Холмщины, предлагали различные меры религиозного, экономического и политического характера, направленные на укрепление русского самосознания. Однако консервативная и либеральная пресса Волыни не выработала единой позиции по отношению к законопроекту. Консервативные издания («Жизнь Волыни», «Волынская земля», «Почаевский листок», «Волынские епархиальные ведомости») открыто поддержали законопроект об образовании самостоятельной Холмской губернии, поскольку рассматривали Холмщину как исконно русскую землю, а в принятии законопроекта видели акт защиты русского населения от ополячивания и окатоличивания. Либеральные же издания («Волынь», «Волынская мысль», «Юго-Западная Волынь» и др.), не выражая свою позицию напрямую, выступили с критикой законопроекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. О пребывании В.К. Саблера в Житомире // Волынские епархиальные ведомости. 1913. 24 октября. № 43. С. 783–788.
2. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.
3. Благой почин // Жизнь Волыни. 1912. 3 сентября. № 226. С. 4.
4. Богоомольцы из Холмщины // Волынская земля. 1912. 25 мая. № 42. С. 4.
5. Борзова Е.С. История образования Холмской губернии // Славяноведение. 2014. № 5. С. 75–81.
6. Борисенко В., Вишневська Г., Гаврилюк Ю. et al. Холмщина і Підляшшя: Історико-етнографічне дослідження. Київ: Родовід, 1997. 383 с.
7. Будилович А.С. Холмская Русь и поляки. Три статьи профессора А.С. Будиловича (перепечатка из «Окраин России», 1907. № 2, 3 и 5). СПб.: Тип. «Россия», 1907. 49 с.
8. Будущее Холмщины // Волынская земля. 1913. 20 мая. № 98. С. 2.
9. В новой губернии // Почаевский листок. 1913. 2 октября. № 38. С. 14–15.
10. Верняев И.И. Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // Русин. 2018. Т. 53, вып. 3. С. 97–114.
11. Вещий. Польская политика в Западной Руси // Почаевский листок. 1913. 2 августа. № 30. С. 11.
12. Владимиров. Ещё о Холмщине // Жизнь Волыни. 1912. 8 июня. № 145. С. 1.
13. Волков Л. Россия и Ватикан // Волынские епархиальные ведомости. 1912. 30 августа. № 36. С. 709.
14. Волынец А. Поляки и Холмщина // Жизнь Волыни. 1911. 17 мая. № 124. С. 1.
15. Выделение Холмщины // Жизнь Волыни. 1911. 1 декабря. № 306. С. 1.
16. Г.Б. “Русские и украинцы” // Волынские епархиальные ведомости. 1913. 11 июля. № 28. С. 508–511.
17. Говоров А. Выделение Холмской губернии отклонено // Волынь. 1912. 19 февраля. № 48. С. 2.
18. Демонстрация против выделения Холмщины // Юго-Западная Волынь. 1912 г. 1 мая. № 622. С. 2.
19. Думское коло и выделение Холмщины // Волынская почта. 1912. 23 января. № 16. С. 3.
20. Законопроект о Холмщине // Юго-Западная Волынь. 1912. 10 февраля. № 557. С. 3.
21. Иванов А.А., Чемакин А.А. Православное духовенство и русский национализм в начале XX в // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 153–166.
22. Из Холмщины // Почаевский листок. 1913. 30 ноября. № 47. С. 16.
23. Исторические памятники Холмщины // Жизнь Волыни. 1911. 15 августа. № 206. С. 2.

24. К львовским демонстрациям // Волынская мысль. 1912. 5 мая. № 101. С. 2.
25. К событиям во Львове // Волынь. 1912. 13 мая. № 129. С. 2.
26. Ковалева Е.О. Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка // Русин. 2022. № 67. С. 206–225.
27. Крыжановский Е.М. Русское Забужье. Холмщина и Подляшье. Сборник статей Е.М. Крыжановского с предисловием «К холмскому вопросу» И.П. Филевича. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.
28. Мак. Привет Холмщине от сына // Почаевский листок. 1912. 15 июня. № 42–43. С. 12.
29. Можаева Л.А. Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) // Православная энциклопедия. 2008. Т. 17. С. 161–168.
30. Население Холмской губернии // Волынская земля. 1913. 17 сентября. № 189. С. 3.
31. П.В. Слезы Польши (По Холмскому вопросу) // Волынская почта. 1912. 15 февраля. № 38. С. 3–4.
32. Печать (без названия) // Волынские епархиальные ведомости. 1913. 14 ноября. № 46. С. 837–839.
33. Польские манифестации во Львове по случаю выделения Холмщины // Жизнь Волыни. 1912. 17 мая. № 124. С. 1.
34. Прокофьев В. С праздника Холмской Руси // Волынские епархиальные ведомости. 1912. 27 сентября. № 40. С. 792.
35. Речь, произнесенная депутатом Беляевым в Государственной думе по Холмскому вопросу // Почаевский листок. 1912. 25 февраля. № 15. С. 5.
36. Рославлев об истории будущей Холмщины // Юго-Западная Волынь. 1912. 28 апреля. № 620. С. 2.
37. Русские заповеди в Холмщине // Волынская почта. 1912. 24 апреля. № 105. С. 2.
38. Русские заповеди в Холмщине // Жизнь Волыни. 1912. 25 апреля. № 106. С. 4.
39. Русское знамя в Холмщине // Жизнь Волыни. 1912. 25 апреля. № 106. С. 1.
40. С.В. Яр. В выделенной Холмщине (Письмо из Холма) // Жизнь Волыни. 1912. 15 августа. № 209. С. 3.
41. Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М.: Институт славяноведения и балканстики РАН, 1995. 196 с.
42. Славин В. Дальнейшие шаги в Холмщине // Жизнь Волыни. 1912. 1 июля. № 167. С. 1.
43. Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166–181. doi: 10.17223/18572685/48/12
44. Суляк С.Г. В.А. Францев и Карпатская Русь // Русин. 2021. № 64. С. 89–114. doi: 10.17223/18572685/64/5

45. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 1. Биография // Русин. 2020. № 62. С. 32–49. doi: 10.17223/18572685/62/3
46. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть. 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного // Русин. 2021. № 63. С. 81–137. doi: 10.17223/18572685/63/6
47. Турчак О.В. Правове регулювання етнонаціонального становища та суспільноЯ діяльності українців у Польщі (1918–1939 рр.): дис....д-ра юрид. наук. Острог, 2015. 393 с.
48. Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. Исторические очерки. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. X, 233 с.
49. Филевич И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке. По поводу исслед. П.О. Бобровского «Русская грекоуниатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1891. [2], 31 с.
50. Филевич И.П. Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина». Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1902. [2], 45 с.
51. Филевич И.П. Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина» // Русская Галиция и «мазепинство» / сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 61–87.
52. Филевич И.П. Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866). Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1907. [2], 162 с.
53. Филевич И.П. История Древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава: В тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.
54. Филевич И.П. К вопросу о борьбе Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие // ЖМНП. 1891. Декабрь. Ч. 278. С. 318–342.
55. Филевич И.П. К. Горжицкий. Соединение Червонной Руси с Польшей Казимиром Великим. Львов, 1889. Критика и библиография // ЖМНП. 1889. Сентябрь. Ч. 265. С. 131–138.
56. Филевич И.П. Карпатская Русь накануне XX века // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его ученого-лит. деятельности. СПб., 1905. С. 45–63.
57. Филевич И.П. О разработке географической номенклатуры // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 / под ред. графини Уваровой. М.: Тип. Э. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Т. 1. С. 327–339.
58. Филевич И.П. Очерк карпатской территории и населения // ЖМНП. 1895. Апрель. Ч. 298. С. 361–385.
59. Филевич И.П. Очерк карпатской территории и населения. Продолжение // ЖМНП. 1895. Май. Ч. 299. С. 156–218.
60. Филевич И.П. По поводу теории двух русских народностей / Сост. Серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 23–60.

61. Филевич И.П. По поводу теории двух русских народностей. Львов: Галицко-русская матица, 1902. [1], 59 с.
62. Филевич И.П. Польша и польский вопрос. М.: Унив. тип., 1894. [2], 104 с.
63. Филевич И.П. Программа для собирания сведений по этнографии Холмской Руси // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1900. 2 апреля № 14. С. 168–171.
64. Францев В.А. Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним. Варшава: Холмское свято-бого-родицкое братство, 1909 (Прага: Типография «Политики»). [2], XVI, 48 с., 2 л. карт., табл.
65. Холмщина выделена // Почаевский листок. 1912. 21 мая. № 37. Б.с.
66. Холмщина и Забужье // Жизнь Волыни. 1911. 5 мая. № 114. С. 1.
67. Холмщина перед выборами // Жизнь Волыни. 1912. 11 июня. № 148. С. 1.
68. Цуунчук Р.А. Мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского) как источник изучения этноконфессиональных отношений на польско-украинском пограничье на рубеже XIX–XX веков (холмский вопрос) // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1, № 1. С. 49–55.
69. Цуунчук Р.А. Холмский вопрос в Государственной Думе: католики – православные – униаты / поляки – русские – малороссы? // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб.: ЭлекСис, 2014. Ч. 1. С. 188–197.
70. Чем сильно католическое духовенство? // Жизнь Волыни. 1911. 17 мая. № 124. С. 1.
71. Шевчук Т.Є. Етносоціальна ситуація на Холмщині та Підляшші в першій чверті ХХ ст. // Історичний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. Вип. 1. С. 92–103.
72. Юркевич С.Г. Будем бодрствовать (Из беседы с православным священником Холмской Руси) // Волынские епархиальные ведомости. 1911. 10 ноября. № 46. С. 895–896.

REFERENCES

1. N. (1913) O prebyvanii V.K. Sablera v Zhitomire [The visit of V.K. Sabler to Zhitomir]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 43. pp. 783–788.
2. Avrekh, A.Ya. (1991) P.A. Stolypin i sud'by reform v Rossii [P.A. Stolypin and the fate of reforms in Russia]. Moscow: Politizdat.
3. Zhizn' Volyni. (1912) Blagoy pochin [Noble endeavor]. 3rd September. p. 4.
4. Volynskaya zemlya. (1912) Bogomol'tsy iz Kholmshchiny [The pilgrims from Chełm Land]. 25th May. p. 4.
5. Borzova, E.S. (2014) Istoryia obrazovaniya Kholmskoy gubernii [The History of the Formation of the Chełm Governorate]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 75–81.

6. Borisenko, V., Vishnevska, G., Gavrilyuk, Yu. et al. (1997) *Kholmshchina i Pidlyashhya: Istoriko-etnografichne doslidzhennya* [Chełm Land and Podlasie: Historical and Ethnographic Research]. Kyiv: Rodovyd.
7. Budilovich, A.S. (1907) *Kholmskaya Rus' i polyaki. Tri stat'i professora A.S. Budilovicha* [Rus' in the Lands of Chełm and the Poles. Three articles by Professor A.S. Budilovich]. St. Petersburg: Rossiya.
8. *Volynskaya zemlya*. (1913) Budushchee Kholmshchiny [The future of Chełm Land]. 20th May. p. 2.
9. *Pochaevskiy listok*. (1913) V novoy gubernii [In a new governorate]. 2nd October. pp. 14–15.
10. Verniaev, I.I. (2018) The solution to the Chełm question: Discursive Practices in the Russian Empire in the early 20th century. *Rusin*. 53(3). pp. 97–114 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/53/7
11. Veshchiy. (1913) Pol'skaya politika v Zapadnoy Rusi [Polish politics in the Western Rus]. *Pochaevskiy listok*. 30. p. 11.
12. Vladimirov. (1912) Eshche o Kholmshchine [More about Chełm Land]. *Zhizn' Volyni*. 145. p. 1.
13. Volkov, L. (1912) Rossiya i Vatikan [Russia and Vatican]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 36. p. 709.
14. Volynets, A. (1911) Polyaki i Kholmshchina [Poles and Chełm Land]. *Zhizn' Volyni*. 124. p. 1.
15. *Zhizn' Volyni*. (1911) Vydenie Kholmshchiny [Separation of Chełm Land]. 1st September. p. 1.
16. G.B. (1913) Russkie i ukraintsy [Russians and Ukrainians]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 28. pp. 508–511.
17. Govorov, A. (1912) Vydenie Kholmskoy gubernii otkloneno [Separation of Chełm Land rejected]. *Volyn'*. 48. p. 2.
18. *Yugo-Zapadnaya Volyn'*. (1912) Demonstratsiya protiv vydeniya Kholmshchiny [Demonstration against separation of Chełm Land]. 1st May. p. 2.
19. *Volynskaya pochta*. (1912) Dumskoe kolo i vydenie Kholmshchiny [Duma Kolo and separation of Chełm Land]. 23rd September. p. 3.
20. *Yugo-Zapadnaya Volyn'*. (1912) Zakonoproekt o Kholmshchine [The draft law on Chełm Land]. 10th February. p. 3.
21. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2018) Pravoslavnoe dukhovenstvo i russkiy natsionalizm v nachale XX v. [Orthodox clergy and Russian nationalism in the early 20th century]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 153–166.
22. *Pochaevskiy listok*. (1913) Iz Kholmshchiny [From Chełm Land]. 30th November. p. 16.
23. *Zhizn' Volyni*. (1911) Istoricheskie pamiatniki Kholmshchiny [Historical monuments of Chełm Land]. 15th August. p. 2.
24. *Volynskaya mysl'*. (1912) K l'vovskim demonstratsiyam [On the Demonstrations in Lviv]. 5th May. p. 2.

25. *Volyn'.* (1912) K sobytiyam vo Lvove [On events in Lviv]. 13th May. p. 2.
26. Kovaleva, E.O. (2022) Vitaliy (Maksimenko) and his efforts to create the Pochaiiv Bank. *Rusin.* 67. pp. 206–225 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/67/12
27. Kryzhanovsky, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e. Kholmshchina i Podlyash'e* [Russian Zabuzhie. Chełm Land and Podlasie]. St. Petersburg: Mirnyy trud.
28. Mak. (1912) Privet Kholmshchine ot syna [Greetings to Chełm Land from its son]. *Pochaevskiy listok.* 42–43. p. 12.
29. Mozhaeva, L.A. (2008) Evlogiy (Georgievskiy Vasiliy Semenovich) [Evlogiy (Vasiliy Semenovich Georgievsky)]. *Pravoslavnaya entsiklopediya.* 17. pp. 161–168.
30. *Volynskaya zemlya.* (1913) Naselenie Kholmskoy gubernii [The population of Chełm Governorate]. 17th September. p. 3.
31. P.V. (1912) Slezы Pol'shi (Po Kholmskomu voprosu) [Tears of Poland (on the Chełm question)]. *Volynskaya pochta.* 38. pp. 3–4.
32. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti.* (1913) Pechat' (Bez nazvaniya) [Print (Untitled)]. 4th November. pp. 837–839.
33. *Zhizn' Volyni.* (1912) Pol'skie manifestatsii vo Lvove po sluchayu vydeleniya Kholmshchiny [Polish demonstrations in Lvov against separation of Chełm Land]. 17th May. p. 1.
34. Prokofiev, V. (1912) S prazdnika Kholmskoy Rusi [From the Chełm Rus celebration]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti.* 40. p. 792.
35. *Pochaevskiy listok.* (1912) Rech', proiznesennaya deputatom Belyaevym v Gosudarstvennoy dume po Kholmskomu voprosu [The speech on the Chełm question delivered by the deputy Belyaev in the State Duma]. 25th February. p. 5.
36. *Yugo-Zapadnaya Volyn'.* (1912) Roslavlev ob istorii budushchey Kholmshchiny [Roslavlev about the history of future Chełm Land]. 28th April. p. 2.
37. *Volynskaya pochta.* (1912) Russkie zapovedi v Kholmshchine [Russian commandments in Chełm Land]. 25th April. p. 2.
38. *Zhizn' Volyni.* (1912) Russkie zapovedi v Kholmshchine [Russian commandments in Chełm Land]. 24th April. p. 4.
39. *Zhizn' Volyni.* (1912) Russkoe znamya v Kholmshchine [Russian flag in Chełm Land]. 25th April. p. 1.
40. S.V. Yar. (1912) V vydelennoy Kholmshchine (Pis'mo iz Kholma) [In a separated Chełm Land (The letter from Chełm Land)]. *Zhizn' Volyni.* 15th August. p. 3.
41. Savchenko, V.N. (1995). *Vostochnoslavyansko-pol'skoe pogranich'e, 1918–1921 gg. Etnosotsial'naya situatsiya i gosudarstvenno-politicheskoe razmezhevaniye* [East Slavic-Polish borderland, 1918–1921. Ethno-social situation and boundary delimitation]. Moscow: ISB.
42. Slavin, V. (1912) Dal'neyshie shagi v Kholmshchine [Further steps in Chełm Land]. *Zhizn' Volyni.* 167. p. 1.
43. Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovich and Carpathian Rus. *Rusin.* 2(48). pp. 166–181 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/48/12

44. Sulyak, S.G. (2021a) V.A. Frantsev and Carpathian Rus'. *Rusin.* 64. pp. 89–114 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/64/5
45. Sulyak, S.G. (2020) I.P. Filevich and Carpathian Rus Part 1. Biography. *Rusin.* 62. pp. 32–49 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/62/3
46. Sulyak, S.G. (2021b) I.P. Filevich and Carpathian Rus Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage. *Rusin.* 63. pp. 81–137 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/63/6
47. Turchak O.V. (2015) *Pravove regulyuvannya etnonatsional'nogo stanovishcha ta suspil'noї diyal'nosti ukrainitsiv u Pol'shchi (1918–1939 rr.)* [Legal regulation of the ethno-national status and social activities of Ukrainians in Poland (1918–1939)]. Law Dr. Diss. Ostrog.
48. Filevich, I.P. (1890a) *Bor'ba Pol'shi i Litvy-Rusi za galitsko-vladimirskoe nasledie. Istoricheskie ocherki* [The struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir heritage]. St. Petersburg: V.S. Balashev.
49. Filevich, I.P. (1890b) *Vopros o vossaedeninii zapadno-russkikh uniatov v ego noveyshy postanovke. Po povodu issled. P.O. Bobrovskogo "Russkaya grekouniatskaya tserkov' v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I"* [The reunification of the Western Russian Uniates in its newest formulation. Concerning P.O. Bobrovsky's "Russian Greek-Uniate Church during the reign of Emperor Alexander I"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.
50. Filevich, I.P. (1902) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.
51. Filevich, I.P. (2005) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Russkaya Galitsiya i "mazepinstvo"* [Russian Galicia and the "Mazepa Movement"]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 61–87.
52. Filevich, I.P. (1907) *Iz istorii Karpatskoy Rusi. Ocherki galitsko-russkoy zhiznis 1772 g. (1848–1866)* [From the history of Carpathian Rus. Essays on Galician-Russian life from 1772 (1848–1866)]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.
53. Filevich, I.P. (1896) *Istoriya Drevney Rusi* [The History of Old Russia]. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.
54. Filevich, I.P. (1891) *K voprosu o bor'be Pol'shi i Litvy-Rusi za galitskovladimirskoe nasledie* [On the struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir heritage]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* 278. pp. 318–342.
55. Filevich, I.P. (1889) *K. Gorzhitskiy. Soedinenie Chervonnoy Rusi s Pol'shey Kazimirom Velikim*. L'vov, 1889. Kritika i bibliografiya [K. Gorzhitsky. The connection of Chervonnaya Rus with Poland by Casimir the Great]. Lvov, 1889. Criticism and bibliography]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* 265. pp. 131–138.

56. Filevich, I.P. (1905) Karpatskaya Rus' nakanune XX veka [Carpathian Rus on the eve of the 20th century]. In: Draganov, P. et al. *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St Petersburg: [s.n.]. pp. 45–63.
57. Filevich, I.P. (1899) O razrabotke geograficheskoy nomenklatury [On the development of geographical nomenclature]. In: Countess Uvarova. (ed.) *Trudy Desyatogo arkheologicheskogo s"ezda v Rige. 1896* [Proceedings of the Tenth Archaeological Congress in Riga. 1896]. Vol. 1. Moscow: E. Lissner and A. Geschel. pp. 327–339.
58. Filevich, I.P. (1895a) Ocherk karpatskoy territorii i naseleniya [A sketch of the Carpathian territory and population]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 298. pp. 361–385.
59. Filevich, I.P. (1895b) Ocherk karpatskoy territorii i naseleniya [A sketch of the Carpathian territory and population]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 299. pp. 156–218.
60. Filevich, I.P. (2005a) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Concerning the theory of two Russian nationalities]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 23–60.
61. Filevich, I.P. (1902) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Regarding the theory of two Russian nationalities]. Lvov: Galitsko-russkaya matitsa.
62. Filevich, I.P. (1894) *Pol'sha i pol'skiy vopros* [Poland and the Polish question]. Moscow: Universitetskaya tip.
63. Filevich, I.P. (1900) Programma dlya sobiraniya svedeniy po etnografii Kholmskoy Rusi [A program for collecting information on the ethnography of Chełm Rus]. *Kholmsko-Varshavskiy eparkhial'nyy vestnik*. 14. pp. 168–171.
64. Frantsev, V.A. (1909) *Karty russkogo i pravoslavnogo naseleniya Kholmskoy Rusi s statisticheskimi tablitsami k nim* [Maps of the Russian and Orthodox population of Chełm Rus with statistical tables]. Warsaw: Kholm. Svyatobogorodits. Bratstvo.
65. *Pochaevskiy listok*. (1912) Kholmshchina vydelena [Chełm Land is separated]. 21st May.
66. *Zhizn' Volyni*. (1911) Kholmshchina i Zabuzh'e [Chełm Land and Zabuzhie]. 5th May. p. 1.
67. *Zhizn' Volyni*. (1912) Kholmshchina pered vyborami [Chełm Land before elections]. 11th June. p. 1.
68. Tsiunchuk, R.A. (2019) Memuary mitropolita Evlogiya (Georgievskogo) kak istochnik izucheniya etnokonfessional'nykh otnosheniy na pol'sko-ukrainskom pogranich'e na rubezhe XIX–XX vekov (kholmskiy vopros) [The memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgievsky) as a source for studying ethno-confessional relations in the Polish-Ukrainian borderlands at the turn of the 20th century (The Kholm Question)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo*. 1(1). pp. 49–55.

69. Tsuinchuk, R.U. (2014) Kholmskiy vopros v Gosudarstvennoy Dume: katoliki – pravoslavnye – uniaty / polyaki – russkie – malorossy? [The Chełm question in the State Duma: Catholics – Orthodox – Uniates / Poles – Russian – Little Russians?]. In: *Tavricheskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurian Readings 2013. Topical problems of parliamentarism: history and modernity]. St. Petersburg: ElekSis. pp. 188–197.
70. Zhizn' Volyni. (1911) Chem sil'no katolicheskoe dukhovenstvo? [What makes Catholic clergy powerful?]. 17th May. p. 1.
71. Shevchuk, T.E. (2008) Etnosotsial'naya situatsiya na Kholmshchini ta Pidlyashshi v pershiy chverti XX st. [Ethnosocial situation in Chełm Land and Podlasie in the first quarter of the 20th century] In: Sokhan, P.S. et al. (eds) *Istorichniy arkhiv. Naukovi studii* [Historical Archive]. Mikolaiv: Petro Mohyla State Humanities University in Mykolaiv. pp. 92–103.
72. Yurkevich, S.G. (1911) Budem bodrsvovat' (Iz besedy s pravoslavnym svyashchennikom Kholmskoy Rusi) [Let's be watchful (from the conversation with the Orthodox priest of Kholm Rus)]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 46. pp. 895–896.

Ковалева Елизавета Олеговна – аспирант, инженер-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Elizaveta O. Kovaleva – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: st055567@student.spbu.ru

УДК 94(47)“1920”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/7

Петлюровская делегация в белом Крыму (август – сентябрь 1920 г.)*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается визит военной делегации Украинской Народной Республики во Врангелевский Крым в августе – сентябре 1920 г.; использованы материалы трёх российских, двух украинских и двух американских архивов, воспоминания участников событий и материалы крымской прессы. Делегация, состоявшая из пяти человек (полковник И.Д. Литвиненко, полковник М.Н. Крат, Л.Е. Чикаленко, сотник И.К. Блудымко, хорунжий К. Роменский), не имела полномочий для подписания союзного договора, а главной целью её приезда было понять, насколько прочно положение Русской армии. Делегация, выехавшая из Галичины через Румынию, прибыла сначала в Ялту, а затем в Севастополь. Приезд петлюровцев оказался неожиданностью для врангелевских властей, долгое время не знавших, что с ними делать. Не вполне удачным оказался и выбор главы миссии, так как Литвиненко плохо знал русский литературный язык и с трудом выражал свои мысли. Из-за этого возник ряд недоразумений, а главный советник Врангеля по украинскому вопросу генерал-майор В.Ф. Кирей посчитал требования петлюровцев завышенными и поэтому не хотел представлять их главнокомандующему. В конце концов члены делегации всё же встретились и с Врангелем, и с другими лицами из его окружения – А.В. Кривошеиным, П.Н. Шатиловым, П.Б. Струве. Встречи прошли в конструктивной манере, но ни к чему конкретному не привели. Обе стороны признавали, что военное соглашение необходимо, но, несмотря на это, политические противоречия между Югом России и УНР оставались слишком серьёзовыми. Своей главной цели украинская миссия всё же добилась, так как ей удалось узнать, что положение Врангеля не настолько проч-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П.Н. Врангеля (весна–осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>

но, как писала иностранная пресса, а его десанты на Кубань и на Дон окончились провалом.

Ключевые слова: Гражданская война, Русская армия, Украинская Народная Республика, Крым, Юг России, П.Н. Врангель, С.В. Петлюра

Petliura's delegation in White Crimea (August–September 1920)*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

This article examines the visit of a military delegation from the Ukrainian People's Republic to Wrangel's Crimea in August–September 1920. It draws upon materials from three Russian, two Ukrainian, and two American archives, alongside memoirs of participants and contemporary Crimean press reports. The delegation, composed of five members: Colonels I.D. Litvinenko and M.N. Krat, L.E. Chikalenko, Sotnik I.K. Bludymko, and Cornet K. Romensky, lacked the authority to conclude a formal alliance. Its principal aim was to assess the stability of the Russian Army's position. Traveling from Galicia via Romania, the delegation first arrived in Yalta before proceeding to Sevastopol. The arrival of the Petliurites caught Wrangel's administration by surprise, leaving officials uncertain how to respond. The choice of delegation head also proved somewhat problematic, as Litvinenko had a limited command of literary Russian and struggled to articulate his points clearly. This resulted in several misunderstandings. Wrangel's chief adviser on Ukrainian affairs, Major General Vasily F. Kirey, regarded the Petliurites' demands as excessive and initially declined to forward them to the commander-in-chief. Despite these difficulties, the delegation eventually met with Wrangel as well as key members of his circle—Aleksandr V. Krivoshein, Pavel N. Shatilov, and Pyotr B. Struve. While these discussions were conducted in a constructive manner, they produced no concrete agreements. Both sides acknowledged the need for a military accord, yet the profound political differences between South Russia and the Ukrainian People's

*The study was supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-00046 “The Ukrainian question in General Pyotr N. Wrangel's policy (spring - autumn 1920)”, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

Republic remained unresolved. Nevertheless, the Ukrainian mission achieved its core objective: it ascertained that Wrangel's position was less secure than foreign press accounts suggested and that his amphibious operations in the Kuban and Don regions had ended in failure.

Keywords: Civil War, Russian Army, Ukrainian People's Republic, Crimea, South Russia, Pyotr N. Wrangel, Symon V. Petliura

В августе 1920 г. в Ставку головного атамана Украинской Народной Республики (УНР) С.В. Петлюры прибыл полковник Я.Д. Нога, который формально представлял главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) / Русской армии П.Н. Врангеля, фактически же был послан генерал-лейтенантом Я.А. Слащёвым. Петлюра и командующий армией УНР генерал-поручик М.В. Омельянович-Павленко, выслушав предложения Ноги о совместных действиях ВСЮР и УНР против красных, отнеслись к ним осторожно и решили прежде, чем давать конкретный ответ, выслать в Крым ответную миссию в составе пяти человек и понять реальную силу Врангеля [30]. Этой миссии, находившейся в Крыму с 12 (25) августа по 1 (14) сентября 1920 г., и посвящена данная статья.

Ещё в 1926 г. украинский эмигрант И. Борщак (И.Л. Баршак), в то время работавший на СССР, опубликовал некоторые подробности об этой миссии, в том числе текст речи главы петлюровской делегации, в которой провозглашалась слава Русской армии и её вождю. «Добавить что-то к этому документу тяжело и излишне. Ради осуществления своей личной амбиции и жажды власти Петлюра “бил челом” представителю чёрной сотни, наистрашнейшему национальному и социальному врагу украинского народа», – комментировал Борщак эту речь [1]. Целью работы Борщака была дискредитация Петлюры, представляемого в качестве союзника русских монархистов и ненастоящего украинского патриота – в отличие от большевиков. В 1933 г. во Львове вышла статья генерал-хорунжего П.Ф. Шандрука, представлявшая собой пересказ отчёта Литвиненко, сохранившегося в архиве властей УНР [12]. Советский историк Р.Г. Симоненко, рассказывая о результатах поездки, утверждал, что «бывшие царские генералы и офицеры быстро нашли общий язык» [18: 242]. Краткие упоминания об этой теме можно обнаружить в работах целого ряда исследователей [4: 153; 32: 155–157], наиболее же подробно визит делегации УНР в Крым рассмотрен в работах А.В. Иванца, полагавшего, что «во время переговоров в Севастополе обе стороны выдвинули друг другу малоприемлемые или неприемлемые условия, поскольку их идеино-политические платформы были существенно разными», но, несмотря

на отсутствие конкретных договорённостей, переговоры решено было продолжать [7: 77–89]. Таким образом, тема визита петлюровской делегации в Крым не является совершенно не изученной, но всё же многие аспекты данного события так и не были рассмотрены, а ряд важных источников остался вне поля зрения историков.

Глава делегации Иван Данилович Литвиненко (1890–1947) родился в селе Хоружевка Роменского уезда Полтавской губернии в крестьянской семье. В 1920 г. он утверждал, что окончил высшую начальную школу в м. Смелом, а затем, в 1912 г. Высшие московские коммерческие курсы. По всей видимости, эти данные не вполне соответствовали действительности. Много лет спустя на допросе в МГБ УССР он рассказал, что до 1912 г. проживал в Хоружевке, периодически отлучаясь из села на учёбу в м. Смелое, в котором и окончил двухклассное училище в 1904 г. До 1907 г. работал учеником писаря в волостном управлении, в 1907–1908 гг. – табельщиком экономии, в 1908–1909 гг. – помощником волостного писаря, в 1909–1912 гг. – вновь табельщиком экономии. В 1912 г. Литвиненко уехал к знакомому в м. Тростянец Подольской губернии и работал счетоводом в экономии. В 1915 г. он был призван на службу в ополченскую дружины, в том же году, находясь в Киеве, сдал экстерном экзамен за шесть классов гимназии и был направлен в 1-ю школу прaporщиков государственного ополчения Юго-Западного фронта в Житомире. По возвращении в Киев командовал взводом и ротой в 147-й Воронежской дружине, летом 1917 г. был произведен в подпоручики. На украинскую службу Литвиненко вступил в конце 1917 г. Летом 1920 г. И.Д. Литвиненко был произведён в полковники и возглавил 2-ю Запорожскую бригаду 1-й Запорожской дивизии армии УНР [23: 165–168, 232; 24: 3–4 об.]. Не вполне понятно, почему руководство миссией было доверено именно ему, человеку малообразованному и неинтеллигентному. Такой странный выбор главы делегации окажет определённое влияние на её результаты.

Куда больше подходил для руководства делегацией другой её участник – полковник Михаил Николаевич Крат (1892–1979). Он родился в семье потомственных дворян Полтавской губернии, происходивших из казаков Гадячского полка; его отец Н.А. Крат дослужился до чина генерал-майора гвардии. По одним данным, Крат родился в Санкт-Петербургской губернии, по другим – в Гадяче. Воспитывался он в Сумском кадетском корпусе и 1-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, затем окончил полный курс в Павловском военном училище по первому разряду. В 1911 г. Крат был произведён в подпоручики в 93-й пехотный Иркутский полк, в составе которого принял участие в Первой мировой войне. За время боёв получил четыре ранения и

каждый раз возвращался после лечения в свой полк, был награждён многими наградами, в т.ч. орденом Св. Георгия 4-й ст., сербским орденом Звезды Карагеоргия 4-й ст. с мечами, солдатским Георгиевским крестом 4-й ст. В конце 1916 г. 24-летний Крат был произведён в подполковники, в октябре – декабре 1917 г. временно командовал своим полком. В декабре 1917 г. Крат покинул полк, выразив желание поступить в одну из украинских частей 33-й дивизии [9: 11; 15: 1–16].

Как Крат вспоминал впоследствии, отец его «не был не то, что украинским патриотом, а даже не был сознательным украинцем», мать же, происходившая из великорусского рода Протопоповых, ужаснулась, когда сын, общавшийся с простыми солдатами, стал разговаривать «по-хохлацки». В годы Первой мировой войны Крат лечился в госпитале в Царском Селе, был знаком с императрицей Александрой Фёдоровной и великими княжнами Ольгой и Татьяной, орден Св. Георгия ему вручал лично император Николай II. Уже после революции Крат выступил на страницах прессы в защиту свергнутой императрицы, обменялся почтовыми карточками с находившейся под арестом великой княжной Ольгой, а революционно настроенные солдаты подозревали своего командира в монархических симпатиях. «И даже во время службы Украинской Народной Республике я никогда не скрывал своего чувства к замученной царской семье», – вспоминал Крат. Несмотря на это, он посчитал, что раз в России нет царя, то Переяславское соглашение больше не действует, а он лично свободен от присяги [9: 24, 32–33, 37, 41, 43–45, 49].

С конца 1917 г. Крат занимал различные командные посты в армии УНР, участвовал в восстании против гетмана, сражался против красных и белых. Во время 1-го Зимнего похода 1919–1920 гг. полковник Крат был начальником штаба Сводной Запорожской дивизии [21: 222]. Именно Крат, имевший репутацию монархиста и, благодаря отцу, хорошие связи в гвардейских кругах, мог найти общий язык с «гвардейским» окружением Врангеля, но по неизвестной причине выбор был сделан в пользу Литвиненко, а участие Крата в миссии было ограничено участием в обсуждении технических и оперативных вопросов.

Третий ключевой участник миссии – Лев Евгеньевич (Левко Евгенович) Чикаленко (1888–1965) – был человеком гражданским, представляющим, в отличие от Литвиненко и Крата, политическое руководство УНР. Никакого воинского звания он не имел, но так как миссия была в первую очередь военной, ему перед отъездом выдали фиктивные документы сотника артиллерии [31: 117]. Лев Чикаленко, сын главного спонсора украинского движения Евгена Чикаленко, ещё со времен учебы в киевской гимназии приобщился к украин-

скому социал-демократическому движению. Отучившись несколько лет в Лозаннском университете, Чикаленко продолжил обучение в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом факультете, специализируясь по кафедре географии и этнографии. В 1917 г. окончив университет и став кандидатом естественных наук, он был оставлен на кафедре профессорским стипендиатом, но из-за революционных событий решил вернуться в Киев. В том же 1917 г. Чикаленко стал секретарём Центральной рады и гласным Киевской городской думы, преподавал в 1-й Киевской гимназии и в Украинском народном университете. Летом 1920 г. он был советником Министерства внутренних дел УНР [3: 187–188]. Петлюровские власти желали, чтобы в составе делегации было лицо, которое хоть немного ориентируется в общественно-политических делах. Сам Чикаленко полагал, что выбор пал на него потому, что он осенью 1919 г. уже участвовал в переговорах с белыми в Киеве в качестве представителя киевского городского самоуправления, а затем ездил на Дон и Кубань для переговоров с местными казачьими властями в надежде оторвать их от А.И. Деникина. Узнав о предстоящей поездке, Чикаленко посетил Ставку в Хриплине для разговора с Петлюрой, а затем штаб армии в г. Бучач, где ему выдали документы. Вернувшись в Хриплин и получив от начальника охраны головного атамана новую военную форму и деньги от Министерства финансов, Чикаленко поехал через Черновцы в Бухарест догонять уже уехавшую делегацию [31: 115–116].

Двое оставшихся членов миссии играли в ней второстепенную роль. Иван Косямич Блудымко (1897–1967) происходил из г. Глухов Черниговской губернии. После окончания гимназии он поступил в Харьковский университет, но в 1916 г. был призван в армию и по окончании Оренбургской школы прaporщиков оказался в 51-м пехотном Литовском полку. Выйдя в запас в 1918 г., он попытался возобновить учёбу, но уже в декабре поступил в Запорожскую дивизию армии УНР, в которой и служил в последующие годы. В апреле 1919 г. Блудымко был произведён в сотники [8: 71–72; 24: 7]. Про Константина (Костя) Роменского известно лишь то, что он числился в пехоте, в хорунжие был произведён в июне 1920 г. [25: 87].

Члены миссии впоследствии отмечали, что посланы они были с информационной целью [28: 44]. «Я как глава военной делегации петлюровцев не имел уполномочий на заключение военного союза. Я только должен был подготовить этот военный союз, и, если Врангель согласится на условия, которые я выдвину, договориться о времени и месте, где военный союз должен был быть заключён, – сообщал Литвиненко много лет спустя. – По поручению Петлюры перед Врангелем я должен был выставить требования следующего

характера: петлюровцы согласны на заключение военного союза в борьбе против Красной армии при условии, что оперативное командование всеми войсками, которые будут вести борьбу против Красной армии на территории Украины, в том числе и врангелевскими, будет осуществлять правительство УНР. Кроме этого, я должен был договориться с Врангелем, что он разрешит из украинцев, которые находились в его армии, сформировать отдельный украинский корпус» [23: 168]. М. Омельянович-Павленко вспоминал, что делегация имела задание установить связь с армией Врангеля и предложить ему выслать в украинскую Ставку или в Бухарест уполномоченного для выработки условий военной конвенции [13: 432].

1 (14) августа 1920 г. делегация в составе Литвиненко, Крата и Блудымко выехала из Бухареста в Галац, где провела неделю, дожидаясь парохода в Крым. За это время к ней присоединились Чикаленко и Роменский, а через некоторое время и возвращающийся от Петлюры Нога. 9 (22) августа делегация села в Рени на пароход «Саратов» и 12 (25) августа прибыла в Ялту, о чём было сообщено в одной из местных газет [27: 3–3 об.; 31: 117]. «Как молния разошлось известие про её приезд по всей Ялте. Гомонили, что она прислана предложить Врангелю союз против большевиков. Чуть ли не весь город кинулся на набережную увидеть приезжих и узнать что-то определённое», – вспоминал бывший гетманский министр В.Н. Леонтович [10: 16]. 15 (28) августа делегация на маленьком катере покинула Ялту и в тот же день прибыла в Севастополь, где была, согласно отчету Литвиненко, встречена находившимся в распоряжении генерала для поручений по украинским делам В.Ф. Кирея поручиком Г.А. Шуйским, который проводил гостей до предназначенных им помещений и сообщил главе миссии, что находится в его распоряжении. Как оказалось, Врангель и его начальник штаба генерал-лейтенант П.Н. Шатилов в тот момент были на фронте. Чикаленко вспоминал об этом дне немного иначе. По его словам, делегацию никто не встретил, что заставило Ногу волноваться. Нога куда-то часто бегал (возможно, к телефону), просил немного подождать и наконец отвез Литвиненко, Крата и Чикаленко в гостиницу, а Блудымко и Роменского – в реквизированное помещение какого-то врача. Успокоив Ногу, волновавшегося из-за случившейся незадолго до этого отставки Слащёва, члены делегации решили ждать, что будет дальше [27: 3 об.; 31: 123–124].

16 (29) августа делегацию принял Кирей. Он был вежлив, но вся встреча свелась к предъявлению мандатов, а разговор носил ознакомительный характер. «Ген[ерал] Кирей принял нас очень благосклонно, но сесть не предложил, а отвёл нас в дальний угол огромной комнаты, в которой было несколько офицеров, что-то разглядывавших на

большой карте, разложенной на большом столе посреди комнаты, попросил прощения, потому что он очень занят, спросил, как нам понравились наши места проживания, чисто ли, спокойно ли, посоветовал не волноваться, а спокойно жить и рассматривать город, так как тут определённо и знакомых у нас не одна семья найдётся», – вспоминал Чикаленко. Кирей попросил заходить к нему «запросто», но в часы приёма, и проинформировал о положении на фронте. По его словам, планировалось развивать успех на Кубани и поднять восстание на Дону. Основные силы должны были проводить операции на Кавказе, держа при этом заслон на Перекопском перешейке. Это, по словам Кирея, не делало невозможным контакт Русской армии с армией УНР, так как связь можно было поддерживать через этот заслон. Врангель, по словам Кирея, как раз выехал на Тамань, где был торжественно встречен местным населением [6: 45; 27: 3 об. – 4; 31: 126–127].

В Севастополе руководители делегации остановились в гостинице «Бристоль» (Нахимовский пр., д. № 8). Во время одной из прогулок Крат встретил своего старого знакомого генерал-лейтенанта Г.Е. Янушевского, ранее служившего в петлюровской армии, а теперь числившегося в резерве чинов при штабе Русской армии. Крат познакомил Янушевского с Литвиненко, а Янушевский организовал встречу членов делегации с местными украинскими деятелями (Н.Г. Левченко и др.), из Ялты были вызваны бывший председатель Киевской губернской земской управы И.Г. Черныш и бывший член Государственного совета И.Н. Леонтович [5: 174–175]. Севастопольские украинцы проинформировали делегацию о чрезвычайно хитрой политике Кирея, который «является “докладчиком по украинским делам”, но докладчиком на пользу не Украины, а исключительно России» [27: 5 об.].

18 (31) августа делегация была принята А.В. Кривошеиным в его кабинете. Кривошеин после обмена приветствиями заметил, что сейчас не время вести политические разговоры, а нужно думать только про то, как всем объединиться против общего врага [27: 6]. «Может, мы с вами теперь и не договоримся, – заявил он, – но ясно каждому, что украинский вопрос не может решаться так, как в прошлом году» [28: 47]. «По сути визит наш был только для того, очевидно, организован, чтобы Кривошеин убедился, что мы не какие-то там махновцы или что-то в том роде и что нас не стыдно показать их министрам и самому Врангелю», – вспоминал Чикаленко. Объясняя, почему приём состоялся с таким опозданием, Кривошеин сослался на занятость, а также намекнул на то, что приезд украинской делегации оказался для крымских властей неожиданным и в какой-то мере даже нежелательным. Чикаленко, не выдержав, заметил, что при таких сложных

обстоятельствах возможны ошибки разного рода, и переговоры можно отложить, но Кривошеин тут же постарался загладить свое нетактичное поведение и пообещал, что приём у Врангеля состоится. Чикаленко в своих воспоминаниях так писал про главу правительства Юга России: «Не скажу, чтобы он мне понравился, но было видно, что и мы ему не очень понравились. Но, видимо, обстоятельства или приказ сверху предписывали ему такое поведение, которого он, быть может, и вовсе не желал» [31: 140–142; 34: 1652–1653]. По сведениям Блудымко, Кривошеин поинтересовался, где находится отряд генерала Омельяновича-Павленко, заметил, что, «разница между украинцами и russkими как в языке, так и во всём остальном очень маленькая», задал ряд вопросов про организацию, вооружение и форму армии УНР, после чего закончил приём [6: 45 об.].

В докладе неких Григорьева и С. Геккера, написанном уже после эвакуации белых из Крыма, утверждается, что украинские делегаты, в прошлом бывшие офицерами Русской армии, отказались вести переговоры на русском языке, заявив, что признают обязательным для себя «дипломатический» французский язык, но после резкой отповеди Кривошеина они «вдруг обрели дар русской речи» [29: 300]. Нам это представляется маловероятным, хотя языковая проблема, по словам Чикаленко, во время встречи действительно возникла – как оказалось, полковник Литвиненко, происходивший из крестьянской семьи, не получивший полноценного образования и до войны служивший счетоводом на сахарном заводе, плохо знал русский литературный язык. Так, например, он вместо «орудие» говорил «орудия» («две орудии», «четыре орудии»). Кривошеин усмехался в усы и даже переспрашивал Литвиненко, повторяя его несуразные слова. Чикаленко, наблюдавший за мучениями полковника, старался не рассмеяться и тем самым не скомпрометировать главу делегации; его брали досада, причём как до этой встречи, так и после неё, почему руководителем был назначен именно Литвиненко, а не Крат [31: 141].

Пока делегация ждала Врангеля, Чикаленко в частном порядке посетил Кривошеина и Кирея. Из этих разговоров делегация поняла, что о самостоятельности и организации украинской власти в тылу у Врангеля и речи быть не может [27: 6 об.]. Кирей попросил выяснить те условия, на каких правительство УНР могло бы заключить военное соглашение с правительством Врангеля, и заявлял, что необходимо общее командование всеми антибольшевистскими силами и что это командование должен принять Врангель [6: 45].

Симферопольские газеты перепечатали сообщение ялтинских газет о прибытии украинской делегации, в севастопольских же газетах ни одного слова про делегацию напечатано не было. Литвиненко спро-

сил у Кирея, в чём дело, сославшись на то, что газете «Юг России» не было разрешено напечатать известие о приезде делегации. Кирей был страшно удивлён, но ничего так и не поменялось (впрочем, впоследствии «Юг России» всё же напечатает сообщение о приеме украинцев Врангелем) [27: 6 об.]. По словам Янушевского, во время пребывания петлюровцев в Севастополе к ним подходили репортёры почти всех газет, прямо говорившие, что генерал Кирей воспретил им писать про делегацию, и только державшаяся независимо газета Б.А. Суворина напечатала небольшую заметку о приезде украинцев [5: 182]. Суворинское «Время» не только сообщило о прибытии миссии «со специальными поручениями от атамана Петлюры» [11], но и обратилось к Литвиненко с просьбой об интервью. Согласие было получено, и Чикаленко от имени делегации побеседовал с репортёром «Времени», причём, по утверждению главы миссии, он «разговаривал не только не шовинистично, а даже в очень осторожном тоне». Прочитав опубликованный материал, Литвиненко остался им недоволен [27: 6 об. – 7]. Действительно, интервью вышло достаточно сумбурное. С одной стороны, Чикаленко говорил, что «украинский народ борется и будет до конца бороться за свое самостоятельное существование», но тут же добавлял, что «мы были и остаемся сторонниками федерации в самом широком смысле этого слова»; отмечал, что Россия нужна и необходима Украине, и тут же переходил на дружбу с поляками, спаянную общей борьбой, и признание украинского независимого государства Финляндией, Грузией и прибалтийскими государствами. «Украинская армия послала нас в Крым с целью выяснения условий, на каких было бы возможно заключить чисто военное соглашение с правительством Юга России для борьбы с большевиками, а также с целью выяснения возможности в будущем разрешения вопроса союза и федерации, – объяснял интервьюируемый цель визита. – Наше исключительное стремление возможно скорее и лучше уладить эти вопросы. Мы представляемся А.В. Кривошеину и через несколько дней будем приняты правителем Юга России ген[ералом] Врангелем. От переговоров с ним и будет зависеть, в какую форму выльются наши отношения. Мы же являемся, как и всегда, сторонниками федеративного строя, в котором не было бы гегемонии и, поскольку это будет принято во внимание, постольку будет облегчено дело ведения переговоров» [2].

Б. Суворин, комментируя интервью Чикаленко, заметил, что «в нём всё гордо, всё победоносно и всё ультимативно». В ответ на обвинения со стороны Чикаленко, что «широкие круги русского общества не оказали достаточной поддержки» Украине, он напомнил про убийство петлюровцами генерала графа Ф.А. Келлера и самые

бессмысленные гонения на всё русское. Редактор газеты отмечал, что широкой поддержки в русском обществе украинская миссия не найдёт, а военное соглашение нужно не только России, но и Украине, Польше и даже Румынии – в той же мере, если не больше [20].

Несмотря на цензурные ограничения, весть о появлении гостей нельзя было спрятать, так как они, «разряженные, как опереточные герои, в яркую форму, разгуливали по городу» [29: 300]. «Они ходили в новеньких голубоватых мундирах, сшитых, как они говорили, в Чехословакии с помощью добной Франции», – отмечалось ещё в одном докладе, написанном неким Одоевским [29: 309 об.]. Ожидая встречи с Врангелем, члены миссии посетили польского, сербского, японского, французского и американского военных атташе [27: 7]. От американского военного представителя контр-адмирала Н. Мак-Калли, принявшего Чикаленко в своей каюте на корабле, последний по секрету узнал, что дела у Врангеля обстоят не самым лучшим образом, а десант на Кубань не удался. Мак-Калли посоветовал делегации не засиживаться в Севастополе и сказал, что может помочь ей добраться в Констанцу [31: 139–140]. Также члены делегации посетили севастопольский костёл, в котором состоялось торжественное молебствие за успех польского оружия [19]. Перед самым отъездом полковник Крат зашёл к заместителю французского атташе и попросил его взять на себя защиту интересов украинцев, находившихся в рядах Русской армии, и до приезда атташе УНР сноситься по этому вопросу с Левченко и Янушевским. Француз обещал помочь всем, чем сможет [27: 14]. Делегацию посетили корреспонденты газет – английской «Daily Telegraph» и американской «Chicago Daily Tribune». Сотрудник чикагской газеты Л. Ру даже сфотографировал делегацию [27: 7], но, вероятно, фотография была впоследствии утеряна (по крайней мере, в архиве газеты в Чикаго её нет).

Когда стало известно о возвращении Врангеля с фронта, Кирей позвал Литвиненко на частный разговор и спросил у него, какие пункты желательны командарму УНР при заключении военной конвенции. Глава делегации ответил, что Омельянович-Павленко перед отъездом говорил про флот, разграничительную линию и украинскую власть на всей Украине. На вопрос Кирея, признают ли украинцы генерала Врангеля главкомом всех союзных армий, Литвиненко ответил, что по этому пункту не получил никаких указаний. Вскоре после этого разговора Черныш, постоянно заходивший к делегации и просивший не волноваться и еще немного подождать, рассказал о том, что Кирей сомневается, «допускать» ли ему приехавших офицеров к Врангелю, ведь «этая делегация привезла такие условия, что с ней всё равно ни до чего не договоришься» [27: 7 об.–8; 31: 138]. Петлюровцы начали

подумывать о том, чтобы уехать из Севастополя. Когда Янушевский однажды встретил на Приморском бульваре Литвиненко тот с явным неудовольствием заметил: «Если Врангель не примет нас в ближайшие дни, то делегация уедет без аудиенции» [5: 184].

По возвращении в Севастополь Врангель созвал совещание по украинскому вопросу, на котором присутствовали Кирей, Кривошеин, Черныш и И.Н. Леонович (последние двое – в качестве представителей украинской общественности в Крыму). О происходившем на совещании делегацию УНР проинформировал Черныш. Как только все собрались, Врангель спросил у Кирея: «Что ж, ваше превосходительство, когда же вы представите мне делегацию?» На это Кирей ответил, что делегация привезла такие условия, что он не знает, нужно ли её вообще представлять. «Генерал по украинским делам» сообщил Врангелю то, что услышал от Литвиненко во время частного разговора: «1) Они вас не признают. 2) Они требуют создания украинской власти не только на территории, занятой украинским войском, а и на территории, занятой нашим войском. Например: мы должны продолжать держать фронт, но сейчас же поставить в Мелитополе украинского губернатора. 3) Они предлагают разграничительной линией Днепр и требуют, чтобы мы не могли ни в коем случае перебрасывать свои силы за Днепр, хотя бы это и требовалось оперативной обстановкой. 4) Они требуют, чтобы им был отдан наш флот. Они будут возить на нём товары, а если будет опасность, то сядут на него и куда-то поедут. 5) Они требуют от нас патроны, одежду и др.» Врангель, услышав такие «условия», сразу же встал и сказал, что разговаривать в таком случае не о чем: «Пусть делегация едет назад, но дело от этого не ухудшится. Конечно, жаль, что и в дальнейшем война будет вестись отдельными армиями без общего контакта, но биться с украинцами я не буду, так как моя задача – уничтожить большевизм». После Врангеля слово взял Черныш, заявивший, что главком неправильно проинформирован, так как делегация приехала узнать про условия, на которых могла бы быть заключена военная конвенция, но сама она никаких условий не ставит. Тогда Врангель решил назначить приём делегации сразу же по возвращении с фронта Шатилова [27: 8–9].

Почему Кирей не хотел представлять делегацию Врангелю? Вероятно, определённую роль сыграли слухи о связях полковника Ноги и прибывшей миссии с опальным Слащёвым. Впрочем, «слащёвским» фактором всё явно не ограничивалось. Донской генерал-майор С.К. Бородин впоследствии отмечал, что главным тормозом в достижении взаимопонимания Врангеля с петлюровцами были Кривошеин и Кирей: «Первый был открытым противником, а второй обманывал Врангеля своими докладами, в которых представлял украинское дело

в несоответствующем свете» [26: 28 об.]. Несомненно то, что Кирей вообще крайне отрицательно относился к украинским сепаратистам. Генерал-лейтенант П.С. Махров вспоминал: «Я хорошо знал генерала Кирея. Он был по происхождению, как он всегда подчеркивал, “малоросс”. Никакой Украины, как только этнографической, он не признавал. Это был человек русской культуры, человек умный и высокообразованный. <...> Он терпеть не мог украинцев-сепаратистов, называя их “валютчиками”, и считал, что единственным побуждением к сепаратизму и единственным слоем сепаратизма является небольшая кучка украинской полуинтеллигенции, стремящейся обогатиться за счёт малороссов, не имеющих в голове идеи отделения от России. Он, знаяший хорошо украинский народ, выросший среди малороссов-крестьян, владевший в совершенстве их языком, считал Петлюру и его правительство мошенниками, гоняющимися за наживой, за валютой, чтобы в смуте времени хорошо пожить и обеспечить себя на случай бегства за границу» [33: 275 – 276].

Изначальное предубеждение против самостийников, вероятно, только окрепло во время его частного разговора с главой миссии УНР. Сам Литвиненко не отрицал, что говорил на встрече с Киреем про флот, разграничительную линию по Днепру и установление украинской власти, просто он полагал, что «генерал по украинским делам» не совсем корректно передал его слова Врангелю. Но, учитывая то, что глава делегации с трудом выражал свои мысли по-русски, нет ничего удивительного в том, что Кирей как-то превратно понял изложенные им тезисы. Похоже, и сам состав делегации был глубоко антипатичен Кирею, который в 1921 г. сказал одному из представителей УНР, что их правительство не могло сделать лучшего шага к конфликту, нежели высылка делегации в таком составе – из «хлопчиков», на каждом шагу мешающих делу заключения стратегического соглашения: «Мы думали увидеть у себя кадровых офицеров – представителей войска УНР, людей почтенных и серьёзных, а нам прислали компанию молодых людей, далёких от дипломатии» [27: 46].

28 августа (10 сентября), две с лишним недели спустя после прибытия делегации в Крым, она всё же была принята Врангелем в Малом дворце. Хотя дворец находился поблизости от «Бристоля», за членами делегации были посланы автомобили. На приёме, начавшемся в час дня, кроме Врангеля и пятерых делегатов присутствовали Шатилов, Кирей, начальник Военного управления В.Е. Вязьмитинов, начальник Управления иностранных сношений П.Б. Струве, И.Н. Леонович, Черныш, Кривошеин (явился к концу встречи) и другие лица [5: 185; 22; 28: 45]. «Когда нас ввели в зал, или скорее кабинет, ген[ерала] Врангеля, там уже было довольно много людей. Сам Врангель сидел за

письменным столом и с кем-то через стол разговаривал. Другие стояли группами в разных местах зала и, куря папиросы, разговаривали. Врангель встал с места и по очереди, в которой мы шли, здоровался с нами, а ген[ерал] Кирей говорил ему наши фамилии. Врангель одет был в чёрную черкеску, очень просто, бритый; сам длиннолицый и длинноголовый, производил своим высоким ростом впечатление переодетого скандинава. Что-то лошадиное было в его маловыразительном, хотя в общем достаточно интеллигентном лице», – вспоминал Чикаленко [31: 145]. Литвиненко обратился к Врангелю с речью, написанной по его проекту Чернышом и Чикаленко, а затем заученной на память [31: 144, 146]. В этой речи он высказал стремление «подать друг другу руку в борьбе с общим врагом», хотя и заметил, что полномочий для подписания договора не имеет. «Позвольте, Ваше Высокопревосходительство, ещё раз искренне приветствовать Вас и в Вашем лице Русскую армию и выразить уверенность в том, что протянутая нами рука встретит Вашу руку, и это будет залогом успеха борьбы с общим врагом и естественных братских отношений, кои установятся между Украиной и Россией. Слава Русской армии! Слава Её Вождю!» – закончил свое выступление Литвиненко [27: 15–16].

Во время речи Литвиненко, когда тот говорил о протянутой руке, Врангель протянул ему свою руку со словами: «Со своей стороны охотно протягиваю руку и думаю, что прошлое уже не повторится» [5: 185]. Ответ Врангеля на речь Литвиненко был примерно следующим: «Вы знаете, что я отмежевался от политики своих предшественников. Я считаю, что все, кто борется с большевиками, должны объединиться, и это будет залогом успеха и победы. Про политику сейчас говорить несвоевременно, но вы знаете, что я заключил соглашение с Доном, Кубанью, Тереком и Астраханью, признавши их самостоятельность во внутреннем управлении краем. Я сознаю, что Украина должна вполне самостоятельно решить свою судьбу». После обмена приветствиями Врангель отметил, что он немедленно вышлет самолет к генералу А.В. Герау в Бухарест с приказом не только пропустить 3 000 000 патронов для украинской армии из Вены, но и войти в наитеснейшие дружеские отношения с украинским военным представителем в Румынии генералом С.Н. Дельвигом. После военного соглашения, по словам Врангеля, будет и соглашение политическое. Кривошеин в свою очередь выразил уверенность в том, что со стороны русского командования и правительства будут сделаны все уступки, чтобы прийти к соглашению, но он не уверен, будет ли уступчивым украинское правительство. На это Врангель заметил: «Я оптимист и уверен, что мы придём к соглашению!» [27: 9 об. – 10]

После произнесения основных речей Врангель ещё раз пожал руки

всем членам делегации [5: 185]. Некоторые из присутствующих сели за стол, а другие отошли в сторону и продолжили беседовать в индивидуальном порядке. Так, к Чикаленко подошел сотрудник Струве по управлению иностранных сношений П.Н. Савицкий, сын черниговского помещика и в будущем один из главных теоретиков евразийства. Оказалось, что они были знакомы по археологическим раскопкам начала 1910-х гг. Чикаленко попросил Савицкого организовать ему встречу со Струве, ссылаясь на то, что в украинском правительстве есть ученики врангелевского «министра» по петербургскому Политехническому институту – В.В. Садовский и А.А. Ковалевский, и им было бы приятно услышать что-нибудь про своего учителя [31: 146–147]. На следующий день Струве принял Чикаленко и в разговоре с ним, как следует из отчёта делегации, сказал весьма примечательную фразу: «Вы и мы ясно видим, что теперь не время заниматься политическими делами. Как мы будем разговаривать с вами в будущем, зависит от вашей и нашей силы в тот момент» [27: 6 об.]. Сам Чикаленко впоследствии так описал разговор со Струве: «Когда он расспрашивал о Садовском и Ковалевском, то видно было, что помнит их хорошо и что в своё время обратил внимание на них. После таких, скажем, слов вежливости, совсем нейтральных, перед тем как попрощаться, я всё же таки спросил его, как он смотрит на наше, возможно, близкое соглашение. Он довольно сдержанно, без всякого энтузиазма сказал, что тяжело при современных международных обстоятельствах что-либо предвидеть и всё будет зависеть от соотношения сил» [31: 148].

В тот же день, когда Чикаленко побывал у Струве, делегация была принята начальником штаба генералом Шатиловым. В беседе с ним Чикаленко отметил, что до Украинского Учредительного собрания правительство не может отказаться от независимости республики, так как она была провозглашена народным собранием – Центральной радой, и может быть отменена только другим народным собранием. Именно поэтому, по словам Чикаленко, правительство и командование УНР не могут обсуждать политическое устройство Украины и её отношения с Россией после уничтожения большевизма, но военная конвенция является необходимой в настоящий момент. Полковник Крат беседовал с Шатиловым исключительно по оперативным вопросам. Шатилов высказал пожелание, чтобы главкомом союзных сил был Врангель, хотя и признал этот вопрос тяжёлым для решения из-за политических обстоятельств. Также он выступил против разграничительной линии по Днепру, так как при проведении операций она будет мешать переброске резервов. «Генерал отметил, что русское командование не заинтересовано существованием российской власти на Украине, так как ему выгоднее как можно быстрее пройти

украинскую территорию, но там, где их войско, вся власть должна быть тоже их, но они безусловно обеспечат свободное проведение украинского национального дела и национальной агитации. То же самое на территории, занятой украинским войском, должна быть и украинская власть, хотя бы это было в Калужской или Рязанской губернии», – отмечал Литвиненко в докладе. Шатилов высказал мнение, что мобилизация на Левобережье, скорее всего, проведена не будет, так как русское командование более заинтересовано Доном, пообещал полную поддержку в снабжении патронами и высказал мнение, что операция на Одессу с моря невозможна из-за минных заграждений. Он также вынужден был признать, что белый десант на Кубань не удался, так как население не подняло восстание. В заключение начальник штаба предложил провести съезд делегатов не в Бухаресте, а в Константинополе, чтобы поддерживать с ними постоянную связь. Литвиненко, в свою очередь, выразил пожелание, чтобы при заключении соглашения присутствовал представитель Франции [27: 10–12].

Много лет спустя Литвиненко вспоминал, что ни о чем конкретном договориться не удалось, но Врангель всё же изъявил согласие на военный союз, который должен был быть заключен в Константинополе, причём о времени прибытия туда представителей петлюровцы должны были узнать от русского военного агента в Румынии генерала Гера [23: 169]. Блудымко также пришёл к выводу, что Врангель и его правительство убедились в необходимости военного соглашения с правительством УНР, при этом сам главком от искреннего сердца, а его окружение – Кривошеин, Струве, Шатилов – под влиянием последних неудач на Кубани и Дону и недоверия населения к проводимым ими реформам. При этом тот же Блудымко полагал, что в кругах русской общественности никаких изменений во взгляде на Украину не произошло, и если её представители и ругали Деникина, «то лишь потому, что он не смог обдурить украинцев» [6: 45 об., 49]. На Черныша аудиенция в Малом дворце произвела самое благоприятное впечатление сердечностью и любезностью со стороны Врангеля. Литвиненко также признавал, что приём был очень любезен, но Врангель показался ему неискренним [5: 186].

Открыто недовольство появлением миссии УНР в Крыму выражал только галичанин Ф.В. Марущак, который призывал бить украинцев, а «этую делегацию перевешать». Литвиненко утверждал, что Марущак приехал в Севастополь как посланник от диктатора Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) Е.Е. Петрушевича [27: 13 об.]. Это маловероятно, так как в 1919 г. Марущак находился на итальянской службе и возглавлял «Галицкий совет Подьяремной Руси в Италии»,

занимавшийся формированием галицко-русских подразделений из австро-венгерских военнопленных и отправкой их в белую армию «для борьбы за единство России» [35].

Членам миссии удалось собрать некоторую информацию про численность и вооружение Русской армии, впоследствии включенную в доклад Литвиненко. Незадолго до отъезда хорунжий Роменский в частном порядке узнал, что и врангелевский десант, отправленный на Дон, был разбит [27: 12–13 об.]. Исходя из этого, члены делегации решили, что «ориентация» Врангеля на восток лопнула и теперь он будет пытаться установить связь с силами на западе – Украиной и украинскими повстанцами, а также с Н.И. Махно. По сведениям, собранным петлюровцами, врангелевская мобилизация проходила неуспешно, а население относилось к режиму скептически и даже враждебно [28: 46].

Утром 1 (14) сентября 1920 г. делегация выехала в Констанцу на американском контринонсце, места на котором ей были предоставлены контр-адмиралом Мак-Калли. Отъезд оказался настолько неожиданным и спешным, что попрощаться делегация успела только с Киреем. 2 (15) сентября миссия прибыла в Констанцу, с 3 (16) по 6 (19) сентября находилась в Бухаресте. Проинформировав главу украинской дипломатической миссии в Румынии профессора К.А. Мациевича и военного агента генерала С.Н. Дельвига о результатах поездки, она выдвинулась через Станиславов на фронт [27: 14–14 об.; 31: 149–151]. 8 (21) сентября 1920 г. делегаты вернулись в петлюровскую Ставку [28: 44].

Во время обратного пути через Румынию, давая комментарии местным газетам, Литвиненко сообщал, что признание культурных и национальных интересов Украины со стороны Врангеля создает почву для совместных действий [16: 201 об.; 17: 38]. Украинское пресс-бюро изложило впечатления Литвиненко после его возвращения: «Я удовлетворён тем, что имел случай быть в контакте несколько дней с теми, которые восстанавливают Россию, базируясь на демократических принципах и показывая, что понимают стремление к свободе всех народов в бывшей России. Я беседовал с Кривошеиным и Струве; в то же время я имел случай встречаться со своими соотечественниками-украинцами. <...> Во время аудиенции Врангель сказал мне, между прочим, что его политика отличается от политики его предшественников и что все борющиеся против большевиков силы должны объединиться, так как только такое объединение может служить залогом успеха и победы. Это мнение Врангеля мы, украинцы, разделяем с удовлетворением. Наша цель – объединенными усилиями ввести порядок и мир, уничтожив раз навсегда террор и беззаконие.

Для достижения этой цели необходим союз обоих правительств, и этот союз, несмотря на закулисные интриги, скоро будет заключён» [14: 17–18].

В частном же порядке Литвиненко высказывался весьма критически: «Отношение обоих помощников главнокомандующего (т.е. Кривошеина и Шатилова) к Украине было неблагоприятное. Кривошеин говорил с делегацией ядовито, уклоняясь от главной цели приезда делегации. Основная его мысль была: военное соглашение с Украиною возможно, а в политическом отношении сговориться трудно. Генерал Шатилов ничего определённого не сказал, но был настроен очень враждебно. Враждебнее же всех относился к Украине генерал Кирей» [5: 181]. Министр иностранных дел УНР А.В. Никовский на основании предоставленной ему информации пришёл к выводу, что военное положение Врангеля не является удовлетворительным, правительственные сферы Крыма «не склонны в переговорах с украинским правительством встать на почву государственности и независимости Украинской Народной Республики» и попытаются «ограничиться неясными обещаниями» [27: 40 об.].

Таким образом, визит делегации УНР не привёл к каким-то принципиальным подвижкам, хотя и разрыва, к которому всё могло прийти из-за некомпетентности Литвиненко и неприязненного отношения Кирея к далёким от дипломатии «хлопчикам», не случилось. Встреча делегации с Врангелем прошла вполне корректно, но окружение главкома явно было не в восторге от неожиданного приезда петлюровцев и первое время даже не знало, как на него реагировать. Петлюровцы, в свою очередь, убедились, что положение Врангеля не настолькоочноочно, как писала иностранная пресса, и раньше других узнали о провале кубанского и донского десантов. Обе стороны признали желательным заключение военного соглашения, но до согласования его пунктов было чрезвычайно далеко, а политическое соглашение между Югом России и УНР казалось чем-то совершенно невероятным из-за принципиальных и неразрешимых противоречий между сторонами.

ЛІТЕРАТУРА

1. Борщак І. Як Петлюра братався з Врангелем (З недавнього минулого) // Українські вісті. 1926. 1 травня. № 1. С. 2.
2. Вал. Кар. Беседа с представителями военной украинской миссии // Время. 1920. 22 августа. № 39. С. 2.
3. Верстюк В.Ф., Осташко Т.С. Діячі Української Центральної Ради: Біографічний довідник. Київ, 1998. 254 с.

4. Гаврилюк Г. Спроба укладення військової конвенції УНР з «Урядом Півдня Росії» в 1920 р.// Київська старовина. 1997. № 3/4 (316). С. 152–156.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7440. Оп. 1.Д. 3. Янушевский Г.Е. «Украинский вопрос в Крыму при генерале Врангеле в 1920 г.» 1934 г.
6. ГАРФ. Ф.Р-7440. Оп.1.Д. 31. Материалы к мемуарам «Украинский вопрос в Крыму при генерале Врангеле в 1920 г.» 1934 г.
7. Іванець А.В. Кримська проблема в діяльності УНР періоду Директорії (кінець 1918 – 1920 рр.). Сімферополь: ДОЛЯ, 2013. 176 с.
8. Коваль Р., Моренець В. «Подебрадський полк» Армії УНР. Кн. 1. Київ: Історичний клуб «Холодний Яр»; Український пріоритет, 2015. 376 с.
9. Крат М. Козацькому роду нема перевідку. Бетезда, 2010. 309 с.
10. Леонтович В. Уривок спогадів. Українці в Криму за часів генерала Врангеля // Тризуб. 1933. 10 грудня. № 45. С. 11–17.
11. Миссия Петлюры // Время. 1920. 20 августа. № 37. С. 3.
12. М-т П. [Шандрук П.Ф.] Українська військова делегація у Врангеля (10. IX.1920). (На підставі автентичних документів) // Літопис Червоної Калини. 1933. № 7–8. С. 5–7.
13. Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917–1920). Київ: Темпора, 2007. 608 с.
14. Полтора года «работы» украинской контрреволюции // Бюллетень Информационного бюро Наркоминдела УССР и Закордота ЦК КПУ. 1920. № 2–3. С. 1–29.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16096. Оп. 1. Д. 192. Списки солдат, офицеров и военных чиновников с фамилиями от Крата М. до Крешенцова И. Кон. XIX – нач. XX в.
16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Разведывательные сводки белой армии и приказы генерала Врангеля, захваченные у противника. 1920–1921 гг.
17. РГВА. Ф. 101. Оп. 1.Д. 177. Бюллетени и прессоводки информационного бюро Наркоминдела Украины; агентурные сводки Регистрационного управления штаба Республики и штаба фронта. 1920–1921 гг.
18. Симоненко Р.Г. Провал політики міжнародного імперіалізму на Україні (II половина 1919 – березень 1921 р.). Київ: Наукова думка, 1965. 303 с.
19. Среди поляков // Юг России. 1920. 1 сентября. № 128. С. 2.
20. Суворин Б. День за днем // Время. 1920. 23 августа. № 40. С. 1–2.
21. Тинченко Я. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. Київ: Темпора, 2007. 536 с.
22. Украинская делегация у Главнокомандующего // Юг России. 1920. 30 августа. № 127. С. 2.
23. Українське відродження 1917–1920 рр. на Сумщині. Т. 1 / авт.-упор. Г.М. Іванущенко. Суми: ФОП Наталуха А.С., 2010. 280 с.

24. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 67. Реєстраційні картки та нагороджувальні листи на військовослужбовців армії УНР. 1920–1921 рр.
25. ЦГАВО України. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 94. Абетка осіб, які одержали підвищення по службі. Б.д.
26. ЦГАВО України. Ф. 1075. Оп. 4. Д. 37а. Листування з Генеральним штабом УНР про становище врангелівської армії в Болгарії та Сербії. 1921–1922 р.
27. ЦГАВО України. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 28. Листування щодо справи генерала Врангеля. 1920–1921 рр.
28. ЦГАВО України. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 624. Інформаційні доповіді про події на польсько-українському фронті, огляд військових подій на Україні. 1920–1922 рр.
29. Центральный государственный архив общественных объединений и украинники (ЦГАОУ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 152. Материалы о политике Врангеля, борьбе с ним и освобождении Крыма. 1918–1920 гг.
30. Чемакин А.А. Генерал Я.А. Слащёв и миссия полковника Я.Д. Ноги в Галичину (апрель – август 1920 г.) // Русин. 2024. № 77. С. 141–166. doi: 10.17223/18572685/77/10
31. Чикаленко Л. Уривки зі спогадів з років 1919–1920. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1963. 167 с.
32. Штанько Я.В. Білий рух півдня Росії і Українська Держава та УНР (1918–1920 рр.): дис. на здоб. наук. ст. к.і.н. Івано-Франківськ, 2006. 214 с.
33. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P.S. Makhrov papers. Box 4. Махров П.С. «Генерал Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы)». 1953 г.
34. Chikalenko L. Ukrainian – Russian negotiations in 1920: a recollection // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Social Sciences in the United States. 1959. Vol. VII, № 1–2 (23–24). P. 1647–1655.
35. Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vrangel collection. Box 78. Folder 3. Доклад князя А.М. Волконского. 9 июля 1919 г.

REFERENCES

1. Borshchak, I. (1926) Yak Petlyura bratavsyia z Wrangelem (Z nedavn'ogo minulogo) [How Petliura fraternized with Wrangel (From the recent past)]. *Ukraïns'ki visti*. 1st May. p. 2.
2. Val. Kar. (1920) Beseda s predstaviteleyami voennoy ukrainskoy missii [Conversation with representatives of the Ukrainian military mission]. *Vremya*. 22nd August. p. 2.

3. Verstyuk, V.F. & Ostashko, T.S. (1998) *Diyachi Ukrains'koi Tsentral'noi Radi: Biografichniy dovidnik* [Members of the Ukrainian Central Rada: Biographical directory]. Kiev: [s.n.].
4. Gavrilyuk, G. (1997) Sproba ukladennya viys'kovoї konventsii UNR z "Uryadom Pivdnya Rosii" v 1920 r. [An attempt to conclude a military convention between the UPR and the "Government of South Russia"] *Kiivs'ka starovina*. 3/4(316). pp. 152–156.
5. Yanushevskiy, G.E. (1934) *Ukrainskiy vopros v Krymu pri generale Wrangle v 1920 g.* [The Ukrainian question in Crimea under General Wrangel in 1920]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7440. List 1. File 3.
6. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1934) *Materialy k memuaram "Ukrainskiy vopros v Krymu pri generale Wrangle v 1920 g."* [Materials for the memoirs "The Ukrainian question in Crimea under General Wrangel in 1920"]. Fund R-7440. List 1. File 31.
7. Ivanets, A.V. (2013) *Krims'ka problema v diyal'nosti UNR periodu Direktorii (kinets' 1918 – 1920 rr.)* [The Crimean problem in the activities of the UPR during the Directory period (late 1918 – 1920)]. Simferopol: DOLYa.
8. Koval, R. & Morenets, V. (2015) "Podebrads'kiy polk" Armii UNR. Kn. 1 [Podebrady Regiment of the UPR Army. Book 1]. Kiev: Istorichniy klub "Kholodniy Yar"; "Ukraїns'kiy prioritet".
9. Krat, M. (2010) "Kozats'komu rodu nema perevodu" ["The Kozak spirit will never perish"]. Bethesda.
10. Leontovich, V. (1933) Urivok spogadiv. Ukrainaitsi v Krimu za chasiv generala Wrangelya [A fragment of memories. Ukrainians in Crimea during the time of General Wrangel]. *Trizub*. 45. pp. 11–17.
11. Vremya. (1920) Missiya Petlyury [Petliura's mission]. 20th August. p. 3.
12. M-t, P. [Shandruk, P.F.] (1933) Ukrains'ka viys'kova deleratsiya u Vran'lya (10.IX.1920) (Na pidstavi avtentichnih dokumentiv) [Ukrainian military delegation at Wrangel's headquarters (10.IX.1920) (Based on authentic documents)]. *Litopis Chervonoї Kalini*. 7–8. pp. 5–7.
13. Omelianovich-Pavlenko, M. (2007) *Spogadi komandarma (1917–1920)* [Memoirs of the Commander (1917–1920)]. Kiev: Tempora.
14. *Byulleten' Informatsionnogo byuro Narkomindela USSR i Zakordota TsK KPU*. (1920) Poltora goda "raboty" ukainskoy kontrrevolyutsii [A year and a half of the "work" of the Ukrainian counterrevolution]. 2–3. pp. 1–29.
15. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spiski soldat, ofitserov i voennykh chinovnikov s familiyami ot Krata M. do Kreshentsova I.* [Lists of soldiers, officers and military officials with surnames from Krat M. to Kreshentsov I.]. Fund 16096. List 1. File 192.
16. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Razvedyvatel'nye svodki beloy armii i prikazy generala Wrangelya, zakhvachennye u protivnika*

[Intelligence reports of the White army and orders of General Wrangel captured from the enemy]. Fund 101. List 1. File 174.

17. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Byulleteni i pressvodki informatsionnogo byuro Narkomindela Ukrayny; agenturnye svodki Registratsionnogo upravleniya shtaba Respubliki i shtaba fronta* [Bulletins and press reports of the Information Bureau of the People's Commissariat of Foreign Affairs of Ukraine; intelligence reports of the Registration Directorate of the Headquarters of the Republic and the Front Headquarters]. Fund 101. List 1. File 177.

18. Simonenko, R.G. (1965) *Proval politiki mizhnarodnogo imperializmu na Ukrayni (II polovina 1919 – berezen' 1921 r.)* [The failure of the policy of international imperialism in Ukraine (the second half of 1919 – March 1921)]. Kiev: Naukova dumka.

19. *Yug Rossii*. (1920). Sredi polyakov [Among the Poles]. 1st September. p. 2.

20. Suvorin, B. (1920) Den'za dnem [Day by day]. *Vremya*. 23rd August. pp. 1–2.

21. Tinchenko, Ya. (2007) *Oifitser'skiy korpus Armii Ukrains'koi Narodnoi Respubliki (1917–1921). Kn. 1* [Officer Corps of the Army of the Ukrainian People's Republic (1917–1921). Book 1]. Kiev: Tempora.

22. *Yug Rossii*. (1920) Ukrainskaya delegatsiya u Glavnokomanduyushchego [Ukrainian delegation at the Commander-in-Chief]. 30th August. p. 2.

23. Ivanushchenko, G.M. (ed.) (2010) *Ukrains'ke vidrodzhennya 1917–1920 rr. na Sumshchini. T. 1* [The Ukrainian Revival of 1917–1920 in Sumy Region. Vol. 1]. Sumy: FOP Natalukha A.S.

24. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920–1921) *Reestratsiyni kartki ta nagorodzhuval'ni listi na viys'kovosluzhbovtsiv armii UNR* [Registration cards and award letters for military personnel of the UPR army]. Fund 1075. List 1. File 67.

25. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1921–1923) *Abetka osib, yaki oderzhali pidvishchennya po sluzhbji* [Alphabet of people who received promotions]. Fund 1075. List 1. File 94.

26. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1921–1922) *Listuvannya z General'nim shtabom UNR pro stanovishche vrangeliv's'koi armii v Bolgarii ta Serbiu* [Correspondence with the General Staff of the UPR on the situation of the Wrangel army in Bulgaria and Serbia]. Fund 1075. List 4. File 37a.

27. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920–1921) *Listuvannya shchodo spravi generala Vrangelya* [Correspondence regarding the case of General Wrangel]. Fund 1429. List 2. File 28.

28. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920–1922) *Informatsiyni*

dopovidi pro podiї na pol's'ko-ukraïns'komu fronti, oglyad viys'kovikh podiy na Ukrayni [Information reports on events on the Polish-Ukrainian front, an overview of military events in Ukraine]. Fund 3696. List 2. File 624.

29. The Central State Archive of Public Organizations and Ucrainica (TsGAOOU). (1918–1920) *Materialy o politike Vrangelya, bor'be s nim i osvobozhdenii Kryma* [Materials about Wrangel's policy, the fight against him and the liberation of Crimea]. Fund 5. List 1. File 152.

30. Chemakin, A.A. (2024) General Yakov A. Slashchov and Colonel Yaroslav D. Noga's mission to Galicia (April – August 1920). *Rusin.* 77. pp. 141–166 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/77/10

31. Chikalenko, L. (1963) *Urivki zi spogadiv z rokiv 1919–1920* [Excerpts from memories from 1919–1920]. New York: Nasha Bat'kivshchina.

32. Shtanko, Ya.V. (2006) *Biliy rukh pivdnya Rosii i Ukrayns'ka Derzhava ta UNR (1918–1920 rr.)* [The White Movement of South Russia and the Ukrainian State and the UPR (1918–1920)]. History Cand. Diss. Ivano-Frankivsk.

33. Makhrov, P.S. (1953) *General Wrangel and B. Savinkov (1920–1924)*. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P.S. Makhrov Papers. Box 4.

34. Chikalenko, L. (1959) Ukrainian – Russian negotiations in 1920: a recollection. *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Social Sciences in the United States.* 1–2(23–24). pp. 1647–1655.

35. Hoover Institution Archives (HIA). (1919) *Doklad knyazya A.M. Volkonskogo ot 9 iyulya 1919 g.* [Report by Prince A.M. Volkonsky, July 9]. P.N. Vrangel Collection. Box 78. Folder 3.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/8

Бывшие офицеры, социализировавшиеся в духовенство в советском обществе 1920-х гг. (на примере УССР)

A.B. Сушко¹, Д.И. Петин²

Омский государственный технический университет

¹ E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

² E-mail: dimario86@rambler.ru

Авторское резюме

Анализируется вопрос, связанный с социальной адаптацией представителей бывшего офицерства, избравших формой своей поствоенной социализации в советском обществе в 1920-е гг. весьма нетипичный путь – религиозное служение с причислением в духовенство. Проблема исследуется на примере территории крупного субъекта СССР – Украинской Советской Социалистической Республики, где проживали десятки тысяч комбатантов, являвшихся в период Первой мировой и Гражданской войн офицерами или военными чиновниками. Основой для анализа выступило спрашочное издание «Книга учёта лиц состоявших на особом учёте бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины», подготовленное сотрудниками советских спецслужб для нужд оперативной работы. Также использованы источники (неопубликованные, печатные) из фондов Российского государственного военно-исторического архива, частично иллюстрирующие боевой путь наиболее заметных и показательных представителей изучаемой выборки комбатантов. Военная антропология, институциональный подход, статистический, просопографический, историко-сравнительный и историко-генетический методы составили методологическую основу исследования. Данная теоретическая комбинация позволила выделить некоторые социальные и служебные характеристики бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство и живших на территории советской Украины в 1920-е гг., составив на основе полученных сведений коллективный портрет указанной группы лиц. В дискуссионном порядке оговорены вероятные мотивы, побудившие её представителей к выбору такого рода профессионального и одновременно духовного служения. Этот сюжет в исследовании соотнесён с социальными условиями эпохи, а также с ужесточавшейся в СССР в течение 1920-х гг. общественно-политической атмосферой.

Ключевые слова: военная антропология, офицерство, духовенство, Первая мировая война, Гражданская война в России, советская Украина, комбатанты

Former officers socialized into the clergy in 1920s Soviet society (The case of the Ukrainian SSR)

Alexey V. Sushko¹, Dmitriy I. Petin²

Omsk State Technical University

11 Mira Street, Omsk, 644055, Russia

¹ E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

² E-mail: dimario86@rambler.ru

Abstract

This article analyzes the social adaptation of former officers who pursued an unconventional trajectory in post-war Soviet society during the 1920s: joining the clergy and entering religious service. The study focuses on the Ukrainian Soviet Socialist Republic, a major Soviet republic that was home to tens of thousands of former combatants who had served as officers or military officials during the First World War and the Civil War. The primary source for this analysis is the reference work *The Book of Registration of Persons Who Were on Special Account of Former White Officers in the Bodies of the GPU of Ukraine*, compiled by Soviet state security organs for operational purposes. Supplementary unpublished and published materials from the Russian State Military Historical Archive are also employed to partially reconstruct the military backgrounds of notable individuals within the studied group. Methodologically, the research is grounded in military anthropology and an institutional approach, supported by statistical, prosopographical, historical-comparative, and historical-genetic methods. This interdisciplinary framework has enabled the identification of key social and professional characteristics of former officers who transitioned into the clergy and resided in Soviet Ukraine during the 1920s, allowing for the construction of a collective profile of this group. The article discusses, in a reasoned manner, the probable motives that led these individuals to choose a path of professional and spiritual ministry. This question is contextualized within the broader social conditions and the increasingly repressive socio-political atmosphere that characterized the USSR over the course of the decade. This publication will be of interest to scholars specializing in the history of religion, military and social history, historical psychology, military anthropology, and the study of early Soviet society.

Keywords: military anthropology, officers, clergy, World War I, Civil War in Russia, Soviet Ukraine, combatants

Одной из активно исследуемых сегодня проблем советской истории является положение представителей бывшего офицерства в постреволюционном социуме и их адаптация к его условиям. Важность изучения феномена российского офицерства в эпоху социальных катаклизмов подчёркивает один из авторитетных академических специалистов, историографов темы Р.Г. Гагкуев [7: 8]. Отметим, что достаточно нетипичным аспектом проблемы, не привлекавшим внимания исследователей, является бытование указанных комбатантов после окончания Гражданской войны в России в мирной жизни, избравших как путь социализации религиозные институты и ставших священнослужителями. Подчеркнём, что таких людей в СССР в 1920–1930-е гг. было весьма немного и с точки зрения социалистического государства они относились к «бывшим людям» по двум основаниям. Во-первых, как офицеры, причём, часть из которых в годы Гражданской войны участвовали в Белом движении либо проживали в тот период на территории, занятой антибольшевистскими силами; во-вторых, как священнослужители. Для подобных представителей советского общества это было чрезвычайно опасное сочетание, какое потенциально могло вести к различным притеснениям по политическим мотивам со стороны социалистического государства: от лишения избирательных прав до внесудебного осуждения, результатом чего могло стать ограничение свободы или высшая мера наказания. При этом, как правило, страдал не только сам фигурант дела, но и члены его семьи, окружение.

Доля таких комбатантов, социализировавшихся после участия в войнах как священнослужители, крайне мала на фоне общей массы бывшего офицерства в СССР. Даже приблизительное количество этих людей историкам неизвестно. Без полновесных статистических сведений невозможно получить и социальных характеристик, позволяющих просопографическим методом описать их коллективный портрет. Осмысление обозначенного вопроса в некоторой степени становится возможным при обращении к отдельным региональным примерам. В частности, выборку таких комбатантов на уровне одной крупной республики СССР позволяет выявить репринтный факсимильный четырёхтомник «Книга учёта лиц состоявших на особом учёте бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины». В исходной версии источник представляет собой справочно-информационное издание, подготовленное для оперативной работы сотрудниками советских спецслужб. Датой фактической актуализации сведений (как указано в оригинале справочника) стоит считать 1931 г. Каждый том

сопровождён предисловием современного украинского историка Я.Ю. Тинченко [9].

В «Книгу учёта» вошло подавляющее большинство имён бывших офицеров Русской (императорской), белых и национальных (Скоропадского, Петлюры, польской) армий, проживавших в 1920-е гг. на территории УССР. В издании, учитывая его ведомственное предназначение, в отношении указанных лиц содержится лишь необходимый для идентификации «особоучётника» минимум кратких сведений. Это фамилии, имена, отчества, последние чины в старой и несоветской армиях, наименование несоветской армии, даты постановки на особый учёт органом ВЧК – ОГПУ и снятия с него, наименование сделавшего этого органа, последние места службы и жительства «особоучётника». Но и этот, на первый взгляд, не слишком многочисленный набор данных открывает путь к любопытным обобщениям. Несмотря на наличие предисловий Я.Ю. Тинченко, четырёхтомник – это еще недооценённый источник по истории раннего советского социума, заслуживающий отдельного критического осмысления.

Цель данного исследования – на основе «Книги учёта» выявить людей, посвятивших себя религиозному служению в советском обществе в 1920-е гг. и реконструировать их коллективный портрет.

Справочник включает данные по специально разработанному шаблону характеристики 21 062 персоналий (без учёта отдельных повторов, допущенных при составлении алфавитного указателя). При анализе совокупности этих лиц обращает на себя внимание специфичная группа из 59 человек, в отношении которых в графе 10 «Последнее место службы» указано: «священник», «дьякон», «псаломщик». Таких людей от общего числа персоналий оказалось крайне малое количество – всего 0,28 %. Но все они в годы Первой мировой войны (а некоторые и в период Гражданской войны в России) были участниками боевых действий, затем, вернувшись к мирной жизни, посвятили себя религиозному служению, сохранив этот выбор в советском обществе. Несмотря на общее по многим параметрам сходство с основной массой фигурантов справочника, эта микрогруппа феноменальна с точки зрения своей деятельности (профессиональной и духовной). Специфика «Книги учёта» не позволяет детализировать биографию, равно как и понять мотивы, побудившие вернувшихся с фронта офицеров посвятить себя такому служению. Полученная по ним статистика обобщена в форме таблиц (см. табл. 1–4), в рамках которых был выстроен анализ.

Возраст комбатантов соотносится с общей тенденцией лиц, мобилизованных в Российской империи в ходе Первой мировой войны и назначенных на офицерские должности. На момент присвоения первого

офицерского чина в военно-революционный период представители из выборки в своем большинстве были мужчинами молодого и среднего возраста (табл. 1). Соответственно, ко времени подготовки органами ОГПУ справочника на 1931 г. основной возраст анализируемых фигурантов составлял от 30 до 50 лет. Показатель видится репрезентативным, поскольку отсутствуют данные лишь на одного человека.

Таблица 1
Сведения о возрасте и местности рождения живших в УССР в 1920-е гг.
бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство

Период рождения, годы	Место рождения			Итого, чел.
	Село	Город	Нет данных	
1866–1870	0	0	1	1
1871–1875	0	1	0	1
1876–1880	3	1	0	4
1881–1885	10	4	0	14
1886–1890	12	1	0	13
1891–1895	16	3	0	19
1896–1900	5	2	0	7
Всего, чел.	46	12	1	59

Социальное происхождение лиц, входивших в описываемую группу, соотносится как с общей картиной преобладания крестьян в Российской империи, так и с сословным составом офицерского корпуса Русской армии к 1917 г. [3: 89]. Такой вывод мы делаем исходя из того, что в массе изучаемые комбатанты были крестьянами или имели крестьянские корни, поскольку 78% лиц – 46 человек из выборки – уроженцы села. Причём 97% из них родились на территории юго-западных губерний Российской империи, включённых впоследствии в состав УССР. Этот показатель по изучаемой микрогруппе также репрезентативен: нет сведений лишь на одного человека.

В источнике не указан уровень гражданского и военного образования комбатантов. Но общая тенденция призыва в годы Первой мировой войны в Русскую армию на должности офицеров образованных лиц даёт основания утверждать, что именно образование позволило этим людям подняться из крестьян по социальной лестнице и стать офицерами [18: 130]. В соответствии с табл. 2, это были лица, вошедшие в командно-административный состав армии в условиях военного времени, скорее всего, в период Первой мировой войны прошедшие ускоренную подготовку в военных училищах или школах прапорщиков. Из них 85% (50 чел.) – собственно офицеры (из них 51 %, 30 чел., – прапорщики), остальные – армейские чиновники

(15 %, 9 чел.), установить их гражданский чин на службе в военном ведомстве по «Книге учёта» невозможно.

В отношении воинских чинов характерно, что в изучаемую группу входили в массе бывшие обер-офицеры, если и получившие, то лишь незначительное дальнейшее чинопроизводство (таковых от всего количества 34 %, 20 чел.). Это доказывает, что основа выборки – не кадровые военные, а типичные офицеры военного времени, ставшие военнослужащими с началом мобилизации и не планировавшие навсегда связывать себя с военной службой. В изучаемой выборке высшего чинопроизводства, получив погоны капитана, достигли двое, явившиеся кадровыми офицерами и служившие на 1 января 1909 г. в Русской императорской армии. Первый – сын священника, капитан 232-го пехотного Радомыслского полка Комашко Евгений Васильевич, выпускник Одесского военного училища, награждённый в «Великую войну» орденами Св. Анны 4-й ст.(5 апреля 1916 г.) и 3-й ст. с мечами и бантом (24 января 1915 г.) [10]. В 1920-е гг. он последует примеру отца, став священником в селе Рогинца Винницкого округа [9, т. 2: 875]. Второй – священник села Верки Тульчинского округа Баскевич Иван Тимофеевич [4; 9, т. 1: 97], в прошлом капитан 20-го Сибирского стрелкового полка. Он 13 февраля 1915 г. был оставлен на поле боя, получив ранение, содержался в плену в Германии. Незадолго до этого события 26 января 1915 г. «за отличия в делах против неприятеля» был пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом [15: 169; 16: 7].

Согласно справочнику, во второй половине 1920-х гг. в городах УССР и Молдавской АССР проживало 5 156 бывших офицеров и военных чиновников (с учётом юнкеров и вольноопределяющихся). Наибольшее их количество были одесситами (21 %, 1061 чел.), однако в изучаемой микрогруппе таковых нет. Подчеркнём, что в целом указанная статистика по городам весьма неполна, эти цифры – лишь относительный ориентир. Ведь сохранилось лишь менее половины данных по Киеву, где также проживало весьма значительное количество бывших офицеров и военных чиновников старой и белой армий (подсчитано по: [9, т. 1: 14–15]). Тем не менее общая тенденция ясна и соотносится с ситуацией в РСФСР. Указанные комбатанты стремились обрести себя в условиях городов, где их образовательный ценз и разнообразные профессиональные навыки были весьма востребованы [11: 170, 172]. Но любопытно другое: по отношению к общей массе бывших офицеров, оседавших в городах СССР, где они «использовали» своё образование для социализации в советском обществе, изучаемая микрогруппа, состоявшая преимущественно из сельских жителей, нетипична.

Сведения о чинах, службе и жизни в период Гражданской войны живых в УССР в 1920-е гг. бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство

В период Гражданской войны 49 человек из анализируемой выборки (83 %) не принимали участия в ней, проживая как штатские лица, на территории, занятой силами Скоропадского, Петлюры, Деникина или польской армией. Точные сведения данного характера есть лишь в отношении 25 чел. из 49. Вероятно, происхождение этих комбатантов было из семей представителей церковного причта, а принятие сана произошло сразу после Первой мировой войны с причислением к церковному клиру в 1917–1918 гг. Эти факторы вполне могли влиять на отказ от участия в боевых действиях в разгоравшемся братоубийственном противостоянии через обращение комбатантов к религиозному служению. Нельзя исключать, что пережитые психологические потрясения и испытываемый посттравматический синдром в условиях эпохи социальных катаклизмов стали стимулом к принятию сана и новому обретению себя в тихой провинциальной жизни. К концу 1920-х гг. представители изучаемой микрогруппы в массе осели в сельской местности УССР, что связано с приходской деятельностью духовенства, получением иереями от епархии назначений в конкретный сельский приход и т.п. Жителями городов УССР к тому моменту стали лишь 11 чел. из выборки (19 %).

Десять комбатантов из выборки служили в годы Гражданской войны в несоветских армиях, но повышения в чине не получили. Из них: четверо служили у Петлюры, трое – у Деникина, двое – у Скоропадского, один – у Колчака (см. табл. 2).

В общей выборке нет юнкеров и морских офицеров, а офицеров казачьих войск, по-видимому, только двое (исходя из присвоенных им чинов хорунжих), хотя этот показатель полностью сложно просчитать, поскольку «Книга учёта» не содержит детализаций биографии. Какое-то количество анализируемых комбатантов, исходя из региональной специфики, вполне могли происходить из казачества, служить в казачьих частях.

При обращении к неопубликованным источникам, очевидно, что среди других комбатантов из выборки, наряду с упомянутыми выше, были люди с богатым фронтовым опытом. Командир роты 55-го пехотного Подольского полка, поручик Грищук Деонисий Демьянович на фронте находился с 25 февраля 1917 г.; в бою 15 августа, несмотря на ранение, организовал контратаки роты, выбил противника с позиций, за что получил орден Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом [17: 2–3]. Впоследствии он станет священником в селе Притыка Уманского округа [9, т. 1: 455].

Живший в 1920-е гг. в родном селе Оробиевка на Полтавщине псаломщик Иваненко Даниил Васильевич [8, т. 2: 293], состоявший в «Великую войну» подпоручиком 176-го пехотного Переяловченского

полка, был ранен, но стойко проявил себя в бою 23 декабря 1916 г., за что в январе 1917 г. пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами бантом [14: 2]. Поручик 74-го пехотного Ставропольского полка Кутинский Феофан Иванович за 1914–1917 гг. получил 4 ранения, был награждён орденами Св. Анны 4-й ст. (3 марта 1916 г.), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (21 октября 1915 г.) и 2-й ст. с мечами (28 июня 1916 г.) [5: 22]. В 1920-е гг. он станет священником села Подвысоки Уманского округа [9, т. 2: 1011].

Орденами Св. Анны 4-й ст. «за отличия в делах против неприятеля» были отмечены будущие священники – подпоручик 57-го пехотного Модлинского полка Поставский Александр Антонович в 1916 г. [6: 37; 9, т. 3: 1507] и поручик 77-го пехотного Тенгинского полка Родимов Дмитрий Викторович в 1917 г. [9, т. 3: 1583; 12: 6].

Наиболее выдающейся видится фронтовая биография Панкевича Арсения Олимпиевича, который в 1920-е гг. станет псаломщиком в селе Вехновцы Подольской губернии [9, т. 3: 1391]. В «Великую войну» он – штабс-капитан 195-го пехотного Оровайского полка, пожалованный за ратную доблесть орденами – Св. Анны 4-й ст. (22 марта 1916 г.), 3-й ст. с мечами и бантом (28 декабря 1915 г.) и 2-й ст. с мечами (10 сентября 1916 г.), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (4 октября 1916 г.) и 2-й ст. с мечами (9 октября 1916 г.), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (22 октября 1916 г.). А 31 августа 1917 г. он получил орден Св. Георгия 4-й ст. – одну из наиболее престижных в офицерской среде боевых наград [13: 41].

Приведённые факты неоднократного героизма на поле боя представителей микрогруппы свидетельствуют о том, что после завершения военной службы посвящали себя церковной жизни состоявшиеся, волевые личности, прошедшие через тяжёлые психологические испытания и вполне осознанно делавшие выбор в пользу религиозного служения. К сожалению, в «Книге учёта» не сообщается об их принадлежности к конкретному конфессиональному направлению. Стоит полагать, что в массе это были служители православия, хотя допустимо, что кто-то из них являлся униатом или католиком, ведь указанные христианские вероучения к началу XX в. распространялись в юго-западных губерниях Российской империи. Справочник содержит информацию только о месте комбатантов в церковной иерархии. Так, четверо были псаломщиками, трое – дьяконами, остальные (88 %, 52 чел.) указаны как священники.

В значительной массе – 52 чел. из выборки (88 %) – как бывшие офицеры они были поставлены на особый учёт органами ВЧК – ОГПУ на территории УССР. Заметная часть комбатантов (20 чел., 34%) стала «особоучётниками» в 1923 г. – в пик перерегистраций представителей

бывшего офицерства военкоматами и чекистским ведомством. Но данные справочника о снятии с особого учёта неreprезентативны; эта информация представлена лишь в отношении 16 чел. (27%), снятых с учёта органами ОГПУ по месту своего проживания. Из них 15 фигурантов данная процедура коснулась в период её проведения во всесоюзном масштабе в 1925–1926 гг. (табл. 3, 4); особый учёт, как гласная мера по отношению к бывшим офицерам в СССР, был прекращён к 1928 г. [1: 73].

О том, что указанная группа является феноменом, свидетельствует тот факт, что основная масса бывших офицеров и военных чиновников в большевистской России, а затем в СССР профессионально массово обретали себя в качестве разного уровня служащих, в 1920-е гг. являясь основой советской бюрократии наряду с иными представителями «бывших людей». В то время выбор именно духовного служения в социалистическом государстве и советском обществе был не просто нетипичным. Это был в политическом смысле откровенно небезопасный шаг в условиях антирелигиозной компании, набиравших силу в СССР и уже в конце 1920-х гг. вылившихся в повсеместный террор против именно сельского духовенства, которое, по мнению идеологов коллективизации и представителей советских спецслужб, препятствовало колхозному строительству. Территория УССР, наряду с Севером РСФСР, Уралом и Сибирью, стала тогда одним из форпостов борьбы с кулачеством [2: 1236].

Таблица 3

Сведения о постановке на особый учёт в органах ВЧК – ОГПУ живших в УССР в 1920-е гг. бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство

Нет данных	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Итого, чел.
6	2	4	8	1	20	10	4	3	1	59

Таблица 4

Сведения о снятии с особого учёта в органах ОГПУ живших в УССР в 1920-е гг. бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство

Снятие с особого учёта в органах ОГПУ, чел.				Итого, чел.
Нет данных	1925 г.	1926 г.	1927 г.	
43	7	8	1	59

С первых месяцев существования советской власти бывшие офицеры, как и представители духовенства, олицетворявшие для социалистического государства «историческую контрреволюцию», подвергались

политическим репрессиям. Своего пика карательные меры достигли во время Большого террора. Но насколько это затронуло лиц из анализируемой выборки, сказать точно в текущих условиях не представляется возможным. В нашем распоряжении есть сведения лишь в отношении 7 чел. (12 %). Причём в 1930-е гг. все они оказались за пределами УССР. Из них четверо были расстреляны, остальные получили срок заключения в ИТЛ [8]. Стоит сказать, что трое на момент репрессий продолжали религиозную деятельность; в графе о роде занятий у двух из них указано «священник», у одного – «псаломщик». Это дополнительно свидетельствует об осознанности сделанного ими выбора религиозного служения. Труднодоступность источниковой базы не позволяет до конца охарактеризовать данный аспект применительно к выборке. Количество репрессированных лиц наверняка было больше, так как Советское государство на рубеже 1920–1930-х гг. поставило целью полное изживание религии, для чего последовательно уничтожало духовенство. Если у бывшего офицера старой и (или) белой армии при соответствующем поведении, профессиональной востребованности для государства и стечении обстоятельств был шанс в советском обществе избежать политических репрессий, то у представителя духовенства без согласия на агентурную работу на советские спецслужбы в то время такого шанса не имелось.

Помимо этого, сценарии социально-политического встраивания изучаемых представителей микрогруппы в последующие годы, например в период нацистской оккупации, могут быть крайне вариативны: от коллаборационизма до содействия советским партизанам. При этом нельзя исключать благополучный (относительно политической конъюнктуры эпохи) исход жизни и естественную смерть. Здесь стоит помнить, что в 1940-е гг. основной массе изучаемых комбатантов было уже не менее 55–60 лет, многие из них имели фронтовые ранения, могли перенести тяжёлые заболевания (тиф, холеру, пневмонию и др.), эпидемии которых повсеместно бушевали на рубеже 1910–1920-х гг. Всё это лишь подрывало здоровье.

Как видим, коллективный портрет человека, избравшего в 1920-е гг. для себя путь служителя церкви на территории УССР, рисует мужчину средних лет, имевшего сан священника с назначением в сельскую местность. Он происходил из крестьян юго-западных губерний Российской империи, был призван в армию во время Первой мировой войны, произведён лишь в прапорщики либо получил незначительное производство в 1–2 чина; за участие в боевых действиях имел награды. В годы Гражданской войны проживал на территории, занятой несоветскими силами. В 1923 г. был поставлен на особый учёт в органах ОГПУ по месту жительства.

Авторитетный российский специалист в области военной антропологии Е.С. Сенявская выделяет в качестве актуальных для изучения аспектов названного междисциплинарного направления проявление религиозности комбатантов, а также их «выход из войны» [19: 31]. Согласившись с ней, приведём дополнительно тезис, который развивает в одном из интервью петербургский историк Н.Н. Смирнов, подчёркивающий, что церковная история и история гражданского общества в контексте своём неразрывно связаны [20: 61]. В этом отношении изученная группа – одна из форм адаптационно-защитной реакции представителей образованной части общества на события эпохи социальных катаклизмов. Причём их выбор в тех обстоятельствах в пользу религиозного служения вряд ли может как-то соотноситься лишь с материально-бытовой мотивацией и с объяснимым желанием выжить. Сделанный комбатантами шаг в сторону церкви свидетельствует об их твёрдом стремлении к поиску своей религиозной сущности и внутренней стабильности на религиозном поприще.

Проблема, поставленная в данном ракурсе, сочетает собственно военную историю, социальную историю и историческую психологию, обращающие суждения к Trauma studies и истории эмоций. Наше исследование, пусть и на примере исключительной по ряду признаков социальной микрогруппы, даёт возможность проследить вариации личностных трансформаций комбатантов и влияние на эти процессы военно-революционной эпохи. Это, свою очередь, поможет в конструировании сквозь призму историко-антропологического подхода взвешенных суждений о последствиях Первой мировой и Гражданской войн для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абинякин Р.М. Особый учёт бывших белых офицеров в советской России и СССР в 1920–е гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. 2010. № 3–1. С. 66–75.
2. Анфертьев И.А. Сталинская ликвидация кулачества как класса и организация процесса пролетаризации советского крестьянства // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1229–1244. doi: 10.28995/2073-0101-2021-4-1229-1244
3. Аракелова М.П., Загоруйко М.В. Влияние событий Первой мировой войны и февраля 1917 г. на формирование российского офицерского корпуса // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 87–101.
4. Баскевич Иван Тимофеевич // Офицеры Русской императорской армии. URL: <https://ria1914.info> (дата обращения: 15.07.2025).
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд печатных изданий. Высочайший приказ. 4 марта 1915 г. 35 с.

6. РГВИА. Фонд печатных изданий. Высочайший приказ. 1 августа 1916 г. 23 л.
7. Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужнодержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12. doi: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12
8. Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).
9. Книга учёта лиц состоявших на особом учёте бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины: в 4 т. / авт. предисл. Я.Ю. Тинченко. Харьков: Сага, 2011–2012.
10. Комашко Евгений Васильевич // Офицеры Русской императорской армии. URL: <https://ria1914.info> (дата обращения: 15.07.2025).
11. Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. doi: 10.17223/15617793/486/18
12. РГВИА. Фонд печатных изданий. Приказ армии и флоту о военных чинах сухопутного ведомства 2 мая 1917 г. 13 с.
13. РГВИА. Фонд печатных изданий. Приказ Временного правительства Армии и Флоту о чинах военных 31 июля 1917 г. 56 с.
14. РГВИА. Фонд печатных изданий. Приказ Главнокомандующего армиями Северного фронта 4 марта 1917 г. 4 с.
15. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1189. Именной список потерь.
16. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1459. Списки воинских чинов 20-го Сибирского стрелкового полка убитых, пропавших без вести и взятых в плен неприятелем, а также раненных и контуженных.
17. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1584. Послужные списки, наградные листы и аттестации генералов, штаб- и обер-офицеров Русской армии.
18. Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-128-134
19. Сенявская Е.С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
20. Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64

REFERENCES

1. Abinyakin, R.M. (2010) Osobyy uchet byvshikh belykh ofitserov v sovetskoy Rossii i SSSR v 1920-e gg. [The Special Registration of Former White Officers

in Soviet Russia and the USSR in the 1920s]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3–1. pp. 66–75.

2. Anfertiev, I.A. (2021) Stalinskaya likvidatsiya kulachestva kak klassa i organizatsiya protsessa proletarizatsii sovetskogo krest'yanstva [The Stalinist Liquidation of the Kulaks as a Class and the Organization of the Proletarianization Process of the Soviet Peasantry]. *Vestnik arkhivista*. 4. pp. 1229–1244.

3. Arakelova, M.P. & Zagoruyko, M.V. (2011) Vliyanie sobytiy Pervoy mirovoy voyny i fevralya 1917 g. na formirovanie rossiyskogo ofitserskogo korpusa [The Influence of the Events of the First World War and February 1917 on the Formation of the Russian Officer Corps]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2. pp. 87–101.

4. Baskevich Ivan Timofeyevich. (n.d.) [Online] Available from: <https://ria1914.info> (Accessed: 15th July 2025).

5. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Vysochayshiy prikaz. 4 marta 1915 g.* [Imperial Order. March 4, 1915]. Printed Publications Fund.

6. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Vysochayshiy prikaz. 1 avgusta 1916 g.* [Imperial Order. 1 August 1916]. Printed Publications Fund.

7. Gagkuev, R.G. (2024) Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoy voynе nuzhno sderzhanno, bez stremeniya vzat' ch'yu-to storonu... [One Must Speak About the Civil War Today with Restraint, Without Striving to Take Someone's Side...]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istorya. Sovremennost'*. 9(1). pp. 6–12.

8. Memo.ru. (n.d.) *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of Political Terror in the USSR]. [Online] Available from: <https://base.memo.ru/> (Accessed: 15th July 2025).

9. Ukraine. (2011–2012) *Kniga ucheta lits sostoyavshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrayny* [The Register of Persons on the Special Register of Former White Officers in the GPU Organs of Ukraine]. Kharkov: Saga.

10. Komashko Yevgeniy Vasilievich. [Online] Available from: <https://ria1914.info> (Accessed: 15th July 2025).

11. Petin, D.I., Stelmak, M.M. & Sushko, A.V. (2023) Ex-officers in the social space of the West Siberian Province in the 1920s: The example of Tara and its district. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 165–175 (in Russian). doi: 10.31518/2618-9100-2024-6-4

12. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1917) *Prikaz armii i flotu o voennyykh chinakh sukhoputnogo vedomstva 2 maya 1917 g.* [Order to the Army and Navy on Military Ranks of the Land Department, 2 May 1917]. Printed Publications Fund.

13. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1917) *Prikaz Vremennogo pravitel'stva Armii i Flotu o chinakh voennyykh 31 iyulya 1917 g.* [Order of the Provisional Government to the Army and Navy on Military Ranks, 31 July 1917]. Printed Publications Fund.

14. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1917) *Prikaz Glavnokomanduyushchego armiyami Severnogo fronta 4 marta 1917 g.* [Order of the Commander-in-Chief of the Armies of the Northern Front, 4 March 1917]. Printed Publications Fund.
15. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Imennoy spisok poter'* [Nominal List of Casualties]. Fund 16196. List 1. File 1189.
16. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spiski voyinskikh chinov 20-go Sibirskogo strelkovogo polka ubitykh, propavshikh bez vesti i vzyatykh v plen nepriyatelem, a takzhe ranennykh i kontuzhennykh* [Lists of Military Ranks of the 20th Siberian Rifle Regiment Killed, Missing in Action and Taken Prisoner by the Enemy, as well as Wounded and Shell-Shocked]. Fund 16196. List 1. File 1459.
17. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Posluzhnye spiski, nagradnye listy i attestatsii generalov, shtab- i ober-ofitserov Russkoy armii* [Service Records, Award Lists and Certificates for Generals, Staff and Chief Officers of the Russian Army]. Fund 409. List 1. File 1584.
18. Sablin, A.Yu. (2022) Adaptatsiya yunkerov-krest'yan k usloviyam gorodskoy sredy v gody Pervoy mirovoy voyny (na primere Omska) [The Adaptation of Peasant Cadets to Urban Environment Conditions During the First World War (The Case of Omsk)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istorya. Sovremennost'*. 7(3). pp. 128–134.
19. Senyavskaya, E.S. (2018) Chelovek na voynye, ili Ternistyy put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [Man at War, or The Thorny Path from Military History to Military Anthropology]. *Istoricheskiy vestnik*. 24. pp. 10–43.
20. Smirnov, N.N. (2022) "Nel'zya otdelyat' tserkov' ot grazhdanskoy istorii..." ["One Cannot Separate the Church from Civil History..."]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istorya. Sovremennost'*. 7(2). pp. 57–64.

Сушко Алексей Владимирович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

Alexey V. Sushko – Omsk State Technical University (Russia).
E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Петин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

Dmitriy I. Petin – Omsk State Technical University (Russia).
E-mail: dimario86@rambler.ru

Наука и высшее образование на западных окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX в.): между имперскими и региональными интересами*

А.О. Степнов¹, С.А. Некрылов²

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Авторское резюме

В статье исследуется роль и место западных окраин в научно-образовательной системе Российской империи конца XIX – начала XX в. Предпринята попытка определить границы западных окраин с учетом специфики нашей проблематики и историографических традиций. В западные окраины включены территории Виленского, Варшавского, Рижского (Дерптского) и Киевского учебных округов, которые в целом соответствуют Привислинскому, Остзейскому, Западному краям, Левобережной Малороссии. Высшую школу этого региона отличали глубокий исторический бэкграунд, тесная связь с Европой, ориентация на местное население как клиентуру образования. Делается вывод, что западные окраины представляли собой привилегированный и в некоторых аспектах замкнутый образовательный анклав, в котором особое место занимали национальные и региональные противоречия. Характеристика Дерптского (Юрьевского) университета как «форпоста» имперской гегемонии с рядом замечаний отчасти может быть распространена на Киевский и Варшавский университеты. В конце XIX – начале XX в. западные окраины стали местом реализации новаторского проекта создания политехнических институтов (Киев, Варшава), инициированного С.Ю. Витте. Правительство воспринимало университеты западных окраин как инструмент интеграции этих пестрых в национальном отношении регионов в имперское тело, но на практике в политически нестабильные периоды эти университеты порой давали противоположный результат. Это создало все предпосылки для поворота научно-образовательной политики Петербурга от культурно-образовательного очага к регионам-аутсайдерам.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Ключевые слова: наука, высшее образование, западные окраины, Российская империя, региональная политика, национальная политика

Science and higher education in the Western borderlands of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Between imperial and regional interests*

Aleksei O. Stepnov¹, Sergei A. Nekrylov²

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Abstract

This article examines the role and place of the western borderlands in the scientific and educational system of the Russian Empire during the late 19th and early 20th centuries. The boundaries of the western outskirts, in accordance with the specifics of the subject matter and established historiographic traditions, are defined here as encompassing the Vilnius, Warsaw, Riga (Dorpat), and Kyiv educational districts. These districts generally correspond to the Vistula, Baltic, and Western regions, as well as Left-Bank Ukraine. Higher education in this region had a deep historical background, maintained close ties with Europe, and was oriented toward serving the local population. The western borderlands constituted a privileged and, in certain respects, a closed educational enclave where national and regional contradictions held particular significance. The characterization of Dorpat (Yuryev) University as an “outpost” of imperial hegemony can, in part, be extended to the universities of Kiev and Warsaw. Furthermore, in the late 19th and early 20th centuries, the western outskirts became the site for Sergei Witte’s innovative project to establish polytechnic institutes in Kyiv and Warsaw. The imperial government perceived universities in the western borderlands as instruments for integrating these ethnically diverse regions into the imperial framework. In practice, however, during periods of political instability, these institutions occasionally produced contrary effects. This dynamic ultimately created the preconditions for a shift in St. Petersburg’s scientific and educational policy away from this cultural and educational center and toward other peripheral regions.

*This research is supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2024-0008.

Keywords: science, higher education, western boderlands, Russian Empire, regional policy, national policy

В историографии российских университетов традиционно принято рассматривать либо университетскую систему страны в целом (А.Е. Иванов, Ф.А. Петров, А.Ю. Андреев и др.), либо конкретные университеты в контексте развития городов и регионов. Самые исторические университеты Российской империи концентрировались на ее западных окраинах. Развитие отдельных вузов этого региона нашло отражение в современной историографии. Отмечается, что фокус развития высшей школы в предреволюционный период сместился с запада на восток Российской империи, что было обусловлено остротой национального вопроса на западных окраинах [11]. Вместе с тем отдельные университеты (Дерптский – Юрьевский) рассматриваются как яркие имперские проекты конца XIX – начала XX в. [15]. Региональные вузовские комплексы по-прежнему не изучены как явление применительно к имперскому периоду, хотя представляется, что оснований для этого достаточно.

Понятие «западные окраины» (далее также ЗО) Российской империи не имеет точного определения, при обращении к их географическим границам необходимо учитывать определённые традиции в историографии. Однако здесь встречаются разнотечения. Использование границ современных государств (Украины, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и т. д.) будет не совсем корректным. Э. Таден в «западное пограничье» (Western Borderlands) Российской империи включал Царство Польское (Привислинский край), Остзейские губернии, Западный край и Великое княжество Финляндское [52]. В современном исследовании, специально посвящённом западным окраинам Российской империи, границы сужаются до Левобережной Малороссии, Западного края и Царства Польского [9: 13].

Эти земли (вместе или без Остзейских губерний) были своего рода эпицентром сложных отношений империи и окраин. Здесь конкурировали имперская и национальная идеи, русские и польские проекты строительства нации. В конце имперского периода к ним добавились другие национальные и протонациональные (используем это слово для обозначения форм, предшествующих fazam зрелого развития наций и национализмов, – оно вполне применимо, например, к малороссийскому и в ещё большей степени белорусскому движению рассматриваемого периода) движения и идеологии – малороссийские, литовские, белорусские [9: 14]. Для западных окраин, в сравнении с прочими окраинами Российской империи, были характерны большая плотность и абсолютная численность населения, высокий

уровень экономического и культурного развития; особый размах общественно-политических процессов.

Это те земли, которые когда-то были частью Речи Посполитой, а затем вошли в состав Московского царства – Российской империи. Как видно, Остзейский край авторы вышеназванного издания в «западные окраины» не включили. Говоря конкретно о научно-образовательной сфере на западных окраинах и в империи в целом, нужно рассмотреть этот регион отдельно. С 1890-х гг. имперский центр взял курс на его «русификацию». До этого здесь были сильны немецкие элиты. Переход в результате Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Эльзаса и Лотарингии в состав учреждённой в 1871 г. Германской империи заметно повлиял на «приграничную» политику не только самой Германии, решившей включить новые земли в свое имперское тело, но и других империй. Опасения того, что германское влияние в Остзейском kraе в случае потенциальной войны с новой центрально-европейской империей может сыграть роковую роль, сильно повлияли на петербургских чиновников. Упор был сделан на усилении русского начала в этом регионе, а не на противопоставлении местной немецкой элиты элите эсто-латышской [19: 233–234].

И в германском (французском) Эльзасе, и в российской (немецкой, эсто-латышской) Лифляндии инструментом этой политики («германизации» и «русификации») стали университеты – Страсбургский и Дерптский (ИДУ (с 1893 г. – Юрьевский (ИЮУ)). Судьба этих университетов схожа в попытках властей придать им всеимперский, а не региональный характер, наделить особой имперской миссией. Немецкий историк Труде Маурер назвала их «бастионами или форпостами в борьбе за гегемонию» и поставила по данному критерию в один ряд с разделённым в 1882 г. на немецкий и чешский Карловым университетом в Праге, с Львовским университетом (Австро-Венгрия), с бельгийским Гентским университетом [15: 705–706]. Конечно, нельзя не поставить в этот ряд и Варшавский университет.

Острота региональных противоречий и национального (протонационального) вопроса – это то, что было плотью и кровью университетов на западных окраинах в намеченных нами границах. Данный критерий может стать, пожалуй, ключевым при определении границ этого научно-образовательного региона. Неопределённым остается статус Новороссийского края. И.И. Мечников, который с 1867 г. был приват-доцентом, а в 1872–1882 гг. профессором учреждённого в 1865 г. Императорского Новороссийского (Одесского) университета (ИНУ), вспоминал, что в этом высшем учебном учреждении «особенно заметен был антагонизм между профессорами местного происхождения, т. е. малороссами, и москвичами» [17: 80].

Мечников не уточняет этот аспект, но конфликтная среда ИНУ стала притчей во языцах для многих современников: «Одесский университет с самого своего основания отличался особым изобилием дрязг. Как учреждение тогда ещё новое, он не сливался с городом. Профессора, в большинстве выходцы из других университетов, были в Одессе новичками и не участвовали за крайними редкими исключениями ни в городском управлении, ни в банковых и тому подобных предприятиях. К тому же в Одессе не было других высших учебных учреждений, в которых университетские профессора могли бы занимать места. Ввиду всего этого деятельность их сосредотачивалась исключительно в университете» [17: 79–80]. В «лектории», где профессора и преподаватели Одесского университета проводили свободное время, подчеркивает Мечников, «перетирались косточки товарищей» (особое внимание уделялось вопросам предстоящих выборов на преподавательские и административные должности), «созидались и укреплялись “партии”».

В целом такая конфликтность была характерна почти для всех императорских университетов России конца XIX – начала XX в., и порой делаемый акцент на региональных («провинциальных») университетах кажется некорректным. Одесса, в отличие от рассматриваемых нами губерний ЗО, имела несколько иной исторический бэкграунд. С конца XV по конец XVIII в. она была под властью Оттоманской Порты, местное население долгое время по преимуществу было татарским; античное наследие в регионе распознавалось только узкими специалистами соответствующего профиля. Так, филолог и историк-антиковед В.И. Модестов, один из первых преподавателей ИНУ, вспоминал о своих ожиданиях от Одессы и его университета перед прибытием туда: «Южное положение Одессы, тёплый климат, море, историческая почва Понта Эвксинского – всё это только усиливало в моих глазах привлекательность нового университета» [29: 21].

А.Е. Иванов отмечает, что Одесскому университету была поручена неофициальная правительственная миссия – привлечение молодёжи из Балканских стран, но представительство балкано-славян в студенческом контингенте ИНУ было минимальным [11: 193]. История Одесского университета не оставила материала, позволяющего основательно судить о нем как о «форпосте» имперской гегемонии, хотя возможно, что дальнейшие исследования и скорректируют это мнение.

Те же аргументы во многом применимы к Слобожанщине (Слободская Малороссия) – Харьков существовал как русский город, почти не пребывал в составе другого государства, не имел соответствующих традиций исторической памяти. Научно-образовательным

центром региона был открыт в 1805 г. Императорский Харьковский университет (ИХУ). Несмотря на то что Харьковская губерния в дореволюционной практике порой включалась в Малороссийский экономический край (см. районирование, предложенное Д.И. Менделеевым [47: 31]), мы видим, что в образовательном плане Харьков был ориентирован скорее на Центральную Россию. С одной стороны, Харьковский университет в 1820–1830-е гг. стал «центром развития малорусского романтического украинофильства». ИХУ даже порой представляется как центр «украинского культурного возрождения» [51: 358]. С другой стороны, даже по замечанию М.С. Грушевского, это национально-романтическое течение в ИХУ «выглядит мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антиквариев» (цит. по: [18: 55]). Важен и иной аспект. Волынская, Подольская, Киевская губернии входили в состав Харьковского учебного округа до 1832 г. К концу XIX в. в составе этого округа, кроме самой Харьковской губернии, были Воронежская, Курская, Пензенская, Тамбовская губернии, а также Область Войска Донского.

В 1892 г. среди студентов ИХУ доля выходцев из Киевского, Виленского, Варшавского, Дерптского учебных округов (губерний западных окраин в намеченных нами границах) составляла всего 15 % (150 студентов). В тот же год совокупная доля студентов ИХУ – выходцев из Харьковского, Одесского, С.-Петербургского, Московского, Казанского, Оренбургского, Кавказского учебных округов, а также из Западной и Восточной Сибири составляла 75 %. Большей частью это были студенты, ранее обучавшиеся на территории Харьковского (47 % – 464 студента) и Одесского (22 % – 216 студентов) учебных округов (подсчитано по: [30: 59 об.–60]). К 1 января 1902 г. доля студентов ИХУ с западных окраин сократилась до 8 % (всего 110 человек), остальные были из тех же округов (в т. ч. 58 % (784 студента) из Харьковского и 15 % (206 студентов) Одесского учебных округов), к которым привились 10 выходцев из Туркестанского края и один из Болгарии (подсчитано по: [21: 66 (вкладка)]).

Таким образом, мы видим, что по критерию промышленной специфики и специализации, по Д.И. Менделееву, Харьковщина больше тяготела к Малороссии, а в образовательной сфере к Центральной России. Не обнаружили мы каких-то громких свидетельств, отражающих сложные отношения в преподавательском состав ИХУ на почве столкновений региональных и национальных идентичностей. Основатель Харьковского университета В.Н. Каразин мечтал сделать это высшее учебное заведение центральным «не только всей Малороссии, но и юго-западных славян и даже греков» [22: 207]. Однако доля студентов-иностраниц в его составе была ничтожной.

В свете всего сказанного территориальные рамки мы ограничиваем Западным, Привислинским, Остзейским и Малороссийским (Левобережная Малороссия) краями. Данным территориям в целом соответствуют губернии Киевского (КУО – Киевская, Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская губернии), Виленского (ВиЛУО – Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилёвская, Холмская (выделена из восточных районов Люблинской и Седлецкой губерний в 1913 г.) губернии), Варшавского (ВаршУО – Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская губернии (до 1912 в состав округа входила упраздненная Седлецкая губерния)), Рижского (РУО (до 1893 г. – Дерптского (ДУО) – Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии) учебных округов.

В отличие от Э. Тадена, мы оставили за пределами своего внимания Финляндию с ее образовательным центром в Императорском Александровском (Гельсингфорском) университете (основан в 1827 г.) Великого княжества Финляндского. Как и Королевский университет Царства Польского, действовавший в 1817–1830 гг., он был в ведомственном и законодательном смысле отделен от университетской и в целом научно-образовательной системы Российской империи [3: 22], и в отечественной историографии их не принято рассматривать в ряду остальных университетов страны. В случае с Королевским университетом Варшавы это актуально и для польской историографии [14].

Особенность, характеризующая роль и место западных окраин в научно-образовательной системе Российской империи, – это глубокая связь с историей. В России и за границей традиционно принято говорить о значительном «отставании» нашей страны от Европы по развитию высшей школы. В современной историографии этот подход является уже не совсем корректным, он основан на своего рода искажённой оптике. Университеты – это продукт, процитируем А.Ю. Андреева, «экспансии в масштабах Европы», начало которой из Центральной в Восточную Европу пришлось на последнюю четверть XVI в. [2: 135]. Этот процесс затронул земли Речи Посполитой, а немногим позднее и прибалтийские владения Швеции. То, что в дальнейшем станет западными окраинами Российской империи, в XVI–XVII вв. было эпицентром этих процессов. Постепенное движение с запада на восток в данном контексте – органично и закономерно.

Основанный в 1803 г. на базе Главной Виленской школы Императорский Виленский университет ведёт свою историю с 1579 г., когда актом короля Стефана Батория и привилегией папы римского Григория XIII была создана академия-университет виленского Общества Иисуса. Хотя академия имела тогда миссией окатоличивание региона,

Вильнюсский университет и в советское время, несмотря даже на большой разрыв в истории (1832–1919 гг.), продолжал отстаивать преемственность с ранним Новым временем [13: 11–14; 43: 10–17].

В 1832 г. Императорский Виленский университет, как и двумя годами ранее упомянутый уже Королевский университет в Варшаве, был закрыт за участие в Польском восстании 1830–1831 гг. История Виленского университета в российский имперский период уже не возобновилась. Альтернативой ему стал основанный в 1833 г. и открытый в 1834 г. Императорский (Киевский) университет Святого Владимира (ИУСвВ). Петербургские чиновники рассчитывали, что польская и литовская молодёжь, обучаясь в Киеве, в некотором отдалении от родных краёв и в местной малороссийской среде, станет более лояльной имперским ценностям. Но уже во второй половине XIX в. сам Киевский университет стал проблемным в силу столкновения различных национальных и региональных идентичностей в профессорском и студенческом составе. В 1862 г. в Варшаве была создана Главная школа, на базе которой в 1869 г. был открыт Императорский Варшавский университет (ИВУ).

Открытый в 1802 г. Императорский Дерптский университет отсчитывает свою историю с 1632 г., когда местная гимназия была расширена до Academia Gustaviana, которой шведским королем Густавом II Адольфом были предоставлены права и привилегии основанного в 1477 г. Уppsальского университета.

В XIX – начале XX в. высшие духовные учебные учреждения стали рассматриваться как особый тип высшей школы Российской империи [10: 53–58]. Старейшей среди них была Киевская академия (до 1701 г. – Киево-Могилянская коллегия). По Гадячскому договору 1659 г. Киево-Могилянской коллегии были дарованы привилегии Krakowskoy akademii – присвоены права академии-университета. В 1694 г., спустя время после вхождения в состав России, царской Жалованной грамотой университетские привилегии Киево-Могилянской коллегии были подтверждены [2: 129, 155].

И в конце XIX – начале XX в. студентов, приезжающих, например, в Дерпт (с 1893 г. – Юрьев), впечатлял средневековый колорит этого университетского города. Писатель В.В. Вересаев (Смидович), в 1888–1894 гг. обучавшийся на медицинском факультете Дерптского (Юрьевского) университета, вспоминал о Дерпте: «Мозгом, двигающим и жизненным центром города, являлся старинный Дерптский университет... Весь город живет университетом и для университета. Чем-то старым, старым, средними веками несло от всего здешнего уклада... Каким-то чудом в Дерпте сохранялись в нетронутом виде старинные традиции, совершенно немыслимые в отношении к

русским университетам» [5: 300, 305]. Ту же непохожесть и средневековый колорит Юрьева отмечал в своих мемуарах академик К.И. Скрябин, чьей Alma Mater был Юрьевский (до 1893 г. – Дерптский) ветеринарный институт (обучался в нём в 1900–1905 гг.): «В 1900 г. Юрьев был академическим городом. На 40 тысяч жителей было 2 тысячи студентов высших учебных заведений, да к тому же множество учащихся средних учебных заведений. Весь облик города и царившие в нем нравы имели весьма своеобразный характер и были совершенно не похожи на русские университетские города... На правом высоком берегу Эмбаха был расположен Домберг – большой тенистый парк. В нем были разбросаны многочисленные университетские учреждения, высились руины древнего замка» [44: 32–33]. Врач З.Г. Френкель, который почти одновременно с Вересевым обучался в Дерптском (Юрьевском) университете, вспоминал, что университетская библиотека поражала не только качественным обслуживанием и богатством фондов, но и «обстановкой, от которой веяло поэтическими образами гётеевского Фауста» [48: 95–96].

Варшавский, Киевский и Дерптский (Юрьевский) университеты имели полную, предусмотренную уставом 1884 г., 4-факультетную структуру (медицинский, физико-математический, юридический, историко-филологический факультеты). Но в Дерптском (Юрьевском) университете дополнительно был уникальный для российских университетов богословский факультет. При этом следует отметить, что положения устава 1884 г. стали распространяться на Дерптский университет только с конца 1880-х гг. Варшавский университет вплоть до 1917 г. функционировал по собственному уставу 1869 г. Это имело свои последствия. Об одном из них вспоминал правовед Е.В. Спекторский, в 1898 г. окончивший юридический факультет этого университета, а затем до 1913 г. преподававший в нем: «Т.н. русские права никак не возмещали отсутствия гонорара, столь обильного именно на юридических факультетах других университетов, живущих по уставу 1884 г.» [45: 85].

Уникальность научно-образовательного климата западных окраин Российской империи обусловлена историческим багажом и особым контекстом внутренней жизни университетов, но в особенности историей старейшей духовной академии в Киеве, через которую в Россию пришли дух, традиции и принципы средневекового университета. Старейшим сельскохозяйственным высшим учебным учреждением Российской империи был Ново-Александрийский институт, основанный в 1816 г. в пригороде Варшавы Маримонте, а в 1861 г. перенесённый в уездный город Новая Александрия. Будучи изначально второразрядным, в 1893 г. этот институт был расширен –

увеличено количество профессоров, срок обучения продлен с 3 до 4 лет, усиlena практическая подготовка [10: 81–82]. На западных окраинах действовали 2 из 4 ветеринарных институтов (в Дерпте (Юрьеве) и Варшаве), 1 из 4 историко-филологических институтов (в Нежине) страны. Впрочем, все эти вузы были немногочисленны по студенческому и преподавательскому составу и мало определяли культурный и общественно-политический ландшафт региона. На ЗО отсутствовали высшие художественные и военно-морские учебные учреждения.

В конце XIX – начале XX в. западные окраины – это передний край политехнического образования. Идея их создания принадлежала министру финансов С.Ю. Витте. Замысел Витте был прост и в то же время достаточно необычен для своего времени – соединить принципы высшей технической школы и университетов с упором на «общечеловеческих знаниях вследствие соприкосновения с товарищами, занимающимися всевозможными специальностями». Отсюда проистекала многофакультетная система (в отличие от двухфакультетной, характерной для Петербургского и Харьковского технологических институтов, Московского технического училища), единство и целостность наук, взаимодействие студентов и преподавателей на почве фундаментальных вопросов технических и физико-математических наук. Витте признавался, что сам участвовал в создании устава Санкт-Петербургского политехнического института: «Будучи министром финансов, мне было, конечно, легче, чем другим министрам иметь средства на устройство этого института... приблизительно по тому же принципу мне удалось основать ещё два политехнических института: один в Варшаве, а другой в Киеве» [6: 256, 258]. В 1907 г., в период временного закрытия Варшавского политехникума (ВПИ), был создан Донской политехнический институт в Новочеркасске. Накануне Первой мировой войны в Российской империи действовало, таким образом, 4 подведомственных Министерству торговли и промышленности (МТиП) и 1 подведомственный Министерству народного просвещения (МНП) политехнический институт (фактически к тому же типу вузов («политехнический университет») принадлежал и открытый в 1900 г. Томский технологический институт).

К особенностям реализации проектов политехнических институтов следует добавить первоклассное архитектурное исполнение и самое современное материально-техническое оснащение. В пояснительной записке к проекту зданий Киевского политехнического института (КПИ) отмечалось: «Весь институт состоит из 3-х главных групп зданий, которые размещены на вершинах двух холмов... Позади этих главных зданий размещается опытная и электрическая станции и

поле для огородов с фермою и скотным двором... Ввиду особых соображений потребуется в период постройки воздвигнуть здание химического павильона, который в своих главных основаниях и идеях подвергся некоторым существенным изменениям... прибавились к первоначальному проекту обширные подвалы, для размещения в них приборов отопления и вентиляции, а также кладовых для стеклянной посуды и кубов для дистилляции воды, воспользовавшись уклонами местности для образования этих необходимых для химического павильона помещений» [49: 14–15]. Д.И. Менделеев, лично оценивший обустройство КПИ в 1903 г., признавался: «Лаборатории, кабинеты и мастерские Киевского политехникума выделяются между всеми мною виденными не только современностью и богатством обзаводства, но и обширностью и совершенством приспособлений, назначенных для студенческих упражнений, что особенно примечательно» [16: 159]. О Варшавском политехническом институте, который, как и КПИ, был основан в 1898 г., Е.В. Спекторский вспоминал: «Варшава украсилась новым высшим учебным заведением с роскошными институтами, перед которыми бледнел наш скромный университет» [45: 154]. За 2 года до этого, в 1896 г., частное Политехническое училище в Риге было преобразовано в государственный Рижский политехнический институт (РПИ). Таким образом, к началу XX в. 3 из 4 политехнических институтов действовали на западных окраинах. Два из них (Варшавский и Киевский) были подчинены сначала Министерству финансов, а с 1905 г. – образованному тогда МТиП, один (Рижский) – Министерству народного просвещения. Все три института обладали схожей 4-х (Варшавский и Киевский) или 5-факультетной (Рижский) структурой (отделения), имея, впрочем, при этом и свои особенности (в составе КПИ, в отличие от двух других политехникумов, было сельскохозяйственное отделение, в РПИ – коммерческое, в ВПИ – горное). В это же время в регионе функционировали 3 из 8 императорских университетов. Развивалась и неправительственная высшая школа, но заметного места в региональной научно-образовательной сети она не занимала, хотя и была хорошо представлена в сравнении с другими окраинами империи.

Отделение науки от образования в дореволюционной России было малозаметным, и ярких примеров здесь немного (например, Академия наук, Институт экспериментальной медицины). Концентрировались сугубо научные учреждения в основном в столице. Общественная организация науки (научные общества) по преимуществу осуществлялась при университетах. Крупные общеимперские общества (Русское географическое (РГО) и Русское техническое (РТО)) с сетью региональных отделений здесь были представлены по-разному. Некоторое

время действовали Северо-Западный (в Вильно) и Юго-Западный (в Киеве) отделы РГО, но в 1876 г. оба они были закрыты – по политическим причинам (деятельность Северо-Западного отдела в 1910 г. возобновилась). Более широко были представлены на западных окраинах отделения РТО: Варшавское, Виленское, Волынское (Житомир), Киевское, Кременчугское, Либавское, хотя общероссийская сеть региональных отделений была намного более разветвлённой. Университеты и политехнические институты (как видим из замысла Витте, институтами они назывались только по традиции, фактических речь шла о «политехнических университетах») составляли костяк не только образовательной, но и научной сферы рассматриваемого региона.

Т. Маурер, рассуждая о Юрьевском университете, подчеркивала, что в отличие от других императорских университетов, в студенческих контингентах которых концентрировались лица из местных учебных округов (тех, центрами которых были эти университеты), студенчество университета Лифляндии было многонациональным и рекрутировалось не только из центральной части России, но также и из нерусских областей [15: 709]. Постараемся более обстоятельно рассмотреть этот аспект применительно уже ко всем 3-м университетам западных окраин.

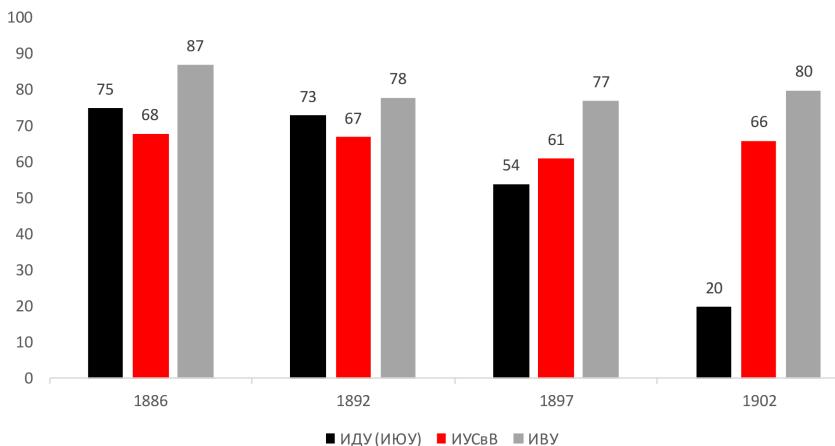

Рис. 1. Доля (в процентах) лиц в студенческих контингентах ИДУ (ИЮУ), ИУСвВ, ИВУ, получивших предварительное образование на территории учебного округа каждого из университетов (ИДУ (ИЮУ) – ДУО (РУО), ИУСвВ – КУО, ИВУ – ВаршУО) (подсчитано по: [31: 42 об.–43; 32: 72 об.–73; 33: 91–92; 34: 44–об.; 35: 22 об.–23; 36: 6 об.–7; 37: 149 об.–150; 38: 90 об.–91; 39: 133 об.–134; 40: 144 об.–145; 41: 132 об.–133; 42: 170 об.–171])

На рис. 1 мы видим, что ИЮУ в процессе «руссификации» с начала XX в. стал действительно заметно выделяться на фоне двух других университетов региона. Ещё в конце 1880-х гг., как вспоминает З.Г. Френкель, «для русского студенчества в Дерпте особенно тягостна была именно оторванность от местного населения» [48: 92]. По уцелевшим традициям далёкого прошлого, о которых упоминал В.В. Вересаев, существовали немецкие студенческие корпорации с присущей им строгой иерархией и суровыми нравами (фуксы, корпоранты, олдермены, фарбентрегеры). Студентов, не являвшихся частью корпораций, называли «дикими» – в т. ч. и всех русских. Велика была национальная ксенофобия: немцы презирали русских за уклонение от дуэлей, самым тяжёлым было положение евреев. При этом евреям было проще, сравнительно с многими другими российскими университетами, попасть в ИДУ (ИЮУ). Вересаев предполагал, что русская власть относилась попустительски к таким традициям и довольно унизительному отношению к «титульной» нации «ввиду полного отсутствия какой-либо революционности в местном студенчестве» [5: 305]. Эта же консервативная среда, вероятнее всего, считалась предохранителем против студенческого политического радикализма, из-за чего никто и не строил препятствий при поступлении в ИДУ (ИЮУ) политически неблагонадёжных лиц, которым в остальные университеты империи доступ был закрыт.

Преподавание в ИДУ велось на немецком языке, но уже с начала 1890-х гг. оно постепенно переходило на русский (только на богословском факультете преподавание на немецком продолжалось до 1916 г.), приезд русских профессоров сопровождался отъездом немецких. Для «руссификации» студенческого состава эксклюзивный доступ в ИЮУ был предоставлен выпускникам духовных семинарий. Ранее это было дозволено и в открытом в 1888 г. Томском университете, но здесь это не было связано с национальной политикой – просто в Сибири было мало выпускников классических гимназий, а ждать таковых из Европейской России не приходилось.

На рис. 1 видно, что наиболее «спаянным» со своим учебным округом вплоть до начала XX в. был Варшавский университет. На основании этого можно судить и о национальном контингенте студентов этого университета. «В мои студенческие годы, – вспоминал Е.В. Спекторский, – большинство студентов Варшавского университета были поляки... После смерти Александра III только русские студенты носили траур» [45: 93]. Вместе с тем доля поляков не в полной мере совпадала с долей выходцев из ВаршУО. Так, в 1901/1902 уч. г. в ИВУ обучалось 68 % поляков (против 10 % русских) [12: 203], в то время как доля выходцев из ВаршУО тогда составляла 80 % (рис. 1). После

революции 1905–1907 гг., когда все варшавские вузы были закрыты, прежняя концепция культурной «русификации» студентов-поляков (для её реализации в ИВУ направлялись русские профессора с особой неформальной миссией (подробнее на примере историков см.: [4])) сменилась физической «русификацией» студенческого состава. Для этого был использован апробированный ранее в Юрьевском университете инструмент – в 1908 г. при возобновлении работы ИВУ на все его факультеты без дополнительных экзаменов по курсу классических гимназий разрешено было поступать выпускникам православных духовных семинарий. Пополнялся русскими (по сложившейся в историографии традиции мы рассматриваем эту категорию как исповедно-национальную (высокая идентичность конфессиональных и национальных характеристик (русские – православные)) и контингент ВПИ – в 1912/1913 уч. г. их доля была равна 53 %. Год спустя доля русских в ИВУ составляла 74 % [12: 209].

Таблица 1

Доля (в абсолютных показателях и процентах) лиц в студенческих контингентах ИДУ (ИЮУ), ИУСвВ, ИВУ, получивших предварительное образование в каком-либо из учебных округов ЗО Российской империи (ДУО (РУО), КУО, ВилУО, ВаршУО) [31: 42 об.–43; 32: 72 об.–73; 33: 91–92; 34: 44–об. 45; 35: 22 об.–23; 36: 6 об.–7; 37: 149 об.–150; 38: 90 об.–91; 39: 133 об.–134; 40: 144 об.–145; 41: 132 об.–133; 42: 170 об.–171]

	ИДУ (ИЮУ)		ИУСвВ		ИВУ	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1886	1323	83	1432	78	1071	96
1892	1307	81	1635	75	956	88
1897	657	75	1862	70	871	87
1902	630	40	1858	70	1141	87

При подсчёте данных, представленных на рис. 1, не учтён Виленский учебный округ, который, повторим это, с 1832 г. не имел своего университетского центра (в 1832 г. ВилУО был расформирован, восстановлен в 1850 г.). На табл. 1 видно, что учёт ВилУО несколько меняет картину. В целом рассмотрение всех 4 учебных округов и 3 университетов ЗО показывает, что вплоть до начала XX в., а без учёта ИЮУ и вплоть до начала Первой мировой войны, он образовывал своего рода образовательный анклав – котел, в котором главным студенческим компонентом оставалось местное население. Но в этом аспекте даже Юрьевский университет не составлял радикального исключения: если к 1902 г. доля в его студенческом составе выходцев из РУО сократилась до 20 %, то, рассматривая учебные округа всех

30, она снизилась только до 40 %. И это уже не такой критический спад. В иной оптике (с фокусировкой на макрорегионе – западных окраинах) процесс «русификации» предстает несколько иначе.

Взятая по отдельным университетам разница в долях между данными на рис. 1 и табл. 1, позволяет сделать вывод, что внутренняя (между различными учебными округами) студенческая мобильность на западных окраинах была не велика; выпускники средней школы большей частью оставались внутри своего учебного округа. Что касается ИЮУ, то в 1902 г. основной приток внешних по отношению к 30 абитуриентов пришелся преимущественно на Московский (309 человек), С.-Петербургский (189), Харьковский (143) учебные округа. То есть менее половины всех студентов (40 %) приехали из русских регионов, к тому же не столь отдалённых от 30. Доля русских – православных в студенчестве ИЮУ в тот год составила 65 % (подсчитано по данным: [41: 133]). Сравним приведённые данные с показателями Рижского политехнического института – с 1895 по 1912 г. общая доля его студентов, «посещавших» предварительно средние учебные заведения в «Прибалтийском kraе» (так в источнике – это не выходит за обозначенные нами границы 30), составила 56 % [50: 723].

Киевский университет, в котором православное большинство студентов было нормой, кажется, выглядит исключением на этом фоне. Однако, повторим здесь ранее сказанное: ещё в начале 1830-х гг. этот университет наделялся неформальной национально-имперской миссией, схожей с теми, которые в дальнейшем не совсем успешно реализовывались в Варшавском и Юрьевском университетах. Малороссийский контингент, в значительной степени пополняемый выходцами из Киевского учебного округа, стablyно воспринимался как ветвь того, что принято называть большой русскойнацией. Однако в воспоминаниях В.И. Модестова, в 1869–1878 гг. преподававшего в ИУСвВ, перед нами предстает довольно мрачная картина внутренней жизни Киевского университета. И немалое значение здесь имели национальные мотивы: «В Киевском университете издавна сложились две партии, почти ничего общего не имеющие с партиями, какие в том или другом виде существуют во всех русских и нерусских университетах: немецкая и местная (иначе малороссийская, или украинофильтская). Названия эти не очень точны, ибо, с одной стороны, к немецкой партии всегда принадлежало немалое количество русских, а с другой – местная партия далеко не включает в себя всех членов местного рождения... Немецкая партия обязана своим началом значительному количеству профессоров немецкого происхождения, назначенным в университет ещё в период его основания... Местная, или малороссийская, партия обыкновенно небогатая ни умственны-

ми силами, ни дисциплиной своих членов, партия, принимающая по временам резко украинофильский характер, нередко в значительной степени поддерживается людьми, не имеющими никакой особенной связи с Киевом и ничего общего с украинофильством, но считающими необходимым пользоваться ее услугами, чтобы сдерживать влияние немецкой партии» [29: 64–65].

В ИУСвВ напряжённость, в т. ч. политическая, в преподавательской и студенческой среде, в целом характерная для всех университетов позднеимперской России, усиливалась присущей для западных окраин остротой национального и регионального вопросов. Громкие истории с закрытием Кирилло-Мефодиевского общества и Юго-Западного отдела РГО наглядно демонстрируют этот контекст. В 1887 г. департамент полиции МВД обратил внимание на то, что студенческие землячества Киевского университета в своей деятельности, «ничем не отличаясь по своей организации от тайных обществ, представляют среду, в которую весьма легко проникают революционеры» [24: 55]. По мере приближения к 1917 г. грань между политическим и национальным в активности киевского студенчества становилась всё менее четкой.

В 1897 г. в университетах западных окраин Российской империи на 100 тыс. местного населения (в рассматриваемых нами границах) приходилось 9,2 студентов местных университетов – выходцев из губерний западных учебных округов.

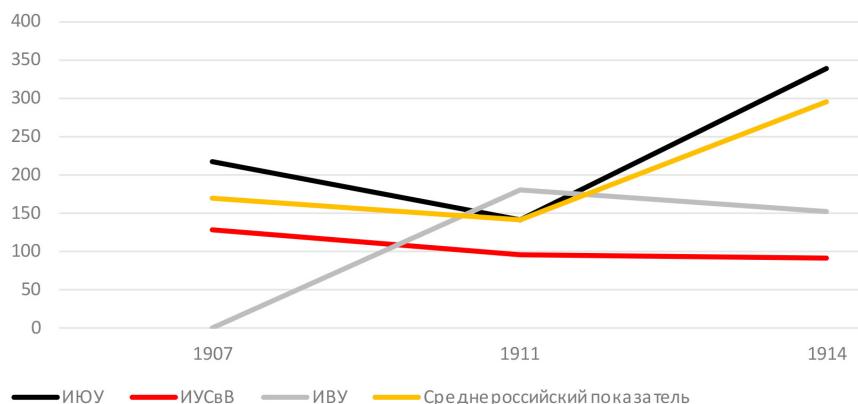

Рис. 2. Количество расходов из средств государственного казначейства (руб.), рассчитанное на одного студента (среднероссийский показатель и показатели по университетам 30) [26: 2, 3, 7, 20, 21, 23, 25, 32; 27: 2, 3, 7, 20, 23, 25, 32; 28: 3, 7, 20, 23, 25, 32]

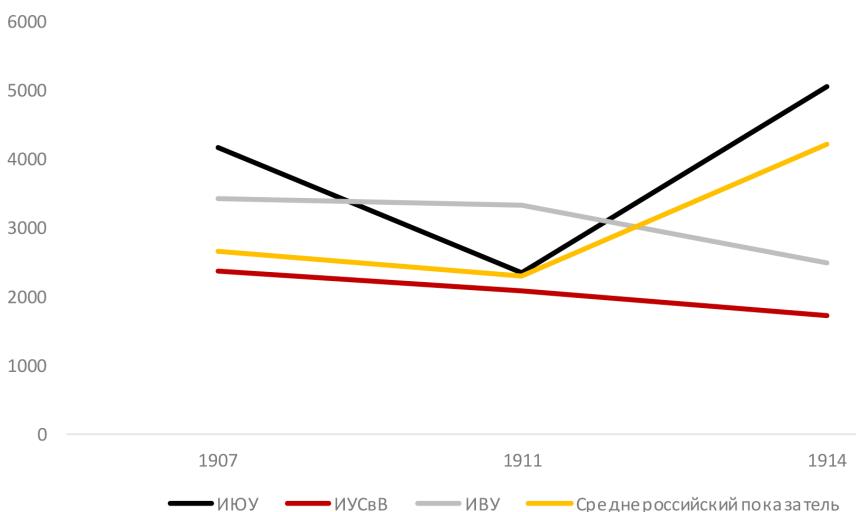

Рис. 3. Количество расходов из средств государственного казначейства (руб.), рассчитанное на одно лицо учебного персонала (среднероссийский показатель и показатели по университетам 30) [26: 2, 3, 7, 20, 21, 23, 25, 32; 27: 2, 3, 7, 20, 23, 25, 32; 28: 3, 7, 20, 23, 25, 32]

Среднероссийский показатель количества университетских студентов на 100 тыс. населения в тот год составлял 12,3 (подсчитано по данным: о количестве студентов императорских университетов на 1 января 1897 г. [25: 62]; о количестве населения обоего пола Российской империи на 28 января 1897 г. [20: 1]). В 1880 г. расходы на одного учащегося (общий объем расходов, поделенный на общее количество студентов) в ИДУ составили 232 руб., в ИУСВВ – 378, в ИВУ – 330. В пересчёте на одного преподавателя эти суммы соответственно были равны 3 693, 5 737, 3 583 при среднероссийском показателе (все университеты, подведомственные МНП) 385 (на одного студента) и 5 501 (на одного преподавателя) [46: 3].

Ещё с 1880-х гг. среди учёных циркулировали сведения об упадочном состоянии материально-технической базы ИДУ (ИЮУ) – обсерватория, ботанический сад долгое время не ремонтировались, коллекции и инструменты не пополнялись, медицинские институты уступали по своему качеству прочим русским университетам [8: 12–15]. Мы видим, что в 1880 г. средние расходы государственного казначейства на одного студента ИДУ уступали Варшавскому и Киевскому университетам (и в пересчёте на одного преподавателя уступали Киевскому университету, но совсем немного превосходи-

ли Варшавский). С 1907 по 1914 г. эти показатели в ИЮУ стабильно превышали или были на уровне среднероссийских, а Киевский и Варшавский университет и вовсе превосходили, за исключением 1911 г., когда ИВУ опережал ИЮУ, но во многом это было связано с изменением принципа набора студентов, о котором сказано выше (финансирование временно превосходило преподавательские ресурсы и опережало реальные возможности университета по набору преимущественно русских студентов). Так правительство, вероятно, компенсировало былье диспропорции. Не исключено, что определённые финансовые привилегии были обусловлены именно особо выраженной и даже декларированной национально-имперской миссией Юрьевского университета – для Варшавы и Киева эти миссии тогда стали уже рутиной.

В конце XIX – начале XX в. Варшавский и Дерптский (Юрьевский) университеты были местом, где многие учёные стремились получить профессорскую должность впервые, а затем по возможности перейти в другой университет. А.Ю. Андреев называет эти университеты (тип, выделенный по критерию академической мобильности) «отправными» [1: 86]. Таковыми же были Казанский и Томский университеты, но причины оттока здесь заметно отличались от ИВУ и ИДУ (ИЮУ), в которых именно «форпостный» характер вынуждал покидать эти края. Российским университетским интеллигентам зачастую претила миссия «крусификаторов», почетной эту роль они не находили. Что касается Киевского университета, то А.Ю. Андреев характеризует его как «пересадочный» – убывало приблизительно столько же, сколько и пребывало. Высокому оттоку способствовала непростая атмосфера, присущая региону и отражавшаяся на характере отношений в преподавательской среде. Тот же В.И. Модестов покинул ИУСвВ добровольно, не выдержав его повседневных реалий.

Накануне Первой мировой войны, во время которой эвакуационные мероприятия затронут почти все рассмотренные нами вузы, западные окраины в системе высшего образования империи (ИЮУ, ИУСвВ, ИВУ) – это 22 % всего учебного персонала, 27 % студенческого контингента (без учёта посторонних слушателей), 25 % средств государственного казначейских расходов всех подведомственных МНП императорских университетов России (подсчитано по: [28: 3, 7, 20]). По доле подведомственных МНП высших технических учебных заведений (РПИ) – это соответственно 20 %, 21 %, 6 % (подсчитано по: [28: 23, 25, 32]). Низкая доля расходов государственного казначейства на Рижский политехникум объяснялась тем, что этот вуз собирал заметно более высокие, в сравнении с прочими техническими вузами МНП, суммы от слушания за лекции; более высокими в нем были доходы от

хозяйственных учреждений, городские ассигнования – сказывалась то, что долгое время он существовал как частное учреждение, тесно связанное с местной региональной элитой. По доле подведомственных МТИП политехнических институтов 30 – это 38 %, 35 %, 43 % (подсчитано по: [7: VII, XII, XIII]).

Е.А. Правилова, исследуя финансовую политику Российской империи на национальных окраинах, отмечала, что, как и в некоторых европейских империях, российское правительство колебалось между вложениями в индустриальные очаги и нивелированием регионального экономического неравенства. Национальные соображения («польский», «финляндский», «остзейский» вопросы) играли здесь не последнюю роль [23: 367–371]. Западные окраины в научно-образовательной системе Российской империи – это культурный очаг, место наследия и преемственности со средневековыми университетами. В конце XIX в. С.Ю. Витте, во многом в ущерб регионам-аутсайдерам, создает новые по типу, самые современные и даже в некоторых аспектах опережавшие свое время политехнические институты, выбирая при этом не только Петербург, но и Киев и Варшаву. Западные окраины стали местом высокой концентрации университетов и политехнических институтов, зоной интенсивного культурного и технического роста, в которой модерн тесно переплетался с традицией. Правительство рассматривало местные высшие учебные учреждения (прежде всего университеты) с точки зрения не только науки, высшего образования и экономики, но и национального вопроса.

И Юрьевский, и Киевский, и Варшавский университеты в рассматриваемый период – это инструмент и ресурс для сглаживания национальных и региональных различий в космополитичном регионе, важном с geopolитической точки зрения. Университеты западных окраин – это механизм конструирования имперской идентичности, который так и не сработал эффективно. Больше того, в сложные политические моменты этот механизм парадоксально работал против изначально заданной цели. Поворот в сторону регионов-аутсайдеров в этом контексте был неизбежен, и он уже начался, заявив о себе открытием императорского университета в Саратове (1909), отделения Петроградского университета в Перми (1916). Все дальнейшие меры в развитии науки и высшего образования были бы направлены на Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, но реализовывать эту политику империя не успела.

«Форпостный» характер деятельности в некоторых аспектах был характерен не только для Юрьевского, но и Варшавского и Киевского университетов. Вся образовательная система региона, несмотря на смещение центра тяжести студенческой массы Юрьевского (Дерпт-

ского) университета от местных выходцев к полирегиональному контингенту, во многом была внутренне замкнутой, сосредоточенной на местных, а не имперских проблемах и контингентах. Это была в некотором роде страна внутри страны, что стало одной из предпосылок национальной мобилизации в этом регионе эпохи революции 1917 г. и Гражданской войны в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93. doi: 10.15382/sturII202097.68-93
2. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
3. Андреев А.Ю. Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 1. С. 19–43. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.102>
4. Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Instytut Europy ŚrodkowoWschodniej, 2014. 408 с.
5. Вересаев В.В. Собрание сочинений. Т. 5. Воспоминания. М.: Правда, 1961. 536 с.
6. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2 (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 640 с.
7. Высшие технические учебные заведения // Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1913–1914 уч. год. Петроград: Типография А.В. Орлова, 1916. С. I–XVI.
8. Двадцать пять лет в Прибалтийском крае. Вып. 1. Из воспоминаний старожила. Юрьев: Тип. Циркъ, 1916. 36 с.
9. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.
10. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М.: б.и., 1991. 392 с.
11. Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи XVIII – начале XX века: Избранные статьи. М.: Принципиум, 2019. 704 с.
12. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
13. История Вильнюсского университета, 1579–1979. Вильнюс: Мокслас, 1979. 373 с.

14. Каштанова О.С. Варшавский университет в системе высшего (университетского) образования Российской империи в первой трети XIX в. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 582–628. doi.: 10.23859/2587-8344-2022-6-2-6
15. Маурер Т. Русский Юрьевский университет и немецкий Страсбургский университет: утраченные форпосты // Университет и город в России (начало XX века). М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 703–760.
16. Менделеев Д.И. Сочинения. Т. XXIII. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1952. 386 с.
17. Мечников И.И. Страницы воспоминаний: сборник автобиографических статей. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 280 с.
18. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
19. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.
20. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. Т. I. СПб.: б.и., 1905. С. 1–268.
21. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1901-й год // Записки Императорского Харьковского университета. Х. 1902. Кн. 2. С. 1–149.
22. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.
23. Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 456 с.
24. Предписание департамента полиции киевскому губернатору об усилении наблюдения за деятельностью землячеств в университете. 22 февраля 1887 г. // Киевский университет: Документы и материалы, 1834–1984. Киев: «Вища школа», 1983. С. 55–56.
25. Приложения. Статистические ведомости // Извлечение из всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1896 г. СПб.: б.и., 1900. С. 1–159.
26. Приложение: Статистические ведомости // Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1906 г. СПб.: б.и., 1908. С. 1–251.
27. Приложение: Статистические ведомости // Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1910. СПб.: б.и., 1912. С. 1–251.
28. Приложение: Статистические ведомости // Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1913 г. Петроград: б.и., 1916. С. 2–251.
29. Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 416 с.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 203. Д. 1527.

31. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1935.
32. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1944.
33. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1948.
34. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2306.
35. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2316.
36. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2326.
37. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2333.
38. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2580.
39. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2585.
40. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2590.
41. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2595.
42. РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 38.
43. Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 533.
44. Скрябин К.И. Моя жизнь в науке. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 464 с.
45. Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань: б.и., 2020. 654 с.
46. Университеты и средние учебные заведения 50-ти губерний Европейской России и 10-ти Привислинских по переписи 20-го марта 1880 г. СПб.: б.и., 1888. 451 с.
47. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография И.А. Ефона, 1896. 636 с.
48. Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009. 696 с.
49. 1898 г., июня 19. Пояснительная записка архитектора И. Китнера к проекту здания КПИ // Из истории Киевского политехнического института: сборник документов и материалов. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1961. С. 14–16.
50. Album Academicum Рижского политехнического института. 1862–1912. Рига: Іонкъ и Поліевскій, 1912. 815 с.
51. Magocsi P.R. History of Ukraine. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1996. 784 p.
52. Thaden E.C. Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton: Princeton University Press, 1984. 278 p.

REFERENCES

1. Andreyev, A.Yu. (2009) *Rossiyskie universitety XVIII – pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy* [Russian Universities of the 18th – First Half of the 19th Century in the Context of European University History]. Moscow: Znak.
2. Andreyev, A.Yu. (2020) *Mobil'nost' professorov v universitetskoy sisteme Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX v.* [Mobility of Professors in the Univer-

sity System of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istorya. Istorya Russkoy Pravoslavnay Tserkvi.* 97. pp. 68–93. doi: 10.15382/sturl202097.68-93

3. Andreev, A.Yu. (2021) Statisticheskoe issledovanie universitetskoy professury v Rossiyskoy imperii [A Statistical Study of University Professors in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorya.* 66(1). pp. 19–43. doi: 10.21638/11701/spbu02.2021.102

4. Bazhenova, A.Yu. (2014) *Istoriki Imperatorskogo Varshavskogo universiteta 1869–1915: prosveshcheniye, nauka, politika* [Historians of the Imperial Warsaw University 1869–1915: Enlightenment, Science, Politics]. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.

5. Anon. (1916) *Dvadsat' pyat' let v Pribaltiyskom krae* [Twenty-Five Years in the Baltic Region]. Vol. 1. Yuryev: Tip. Tsirk.

6. Anon. (1896) *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya Rossii* [Factory and Plant Industry and Trade of Russia]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya I.A. Yefrona.

7. Frenkel, Z.G. (2009) *Zapiski i vospominaniya o proydennom zhiznennom puti* [Notes and Memoirs of a Life Lived]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

8. Anon. (1979) *Istoriya Vil'nyusskogo universiteta, 1579–1979* [History of Vilnius University, 1579–1979]. Vilnius: Mokslas.

9. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Higher Education in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: [s.n.]

10. Ivanov, A.E. (1999) *Studenchesvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba* [The Student Body of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: A Socio-Historical Fate]. Moscow: ROSSPEN.

11. Ivanov, A.E. (2019) *Vysshaya shkola Rossiyskoy imperii XVIII – nachale XX veka: Izbrannye stat'i* [The Higher School of the Russian Empire in the 18th – Early 20th Centuries: Selected Articles]. Moscow: Printsiipium.

12. Kashtanova, O.S. (2022) Varshavskiy universitet v sisteme vysshego (universitetskogo) obrazovaniya Rossiyskoy imperii v pervoy treti XIX v. [Warsaw University in the System of Higher (University) Education of the Russian Empire in the First Third of the 19th Century]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii.* 6(2). pp. 582–628. doi: 10.23859/2587-8344-2022-6-2-6

13. Magocsi, P.R. (1996) *History of Ukraine*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.

14. Maurer, T. (2009) Russkiy Yur'evskiy universitet i nemetskiy Strasburgskiy universitet: utrachennye forposty [The Russian Yuriev University and the German Strasbourg University: Lost Outposts]. In: *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [University and City in Russia (Early 20th Century)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 703–760.

15. Mendeleev, D.I. (1952) *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. Leningrad, Moscow: USSR AS.

16. Mechnikov, I.I. (1946) *Stranitsy vospominaniy: sbornik avtobiograficheskikh statey* [Pages of Memories: A Collection of Autobiographical Articles]. Moscow: USSR AS.
17. Miller, A.I. (2000) “*Ukrainskiy vopros*” v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [The “Ukrainian Question” in the Policy of the Authorities and Russian Public Opinion (Second Half of the 19th Century)]. St. Petersburg: Aleteyya.
18. Urushadze, A.T. (ed.) (2020) *Natsional’nye okrainy v politike Rossiyskoy imperii i russkoy obshchestvennoy mysli* [National Outskirts in the Policy of the Russian Empire and Russian Public Thought]. Rostov on Don: YuNTs RAS.
19. The Russian Empire. (1905) *Obshchii svod po imperii rezul’tatov razrabotki dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedyonnoy 28 yanvarya 1897 g.* [General Summary for the Empire of the Results of Processing Data from the First General Population Census, Conducted on January 28, 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–268.
20. Anon. (1902) *Otchet o sostoyanii i deyatel’nosti Imperatorskogo Khar’kovskogo universiteta za 1901-y god* [Report on the State and Activities of the Imperial Kharkov University for 1901] (1902). *Zapiski Imperatorskogo Khar’kovskogo universiteta*. 10(2). pp. 1–149.
21. Petrov, F.A. (2002) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [The Formation of the University Education System in Russia]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
22. Pravilova, E.A. (2006) *Finansy imperii: Den’gi i vlast’ v politike Rossii na natsional’nykh okrainakh, 1801–1917* [Finances of the Empire: Money and Power in Russia’s Policy on the National Outskirts, 1801–1917]. Moscow: Novoe izdatel’stvo.
23. Anon. (1983) Predpisaniye departamenta politsii kievskomu gubernatoru ob usilenii nablyudeniya za deyatel’nost’yu zemlyachestv v universitete. 22 fevralya 1887 g. [Instruction from the Police Department to the Kiev Governor on Strengthening Surveillance of the Activities of Student Associations in the University. February 22, 1887]. In: *Kievskiy universitet: Dokumenty i materialy, 1834–1984* [Kiev University: Documents and Materials, 1834–1984]. Kiev: Vishcha shkola. pp. 55–56.
24. The Russian Empire. (1900) *Prilozhenie. Statisticheskie vedomosti* [Appendix. Statistical Sheets]. In: *Izdechenie iz vsepoddaneyshego otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1896 g.* [Extract from the Humblest Report of the Minister of Public Education for 1896]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–159.
25. The Russian Empire. (1908) *Prilozhenie: Statisticheskie vedomosti* [Appendix: Statistical Sheets]. In: *Vsepoddaneyshiy otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1906 g.* [Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1906]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–251.

26. The Russian Empire. (1912) *Prilozhenie: Statisticheskie vedomosti [Appendix: Statistical Sheets]*. In: *Vsepoddaneyshiy otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1910* [Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1910]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–251.
27. The Russian Empire. (1916) *Prilozhenie: Statisticheskie vedomosti [Appendix: Statistical Sheets]*. In: *Vsepoddaneyshiy otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1913 g.* [Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1913]. Petrograd: [s.n.]. pp. 2–251.
28. Potapova, I.V. & Antoshchenko, A.V. (eds) (2014) *Professor V.I. Modestov. Vospominaniya, pis'ma* [Professor V.I. Modestov. Memoirs, Letters]. Moscow: Printsiiipum.
29. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 17. File 533.
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1527.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1935.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1944.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1948.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2306.
35. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2316.
36. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2326.
37. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2333.
38. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2580.
39. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2585.
40. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2590.
41. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2595.
42. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 204. File 38.
43. Kitner, I. (1961) 1898 г., iyuna 19. Poyasnitel'naya zapiska arkhitektora I. Kitnera k projektu zdaniya KPI [June 19, 1898. Explanatory Note by Architect I. Kitner to the KPI Building Project]. In: *Iz istorii Kievskogo politekhnicheskogo instituta: sbornik dokumentov i materialov* [From the History of the Kiev Polytechnic Institute: A Collection of Documents and Materials]. Kiev: Kiev University. pp. 14–16.
44. Riga Polytechnic Institute. (1912) *Album Academicum Rizhskogo politekhnicheskogo instituta. 1862–1912* [Academic Album of the Riga Polytechnic Institute. 1862–1912]. Riga: Ionk'i Poliyevskiy.
45. Skryabin, K.I. (1969) *Moya zhizn' v naуke* [My Life in Science]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
46. Spektorskiy, E.V. (2020) *Vospominaniya* [Memoirs]. Ryazan: [s.n.].
47. Thaden, E.C. (1984) *Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton: Princeton University Press.
48. The Russian Empire. (1888) *Universitety i srednie uchebnye zavedeniya 50-ti guberniy Evropeyskoy Rossii i 10-ti Privislinskikh po perepisi 20-go marta*

1880 g. [Universities and Secondary Educational Institutions of the 50 Provinces of European Russia and the 10 Vistula Provinces According to the Census of March 20, 1880]. St. Petersburg: [s.n.].

49. Veresaev, V.V. (1961) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Pravda.

50. The Russian Empire. (1916) Vysshie tekhnicheskie uchebnye zavedeniya [Higher Technical Educational Institutions]. In: *Statisticheskie svedeniya o sostoyanii uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh uchebnomu otdelu Ministerstva torgovli i promyshlennosti. 1913–1914 uch. god* [Statistical Information on the State of Educational Institutions Under the Jurisdiction of the Educational Department of the Ministry of Trade and Industry. 1913–1914 Academic Year]. Petrograd: A.V. Orlov. pp. I–XVI.

51. Dolbilov, M.D. (2007) *Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii* [The Western Outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

52. Witte, S.Yu. (1960) *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomiceskoy literatury.

Степнов Алексей Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (Россия).

Alexei O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (Россия).

Sergei A. Nekrylov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

УДК 81751

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/10

Четвертьсторочча Сполку русиньських писателів Словенська Кветослава Копорова

Пряшівська універзітета в Пряшові – Центр языков і культур народностных меньшин –
Інститут русиньского языка і культуры

Ул. 17 новембра, 1, 080 01, Пряшів, Словакія
E-mail: kvetoslava.koporova@unipo.sk

Авторське резюме

Стаття заміряна на обставини виникнення Сполку русиньських писателів на Словакії (2001), наслідно на активітет сполку в контексті плекання материнського языку Русинів посередництвом дукованого (нелем) умелецького слова в єго культівованій подобі. Курто приближиме ширший контекст розвою русиньської літератури (авторів, теми, жанри) за 25 років – од виникнення сполку. В статті також уводиме жірдла, де може бути знайдена інформація про менші знатні народні автори од часів Духновіча, котри публікували передовштиком народнобудітельську поезію в народній языку Русинів. Нашим головним ціллю є підчаркнути роботу культурно-сполоченських організацій (на прикладі Сполку русиньських писателів на Словакії), котра є жертвеннов, але часто недоціненов при годночіні виступів народно-обродного процесу будь-котрого народа без властной державы, одоказаного передовштиком на народнобудітельських активітетах обчаньських здружінь ці культурно-сполоченських організацій в державі, де дана мінорітета жые.

Ключовы слова: русиньский язык, литература писана по русиньски, новодобы русиньски авторы, перспектівы народностных сполків

Четверть века Ассоциации русинских писателей Словакии

Кветослава Копорова

Пряшевский университет – Центр языков и культур национальных меньшинств
Институт русинского языка и культуры
Ул. 17 ноября, 1, 080 01, Пряшев, Словакия
E-mail: kvetoslava.koporova@unipo.sk

Авторское резюме

Рассматриваются обстоятельства создания Ассоциации русинских писателей Словакии (2001 г.), а также деятельность Ассоциации в контексте развития родного языка русинов через печатное (и не только) художественное слово в его культивируемой форме. Показан более широкий контекст развития русинской литературы (авторы, темы, жанры) за 25 лет с момента создания Ассоциации. Представлены источники, в которых можно найти информацию о малоизвестных авторах времен Духновича, публиковавшие преимущественно националистическую поэзию на языке карпатских русинов. Подчеркивается деятельность культурных и общественных организаций (на примере Ассоциации русинских писателей Словакии), которая является жертвенной, но часто недооцененной при оценке результатов процесса национального возрождения любого народа, не имеющего собственного государства, зависящего, прежде всего, от нациестроительной деятельности общественных объединений или культурных и общественных организаций в государстве проживания данного меньшинства.

Ключевые слова: русинский язык, русинская литература, современные русинские авторы, перспективы национальных объединений

A quarter century of the Association of Rusin Writers of Slovakia

Kvetoslava Koporova

University of Presov – Center of Languages and Cultures of National Minorities –
The Institute of Rusin Language and Culture
Street 17 november n. 1, 080 01, Presov, Slovakia
E-mail: kvetoslava.koporova@unipo.sk

Abstract

This study examines the founding of the Association of Rusin Writers in Slovakia (2001) and analyzes the association's subsequent activities, particularly its role in fostering the Rusin language through literature and other published works in its standard form. It also situates the Association's work within the broader development of Rusin literature—including its authors, themes, and genres—over the past quarter-century. The research draws upon archival sources that shed light on lesser-known authors from the era of Alexander Duchnovič, who published nationalist poetry in the Carpathian Rusin language. A central aim is to highlight the dedicated, often undervalued work of cultural and social organizations—exemplified here by the Association of Rusin Writers of Slovakia. Such organizations play a crucial role in the

national revival of stateless peoples, whose nation-building efforts depend heavily on the initiatives of civic and cultural associations within their country of residence.

Keywords: Rusin language, literature written in Rusin, modern Rusin authors, perspectives of national associations

Вступні позначки

Процес третєго народного оброджіння Русинів (нелем на Словакії) по році 1989 од самих зачатків спроваджають жертвенни актівіти лідерів народно-воздородного руху, з яких дакотри були наслідно ініціаторами взнику розлічних сполків і організацій (такзваний третій сектор в державі). Уведжені сполки (першим з них була Русинська оброма, 1990, Меджілабірці, Словакія) на основі проектів мали (і донеділь мають) можливість здобувати од держави фінансії на свої актівіти, які суть важні при зміцнюванні народної ідентітету, шпеціально в припаді вимераючого (асімілюючого ся) народу. Потреба підпори з боку держави ся зродила ай у новодобых русинських писателів на Словакії і вела ід заложіню Сполку русинських писателів на Словакії (становы Сполку були зареєстрованы на Міністерстві внутра СР в половині року 2001). Заслугу на тім мали двоє репрезентанты русинської інтелігенції, манжеле Хомовы (літературознатель, високошкольський педагог доц. Василь Хома, к. н.; нар. 18.5.1927 – 22.4.2017, в Миковій окр. Меджілабірці і єго жена, лінгвістка, високошкольський педагог Др. Марія Хомова-Дупканічова; нар. 8.2.1932 – 16.2.2009 в Габурі, окр. Меджілабірці), Русини жуючі у Братіславі, які позітивно зареагували на сполученські зміни по році 1989 і стали ся ангажовати в русинськім русі. О зачатках обродного процесу з акцентаціёв на розвой русинської літературы выдав Василь Хома зборник статей о русинській літературі: «*Розвиток русинської поезії на Словенську од 20-х до 90-х років ХХ сторочі*» (2000), о літературі, культурі і діяльності русинських організацій по році 1989 (у співавторстві з Марієв Хомовов) вышов зборник «*Оброджіння Русинів*» (2005). Передовшыткым Василь Хома быв тот, який обернув позорность маєрітного літературного світа на Словакії на факт, же ту жують ай русинськими авторами які творять літературу нелем о Русинах, але ай русинським материнським языком: «Съме того погляду, же літературна творчость русинських поетів і писателів є на высокій художній уровни, о чім свідчить іх меджінародне узnanня....! в тій нелегкій ситуацii знають нелем орьентовати ся в сучаснім постмодернім світі, але вносять до нього своє художнє і научне познання. Познання, которое ся вклинує до сучасного світу як модерне русинське слово о жывоті Русинів, о їх надіях і стремлінях, же

жили і живуть тут в центральній Європі і на основі досягнутого не лем ся домагаме свого, але приспіваме своїм вкладом до сполочної дідовизни, до шырінія добра в нашім світі.» [7: 5–6].

Традіція і сучасність. Зачатки Споку русинських писателів Словенська

Треба припомнити, же літературна сфера є товсферов хоснованя материньского языка Русинів, котра ся розвивала од часів А. Духновіча аж по сучасност. Розвивала ся контінуално в розлічных історічных періодах. Народны поеты жили із своїм народом в часах політічно приязних і неприязных – в першім ряді через ёго язык, як і через темы ёму близкы і зрозумілы, і так забезпечили неперерывный розвой русиньской літературы аж до днешніх днів. Соціолінгвістка Анна Плішкова в зборнику русиньской поезії **«Муза спід Карпат. Зборник поезії Русинів на Словенську»** конштатує: «...были то зачатки выбудованя фундаментів новой русиньской літературы...» [6: 11], а мы додаєме: на которых мож было будовати дале. Духновічів сполок **Літературное заведеніе Пряшевское** (1850) быв первым свідомым почіном організачно підхопити родячій ся народно-усвідомлюючій процес меджі Русинами на Пряшівщині. Оръентовав ся передовшытким на публікачны актівіты. Выдавав Місяцёсловы, Алманахы, в которых так выник простор на публікованя творів народных поетів. Можеме конштатовати, же Духновічове Літературное заведеніе Пряшевськое стало ся якбы попередником сучасного **Споку русиньских писателів Словенська**, который зачав здружовати новодобых русиньских авторів, што під впливом кодіфікації русиньского языка (1995) іщи міцніше учули потребу писати у своїм – уже знормовані материнськім языку. В порівнаню з іншыма сполкамі і організаціями на історічній Пряшівщині, (што вznикали в бывшій Чехо-Словакії, наслідно на Словакії в 90-х роках, але найінтензівніше зачатком нового мілена), Споку русиньских писателів Словенська вшытки свої актівіты концентрує лем на роботу на полю русиньской літературы, акцент кладе на новодобых русиньских авторів, передовшытким актівізаціёв зачінаючіх авторів, пишучіх нелем о Русинах, але ай по русиньски. Таким зістало послана споку ай по 25-ёх роках ёго діятельства.

Выдавательськы актівіты і сучасны русиньскы авторы

На традіцію Духновічовых алманахів надвязав ай закладатель Споку русиньских писателів Словенська – Василь Хома. За куртый час по вzniku споку (в р. 2023) выдае першый першый **«Русиньский літе-**

ратурний алманах», який по першы раз по році 1989 дае простор на публіковања літературных творів і статей літературно-крітічного характеру. Першы алманах є уведженый статёў першаго председы сполку, теоретіка літературы доц. ПгДр. Василя Хомы, к. н.: «Як дале? Роздумы о судьбах русинской літературы.» Василь Хома практічно як першы в розвитку новодобой русинской літературы» поменавав народну оръєнтацію Русинів ай на літературнім полю: «*Выходжаме з будзительскай ініціятывы Духновіча, бо она перманентно зоставасть продуктивна для Русинів і в днешнім часі. Твердо ся надееме, же таков зостане і в будучности. I напрік тому, же суть боягузы, котры глядають чуджі оръєнтації. Наша оръєнтація ё лем ўдна. Така сама, яку выголосив Духновіч: Я Русин быў, ёсьмь і буду...* » [8: 6].

Першы (по році 1989) русинский літературный алманах нелем же надвязав на традиції алманахів Александра Духновіча, але выходить сімволічно ай в юбілейнім року Духновіча (в році 2003, коли минуло 200 років од ёго народжіння). Далши выданя алманахів выходили в роках: 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011; потім з доводу несхвалінія предложеных сполком проектів на выдаваня далыхіх чіслел алманахів, было їх выдаваня заставлене, што є велика шкода, бо в сучасности не є ниякой уціленой публікації, котра бы давала простор нелем русинским поетам і прозаікам, але ай теоретікам літературы, ці літературным крітікам, котры бы мали можность друковать свої рецензії, або научны статі венованы сучасній русинской літературі. Часточно туту роль повнить научный зборник *«Studium Carpatho-Ruthenorum/Штудії з карпаторусиністкы»*, выдавателём котрого є Пряшівска універзітэта, зборник готовіть Інстітут русинского языка і культуры ПУ у Пряшові. В нім ся кождорочно обявіть холем ёдна статя на тему сучасной русинской літературы.

А хто суть членове Сполку русинских писателіў? Наперед зробиме малу штатістіку, а наслідно зробиме курту характеристіку сучасных русинских авторів, котры наступили на літературну сцену по році 1989. В сучасности сполок мае 28 членів, 17 членів уж не є меджі наями (Михал Шмайда, Михал Павук, ПгДр. Марія Мальцовска, Мгр. Янко Гриб, доц. ПгДр. Василь Хома, к. н., Мгр. Осиф Кеселіця, доц. ПгДр. Мірон Сисак, к. н., Ярослав Сисак, ПгДр. Франтішек Данцак, ПгДр. Міколай Ксеняк, Мгр. Гаврил Бескид, Штефан Ладижінський, Мгр. Юрко Харитун, Мгр. Ян Калиняк. Членами сполку были ай двоми, уже небогы кодіфікаторы русинского языка на Словакії – доц. ПгДр. Василь Ябур, к. н. і доц. ПгДр. Юрій Панько, к. н.). В зачатках новодобой русинской літературы на Словакії на русинскую літературну сцену приходять авторы, котры перед роком 1989 писали по українски, а по кодіфікації перешли спонтанно на русинский язык. К ним можеме прирядити

таки мена як: Миколай Ксеняк, Штефан Сухый, Юрко Харитун, Анна Галчакова, Николай Гвозда, Михайло Гиряк, Марія Мальцовска, Марія Гірова, Меланія Германова і др. Далшу групу творять авторы, котры ся в часах соціалізму (в періоді українізації) одперали писати по українъски, радше творили своїм діалектом. Суть то повекшыні прости люде, котры не мають філологічну освіту, але обявив ся в них природны талент на писаня. Найвыразнішым з них є байкарь Осиф Кудзей, дале в сучасности може найпродуктівнішы авторы Гелена Гіцова-Міцовчінова і Штефан Смолей, з далых то были Юстина Матяшовска, Анна Галгашова, Марія Полчова, Еміл Цапцара, Михал Бицко і др. Курты харктерістікы (або поетічны творы) малознамых сучасных, (і тых уж нежывючіх минулых, малознамых) русинъских авторів находиме в «Музі спід Карпат. Зборнику поезії Русинів на Словенську» [6: 34–114], што выдала Русинъска оброда у Пряшові в р. 1996 (ту суть курты інформації і поетічны творы малознамых авторів ай з періоду перед Духновічом), але тыж в «Русинъскім народнім календарю», выдаваным Русинъсков обродов (2000–2004) і ОЗ Русин і Народны новинки (2005) в Пряшові в роках 2000–2005 [1: 94–99, 110–112, 154–155; 2: 71–73, 128–129, 141, 143–144, 167, 176–177; 3: 79–80, 89–93, 95–96; 4: 56–58, 72–75, 88–93; 5: 54, 103, 107, 109]. Є ту ай третя група авторів, котру приносить трете русинъске народне оброджіння. В періоді третього народного оброджіння выходять на літературну сцену ай новы, передовшыткым поеты (поступно і прозаікі), котрых якраз возродны процес Русинів і наслідна кодіфікація языка іншпіровали к писаню поетічного слова а тыж прозовых творів (Квета Мороховічова-Цвік, Івета Мелничакова, Ірена Гунярова, Мірослава Лацова, Світлана Шковранова, Миколай Коневал, Петро Женюх, Валерій Купка, Марта Купкова, Павел Янцуря, Петро Ялч, Петра Семанцёва, Мілан Гай, Людміла Шандалова, Мірослав Жолобаніч, Данієла Капралёва, Марія Шмайдова, Петро Медвідь, Марія Кундратова...). Уведжены авторы зачали поступно вступати до літературного світа по заложіню Сполку русинъских писателіў (хочь не вшытки суть членами сполку), бо в нім віділи надій і реальну можность выдавати свої літературны творы із фінанчнов підпоров штату, хочь многы з них до того часу (але і пізніше) выдавали свої творы ай з дарів спонзорів. Дакотры з них опубліковали лем пару своїх творів, або выдали лем ёден зборник поетічных ці прозовых творів і не продовжовали в далій творчости, но они суть доказом того, же народно-обродны процес по році 1989 захопив шырокы народны масы Русинів, нелем пару інтэлектуалів (як то твердзили дакотры нежычливці процесу кодіфікації русинъскаго языка в ёго зачатках, передовшыткым з рядів властных – Русинів українъской оръєнтації).

Так Сполок русиньських писателів давав простор на публікацію плеяди уж знамінних новодобих русиньських авторів, таких як Миколай Ксеняк, Штефан Сухий, Штефан Смолей, Гелена Гіцова-Міцовчінова, Юрко Харитун, Штефан Ладижинський, Квета Мороховічова-Цвик... нелем в літературних алманахах, але зачав давати простор таксамо на видавання самостатних поетичних або прозових творів єднотливих авторів.

Кедъ бы съме ся попозерали на зображені темы, окрем народнобудітельской поезії, русиньськи писателі выглядують і зображені у своїх творах ай темы з минулости нашых предків (войновы часы, дротарьство, народны ремесла), реагують на сучасны подїї в сполочности (а то нелем на подїї, дотыкаючі ся народной ідентіті), розобирають філозофічны вопросы, которы чоловік рішить у своїм жывоті... Темов дня зачінають быти і женьськы темы, которы приносять женьськы авторкы як старшой, так ай середнёй і молодой генерації, которы ся заедно стають ай членами Сполку русиньських писателів.

Ціна і премія А. Павловіча. Премія А. Духновіча

Жебы русиньських авторів іншпіровати до далшой роботы, в рамках Літературного фонду при міністерстві культуры СР суть найліпши літературны творы писаны русиньськым языком оцінёваны Цінов Александра Павловіча за русиньску літературу, а таксамо преміёв за найліпши переклады красной літературы до русиньского языка. Ай ту ся Василь Хома вказав як добрий візіонарь, бо ай тов ёго ініціятів ся потверив статус екзістенції міноріті Руцинів в рамках Літературного фонду СР, попри міноріті Українців на Словакії, которы уділёвали (а ай доднесъ уділюють) ціну Івана Франка за літературу містных авторів, пишучіх в українськім языку. Ціна А. Павловіча є уділёвана кажды два рокы. В рамках Ціны А. Павловіча Літературный фонд уділює ай премію, которая ся уділює на найліпший переклад із словацького до русиньского языка. Першу Премію А. Павловіча в році 2002 дістала Марія Мальцовска за прозову книжку «Русиньски арабески» (2002). Премія А. Павловіча є вязана на Сполок русиньських писателів на Словакії, который ведно з літературным фондом номінує одборну пороту на уділёвання той ціни (але оцінений не мусить быти членом сполку). Ціну уділює Літературный фонд в Словачькій республіці. Перегляд оцінених обидвома преміями мож найти на вебовім сайті Сполку русиньських писателів (www.rusinlit.sk), которая є заложена од року 2016. В році 2024 Ціну А. Павловіча здобыв Юрко Харитун за публікацію про найменших «Дякую, мамко! Зборник обсягує багатство русиньской дітьской фольклорной словености – колысанкы,

вінчованки, молитвочки, рахованки, загадки але і приповідкы ці пословіці. Другов оціненов была «Рождественна коляда», переклад світознамой класікі од Чарылса Дікенса, который выдало ОЗ молоды. Русины. Далшов інтереснов актівітос Сполку є Літературны конкурс Марії Мальцовской, который під тов наззов Сполок організує уже дванадцятый рік (Назва Літературный конкурс Марії Мальцовской была прията на членъскій громаді в році 2012 на честь вызначной русиньской прозаічки Марії Мальцовской, которая по тяжкій хвороті одышла до вічности в році 2010). Літературный конкурс обявив такы молоды таленты як поетку Леу Васькову, ці прозаічки Анну Замутовску і Моніку Даған. Їх першы літературны пробы суть зафіксованы на вебовім сайтѣ сполку.

Окрем того, сполок актівізує ай выдаваня научных публікацій з тематіков розвоя русиньской літературы. Найвызначнішов ё перша сінтетічна публікація автора Валерія Падяка: *«Нарис Історії карпаторусинської літературы XVI–XXI сторочча»*, которая вышла в році 2012. Сполок ся старать забезпечовати таксамо рецензіі на выданы публікації русиньских авторів красной літературы на Словакії, которы мож таксамо найти на вебовім сайтѣ сполку. За 15 років веджіня сполку авторка той статі здобылаrenomованых теоретіків літературы, которы регуларно пишуть рецензії ці научовы статі на найновшы творы русиньских авторів. Суть то: доц. Івана Сливкова-Джундова, ПгД., Dr. Михал Павліч, ПгД., проф. Петер Каша, ПгД., проф. Марта Соучкова, к. н., доц. Валерій Падяк, к. н., і дакотры далшы, которы перевзяли помыселну штафету по старших колегах: доц. ПгDr. Міронови Сисакови, к. н., доц. ПгDr. Василёви Хомови, к. н. і доц. ПгDr. Андріёви Антонякови, к. н.

В цілорусинськім контексті суть авторы пишучі о Русинах і по русиньски (дакотрым з варіантів русиньского языка в державах, где жыють) оцінёваны каждорочно Преміёв Александра Духновіча за русиньскую літературу. Зачала ся уділёвати од року 1997 і першым оціненым ся став автор із Сербії – Дюра Папгаргаі за зборник поэзії *«Путоване на юг»* (1991). Доведна (од р. 1997 до р. 2015) было уділеных 19 Премій А. Духновіча. В році 2015 ся уділеваня той престіжной премії перервало. Послідне меджінародне оцінінія – Премію А. Духновіча в році 2015 здобыла авторка із Словакії Людміла Шандалова за поезію про діти (писану двояков ґрафічнов сістемов – азбуков і транслітераціёв до латинкы): *«Podte d'ity, što vam povim.../Подьте діти, што вам повім...»*.

Од самого зачатку аж до року 2015 Премію А. Духновіча за русиньскую літературу уділёвав Карпаторусинський научный центр в США і фінансовав філандром Штефан Чепа з Торонта в Канаді. Премія

А.Духновіча є найвищим оцінінєм в рамках світової русинської літератури і може єй здобути автор пишучій о Русинах і по русинських з будькотрой держави, де живуть Русини (в Європі і мімоевропскім контексті), што було мотивуюче про новодобих русинських авторів. Тяжко прогнозувати, ці ся премія такого значення іщі обновить. Можеме ся лем додумовати, ці єй передаваня ся скончіло з фінансних прічин (мімо сошки карпатського медвідя оцінени діставали ай фінансну одміну – 1 000 америцьких доларів), або літературны силы русинських писателів суть на тот час вычерпани і не вказують ся новы таленты, котры бы могли быти оцінены таков вызначнов преміёв.

Заключіння

Красне писменство Русинів на Словакії по році 1989 зазначіло інтензівний розвиток што до чісла публікацій, і авторів. Лем самотный Сполок русинських писателів за 25 років свого єствованя (од р. 2001 до р. 2025) выдав доведна 34 публікацій умелецькой і одборно-популарной літературы, доведна з алманахами – 43 публікацій. Векшына публікацій выходить азбуков, но поєдны авторы выдають ай латиньсков графічнов сістемов, або двойграфічно. Выданя векшыны публікацій є підпорене фінансно передовшыткым Міністерством культуры СР (од р. 1992 до р. 2012), пізніше Урядом влады СР (од р. 2013 до р. 2017), од року 2018 Фондом на підпору культуры народностных меньшин під котрый перешли тоты компетенції. Дакоты авторы, як съме высше конштатовали, выдають свої публікації ай за властны фінанції, або самы ініціатівно глядають спонзорів на выданя книжкы в русиньскім языку. Котры з новодобых русинських авторів ся стануть популярным лем на куртый час, а которых творы пережыють і наступны ғенерації, то наісто вкаже час. В сучасности выходять переважно публікації старшой ғенерації авторів, а їх темы уж не приносять ніч нового русиньскому чітателёви. З новых авторів ся за уведженый час як найвыразніша вказала женьска авторка Людміла Шандалова із Свідника, позорность сі заслужить ай нове meno в русиньскім літературнім контексті – женьска авторка Даньела Капралёва із Стащіна («Серна в нераю», 2018). В році 2019 на літературну сцену вступили далшы дві новы авторкы, котры ся поступно етабловали в контексті новодобой русинської літературы – Елена Хомова-Грінёва, родачка із Удола (окр. Стара Любовня) і Марія Шмайдова з Потічок (окр. Стропков). Перша з авторок – Елена Хомова-Грінёва пише поезію про діти, народно-будітельску поезію і інтімну женьскую поезію. В році 2020 ёй выходить перша книжка інтімной поезії з назовом: «Уяцькыма дражками» (2020). В подобнім духу выходять ёй далшы поетічны зборники

(«Любов сердця», 2024; «Высоко небо», 2023 і др.). Марія Шмайдова ся увела прозовыма повідкami про діти. В році 2020 ей выходить перша книжка куртых пригод про дітьського читателя молодшого школьского віку: «У дідка на дворі» (2020). Наслідно видала далшы дзвiни книжкы про діти («Максовы новы чiжемкы», 2021; «Лід диков грушков», 2023).

В кождім припаді можеме сконштатовати, же попри публіцiстiчнiй сферi в умелецькiй лiтературi ся русиньский норматiвный языок од ёго кодiфiкацiї в роцi 1995 розвiвать найпрудшим темпом, о чiм свiдчiть якраз велике множество выданых публiкацiй (хочь о умелецькiй уровни многих мож бы было дiскутовати), а то нелем Сполком русиньских писателiв. Публiкацiї красной, але ай одборно-популарной лiтературы выдают (або в минулости выдавали) ай iншы сполкы, або обчаньски здрожiня, взникнувшi на терiторii Словакiї по роцi 1990. З них найвыразнiшы актiвiты у выдавательской роботi належать слiдуючiм: Русиньска оброда, Русин i Народны новинкы, Академiя русиньской культуры, Свiтовый конгрес Русинiв, пiзнiше ОЗ тата агентура, Колысочка – Kolíska, а найновшe ся до выдавательских актiвiт запoїла молода генерацiя, здрожена в ОЗ молоды.Русины. Вшyткым їм належить наше подякованя, бо без їх жертвенности бы народно-обродный процес Русинiв наистo мав лем незначны выслiдкы. А Сполку русиньских писателiв на Словакiї з нагоды 25-рочного юбileя жычiме много сил до далшых рокiв творивой роботы на благо своего народа.

ЛІТЕРАТУРА

1. Зозуляк А. Русиньский народный календарь на рiк 2001. Пряшiв: Русиньска оброда, 2000. 248 с.
2. Зозуляк А. Русиньский народный календарь на рiк 2002. Пряшiв: Русиньска оброда, 2000. 184 с.
3. Зозуляк А. Русиньский народный календарь на рiк 2003. Пряшiв: Русиньска оброда, 2002. 128 с.
4. Зозуляк А. Русиньский народный календарь на рiк 2004. Пряшiв: Русиньска оброда, 2003. 136 с.
5. Зозуляк А. Русиньский народный календарь на рiк 2005. Пряшiв: Русин i Народны новинкы, 2004. 127 с.
6. Плiшкова А. Музi спiд Карпат // Зборник поезiї Русинiв на Словенiйску. Пряшiв: Русиньска оброда, 1996. 168 с.
7. Хома В., Хомова М. Оброджiня Русинiв // Зборник статей о лiтературi, культурi i дiятельствi русиньских органiзацiй по роцi 1989. Братiслава, 2005. 224 с.
8. Хома В. Русиньский лiтературный алманах на рiк 2003. Пряшiв: Сполок русиньских писателiв, 2003. 147 с.

REFERENCES

1. Zozulyak, A. (2000a) *Rusin'skyy narodnyy kalendar' na rik 2001* [Rusin Folk Calendar for the Year 2001]. Prešov: Rusin'ska obroda.
2. Zozulyak, A. (2000b) *Rusin'skyy narodnyy kalendar' na rik 2002* [Rusin Folk Calendar for the Year 2002]. Prešov: Rusin'ska obroda.
3. Zozulyak, A. (2002) *Rusin'skyy narodnyy kalendar' na rik 2003* [Rusin Folk Calendar for the Year 2003]. Prešov: Rusin'ska obroda.
4. Zozulyak, A. (2003) *Rusin'skyy narodnyy kalendar' na rik 2004* [Rusin Folk Calendar for the Year 2004]. Prešov: Rusin'ska obroda.
5. Zozulyak, A. (2004) *Rusin'skyy narodnyy kalendar' na rik 2005* [Rusin Folk Calendar for the Year 2005]. Prešov: Rusin i Narodny novinky.
6. Plishkova, A. (1996) Muza spid Karpat [The Muse from under the Carpathians]. In: *Zbornik poeziyi Rusiniv na Slovens'ku* [Collection of Poetry of Rusins in Slovakia]. Prešov: Rusin'ska obroda. pp. 168.
7. Khoma, V. & Khomova, M. (2005) Obrodzhinya Rusiniv [The Revival of the Rusins]. In: *Zbornik statey o literaturi, kul'turi i diyatel'stvi rusin'skykh organizatsiy po rotsi 1989* [Collection of Articles on the Literature, Culture and Activities of Rusyn Organizations after 1989]. Bratislava: [s.n.]. pp. 224.
8. Khoma, V. (2003) *Rusin'skyy literaturnyy al'manakh na rik 2003* [Rusin Literary Almanac for the Year 2003]. Prešov: Spolok rusin'skykh pisateliv.

Кветослава Копорова – філозофії доктор (PhD.), універзітетний доцент, Пряшівська універзітет – Центр языков і культур народностных меньшин – Інститут русиньского языка и культуры (Словакія).

Кветослава Копорова – доктор философии (PhD.), доцент Пряшевского университета – Центра языков и культур национальных меньшинств Института русинского языка и культуры (Словакия).

Kvetoslava Koporova – University of Preshov (Slovakia).

E-mail: kvetoslava.koporova@unipo.sk

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/11

Структурное единство и этнокультурное своеобразие русской и алтайской сказки: анализ на основе применения генеративных моделей*

З.И. Резанова¹, А.И. Дударева², Р.А. Коновалов³,
Е.А. Трифонова⁴

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: dudareva-anastasiya@mail.ru

³ E-mail: roman.konovalov.092001@gmail.com

⁴ E-mail: trifonovalizaveta@gmail.com

Авторское резюме

Представлен опыт применения междисциплинарной методологии для выявления общинности и своеобразия фольклорных сказочных текстов – алтайских и русских. В работе метод филологического структурного анализа текстов дополняется использованием генеративных моделей, позволяющих соотнести инвариантность глубинных структур и вариативность поверхностных реализаций русских и алтайских сказок. Реализованный в работе методологический синтез соответствует одному из наиболее актуальных направлений в развитии гуманитарных наук в настоящее время – определению вариантов и границ использования технологий искусственного интеллекта при решении социально значимых гуманитарных проблем. К числу таких проблем, нуждающихся в разработке, по нашему мнению, относится и проблема общности и различия культур, контактирующих в пространствах многоэтничной Российской Федерации. Понимая многоаспектность и сложность проблемы, мы считаем продуктивным обращение при постановке и решении данной проблемы к материалам фольклорных текстов, так как фольклор, будучи результатом многовекового коллективного творчества, аккумулирует и транслирует уникальные черты культуры, в которой он зародился и развивался, и в то же время,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта 2.3.1.25 ИГ «Мифология Горного Алтая: создание чат-бота для генерации алтайских мифов и легенд с использованием технологий искусственного интеллекта».

как было доказано в трудах великих филологов и этнологов XX в. В. Проппа, К. Леви-Страсса и их последователей, обнаруживает поразительное сходство на глубинном уровне, что указывает на общие черты человеческого опыта. Цель данной работы двунаправлена: опираясь на методологию анализа структур волшебных сказок В.П. Проппа, мы проводим сравнение глубинных и поверхностных структур алтайских и русских сказок и тестируем использование технологий генерации текста в качестве аналитического инструмента, дополняющего собственно филологические методы. Была использована большая языковая модель (YandexGPT 5 Lite) для задачи генерации русских и алтайских сказок на основе использования структурных элементов волшебной сказки, выявленных В. Проппом. Манипуляции промптами, начиная с базовых «Сгенерируй русскую народную сказку» / «Сгенерируй алтайскую народную сказку», их усложнение за счёт включения формализмов В. Проппа и этнокультурно специфичных элементов поверхностной структуры сказочного текста, позволило, с одной стороны, получить сгенерированные тексты, максимально близкие эталонам, с другой – выявить инвариантные элементы сказок и разновневые маркеры культурной специфики, вплоть до атрибутов героев, языкового воплощения сказочных формул и т.д.

Ключевые слова: алтайская сказка, русская сказка, морфология волшебной сказки, В. Пропп, этнокультурная специфика, генеративные модели

Structural unity and ethnocultural distinctness of Russian and Altai fairy tales: An analysis based on the application of generative models*

Zoya I. Rezanova¹, Anastasiya I. Dudareva²,
Roman A. Konovalov³, Elizaveta A. Trifonova⁴

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: dudareva-anastasiya@mail.ru

³ E-mail: roman.konovalov.092001@gmail.com

⁴ E-mail: trifonovalizaveta@gmail.com

* The article was supported by Grant 2.3.1.25 "Mythology of the Altai Mountains: Creating a Chatbot for Generating Altai Myths and Legends Using Artificial Intelligence Technologies".

Abstract

This article employs an interdisciplinary approach to examine both the commonalities and distinctive features of Altai and Russian fairy tales. It combines a method of philological structural analysis, aimed at revealing the invariant deep structures of narrative texts, with the application of generative models, which for the correlation between the invariance of deep structures and the variability of their surface realizations within the two fairy-tale traditions. The implemented methodological synthesis aligns with a pertinent contemporary direction in humanities research: defining the applications and limitations of artificial intelligence in addressing socially significant scholarly problems. One such problem is assessing the degree of cultural commonality and difference among communities interacting within the multiethnic space of the Russian Federation. Given the complexity of this issue, we argue that folklore offers a particularly productive lens for its examination. As the product of centuries of collective creativity, folklore both accumulates unique cultural characteristics and transmits them across generations. Simultaneously, as demonstrated by scholars such as Vladimir Propp, Claude Lévi-Strauss, and their successors, folklore exhibits profound structural similarities at a deep level, pointing to universal patterns of human imagination and experience. Consequently, this study has a dual aim. First, by employing Propp's methodology for analyzing the structures of magic tales, it compares the deep and surface structures of Altai and Russian fairy tales. Second, it tests the utility of text-generation technologies as an analytical tool to complement traditional philological methods. A large language model (YandexGPT 5 Lite) was used to generate Russian and Altai fairy tales based on structural elements identified by Propp. Through prompt manipulations – beginning with basic instructions like "Generate a Russian fairy tale"/ "Generate an Altai fairy tale" and progressively incorporating Propp's formal structures and ethnoculturally specific surface elements – the study achieved two outcomes. It generated texts that closely approximate canonical fairy tales, and it facilitated the identification of both invariant narrative elements and multi-level markers of cultural specificity. These markers include character attributes, the linguistic realization of fairy-tale formulas, and other culturally embedded features.

Keywords: Altai folk tale, Russian fairy tale, morphology of the magic tale, V. Propp, ethnocultural specificity, generative models

Введение. Постановка проблемы

Современные технологии автоматической обработки естественного языка, направленные в первую очередь на решение прикладных задач, являются своеобразными маркерами степени теоретической и эмпирической проработанности лингвистических концепций.

Так как эти технологии основываются прежде всего на математическом моделировании языковой формы и семантики, результаты их разработки могут интерпретироваться как эмпирические доказательства возможности формализации и алгоритмизации языковой онтологии и как показатели степени разработанности теоретических языковых постулатов, эффективности их применимости к анализу текстов.

Технологии автоматической обработки естественного языка на начальных этапах своего развития основывались на базовых идеях лингвистического структурализма о двустороннем характере языковых единиц, о том, что за бесконечным многообразием текстов лежит конечный набор инвариантных элементов и типовых моделей их комбинаций, а также моделей перехода от глубинных инвариантных структур к варьированию текстов.

Огромное влияние на формирование структурного подхода к моделированию нарратива оказала работа В. Проппа «Морфология волшебной сказки» [9]. В. Пропп предложил рассматривать сказку как систему функций (31 функция и 7 ролей персонажей), т. е. устойчивых элементов повествования, которые следуют в определённой последовательности и образуют инвариантную глубинную структуру сюжета. Эта идея продуктивно применялась в исследованиях возможности генерации художественных текстов, так как позволяла представить повествование в виде алгоритма, где каждая функция выполняет роль шага программы.

Однако уже в своей работе В. Пропп отмечал, что его морфология не охватывает всего богатства сказки: за пределами структурного анализа остаются стиль, характеристика персонажей, эмоциональные и культурные оттенки повествования. Именно эти аспекты впоследствии стали центральными проблемами для систем автоматической генерации художественных текстов.

История применения идей В. Проппа при решении задач генерации сказок прошла несколько этапов, начиная от попыток выстраивать системы, основываясь практически полностью на разработанной структуре, до заимствования скорее общих идей теории. В качестве наиболее значимых на первом этапе отметим системы автоматической генерации сказок, использующих его морфологию как структурный шаблон. К этому типу работ относём логико-сценарные генераторы TALE-SPIN [4] и Universe [3], а также приложения Story Maps [2] и ProtoPropp [5], позволяющие пользователям конструировать сказки на основе последовательностей пропповских функций, т. е. использовать онтологическую модель функций Проппа для автоматического построения сюжетов. В дальнейшем П. Гервас [1] предложил

рассматривать морфологию Проппа как своего рода «грамматику повествования», на основе которой можно автоматически порождать связные нарративы. Развитие этой линии в эпоху нейросетевых технологий представлено работами Р. Перес-Переса и М. Шарплеса [6], где пропповская структура используется как «скелет» повествования, на который насливается языковая реализация, создаваемая большими языковыми моделями (LLM). Эти исследования демонстрируют устойчивость морфологии Проппа как концептуальной основы моделирования нарратива: независимо от используемой технологии, именно система функций и ролей остаётся универсальным каркасом для создания связных и осмыслиенных сказок.

В данной статье решаются частные задачи в рамках этой общей теоретической установки. Мы используем технологию применения генеративных моделей для выявления инварианта глубинных структур и вариативных поверхностных реализаций русских и алтайских сказок в сочетании с апробированной филологической методикой анализа глубинной структуры и вариантов ее поверхностной презентации В. Проппа. Применение системы В. Проппа позволяет выявить структурные элементы текстов, принадлежащих разным культурам, их общность и различие. Направленность и степень глубинных структурных и поверхностных текстовых пересечений каждый раз применительно к новым парам текстов не является заведомо известной и должна реконструироваться, что и было предпринято нами. Однако мы полагаем, что практика использования схемы В. Проппа для автоматической генерации сказочных историй может быть использована в качестве инструментария анализа художественной структуры текста. Данная гипотеза проверяется в последовательном применении филологических методов анализа и задач генерации текста с использованием большой языковой модели и сравнении полученных результатов.

Методы и материалы

Как было отмечено, работа выполнялась с использованием междисциплинарной методологии, сочетающей технологии искусственного интеллекта и филологический анализ текста, ограничивающейся подходом, основанным на структурной схеме В. Проппа. Так как морфологическая структура русских сказок уже была проинтерпретирована В. Проппом, этот метод нами был применен только к текстам алтайских сказок. Источниками текстов послужили сборники алтайских народных сказок «Алтайские народные сказки» (составитель Т.М. Садалова) [7] и «Алтайские народные сказки» (составитель М.А. Демчинова) [8]. Всего было размечено и проанализировано

24 сказки из данных сборников объемом 44 306 слов.

Из спектра технологий искусственного интеллекта для решения поставленной задачи было выбрано применение большой языковой модели – YandexGPT 5 Lite, разработанной компанией «Яндекс». Данная модель обучена преимущественно на русскоязычных датасетах, поэтому мы предположили, что модель может обеспечить достаточный уровень точности в воспроизведении структурно-языковых и стилистических особенностей не только русского фольклора, но и фольклора других народов, переведенных на русский язык, отразив эпитеты, устойчивые выражения и сказочные клише, необходимые для генерации нарративов, близких к аутентичным. Кроме того, модель поддерживает возможность дообучения (fine-tuning), что дает возможность адаптировать её под морфологическую схему В. Проппа и учсть этнокультурные особенности алтайского фольклора, обеспечивая генерацию текстов с сохранением структурного и стилистического единства. Модель интегрирована в Yandex Cloud и имеет открытый API, что упрощает её использование в исследованиях.

Конкретные процедуры филологического анализа и анализа с помощью LLM были применены таким образом, чтобы на каждом последующем этапе учитывались положительные результаты и недостатки предыдущих и разрабатывались пути их совершенствования.

На первом, подготовительном, этапе для модели были сформулированы базовые промпты «Сгенерируй русскую народную сказку» / «Сгенерируй алтайскую народную сказку», на основе которых были получены первые варианты текстов, которые были проверены на соответствие эталонам – текстам русских и алтайских сказок.

На втором этапе выявленные элементы несоответствия сгенерированных текстов русских и алтайских сказок, прежде всего недостаточное отражение спектра сказочных функций персонажей и их атрибутов, текстовых композиционных особенностей сказок и др., явились основанием для совершенствования промпта. Улучшение промпта для генерации русской сказки непосредственно базировалось на формализме Проппа: введены маркеры базовых функций и ролей персонажей.

Подготовка нового промпта для генерации алтайских сказок включала решение важной дополнительной задачи – проведение разметки текстов алтайских сказок в соответствии с выделенными В. Проппом структурными элементами как основы включения культурно специфичных элементов в генерируемый текст.

Таким образом, на втором этапе были созданы расширенные варианты промптов, включающие основные структурные элементы сказки в соответствии с формализмами Проппа и их отражением в сво-

еобразной этнокультурно специфичной поверхностной структурой текстов аутентичных алтайских и русских сказок. Сгенерированные моделью тексты вновь были проверены на соответствие структурным и поэтико-стилистическим особенностям эталонов – оригинальных сказок.

Сравнение выявило недостаточность в отражении этнокультурно обусловленных стилистических особенностей, вследствие чего понадобился дополнительный этап дообучения модели непосредственно на русскоязычных переводах текстах алтайских сказок.

На последнем этапе мы сравнили тексты алтайских сказок, созданные в результате дообучения модели, тексты русских сказок, сгенерированные с применением промпта, построенного на основании применения формализмов Проппа с эталонными вариантами – текстами русских и русскоязычными переводами алтайских сказок. Сравнительный анализ позволил дополнить сформированное на предыдущих этапах представление о составе и содержании как инвариантных элементов, как и тех, которые составляются своеобразие сказок двух культур, русской и алтайской.

Далее охарактеризуем выделенные этапы содержательно.

Этапы анализа и их результаты

Применение базовых промптов при решении собственно генеративной задачи интерпретировалось нами как подготовительный этап, на котором была проверена способность большой языковой модели генерировать тексты в заданном жанре на русском языке, в своих истоках принадлежащие разным этнокультурам, и одновременно генерация моделью текста была проинтерпретирована как аналитическая в своей основе процедура, результатом действия которой стало выделение базовых элементов сказок.

Как показал анализ сгенерированных в результате применения первого варианта промпта, тексты в целом соответствовали общей структуре сказочного нарратива, включала базовые этапы. Приведем примеры из сгенерированных русских (РС) и алтайских (АС) сказок: **отправка** – однажды пошла Любава в лес за ягодами... (РС) или утром девушка решила отправиться на поиски этого цветка... (АС), **вредительство** – завидно стало мачехиной дочери, да так, что не выдержала: столкнула она сводную сестру в глубокое болото... (РС) или мальчик узнал, что злой дух начал насышать на людей несчастья... (АС), **борьба** – встал он на ноги и начал бой... (РС) или собрав последние силы, юноша ударил чудовище... (АС); **победа** – освободил Михаил народ от тьмы... (РС) или пало злое, и рассеялась тьма над землями... (АС).

Взгляд же на полученный результат в аспекте диагностики общ-

ности и различия двух этнокультурных вариантов сказочных текстов позволил нам сделать вывод о составе наиболее значимых и регулярно воспроизводимых / контекстно независимых структурных элементов и степени их совпадения в русских и алтайских сказках.

При этом отмеченные в сгенерированных текстах несоответствия эталонам в составе круга действующих лиц, недостаточное разнообразие функциональности и атрибутивности персонажей, сказочных формульных элементов давали основание предполагать, что эти элементы являются менее устойчивыми в составе оригинальных сказок и для их актуализации модель нуждается в предъявлении усовершенствованного промпта, что было предпринято на втором этапе.

В промпте для генерации русских сказок были актуализированы элементы структурной модели, основанной на морфологии В. Проппа, задан устойчивый композиционный каркас, характерный для русской волшебной сказки: «Сгенерируй оригинальную сказку, следуя структуре В.Я. Проппа. В сказке должны быть чётко выражены функции, например: отправка героя в путь, испытание дарителя, получение волшебного предмета, борьба с антагонистом и торжественная развязка и т. д. Структура сказочного текста должна быть следующей: исходная ситуация (описание мира, представление героя), основной конфликт (нарушение запрета или вредительство), путешествие героя (отправка героя, сложные испытания, встреча с помощником, получение волшебного предмета), кульминация (решение сложной задачи или борьба с вредителем), развязка (награда героя, восстановление справедливости)».

Наряду с композиционной детализацией, промпт дополнен требованиями к языковому оформлению, например, «текст должен быть оформлен в виде полноценного связного повествования с классическим вступлением (например, “в некотором царстве, в некотором государстве...”». Также была конкретизирована стилистика текста: «стилистика – русский народный сказочный стиль с использованием эпитетов, фразеологизмов и сказочных формул».

Как было отмечено, использование промпта для генерации русских сказок применительно к алтайским требовало его адаптации к другой культурной традиции. С этой целью была произведена ручная разметка текстов алтайских сказок, позволившая выявить степень соотнесённости нарративных сегментов алтайской сказки со структурными компонентами из морфологической схемы В. Проппа.

Результаты показали, что русские и алтайские сказки совпадают по всем функциям действующих лиц, выделенных В. Проппом, однако можно говорить о различиях в вариативности каждой функции: так, например, функция вредительства встречается в обоих сказочных

текстах, но варианты «угроза насильственным супружеством» или «объявление войны» в алтайской традиции не представлены. Кроме этого, персонажи в алтайских сказках, подобно русским, выступают не столько как индивидуализированные субъекты, сколько как носители определённых функций, соответствующих типологии героя, выявленной В. Проппом.

Проведенный анализ выявил, что набор действий персонажей обнаруживает выраженный параллелизм между русской и алтайской сказочными традициями. В алтайском фольклоре функции, традиционно приписываемые царю и царевне, выполняются ханами, роль антагониста в русских сказках исполняют Кошкой, Черномор или Баба-Яга, тогда как в алтайских сказках аналогичные функции выполняют Дельбекен, Албын, Караты-Хан и др.

Категория помощников в русских сказках представлена образами волка, старика, девицы, белочки, а в алтайских – собаки, коня, козла, старика, жены и других персонажей. Отметим при этом, что номинация действующих лиц является ключевым отличительным признаком, поскольку он заключает в себе характеристику персонажа, манифестируя его сущностные черты, прежде всего характер (например, антагонист Караты-Хан в буквальном переводе означает Злоумышленник-хан, герой Тектемей – Простак, т. е. простой, но имеющий большой внутренний потенциал человек; в роли дарителя может выступать Темдеш – букв. Пытающий, т. е. сказочный персонаж, который выступает в роли испытателя главных героев).

Общими элементами структуры сказок являются также сказочные начальные, медиальные и конечные формулы, которые служат маркерами традиционных структурных ограничений сказочного жанра, одновременно демонстрируя вариативность стилистических особенностей. При отмеченном структурном совпадении мы обнаружили, что в русской сказочной традиции временные формулы чаще всего ограничиваются устойчивым выражением *жили-были*, которое создает эффект временной неопределенности. В алтайских же сказках преобладают формулы типа *давным-давно* или *раньше на Алтае*, акцентирующие временную удалённость повествования. При этом следует отметить, что указанные формулы могут встречаться в текстах обеих традиций, что свидетельствует об их частичной взаимопроникаемости.

Особое внимание заслуживают начальные топографические формулы, которые демонстрируют заметные различия. В русских народных сказках место действия характеризуется неопределенностью и условной удалённостью, что выражается через формулы типа *в некотором царстве, за тридевять земель – в тридевятом государстве*.

стве жили-были. Напротив, алтайские сказки тяготеют к указанию конкретной географической локализации, например, *раньше на Алтае или в прежние века, когда сидящих здесь нас не было, в ранние века, когда нынешних поколений не было, на нашем прекрасном Алтае*. Эта особенность подчёркивает различия в способах конструирования повествовательного пространства в двух традициях.

Финальные формулы сказок реализуются в двух вариантах: формулы, связанные с судьбой героев, и формулы, завершающие повествование сказки в целом.

В русской сказочной традиции финальные формулы часто характеризуются синонимическими повторами, такими как *стали жить-поживать или стали жить да быть*. В отличие от русских, алтайские сказки демонстрируют значительное разнообразие финальных формул. Они могут быть близки к русским по структуре, например, *стали жить хорошо или дальше все в мире-покое стали жить, либо иметь этиологический характер, связанный с содержанием сказки, например: с тех пор человек перестал понимать язык животных, говорят или победу одержал Башпарат*.

Формулы, акцентирующие момент окончания рассказывания, очень похожи в двух традициях, например, в русской традиции *и сказка вся, вот и сказке конец*, в алтайской – *сказка кончилась, конец*. При этом следует отметить, что в алтайских сказках подобные формулы применяются значительно реже.

Текстологический анализ алтайских сказок позволил усовершенствовать ранее разработанный промпт: в исходном промпте были произведены лексические замены единиц, содержащих лемму *русский*, на эквиваленты с леммой *алтайский*, что обеспечило соответствие культурным и содержательным особенностям алтайского фольклора. Запрос кнейросети стал содержать примеры начальных формул – *В прежние времена на Алтае... или Тысячи лет тому назад на Алтае, имен персонажей – Антагонистом может быть злой и нечестный хан (Караты-Хан, Кара-Хан, Карапдай-Хан и пр.) или мифическое существо (чудовище Дельбекен, людоедка Албын и др.), указание следовать стилистике алтайской народной сказки – Стилистика – алтайский народный сказочный стиль*.

Из всего спектра выявленных различий, которые составляют этнокультурное разнообразие сказок, нами были взяты следующие элементы: номинация персонажей, соответствующая народности, формулы описания местности – в алтайских сказках они существенно отличаются от традиционных для русских сказок. В последних описание чаще всего сосредоточено на лесах и водоёмах, тогда как в алтайских повествованиях значительное место занимает описание

гор, например: «У подножия тенистой черной горы», «Горы принарядились по-весеннему» и др. Такие топографические маркеры отражают особенности природной среды Алтая. Различается и языковое воплощение атрибутов персонажей, т. е. жилища и предметов быта, например, в русских сказках часто встречается *дом, землянка, дворец, а в алтайских – айл или юрта.*

В результате генерированные тексты стали значительно более связными и жанрово достоверными: повествования приобрели логическую завершенность, а композиция – соответствие каноническим образцам фольклора.

Внесение изменений в усовершенствованный промпт для генерации алтайской сказки позволило добиться также включения имён персонажей, соответствующих традициям алтайской культуры: *Алтын, Кара-Хан, Азынчак* и др., а также привело к изменению топографии повествования с уточнением, что события разворачиваются на территории Алтая: *В прежние времена, когда горы Алтая были ещё выше или в прежние времена на Алтае*, однако значительная часть поэтико-стилистических особенностей, характерных для алтайского фольклора, не была воспроизведена, например, алтайский текст часто содержит слова-маркеры *говорят или оказывается* и междометия: *Э-э, М-м, А-а*, которые служат показателями устного происхождения повествования и придают ему эффект живой, непосредственной речи, также не были воспроизведены медиальные и конечные формулы, например, формулы повторов или движения – *Большие-большие горы переваливали, большие-большие реки перешли или по их незаметным следам шла, оставляя незаметные следы, по их глубоким следам шла, оставляя глубокие следы*, формулы описания персонажей и их атрибутов – *Караты-Хан золотой стол свой придвигает, яства ставит, густую еду накладывает, кородьон свой наливает* и др. Сопоставительный анализ аутентичных и генерированных текстов на этом этапе показал, что генерированные тексты можно анализировать с точки зрения структуры, фрагментарно для выявления культурных различий, но для более углубленного культурологического анализа этого недостаточно.

С целью преодоления выявленных ограничений было принято решение дообучить модель с использованием презентативной выборки из десяти текстов алтайских сказок «Собака, человек, волк», «Девочки и дельбеген», «Щённая собака», «Дъелбеген и ёскюс-уул», «Ырасту», «Санаа-Мерген», «Старик и Дъелбеген», «Башпарак», «Три брата», «Албын и молодая женщина» из названных выше сборников [7; 8]. Критерием отбора послужило наличие в текстах устойчивых сказочных формул и персонажей, являющихся маркерами алтайской

фольклорной традиции, а также относительно небольшой объём (до 2 000 слов).

В результате проведённого дообучения языковая модель продемонстрировала способность генерировать тексты, успешно воспроизводящие характерные поэтико-стилевые особенности алтайского сказочного канона. Наиболее наглядно это проявляется при сравнительном анализе сказочных формул. Если до процедуры дообучения модель продуцировала общерусские клише, такие как *жили-были* или *алтайский зачин* (предложенный в промпте) *в прежние времена на Алтае*, то после нее она стала использовать стилистически маркированные варианты: *в давние века, оказывается... а человек на своей земле спокойно стал жить, говорят.* Наряду с этим в тексте часто появляются маркеры живой речи: междометия Э-э или А-а, а также конструкции *с оказывается и говорят.* Кроме этого, модель воспроизвела формулы описания персонажей: *«Раньше на Алтае жила семиголовая Дъельбеген, у неё одна голова смеётся, одна голова плачет, одна голова поёт, одна голова спит, одна голова сторожит, одна голова видит насквозь, одна голова умеет варить»* и формулы, описывающие материальное состояние: *У человека по имени Алтын было много скота. Много разного скота у него было. Скот его ходил по лугам,* – в этой же формуле видим стилистическую особенность алтайского текста – параллелизм. После дообучения также изменилось обозначение жилища: в текстах стало чаще всего встречаться название традиционного национального жилища алтайцев – *юрта* или *аил:* *Баызак скликал весь дикий скот, привёл его к аилю.*

Заключение

Проверка гипотезы о том, что практика использования схемы структурного анализа текста сказок В. Проппа для автоматической генерации сказочных историй может быть использована в качестве инструментария анализа художественной структуры сказочного нарратива, на наш взгляд, подтвердилась: были выявлены и возможности, и ограничения данного метода. Анализ показал, что в сгенерированных текстах алтайских сказок на основе базового промпта наблюдаются лишь отдельные культурно специфичные фрагменты, но регулярно воспроизводятся общие сказочные функциональные компоненты и формулы, охарактеризованные В. Проппом как универсальные. Выявление культурно специфичных элементов алтайской сказки с использованием методологии В. Проппа и введение их в новый промпт позволило получить тексты, значительно более близкие к эталонам – аутентичным сказкам. И в то же время при анализе сгенерированных текстов была обнаружена лакунарность в отражении

нии собственно текстовых особенностей (формульных элементов, специфичных сказочных клише и под.).

При этом в задачах генерации текста сказки большая языковая модель «уловила» сразу структурные особенности, построив тексты, структурно соответствующие эталонам сказки на основе базового промпта. На наш взгляд, это свидетельствует, с одной стороны, о первичности данного параметра сказок, с другой – о единстве на этом уровне сказочных нарративов, принадлежащих разным культурам. Большая языковая модель оказалась способной уловить разноуровневые маркеры культурной специфики, вплоть до атрибутов героев, языкового воплощения сказочных формул и т.д., однако этот результат был получен не только на основе включения в моделирование промптов культурно специфичных маркеров формализмов Проппа, но и в результате дообучения модели на аутентичных текстах алтайских сказок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gervás P. Propp's Morphology of the Folk Tale as a Grammar for Generation // Workshop on Computational Models of Narrative. Proc. of the Open Access Series in Informatics (OASIcs). Hamburg, August 4–6, 2013. Hamburg, 2013. P. 106–122. doi: 10.4230/OASIcs.CMN.2013.106
2. Hammond S.P. Children's story authoring with Propp's morphology: PhD Doctor of Philosophy. Edinburgh, 2011. 364 p.
3. Lebowitz M. Story-telling as planning and learning // Poetics. 1985. Vol. 14, № 6. P. 483–502. doi: 10.1016/0304-422X(85)90015-4
4. Meehan J.R. TALE-SPIN, An Interactive Program that Writes Stories // International Joint Conferences on Artificial Intelligence. Proc. of the Fifth International Joint Conference on Artificial Intelligence. Cambridge, August 22–25, 1977. Cambridge, 1977. P. 91–98.
5. Peinado F., Gervás P., Díaz-Agudo B. A description logic ontology for fairy tale generation // The Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation. Procs. of the Workshop on Language Resources for Linguistic Creativity, LREC. Lisbon, May 26–28, 2004. Lisbon. 2004. Vol. 4. P. 56–61.
6. Pérez y Pérez R., Sharples M. MEXICA: A computer model of a cognitive account of creative writing // Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence. 2001. Vol. 2, № 13. P. 119–139. doi: 10.1080/09528130010029820
7. Алтайские народные сказки / сост. Т.М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 21. 455 с.
8. Алтайские народные сказки / сост. М.А. Демчинова. Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтайстики им. С.С. Суразакова, 2016. 352 с.

9. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 147 с.

REFERENCES

1. Gervás, P. (2013) Propp's Morphology of the Folk Tale as a Grammar for Generation. *Workshop on Computational Models of Narrative*. Proc. of the Open Access Series in Informatics (OASIcs). Hamburg, August 4–6, 2013. Hamburg. pp. 106–122. doi: 10.4230/OASIcs.CMN.2013.106
2. Hammond, S.P. (2011) *Children's Story Authoring with Propp's Morphology*. PhD Doctor of Philosophy Diss. Edinburgh.
3. Lebowitz, M. (1985) Story-telling as planning and learning. *Poetics*. 14(6). pp. 483–502. doi: 10.1016/0304-422X(85)90015-4
4. Meehan, J.R. (1977) TALE-SPIN, An Interactive Program that Writes Stories. *International Joint Conferences on Artificial Intelligence*. Proc. of the Fifth International Joint Conference on Artificial Intelligence. Cambridge, August 22–25, 1977. Cambridge. pp. 91–98.
5. Peinado, F., Gervás, P. & Díaz-Agudo, B. (2004). A description logic ontology for fairy tale generation. *The Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation*. Proc. of the Workshop on Language Resources for Linguistic Creativity, LREC. Lisbon, May 26–28, 2004. Vol. 4. pp. 56–61.
6. Pérez y Pérez, R. & Sharples, M. (2001) MEXICA: A computer model of a cognitive account of creative writing. *Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence*. 2(13). pp. 119–139. doi: 10.1080/09528130010029820
7. Sadalova, T.M. (ed.) (2002) *Altayskie narodnye skazki* [Altay Folk Tales]. Vol. 21. Novosibirsk: Nauka.
8. Demchonova, M.A. (ed.) (2016) *Altayskie narodnye skazki* [Altay Folk Tales]. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Institute of Altaistics.
9. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Moscow: Labirint.

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Дударева Анастасия Игоревна – младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Anastasiya I. Dudareva – Tomsk State University (Russia).

E-mail: dudareva-anastasiya@mail.ru

Коновалов Роман Алексеевич – младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Roman A. Konovalov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: roman.konovalov.092001@gmail.com

Трифонова Елизавета Александровна – младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Elizaveta A. Trifonova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: trifonovalizaveta@gmail.com

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/12

Историко-культурная и лингвистическая биография льна (к вопросу о междисциплинарности исследования)

Л.П. Дронова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: lpdronova@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается история изучения одного из славянских и европейских «*Kulturwörter*» – слова лён (*linum*), известного с доисторических времен, начиная с крито-микенских, древнегреческих текстов. Лингвисты после более чем столетнего внимания к происхождению этого слова (известного только в европейских языках), приходят к выводу, с одной стороны, что это слово большой (до)исторической глубины происхождения (возможно, «ностратического» периода), с другой стороны, делают вывод об исконном именовании льна в европейских языках, объясняют *lino- как производное от *lei-/ *li- 'лить' и связывают это с процедурой предварительного вымачивания стеблей льна. Приводимая сторонниками этой точки зрения типологическая параллель с др.-инд. *itma-* 'лен' и лат. *imēre* 'быть влажным' не получила поддержки индо-иранистов. Междисциплинарный подход с привлечением данных истории расселения в Европе индоевропейцев, исторических связей европейцев со Средиземноморьем, фактов археологии, истории по развитию земледелия и ремесла, способов получения прядильного материала позволяет дать иную интерпретацию европейского обозначения льна. Предположение С.А. Старостина о том, что именование культуры льна могло быть индоевропейско-северокавказской изоглоссой, подтверждается выводами Н.И. Вавилова и его последователей, обобщающих данные по вопросу распространения земледелия в Европе: основной набор культурных растений сложился из элементов переднеазиатской культурной флоры (включая лён) в Средней и Северной Европе и на Восточноевропейской равнине. В свою очередь, колхидацкий стелющийся лён является родоначальным типом для всех других форм культурного льна, распространенных в Закавказье и вообще в Передней Азии.

Ключевые слова: междисциплинарность, методология сравнительно-исторического языкоznания, лингвистическая биография льна, историко-культурная биография льна

The historical-cultural and linguistic biography of flax (on the problem of interdisciplinary research)

Lyubov P. Dronova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: lpdrnova@mail.ru

Abstract

This article examines the history of research into one of the Slavic and European Kulturwörter—the word лён (flax, Linum), attested from prehistoric times, beginning with Cretan-Mycenaean and Ancient Greek texts. After more than a century of etymological study, linguists generally concur that, on the one hand, this term possesses considerable (pre)historical depth, potentially extending to the Nostratic period. On the other hand, they have advanced a hypothesis regarding its primary meaning in European languages, interpreting *lino- as a derivative of *lei-//*li- ('to pour'), thus linking it to the process of retting flax stems. A typological parallel, proposed by proponents of this view, between ancient Indian umā- ('flax') and Latin umēre ('to be wet') has not gained support among specialists in Indo-Iranian studies. An interdisciplinary approach, drawing on data concerning the history of Indo-European settlement in Europe, historical connections between European peoples and the Mediterranean, archaeological evidence, the development of arable farming, textile crafts, and methods of fiber extraction, allows for an alternative interpretation of the European term for flax. The hypothesis put forward by Sergey A. Starostin, suggesting that the designation of the flax plant may constitute an Indo-European–North Caucasian isogloss, finds confirmation in the work of Nikolay I. Vavilov and his followers. Their synthesis of data on the expansion of agriculture in Europe indicates that the primary assemblage of cultivated plants was formed from elements of the West Asian cultivated flora, which included flax. Moreover, both in Central/Northern Europe and on the East European Plain, Colchian flax is considered the ancestral form from which all other cultivated varieties in Transcaucasia and Western Asia descended.

Keywords: interdisciplinarity, methodology of comparative-historical linguistics, linguistic biography of flax, historical and cultural biography of flax

Введение

Признание значимости междисциплинарных исследований – теоретически бесспорное – на практическом уровне, в частности, в историко-лингвистических исследованиях не привело к широкому применению этого подхода. Как редкое исключение можно назвать обобщающую работу В.В. Седова «Славяне: Историко-археологическое исследование» (2002), где неоднократно даются ссылки на совпадение или несовпадения данных историко-археологических с наблюдениями и выводами лингвистов (прежде всего ссылки на «Этногенез и культура славян: лингвистические исследования» О.Н. Трубачёва (2002)) [3]. Рассмотрим один яркий пример необходимости междисциплинарного подхода как межнаучного сотрудничества: речь идет о давней истории изучения одного из славянских и европейских «*Kulturwörter*» – слова *лён* (*linum*). Об этом растении и его культурной значимости известный лингвист В.Н. Топоров писал: «Можно с уверенностью сказать, что ни одно из культурных растений в северном и северо-восточном ареале Европы не может сравниться с льном в отношении той роли, которую он играет в “вегетативной” мифологии, во-первых, специально в схеме умирающего и воскресающего бога или духа растительной силы, во-вторых, и в сюжете “основного” мифа, в-третьих. В этом смысле материально-духовный комплекс в балтийских, славянских, германских традициях отражает результаты переработки отдаленных во времени и в пространстве идей и образов древней Средиземноморской цивилизации и синтеза “чужого” и “своего”, поисков местных эквивалентов и аналогий вегетативным символам иных, более ярких в этом отношении культурных зон» [7: 282].

История и проблемность темы именования льна с точки зрения лингвистов

Известность и значимость культуры льна давно привлекали внимание лингвистов, историков культуры к его общему обозначению в Европе с древнейших времен, ведущему историю еще с крито-минойских текстов. Три с половиной тысячи лет этого имени сделали его для историков, культурологов важным свидетельством расселения и связей древнеевропейцев, а для лингвистов это стало задачей понять и объяснить обозначение растения как лингво-культурного феномена в аспекте его происхождения, начальной семантики и того, с каким этапом культуры индоевропейцев (древнеевропейцев) оно связано.

Обзор работ и мнений их авторов обобщен и приведен при анализе происхождения слова *лён* О.Н. Трубачёвым [10: 90] и В.Н. То-

поровым в 1990 г. [7: 289–309]. Из этого обзора следует, что многие исследователи допускают возможность как исконного родства всех форм, так и их заимствования из общего источника – «культурное заимствование» (М. Фасмер, В. Георгиев, Г. Хирт и др.). Например, в известной работе об индоевропейцах и их языке Вяч.Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе взгляд на происхождение слова лён соотносится с гипотезой авторов о переднеазиатской прародине индоевропейцев: «Культура льна с глубокой древности известна в Египте, где лён выращивали уже в неолите Фаюма и Бадари. <...> Не исключено, что культурные формы льна и в Египет пришли из Западной Азии. Характерно, что уже достаточно рано египетские виды “льна” стали отличаться от западноазиатских. Судя по диалектному распространению слова для льна (греческий, балто-славянский, латинский, а, возможно, также кельтский и албанский), форму *lino- следует считать древним индоевропейским образованием, отразившимся в большинстве индоевропейских диалектов в значении “лен”, “полотно”, “льняная нить”» [1: 660]. Отсюда следует вывод: само растение западноазиатского происхождения, скорее всего, а его имя собственно индоевропейское.

О.Н. Трубачёв, подводя итоги многочисленных лингвистических исследований историко-этимологического характера по обозначению древнейшего прядильного растения и возвращаясь к старой идеи А. Фика, также делает вывод об исконном именовании льна в европейских языках: «*lino- объясняется как причастие страд. прош.вр. от *lei-/ *li- ‘лить’. Ср. также праслав. *льпъ с блр. диал. лайнó ‘отходы при обработке льна’» [10: 90]. В.Н. Топоров оценивает это этимологическое решение как «наиболее перспективное, хотя и с оттенком “народно-этимологического” подхода», и, ссылаясь на указывающую историческую глубину именования льна индоевропейско-северокавказскую лексическую изоглоссу, выделенную С.А. Старостиным (1984), предлагает еще одну реконструкцию, возводящую обозначение льна к «ностратическому» горизонту (ностр. *lejna ‘мягкий’, ‘слабый’, отраженное в семито-хамитских, индоевропейских и уральских языках), замечая при этом, что «сама связь «размочить» → «размягчить» не вызывает сомнения» [7: 269–270]. В связи с этим выводом следует заметить, что предположение, данное с точки зрения лингвистики, вызывает сомнение с точки зрения истории реалии: ведь вымачивание стеблей – это уже поздний, «культурный», подход к получению волокна из ставших мягкими стеблей (ср. название населённого пункта Мочище около Новосибирска). Размягчение стеблей льна (как и конопли, крапивы) происходило и происходит естественным путем, когда они остаются под осенними дождями и зимой под снегом. Также нет свидетельств или косвенных доказательств изготовления пряжи,

ткани из растительного волокна применительно к уровню ностратики.

Позднее, в 1998 г., С.А. Старостин публикует более подробное изложение индоевропейско-северокавказской изоглоссы именования льна на фоне других языковых свидетельств добавлканской истории праиндоевропейцев в Передней Азии, где отмечает, что обозначение семени, зерна и льна в правосточнокавказском «надежно этимологизируется как производное от глагола *?V-ΛVwn-‘сеять’, давшим арч. Λwīn-, лезг. fin ‘семя’, крыз. xīn ‘лён’ и др. (с латеральным спирантом Λ) [5: 327]. Определяемая в таком случае внутренняя форма имени льна вполне согласуется с тем, что лён на практике использовался и используется до сих пор и как масличное растение, и как прядильное для получения ткани. Ср. еще предположение С.Л. Николаева о том, что хет. līti- ‘маслянистое растительное вещество’ и др.-греч. λίς (лит- с ί-долгим) ‘льняная ткань (полотно, холст)’ являются северокавказскими заимствованиями [2: 65, 70].

Пример с именованием льна согласуется с глубокой, добавлканской, историей основного земледельческого термина индоевропейцев: о существовании земледелия у индоевропейцев свидетельствуют данные, начиная с хеттских текстов, ср. хет. ḥarš-‘обрабатывать землю под посев’, лат. arāge, argum ‘пашня’, тох. A, В āre ‘плуг’, слав. *orati ‘пахать’ и др. (<и.-е. *Har- ‘обрабатывать землю’) [11: 108–110], но в семантике однокорневых образований (с начальным долгим гласным) – лит. árti ‘пахать’, огē ‘пахота’, іš óго ‘извне, снаружи’, лит. óras, лтш. aрс ‘простор; открытое место’, лат. ārea ‘свободное место; ток’, др.-инд. āge ‘вдали’ (< *праи.-е. āg(H)o- ‘простор’) – сохранились следы доземледельческой истории индоевропейцев, и они сопоставимы с прасев.-кавказ. ?āg(H) V-‘поле, равнина’ (лак. ag ‘равнина’, чеч., инг. āge ‘пол; равнина, степь’) [5: 313].

К сожалению, материалы о доевропейской истории льна не были замечены славистами-этимологами и через четверть века – без обращения к истории растения и учета его «биографии», начиная с крито-микенских текстов, – опять видим возвращение к прежней версии О.Н. Трубачёва–В.Н. Топорова о происхождении и.-е. *lino- с добавлением еще белорусских примеров и предполагаемой модели номинации: «...блр. лайно ‘одежда, бельё’, лайнана ‘один предмет одежды’, лоскут’ можно связать с лайно ‘отходы при обработке льна’, если лайно (2) относится к гнезду *liti- как ‘волокно, льняное полотно’ (и.-е. *lino-). Развитие значения: (растительное волокно) → ткань → изделие из этой ткани → изделие из любой ткани» [9: 548–554].

Высказывалась еще одна гипотеза о возможном именовании льна по его цветкам («...и.-е. *li-по может быть образованием от и.-е. *(s) lī- ‘голубоватый’ (ср. слива). Лён мог быть назван по его голубоватым

цветкам» [8: 475]. Но эта версия в дальнейшем не получила поддержки.

И еще о типологии. В работах О.Н. Трубачёва и В.Н. Топорова приводится ссылка на типологическую параллель к гипотезе *lei-/*li- 'литъ' → *lino- 'лён': др.-инд. *imā-* 'лён' // лат. *imēre* 'быть влажным' // лит. *žemait. imas* 'сырой, свежий, непросохший' [7: 270; 10: 90]. Но эта гипотеза опровергается специалистами по индоарийским языкам. И.М. Стеблин-Каменский, обобщая информацию о памирском названии льна отечественных и зарубежных ученых, пишет: «Чрезвычайно интересное слово для обозначения льна представлено в мунджанском языке: мдж. *yūmáya/ yūmagā*, йид. *i'mogo* 'лён'. Это название льна может быть сближено только с верш. *human*, бур. *hūmpl* 'льняное семя'. Из числа более отдаленных сородичей следует привести др.-инд. *imā-* (и *kṣumā-*) 'лён', которые считаются словами иностранного происхождения» [6: 56]. И он добавляет, ссылаясь на ряд источников, что др.-инд. *imā-* (и *kṣumā-*) 'лён' через иранские языки попало в китайский язык и что китайцы смешивали кунжут и лён из-за сходства применения масла семян этих растений в медицине и называли их «иранской коноплей»; в свою очередь, это слово из китайского попало в тюркские языки (кит. *hu-ma-* 'лён' → тюрк. *qıma* 'льняное масло', монг. *xıma* 'кунжут', япон. *goma* 'кунжут') [6: 56]. То есть типологическая параллель к предполагаемой связи понятий «литъ», «мокрый» и «лён» не состоялась. Вымачивание стеблей льна – это собственно следование природной подсказке: стебли льна (крапивы, конопли), пролежавшие осень, зиму под дождем и снегом (естественное мочище), проходят ту самую первичную стадию подготовки к добыванию из них волокна. Это делает признак вымачивания стеблей не столь актуальным для первичной номинации.

История и проблемность темы именования льна с точки зрения историков, археологов, историков культуры

Обратимся к истории самой реалии, к исторической географии культурных растений в изложении Е.Н. Синской, ученицы Н.И. Вавилова [4], учитывающей в своей работе и данные археологии, истории культуры. В Передней Азии расположен один из трех мировых первичных очагов культурного льна, где имело место независимое вхождение в культуру: первый очаг – Индия, второй – Юго-Западная Азия, Афганистан и прилегающая к ним горная Индия, третий – Передняя Азия – Колхида. Наиболее древней реликтовой формой переднеазиатских льнов является озимый, склонный к пространности лён, который сохранился в культуре в Малой Азии и кое-где в Закавказье. Колхидский стелющийся лён является родоначальным типом

для всех других форм культурного льна, распространенных в Закавказье и вообще в Передней Азии. Геродот сообщает, что колхидское полотно называлось у эллинов сардинским, но так как колхидский лён попадал в Грецию через малоазиатские Сарды, то, вероятно, мог получить название «сардинский» ошибочно вместо «сардский» [4: 56].

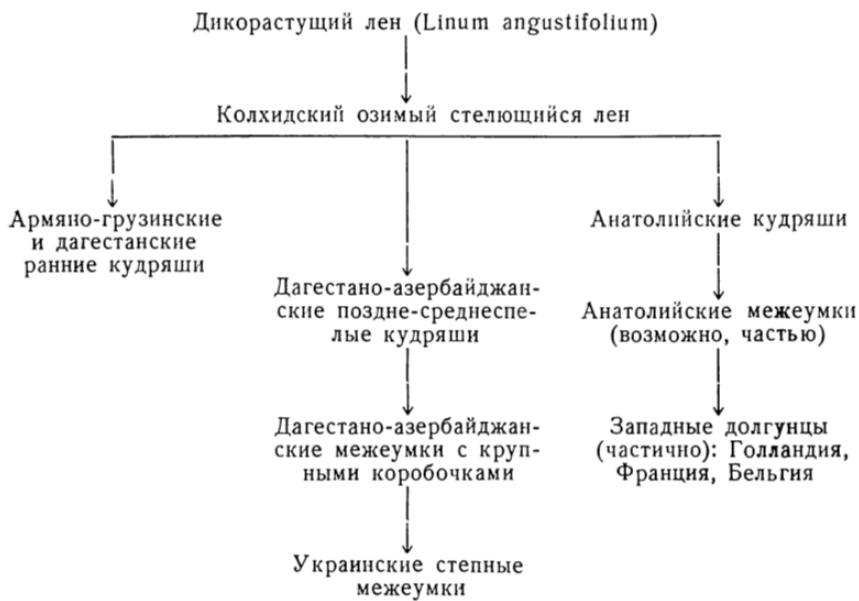
В настоящее время совершенно особый лён имеет островное распространение. Наиболее значительные площади под его посевами обнаружены в Малой Азии, недавно его можно было встретить в окрестностях Ленкорани, и теперь еще он, хотя и очень редко, высевается в Мегрелии. Небольшие посевы этого льна имеются в Баварии. Разорванные ареал уже указывает, что этот лён – древнее, некогда широко распространенное, а теперь реликтовое культурное растение. Подтверждением широкого распространения этого льна в древности служит открытие его в неолитических свайных постройках Швейцарии. И в неолитический период в Швейцарии этот лён был прядильным растением (были найдены не только семена, стебли и коробочки семян, но и обугленные остатки еды, приготовленной из семян льна, обрывки ниток, верёвок, сетей и тканей из льняного волокна) [4: 111–112].

«Интересны этнографические данные, что у местного населения в тех глухих уголках Закавказья, где еще сохранилась его культура, отношение к этому льну особое. Он считается священным растением, возделывается отдельно, большей частью на огородах, и хранится особо. Об этом говорят старики, которые, впрочем, очень неохотно сообщают сведения о нем. Очевидно, он и теперь сохранил скорее ритуальное, чем хозяйственное значение. Вероятно, этот лён, как и другие культурные растения, лишь позднее стал использоваться как прядильное растение, но в народных преданиях до сих пор сохранилась память о первоначальной цели его возделывания» [4: 55]. О ритуальном, мифопоэтическом представлении льна в древнегреческой и балтийской культуре писал В.Н. Топоров [7: 271–281].

Обобщая данные по вопросу распространения земледелия в Европе, Е.Н. Синская делает вывод, что в Средней и Северной Европе, где земледелие существует с неолита, основной набор культурных растений сложился из элементов переднеазиатской культурной флоры (в том числе и льна) и что на Восточноевропейской равнине основной ассортимент культурных растений также сложился из видов, распространившихся из Передней Азии (пшеница мягкая и твердая, полба, овес, вероятно, ячмень и лён в варианте «степные межеумки», кроме того все бобовые, репа, огурец, морковь, сельдерей и др.) [4: 39].

Е.Н. Синская приводит схему происхождения и распространения льна из Колхидского очага [4: 56]:

**Схема происхождения и распространения льна
из Колхидского очага**

Заключение

Таким образом, сведения об истории и географии культурной флоры с привлечением данных археологии и истории о распространении льна в Европу из Передней Азии на Балканы и через Кавказ на Восточноевропейскую равнину согласуются с лингвистическими данными о контактах праиндоевропейцев с носителями правосточнокавказских языков в Передней Азии (до их переселения на нынешние кавказские территории). Получают объяснение и варианты имени льна с кратким и долгим гласным в европейских языках. Явно, что балты, переселившиеся еще во II тыс. до н. э. в Восточную Европу с Балкан, принесли с собой и первичный вариант имени с кратким гласным, подобно древнегреческому варианту, и, вероятно, «поделились» с праславянами (ср. о сходстве и в мифopoэтическом осмыслении культуры льна в древнегреческом, балтийских и славянских языках у В.Н. Топорова [7: 264–282]). Расселение индоевропейцев на Балканах, в Приальпийской зоне, происходило на территории, уже достаточно давно освоенной другими, неиндоевропейскими, народами, и изменение в количестве гласного в имени льна как раз может быть результатом прохождения через разнозычную, неродст-

венную индоевропейцам в языковом отношении среду. Привлечение данных по истории культуры индоевропейцев, по происхождению культурных растений позволяет поставить точку в биографии льна как растения и в истории его имени и в то же время возвращает к вопросу о необходимости междисциплинарности в широком смысле этого термина.

Список сокращений

Арч. – арчинский; блр. – белорусский; бур. – бурушаски; верш. – вершикский; диал. – диалектный; др.-греч. – древнегреческий; др.-инд. – древнеиндийский; йидг. – йидга; и.-е. – индоевропейский; инг. – ингушский; кит. – китайский; крыз. – крызский; лак. – лакский; лат. – латинский; лезг. – лезгинский; лит. – литовский; лтш. – латышский; монг. – монгольский; мдж. – мунджанский; праи.-е. – праиндоевропейский; прасев.-кавказ. – прасеверокавказский; праслав. – праславянский; слав. – славянский; тох. – тохарский; тюрк. – тюркский; хет. – хеттский; чеч. – чеченский; япон. – японский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Т. 2. 1328 с.
2. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатolia. М.: Наука, 1985. С. 60–73.
3. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянских культур, 2002. 624 с.
4. Синская Е.Н. Историческая география культурной флоры. Л., 1969. 480 с.
5. Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Труды по языкоznанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 312–358.
6. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 480 с.
7. Топоров В.Н. О «льняном» мифе и ареальной перспективе // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика, кн. 1. М.: Языки славянских культур, 2006 (первая публикация 1990 г.). С. 264–282.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. С. 475.
9. Шалаева Т.В. К этимологии русского и белорусского диалектного лайно́ ‘отходы при обработке льна’ и ‘бельё, одежда’// Лексический атлас русских

народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 548–554.

10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1990. Вып. 17. С. 90.

11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 2005. Вып. 32. С. 108–110.

REFERENCES

1. Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, Vyach. Vs. (1984) *Indoevropeyskiy yazyk i indevopeytsy. Rekonstruksiya i tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and typological analysis of the proto-language and proto-culture]. Vol. 2. Tbilisi: Tbilisi University Press. p. 1328
2. Nikolaev, S.L. (1985) Severokavkazskie zaimstvovaniya v khettском и древнегреческом [North Caucasian borrowings in Hittite and ancient Greek]. In: Piotrovsky, B.B. et al. (eds) *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow: Nauka. pp. 60–73.
3. Sedov, V.V. (2002) *Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Slavs. Historical and archaeological research]. Moscow: Languages of Slavic Cultures. p. 624.
4. Sinskaya, E.N. (1969) *Istoricheskaya geografiya kul'turnoy flory* [Historical geography of cultivated flora]. Leningrad: Kolos. p. 480.
5. Starostin, S.A. (2007) *Trudy po yazykoznaniju* [Works on Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 312–358.
6. Steblin-Kamenskiy, I.M. (1999) *Etymologicheskiy slovar' vakhanskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Wakhan language]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. p. 480.
7. Toporov, V.N. (2006) *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in Etymology and Semantics]. Vol. 2(1). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 264–282.
8. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremenennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk. p. 475.
9. Shalaeva, T.V. (2015) K etimologii russkogo i belorusskogo dialektnogo lainó 'otkhody pri obrabotke l'na' i 'bel'e, odezhda' [On the Etymology of the Russian and Belarusian Dialect Word *laino* ('Waste from Processing Flax' and 'Linen, Clothing')]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2015* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2015]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 548–554.
10. Trubachev, O.N. (ed.) (1990) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Vol. 17. Moscow: Nauka. p. 90.

11. Trubachev, O.N. (ed.) (2005) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskih yazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Vol. 32. Moscow: Nauka. pp. 106–108.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Lyubov P. Dronova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/13

Актуализация перцептивного опыта при формировании общих концептов в условиях русско-турецкого контактирования: доминантная и эксклюзивная модальность*

И.С. Коршунова¹, З.И. Резанова², У.Р. Махмудов³

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

³ Ургенчский государственный университет имени Абу Райхана Беруни

Узбекистан, 220100, г. Ургенч, ул. Х. Олимжона, 14

¹ E-mail: korshunova-61818@mail.ru

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

³ E-mail: abduvaliumid@yandex.com

Авторское резюме

Представлены результаты изучения влияния языкового опыта билингва, его вариативности на оценку вклада перцептивного опыта в семантику слов. Материалы статьи дополняют многочисленные исследования о единстве и различии языковых картин мира: в них представлены данные о сходстве и различии перцептивных основ одноимённых концептов при восприятии их номинантов носителями языка как родного или билингвами. Результаты получены при анализе оценок тождественного набора лексических единиц русского языка, которые оценивались по степени связи с первичными ощущениями – зрением, слухом, осознанием, вкусом и обонянием – носителями русского языка как родного и билингвами. При этом родной и осваиваемый языки принадлежат к разным языковым семьям (славянский и тюркские) и морфологическим типам (флексивный и агглютинативные), респонденты – к разным типам билингвизма. Хакасско-русские билингвы принадлежат к типу херитажного билингвизма – раннего естественного с доминированием освоенного языка; узбекско-русские – к поздним учебным с доминированием родного языка. В результате была выявлена вариативность рейтингов первичных перцепций (модальностей восприятия) при восприятии слов, количества слов с доминантными

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00525, <https://rscf.ru/project/25-18-00525/>.

и эксклюзивными модальностями: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса в тождественном составе слов, оцениваемых носителями русского и языка как родного и билингвами. Выявленные различия были проинтерпретированы в соотнесении с базовыми теоретическими положениями о времени формировании первичных перцептивных символов и варьировании ментального лексикона билингва. Охарактеризованы и новые аспекты соотношения модальностей. Среди унимодальных слов единицы с эксклюзивной аудиальной модальностью более частотны, нежели визуальной, так как последняя «имеет больше шансов» объединиться с тактильной; обонятельная модальность, проинтерпретированная через призму доминантности и эксклюзивности, обнаруживает значительно большую степень маргинальности по отношению к другим перцепциям, в том числе вкусовой, и большую степень этноязыковой специфичности.

Ключевые слова: билингвизм, модальности восприятия, эксклюзивная модальность, домinantная модальность, нормы модальностей восприятия

Actualization of perceptual experience in the formation of shared concepts in the context of Russian-Turkic language contact: Dominant and exclusive modality*

Irina S. Korshunova,¹ Zoya I. Rezanova²,
Umidjan R. Makhmudov³

^{1,2} Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

³ Urgench State University named after Abu Rayhan Beruni
14 Kh. Olimzhona Street, Urgench, 220100, Uzbekistan

¹ E-mail: korshunova-61818@mail.ru

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

³ E-mail: abduvaliumid@yandex.com

Abstract

This article presents a study investigating how bilingual language experience and its variability influence assessments of perceptual contributions to word semantics.

*The study was supported by the Russian Science Foundation, Project № 25-18-00525, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00525/>

The research contributes to existing scholarship on the unity and diversity of linguistic worldviews by providing comparative data on the perceptual foundations of identical concepts as perceived by monolingual native speakers and bilingual individuals. The analysis is based on ratings of an identical set of Russian lexical units, evaluated for their association with the five primary sensory modalities—sight, hearing, touch, taste, and smell—by native Russian speakers and bilinguals. The bilingual participants represent distinct language backgrounds: Khakas-Russian bilinguals (heritage bilingualism with early natural acquisition and dominance of the acquired language) and Uzbek-Russian bilinguals (late acquired bilingualism with dominance of the native language). The native and acquired languages belong to different language families (Slavic and Turkic) and morphological types (fusional and agglutinative). The study reveals variability in sensory modality ratings across groups, as well as differences in the number of words assigned dominant or exclusive modalities within the same lexical set. These differences were interpreted in light of theoretical frameworks concerning the development of primary perceptual symbols and the structure of the bilingual mental lexicon. The analysis further elucidates novel aspects of intermodal relations. Among unimodal words, for instance, those linked exclusively to auditory perception occur more frequently than those linked exclusively to vision, as visual perception demonstrates a stronger tendency to co-occur with tactile associations. When examined through the lens of dominance and exclusivity, the olfactory modality shows a significantly higher degree of marginality and ethno-linguistic specificity compared to other senses, including taste.

Key words: bilingualism, perceptual modalities, dominant modality, exclusive modality, sensory norms

Введение

Постановка проблемы.

Теоретико-методологические основания исследования

Проблема единства и различия национальных картин мира была поставлена ещё в трудах философов европейского рационализма и Просвещения (напомним замечания Ф. Бэкона о том, что важно изучать «различные особенности... языков, показав специфические достоинства и недостатки каждого слова... при таком исследовании можно на материале самих языков сделать отнюдь не малозначительные (как, может быть, думает кто-нибудь), а достойные самого внимательного наблюдения выводы о психическом складе и нравах народов, говорящих на этих языках» [1: 344]. И, конечно, нельзя не

вспомнить об идеях В. фон Гумбольдта о необходимости изучения внутренней формы языка, отражающей особенности национального миропонимания, индивидуальный способ, посредством которого народ выражает свои мысли и чувства. Эта одна из наиболее продуктивных идей В. Гумбольдта развивалась в трудах Г. Шпета и А.А. Потебни, теории эстетического идеализма К. Фосслера, исследованиях неогумбольдтианского направления Й.Л. Вайсгербера и его последователей, работах авторов теории (гипотезы) лингвистической относительности Э. Сэпира и Б. Уорфа на протяжении практически полутора столетий. Вновь это проблема была активно подхвачена и развита в российской лингвистике рубежа веков в теориях языкового миромоделирования и национальных концептосфер.

Отметим как минимум два направления в таких исследованиях. Первое, лингвокогнитивное, в рамках которого работы выстраиваются с применением собственно лингвистической методологии анализа текстов и последующим моделированием лингвокогнитивных концептов на основе текстовых данных. Отнесем к этому направлению работы А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева и др., коллективные исследовательские проекты, как, например, серийное издание «Логический анализ языка» и проект томских лингвистов «Картины русского мира»¹⁾. Ко второму направлению относятся психолингвистические исследования, опирающиеся на экспериментальные методы, в результате применения которых доказывается влияние глубинных когнитивных смыслов на процессы восприятия и обработки языковых единиц [17; 19; 20].

В работах и того и другого направления накоплены значительные данные о различии концептосфер (языковых картин мира), их фрагментов, а также о наличии инвариантных глубинных оснований этнокультурного различия.

В данной статье представлены результаты исследования, относимого ко второму направлению. В работе в качестве основы моделирования этнокультурных различий используются данные, полученные в результате применения психолингвистических экспериментальных методик. С их использованием моделируются не концепты (сложные когнитивные образования, имеющие многослойную динамическую структуру), но выявляются перцептивные основания формируемых в этноязыковых картинах мира концептов. В связи с этим отметим, что второй базовой теорией, на положения которой мы опираемся, является концепция воплощённого познания, основные теоретические постулаты которой изложены в работах Л. Барсалу, Ф. Колавита, М. Вильсона, Дж. Виглиокко и других исследователей [16; 18; 24; 26].

Базовое положение теории – сознание воплощено, все самые высокие абстракции нашего мышления и их отражения в семантике языковых единиц опираются на опыт физических ощущений и действий. Эти когнитивные основания составляют глубинные слои семантики языковых единиц, которые могут не осознаваться носителями языка, но тем не менее оказывать большее или меньшее влияние на восприятие и когнитивную обработку лексических единиц в процессах восприятия и производства речи.

Значимость глубинных перцептивных компонентов семантики в процессах когнитивной обработки слов доказана в многочисленных эмпирических экспериментальных исследованиях; отметим лишь некоторые [21; 23; 27]. В результате проведения экспериментов было доказано, что носители языков не только осознают связь слов со своим перцептивным опытом, но и могут оценивать степень связи лексем с разными перцепциями – зрением, слухом, осознанием, обонянием, вкусом. Например, воспринимая слово *нежный*, носители русского языка дают такие оценки его связи с разными вариантами перцептивного опыта, называемых в рамках данной научной парадигмы «модальностями восприятия» (МВ): визуальная – 2,72; тактильная – 4,36; обонятельная – 3,63; вкусовая – 3,82; аудиальная – 3,62; а при восприятии слова *замурчать* отмечаем такие рейтинги: визуальная – 1,83; тактильная – 2,55; обонятельная – 2,02; вкусовая – 1,73; аудиальная – 5,23, (отметим, что здесь и далее приводятся усреднённые данные оценивания группой участников экспериментов). Носители узбекско-русского билингвизма при восприятии этих же слов русского языка оценивают связь с соответствующим перцептивным опытом так: *нежный* – визуальная – 4,32; тактильная – 4,26; обонятельная – 3,18; вкусовая – 3,36; аудиальная – 3,05; *замурчать* – визуальная – 3,03; тактильная – 2,60; обонятельная – 2,06; вкусовая – 1,79; аудиальная – 4,18.

В настоящее время на основе собранных нормативных данных о перцептивных основаниях семантики лексических единиц доказано наличие общих закономерностей в актуализации модальностей восприятия в языках, принадлежащих разным языковым типам и семьям, в числе которых славянские языки, в том числе русский [12], и ряд тюркских [9; 10]. К таким закономерностям относятся: выделенность зрительной модальности (мир для нас предстаёт прежде всего как видимый) и маргинальность вкусовой и обонятельной перцепции при формировании концептов и их фиксации в семантике слов; лексемы, принадлежащие к конкретной лексике, оцениваются в среднем более высоко по всем МВ по сравнению с абстрактными лексемами, однако при этом абстрактные единицы разных классов также получают устойчиво высокие оценки по некоторым из модаль-

ностей, например, обобщение оценок связи слова *влюблённость* с основными перцепциями восприятия, данных носителями русского языка, приводит к установлению такого рейтинга модальностей: **визуальная – 3,65**; тактильная – 3,35; обонятельная – 2,54; вкусовая – 2,46; аудиальная – 2,76.

Накопление нормативных данных по разным языкам позволило выявить не только общие тенденции в оценках вклада перцептивного опыта в семантику единиц языка, но и поставить более сложные теоретические проблемы. К их числу относится вопрос о том, как влияет языковой опыт носителя двух языков на оценки вклада МВ слов родного, материнского, языка и второго, усвоенного в разные периоды жизни. При решении этой проблемы исследователи опираются, наряду с положениями теории воплощённого познания, на концепцию билингвизма и теорию ментального лексикона [19]. В настоящее время доказано значительное разнообразие времени усвоения второго языка, форм и способов использования двух языков в речевых практиках, что предопределяет вариативность существования двух систем в ментальном лексиконе билингва. Своеобразным отражением данных теоретических построений является разветвлённая типология билингвизма, представленная в ряде работ. Второе значимое, на наш взгляд, достижение теории билингвизма – доказательство динамичности данного феномена, изменчивости форм взаимодействия ментальных лексиконов на протяжении жизни под влиянием многих факторов, что также находит отражение в вариативности моделей ментального лексикона [19].

Цель и задачи исследования

В данной статье представлены результаты изучения влияния языкового опыта билингва, его вариативности на оценку вклада перцептивного опыта в семантику слов. К наиболее значимым параметрам вариативности относим время и способы усвоения второго языка и характер использования первого и второго языка на протяжении жизни и в актуальное время. При этом мы полагаем, что доказательство наличия сдвигов в оценке вклада пяти МВ в семантику под влиянием билингвального опыта может свидетельствовать о наличии скрытых когнитивных различий в восприятии тождественных концептов носителями языков как родных и билингвов.

Исследование было проведено в лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета с учётом полученных ранее результатов изучения когнитивных и социальных аспектов билингвизма. Мы сравниваем данные об оценках слов по вкладу перцепций в семантику одного и того же набора слов,

оценённых носителями русского языка как родного, и билингвами, относящимися к двум типам – херитажному (ранний естественный билингвизм с функциональным преобладанием второго, русского) и функциональному учебному билингвизму с доминированием родного языка². Выявленные типы представлены конкретными вариантами хакасско-русского херитажного и узбекско-русского учебного билингвизма.

В данной статье в центре исследовательских интересов находится вопрос о том, проявляется ли билингвизм и его варианты в выделении доминирующих и эксклюзивных модальностей слов второго изучаемого языка.

Положительный ответ на данные исследовательские вопросы является основанием предположения о том, что в ментальном лексиконе билингва смещаются в большей или меньшей степени перцептивные основы формируемых концептов по сравнению с носителями языка. Основанием предположения о значимости типов билингвизма в исследуемых процессах являются положения концепции воплощённого познания о раннем формировании перцептивных символов, следовательно, мы можем предполагать, что раннее усвоение второго языка делает возможным формирование перцептивных основ семантики слов по моделям, близким или тождественным, складывающимся при усвоении родного языка.

Материал и источники исследования

При решении исследовательской задачи мы опирались на материалы созданных в лаборатории лингвистической антропологии психолингвистических баз данных (ПБД) RuWordPerception, Turk-WordPerception и UzRusWordPerception³. Подробное описание баз данных представлено в работах их авторов [7–11; 25]. В данном случае отметим существенно важные моменты: ПБД созданы на основе единых принципов сбора оценок степени связи слов с перцепциями. Респонденты давали оценки вклада 5 МВ (перцепций) – зрения, слуха, осязания, вкуса, запаха – в соответствии с семизначной шкалой Лихтерта от 1 до 7, где 1 – обозначает отсутствие связи, 2 – слабо связано, 3 – связано скорее слабо, 4 – связано ни сильно, ни слабо, 5 – связано скорее сильно, 6 – связано сильно, 7 – связано максимально сильно. Носители русского языка как родного, хакасско-русские, узбекско-русские билингвы при этом оценивали вклад перцепций в слова тождественного набора. Русскоязычный состав слов, оцениваемых по МВ в базах данных, формировался методом ненаправленной выборки из академических словарей русского языка, однако при этом авторы стремились к тому, чтобы в его составе были представ-

лены слова, относимые к разным лексико-грамматическим разрядам (*природный, бумажный, очаг, несушка и др.*), лексико-семантическим группам (*выкопать, болезнь, безветренный, бар и др.*), деривационным типам (*вихрь, выслуживаться, проигрыватель и др.*), подробнее см. об этом в [10]. ПБД RuWordPerception включает 645 773 оценки, данных носителями русского языка как родного – 273 000 реакций, данных хакасско-русскими билингвами при оценке слов русского языка – 156 000. ПБД TurkWordPerception включает 364 545 оценок, данных хакасско-русскими билингвами при оценке слов хакасского языка – 77 480 реакций. ПБД UzRusWordPerception включает 856 540 оценок, данных узбекско-русскими билингвами при оценке слов русского языка – 315 880 реакций, данных узбекско-русскими билингвами при оценке слов узбекского языка – 315 350.

Анализ материалов, представленных в ПБД RuWordPerception, UzRusWordPerception, проводился в Rstudio с использованием языка R.

Результаты исследования

1. Вариативность рейтингов модальностей восприятия под влиянием фактора билингвизма и его вариантов.

При исследовании оценок вклада перцептивного опыта (модальностей восприятия), выявлении нормативных данных для определённых этноязыковых сообществ на первом этапе применяется метод описательной статистики, где значимыми являются средние, медианные значения, величина стандартного отклонения и наиболее низкие и высокие оценки⁴.

В данной работе мы сначала сравниваем результаты применения описательной статистики (средние величины) к полученным данным, которые представлены в табл. 1. При этом последовательно сравниваются 1) оценки русских слов, устанавливаемых тремя группами респондентов, с целью выявления факторов билингвизма и его вариантов на оценки вклада первичных перцепций (2, 3, 5-й столбцы табл. 1); 2) оценки переводных эквивалентов русских слов – слова хакасского и узбекского языков, оцениваемых носителями данных языков (4-й и 6-й столбцы табл. 1).

На основании представленных данных можем сделать предварительный вывод о том, что при формировании сложных концептуальных систем языков, их презентации в ментальном лексиконе билингвов и носителей родного языка проявляются общие тенденции – доминирование визуального и связанного с визуальным восприятия мира. В основе формирования сложных концептуальных систем, обозначенных лексемами, чаще всего находится зрительный образ

предмета, признака, процесса. Ассоциативная связь со звучанием предмета, признака, явления, тактильными ощущениями в среднем оказывается менее значимой, связь со вкусом и обонянием – наименьшей.

Таблица 1

Средние оценки вклада пяти модальностей восприятия 600 слов русского, хакасского и узбекского языков, данные тремя группами респондентов

Модальность восприятия	Оценки носителей русского как родного	Оценки русских слов хакасско-русскими билингвами	Оценки хакасских слов хакасско-русскими билингвами	Оценки русских слов узбекско-русскими билингвами	Оценки узбекских слов узбекско-русскими билингвами
Визуальная	3,39	3,25	4,64	4,11	4,05
Тактильная	2,79	2,66	3,50	3,22	3,17
Аудиальная	2,69	2,56	2,87	2,74	2,59
Обонятельная	2,29	2,15	1,89	2,45	2,11
Вкусовая	2,06	2,15	1,69	2,21	2,00

Вместе с тем мы наблюдаем и вариативность в средних оценках, данных тождественному набору единиц – словам русского языка – двумя группами билингвов. Так, хакасско-русские херитажные билингвы дают оценки в том же соотношении, что и носители языка, но при этом вклад всех модальностей восприятия оценивается пропорционально ниже, а узбекско-русские учебные билингвы, напротив, дают в среднем более высокие оценки вклада опыта всех перцепций в семантику русских слов.

Мы сравнили эти данные с оценками вклада модальностей восприятия в семантику переводов слов русского языка на хакасский и узбекский – нормативными данными о модальностях восприятия носителями хакасского и узбекского языков⁵. Как можно видеть в представленных средних величинах оценок, херитажные билингвы дают значительно более высокие оценки вкладу перцептивных компонентов в семантику слов родного языка для всех модальностей восприятия, кроме обонятельной и вкусовой, и их оценки слов русского языка более близки к оценкам носителей русского языка, нежели к оценкам слов хакасского языка, данных носителями хакасского-русского билингвизма.

Мы можем предположить, что носители херитажного языка, оценивая слова русского языка, находятся под большим влиянием осва-

иваемого языка, который наиболее активен в речевых практиках. В модели ментального лексикона подобного рода наблюдения могут свидетельствовать о реализованных стратегиях прямого доступа к лексической системе второго языка без обращения к лексемам родного языка.

При этом, как мы можем видеть в табл. 1, узбекско-русские учебные билингвы, напротив, дают в среднем более высокие оценки вклада опыта всех перцепций в семантику русских слов (5-й столбец таблицы). Оценки равноудалены: их оценки выше оценок русских слов, данных носителями русского языка (2-й столбец), и оценок узбекских слов, данных носителями узбекского языка (6-й столбец). Интерпретируя эти данные, мы можем предположить более сложное взаимодействие ментальных лексиконов родного и осваиваемого языков при оценке вклада перцептивных модальностей второго языка. Возможно, при оценке лексем, более или менее знакомых носителю учебного билингвизма, доступ к лексемам второго языка мог осуществляться либо непосредственно, либо через обращение к лексемам второго языка.

2. Вариативность доминантной модальности в словах под влиянием фактора билингвизма и его вариантов.

Усредненные данные представляют общие тенденции в оценках вклада перцептивного опыта в семантику тождественных концептов, представленных в лексиконе трех языков. На следующих этапах анализа мы сосредоточились на характеристике вклада перцептивного опыта в аспекте доминирования, выделенности той или иной модальности при формировании перцептивных основ концептуального моделирования. Решая эту задачу, мы сгруппировали лексические единицы из ПБД по одной из пяти модальностей, усреднённые оценки которой были наиболее высокими. Так, например, усреднение оценок вклада всех пяти модальностей восприятия при формировании когнитивных основ значения слова носителями русского языка как родного дает такие результаты:

– **словить**: аудиальная – 1,94; вкусовая – 1,54; **тактильная – 3,57**; обонятельная – 1,62; визуальная – 3,42;

– **мелодичный**: **аудиальная – 6,22**; вкусовая – 1,63; тактильная – 1,79; обонятельная – 1,58; визуальная – 1,49;

– **завтрашний**: аудиальная – 1,62; вкусовая – 1,43; тактильная – 1,58; обонятельная – 1,55; **визуальная – 1,63**;

– **приятный**: аудиальная – 4,15; вкусовая – 4,48; тактильная – 4,23; **обонятельная – 4,52**; визуальная – 3,67.

Полужирным шрифтом отмечены усреднённые оценки доминантной модальности; данным термином мы обозначаем модальность,

средние оценки вклада которой в семантику слова превышают оценки других модальностей.

При этом соотношение оценок доминантной модальности и других может быть совершенно разным. Как можно видеть, среднее значение аудиальной модальности слова *мелодичный* значительно выше оценок по другим четырём модальностям восприятия. Такие слова мы относим к унимодальным.

При рассмотрении оценок слова *завтрашний* мы видим довольно низкие оценки по всем пяти модальностям, на основании чего мы относим его к субмодальным словам.

У слова *словить* доминантной модальностью является тактильная, при этом наблюдается высокое значение оценок визуальной модальности, слова с подобным соотношением рейтингов мы называем бимодальными.

А у слова *приятный* (доминантная – обонятельная модальность) мы можем наблюдать высокие значения оценок всех пяти модальностей восприятия, поэтому данное слово является полимодальным.

В таблице 2 представлены количественные данные об объеме слов с той или иной доминантной модальностью при оценке слов русского языка его носителями и представителями двух типов билингвизма и переводных эквивалентов (распределение информации об оценках групп респондентов тождественно табл. 1).

Мы можем наблюдать, что при оценке слов русского языка носителями русского как родного и хакасско-русскими билингвами происходит значительное увеличение слов (137 и 146), у которых доминирует аудиальная модальность за счёт уменьшения слов с визуально доминирующей модальностью, в сравнении с оценками русских слов узбекско-русскими билингвами (50).

Таблица 2
Количество слов русского, хакасского и узбекского языков
с доминирующей модальностью (по данным оценок носителей русского языка
и двух групп билингвов)

Доминирующая модальность (ДМ)	Количество русских слов с ДМ по оценкам носителей русского как родного	Количество русских слов с ДМ по оценкам хакасско-русских билингвов	Количество хакасских слов с ДМ по оценкам хакасско-русских билингвов	Количество русских слов с ДМ по оценкам узбекско-русских билингвов	Количество узбекских слов с ДМ по оценкам узбекско-русских билингвов
Визуальная	279	268	342	472	427
Аудиальная	137	146	69	50	55

Окончание табл. 2

Доминирующая модальность (ДМ)	Количество русских слов с ДМ по оценкам носителей русского как родного	Количество русских слов с ДМ по оценкам хакасско-русских билингвов	Количество хакасских слов с ДМ по оценкам хакасско-русских билингвов	Количество русских слов с ДМ по оценкам узбекско-русских билингвов	Количество узбекских слов с ДМ по оценкам узбекско-русских билингвов
Тактильная	93	113	96	36	74
Вкусовая	44	45	36	32	33
Обонятельная	36	28	10	6	6

Также отметим соотнесённость данных об уровне средних оценок и количестве слов с соответствующей доминирующей модальностью. Например, наиболее высоким средним значениям визуальной модальности слов русского языка в группе узбекско-русских билингвов соответствует и большее количество слов, в которых эта модальность оценивается наиболее высоко (5-е столбцы в табл. 1 и 2). Однако это соотношение проявляется далеко не всегда. Так, при равных средних оценках вкусовой и обонятельной модальностей, данных в группе хакасско-русских билингвов на материале русского, количество единиц, получивших наиболее высокие оценки, различается (45 против 28). При более высокой средней оценке вклада обонятельной перцепции в семантику русских слов носителями узбекско-русского билингвизма в сравнении с оценками хакасско-русских билингвов (2,45 против 2,15) количество единиц с доминирующей обонятельной модальностью в группе узбекско-русских билингвов значительно меньше (6 против 28).

Представленные в таблице количественные показатели слов русского языка и родных языков хакасско-русских херитажных и узбекско-русских учебных билингвов согласуются с ранее рассмотренными результатами. Количественные соотношения слов с доминирующей модальностью при оценке слов русского языка херитажными билингвами близки по соотношению, представленному в оценках носителей русского языка, в то время как соотношение оценок ДМ группы узбекско-русских билингвов близки к соотношению оценок ДМ в родном языке. Наиболее ярко это проявляется в количестве слов с доминирующей обонятельной модальностью.

3. Вариативность эксклюзивной модальности в словах под влиянием фактора билингвизма и его вариантов.

Следующим логичным шагом было прибегнуть к рассмотрению **эксклюзивной модальности восприятия**. Мы рассчитали эксклюзив-

ную модальность для каждого слова. Эксклюзивная модальность – это параметр/показатель, который отражает отношения доминирующей модальности с другими модальностями. Чем больше процент эксклюзивной модальности, тем больше оценка по одной из модальностей восприятия стремится к максимальной, что говорит о сильной связи слова с этой модальностью.

Эксклюзивная модальность рассчитывается следующим образом [22]. Мы вычитаем из максимального значения минимальное, полученную разность мы делим на сумму всех оценок по пяти модальностям восприятия и умножаем на сто. Рассмотрим эти подсчёты на примере нескольких слов. У слова *мелодичный* следующие оценки: **аудиальная – 6,22**; вкусовая – 1,63; тактильная – 1,79; обонятельная – 1,58; визуальная – 1,49. Нам необходимо сделать следующие подсчёты: из 6,22 вычесть 1,49. Показатель эксклюзивной модальности равен 37,21 % ((6,22 – 1,49)/12,71 × 100).

Приведем такой же расчёт для слова с эксклюзивной модальностью с минимальным значением. У слова *исковый* следующие оценки: аудиальная – 1,68; вкусовая – 1,76; тактильная – 1,56; **обонятельная – 1,76**; визуальная – 1,75. Показатель эксклюзивной модальности равен 2,35 % ((1,76 – 1,56)/8,51 × 100). Или, например, для слова *приятный*, у которого аудиальная оценка – 4,15; **вкусовая – 4,48**; тактильная – 4,23; обонятельная – 4,52; визуальная – 3,67; этот показатель равен 4,04 %, при этом оценки по пяти модальностям значительно выше, чем у слова *исковый*.

Далее мы приведем по 10 (при их наличии) слов с максимальными значениями по параметру эксклюзивная модальность у трех групп респондентов для каждой ДМ восприятия (доминантная и, соответственно, эксклюзивная обонятельная модальность в нашем материале представлена шестью единицами (см. табл. 2, 5-й, 6-й столбцы)).

1-я группа – носители русского как родного, 2-я группа – хакасско-русские билингвы оценивают слова на русском языке, 3-я группа – хакасско-русские билингвы оценивают слова на хакасском языке, 4-я группа – узбекско-русские билингвы оценивают слова на русском языке, 5-я группа – узбекско-русские билингвы оценивают слова на узбекском языке. В скобках обозначен диапазон варьирования значений эксклюзивной модальности от наибольшего к меньшему в данных выборках слов.

Визуальная модальность:

1-я группа (от 39,67 до 35,17 %): *глядеть, смотреть, бежевый, видеть, бордовый, бирюзовый, размытость, рыжий, свет, голубой*.

2-я группа (от 36,80 до 31,48 %): *сияние, свет, голубой, рыжий, бирюзовый, безоблачный, пестрый, смотреть, бордовый, полумрак*.

3-я группа (от 42,83 до 39,62 %): *тигір көк* ‘голубой’, *хызыл күрән* ‘бордовый’, *размытость* ‘размытость’, *көргені* ‘просмотр’, *бирюзовой* ‘бирюзовый’, *ночник* ‘ночник’, *ах күрәң* ‘бежевый’, *лампа* ‘лампа’, *көзенек окно*, *көрерге смотреть*.

4-я группа (от 29,2 до 26,3 %): *рыжий*, *бежевый*, *голубой*, *смотреть*, *свет*, *бордовый*, *видеть*, *полумрак*, *безоблачный*, *просмотр*.

5-я группа (от 34,1 до 30,6 %): *күриш* ‘просмотр’, *ёруғлик* ‘свет’, *түк қизил* ‘бордовый’, *күриниш* ‘вид’, *феруза рангли* ‘бирюзовый’, *мовий* ‘голубой’, *зангора рангли* ‘ васильковый’, *назар ташламоқ* ‘глядеть’, *қиёфа* ‘образ’, *сарғиши* ‘бежевый’.

Аудиальная модальность:

1-я группа (от 42,45 до 34,02 %): *шум*, *мелодичный*, *топот*, *тишина*, *завизжать*, *дослушать*, *кричать*, *разговорный*, *хриплый*, *проигрыватель*.

2-я группа (от 41,54 до 30,76 %): *шум*, *засвистеть*, *завизжать*, *кричать*, *храпеть*, *топот*, *будильник*, *хрипеть*, *прошептать*, *затрещать*.

3-я группа (от 38,31 до 34,48 %): *chooхтанаrfa* ‘говорить’, *үн* ‘тон’, *аахтиrfa* ‘кричать’, *истіл аларfa* ‘дослушать’, *chooхтасчан* ‘разговорный’, *суулас* ‘шум’, *сығырадарfa* ‘звонить’, *сым полыбызарfa* ‘замолчать’, *поэтичнай* ‘поэтичный’, *үн пиrерге* ‘голосовать’.

4-я группа (от 28,9 до 22,6 %): *шум*, *кричать*, *дослушать*, *мелодичный*, *будильник*, *звать*, *храпеть*, *топот*, *говорить*, *вызов*.

5-я группа (от 32,4 до 27,9 %): *оханг* ‘тон’, *қичқирмоқ* ‘кричать’, *шовқин* ‘шум’, *жарангламоқ* ‘звонить’, *охирigача* *эшиитмоқ* ‘дослушать’, *хуррак отмоқ* ‘храпеть’, *хуштак чалмоқ* ‘засвистеть’, *дукур-дукур* ‘топот’, *чақирмоқ* ‘звать’, *хирилламоқ* ‘хрипеть’.

Тактильная модальность:

1-я группа (от 33,11 до 25,24 %): *трогать*, *мягкость*, *пожать*, *держать*, *липучка*, *шершавый*, *скользкий*, *ожог*, *рельефный*, *укол*.

2-я группа (от 31,45 до 23,90 %): *мягкость*, *трогать*, *держать*, *схватить*, *уколоть*, *пожать*, *нож*, *вязать*, *пододеяльник*, *шершавый*.

3-я группа (от 37,96 до 31,50 %): *хылчыхтығ* ‘щекотливый’, *чылығ* ‘тёплый’, *соох* ‘холодный’, *хол тұдыбызарfa* ‘пожать’, *чылғаях* ‘скользкий’, *чылыға хынчатхан* ‘теплолюбивый’, *тут саларfa* ‘словить’, *пик идерге* ‘крепить’, *тударfa* ‘держать’, *аар* ‘тяжёлый’.

4-я группа (от 20,8 до 16,3 %): *трогать*, *держать*, *схватить*, *мягкость*, *пожать*, *брать*, *прочный*, *тёплый*, *скользкий*, *уколоть*.

5-я группа (от 24 до 19,6 %): *оғирлик* ‘вес’, *ушламоқ* ‘держать’, *тегмоқ* ‘трогать’, *юмшоқлик* ‘мягкость’, *оғриқ* ‘боль’, *ушлаб олмоқ* ‘схватить’, *тирганб олмоқ* ‘поцарапать’, *тутиб олмоқ* ‘словить’, *момиқ* ‘пушистый’, *куч сила*.

Вкусовая модальность:

1-я группа (от 33 до 24,16 %): *вкус, горький, рассол, аппетит, приторный, клубничный, лимон, картофельный, приправа, груша.*

2-я группа (от 31,23 до 23,95 %): *вкус, горький, соль, рассол, приторный, приправа, лимон, облепиха, груша, аппетит.*

3-я группа (от 28,53 до 23,39 %): *ачығ ‘горький’, цитрусовой ‘цитрусовый’, витаминай ‘витаминный’, ачи ‘кислота’, иртіре тадылығ ‘приторный’, рассол ‘рассол’, приправа ‘приправа’, кофеин ‘кофеин’, ізібізеге ‘выхлебать’, яблокалағ ‘яблочный’.*

4-я группа (от 23,6 до 16,6 %): *вкус, приправа, лимон, аппетит, картофельный, клубничный, ягодный, зелень, горький, груша.*

5-я группа (от 28,4 до 18,1 %): *тамъ ‘вкус’, аччиқ ‘горький’, ўта шириң ‘приторный’, лимон ‘лимон’, тушилик ‘обед’, зирағор ‘приправа’, кофеин ‘кофеин’, пиәз ‘лук’, мевали ‘плодоносный’, күкәт ‘зелень’.*

Обонятельная модальность:

1-я группа (от 32,73 до 21,41 %): *унюхать, хлорка, скунс, помои, сирень, гниль, подгузник, курить, туалет, уборная.*

2-я группа (от 25,81 до 20,88 %): *сирень, унюхать, хвойный, скунс, цветочный, варить, столовая, хлорка, курить, туалет.*

3-я группа (от 31,03 до 14,12 %): *хлорка ‘хлорка’, чыстыбызыарға ‘унюхать’, токсичнай ‘токсичный’, скунс ‘скунс’, тамкы тартарға ‘курить’, уборнай ‘уборная’, йод ‘йод’, медуница ‘медуница’, перекись ‘перекись’, чызызы ‘плотность’.*

4-я группа (от 19 до 5,2 %): *унюхать, хлорка, курить, тошнотворный, приятный, жарить.*

5-я группа (от 21,4 до 6,8 %): *хидидан сезмоқ ‘унюхать’, хлорка ‘хлорка’, сассиқ күзан ‘скунс’, күнгилни айнитувчи ‘тошнотворный’, чекмоқ ‘курить’, қовурмөқ ‘жарить’.*

Как можно видеть из приведённых данных, наиболее высокие показатели эксклюзивности имеют визуальная и аудиальная модальности, а наиболее низкие – обонятельная модальность. Это свидетельствует о том, что в составе слов с доминирующей аудиальной и визуальной модальностью восприятия преобладают унимодальные единицы, а у слов с доминирующей обонятельной – би- и полимодальные лексемы.

Результаты исследования показали также соотнесённость слов с высокими рейтингами эксклюзивной модальности и тематическими группами лексики. Так, наиболее высокие значения эксклюзивности визуальной модальности характерны для прилагательных и существительных со значением цвета и света, глаголов зрительного восприятия (*глядеть, голубой, бордовый, свет*); аудиальной – для слов разных частей речи, обозначающих звуки и речевую деятельность

(шум, мелодичный, кричать, будильник); тактильной – для слов, передающих ощущения прикосновения и текстуры (трогать, мягкость, шершавый); вкусовой – для слов, описывающих вкусовые впечатления и продукты питания, ярко их проявляющие (вкус, горький, лимон); обонятельной – для слов, обозначающих запахи, их восприятие и источники (унюхать, хлорка, сирень).

Сопоставление данных по различным группам респондентов выявило как общие тенденции, так и существенные различия. В оценках слов носителями русского языка значения эксклюзивной модальности в целом выше, что указывает на более чёткую модальную дифференциацию лексики. В оценках билингвов наблюдается относительное снижение показателей, что может свидетельствовать о более сбалансированном восприятии и меньшей выраженности одной доминирующей модальности. При этом при переходе на родные языки билингвов отмечается повышение значений визуальной и аудиальной модальностей, что, вероятно, отражает культурно-языковые особенности и специфику сенсорного опыта.

Заключение

Сравнение средних значений при оценке вклада модальностей восприятия в семантику слов русского языка под влиянием билингвального опыта, а также выделяемых на этой основе доминирующей и эксклюзивной модальностей выявило наличие значимых различий в исследуемых явлениях. Различия, на наш взгляд, могут быть проинтерпретированы в соотнесении с базовыми теоретическими положениями о времени формирования первичных перцептивных символов и варьировании ментального лексикона билингва. Близость системы восприятия перцептивных основ семантики слов херитажных билингвов и носителей русского языка может свидетельствовать в пользу того, что ранние естественные билингвы с функциональным доминированием второго языка обрабатывают слова русского языка обычно без обращения к лексической системе родного языка, что, напротив, явно демонстрируют учебные поздние функциональные билингвы.

Отметим также новые аспекты соотношения визуальной и аудиальной модальностей: отмеченное ранее доминирование визуальной модальности нашло подтверждение в наших материалах, однако при этом было выявлено то, что среди унимодальных слов лексические единицы с эксклюзивной аудиальной модальностью более частотны, нежели визуальной, так как последняя «имеет больше шансов» объединиться с тактильной.

Взгляд на соотношение вкусовой и обонятельной модальностей

через призму аспекта доминантности и эксклюзивности выявляет значительно большую степень оригинальности обонятельной модальности в системе перцептивных основ формирования одноименных концептов и значительно большую степень её этноязыковой специфичности.

Примечания

1. Назовем основные работы этого цикла [4–6].
2. Обоснование выделения херитажного типа билингвизма в общей типологии содержится в работах [2; 3], характеристика особенностей языковой ситуации, в пределах которой формируются данные типы билингвизма, – в работе [12].
3. Свидетельства о регистрации ПБД [13–15].
4. Результаты описательной статистики оценок МВ в семантике русских слов, данных носителями русского языка как родного и хакасско-русского билингвизма, представлены в работе [25], узбекско-русского билингвизма – в исследовании [8].
5. Принципы перевода слов базы данных RuWordPerception для формирования словаря ПБД RuTurkWordPerception и UzRusWordPerception представлены в публикациях авторов проекта [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1.
2. Диброва В.С. Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Узбекистана и Таджикистана // Русин. 2025. № 79. С. 230–246. doi: 10.17223/18572685/79/11
3. Диброва В.С., Резанова З.И. Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97.
4. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 354 с.
5. Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / Т.Л. Рыбальченко, З.И. Резанова, И.В. Тубалова и др.; ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2009. 356 с.
6. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Томск: UFOPlus, 2007. 384 с.
7. Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского

языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 49–57.

8. Резанова З.И., Владимирова В.Е., Махмудов У.Р. Языковая символизация перцептивного опыта (славянско-туркские соответствия) // Русин. 2024. № 75. С. 248–262. doi: 10.17223/18572685/75/13

9. Резанова З.И., Владимирова В.Е., Машанло Т.Е. Психолингвистическая база данных TurkWordPerception как лексикографический источник (оценки вклада модальностей восприятия в семантику) // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 96–114. doi: 10.17223/22274200/26/5

10. Резанова З.И., Коршунова И.С. Актуальный языковой опыт билинга как фактор влияния на восприятие перцептивной семантики // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 53–61. doi: 10.17223/15617793/517/5

11. Резанова З.И., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики имён существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (на основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40. doi: 10.17223/15617793/455/5

12. Русский язык в условиях контактирования: тюркско-русское языковое взаимодействие. Часть 1. Социолингвистическое и корпусное исследование / Резанова З.И., Артеменко Е.А., Диброва В.С., Дыбо А.В., Коршунова И.С., Нагель О.В., Рыжова О.В., Степаненко А.А., Темникова И.Г. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2024. 216 с.

13. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021622890 Российская Федерация. Психолингвистическая база данных оценок слов русского языка RuWordPerception : № 2021622722 : заявл. 30.11.2021 : опубл. 10.12.2021 / Е.Д. Артеменко, А.С. Буб, Д.К. Гнетов [и др.] ; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

14. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622589 Российской Федерации. Психолингвистическая база данных TurkWordPerception: оценки слов татарского и хакасского языков по модальностям восприятия : № 2022622427 : заявл. 10.10.2022 : опубл. 21.10.2022 / А.В. Бурнакова, В.Е. Владимирова, В.С. Диброва [и др.] ; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

15. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623166 Российской Федерации. Психолингвистическая база данных UzRusWordPerception: оценки слов узбекских и русских слов по модальностям восприятия : № 2023623005 : заявл. 19.09.2023 : опубл. 20.09.2023 /

В.Е. Владимирова, И.С. Коршунова, У.Р. Махмудов, З.И. Резанова ; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

16. *Barsalou L.W.* Grounded Cognition // *Annu. Rev. Psychol.* 2008. Vol. 59, № 1. P. 617–645.

17. *Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W.* Sex, syntax, and semantics // *Language in mind: Advances in the study of language and thought.* 2003. P. 61–79.

18. *Colavita F.B.* Human sensory dominance.// *Perception and Psychophysics.* 1974. Vol. 16. P. 409–412. doi: 10.3758/BF03203962

19. *Emmorey K.D., Fromkin V.A.* The mental lexicon // *Linguistics: The Cambridge survey / ed. F.J. Newmeyer.* Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Vol. 3. P. 124–149.

20. *Haspelmath M.* The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *New Psychology of Language.* 2003. Vol. 2. P. 211–242.

21. *Hecht D., Reiner M.* Sensory dominance in combinations of audio, visual and haptic stimuli.// *Experimental Brain Research.* 2009. Vol. 193. P. 307–314. doi: 10.1007/s00221-008-1626-z

22. *Lynott D., Connell L.* Modality exclusivity norms for 423 object properties // *Behavior research Methods.* 2009. Vol. 41. P. 558–564. doi: 10.3758/BRM.41.2.558

23. *Lynott D., Connell L.* Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // *Behavior research methods.* 2013. Vol. 45, № 2. P. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0/

24. *Meteyard L., Cuadrado S.R., Bahrami B., Vigliocco G.* Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. // *Cortex.* 2012. Vol. 48. P. 788–804.

25. *Tsaregorodtseva O., Rezanova Z.* Sensory Modality Norms for L1 and L2: Heritage Khakass as L1 Compared to Russian as L2 and L1 // *OSF.* 2023 July 4. doi: 10.17605/OSF.IO/GYSBW

26. *Wilson M.* Six views of embodied cognition // *Psychonomic bulletin review.* 2002. Vol. 9, № 4. P. 625–636.

27. *Winter B.* Taste and smell words form an affectively loaded part of the English lexicon // *Language, Cognition and Neuroscience.* 2016. № 31. P. 975–988.

REFERENCES

1. Bacon, F. (1971) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Mysl'. p. 334.

2. Dibrova, V.S. (2025) Types of Bilingualism in Unbalanced Language Situations in Uzbekistan and Tajikistan. *Rusin.* 79. pp. 230–246. doi: 10.17223/18572685/79/11
3. Dibrova, V.S. & Rezanova, Z.I. (2025) Types of Bilingualism in Unbalanced Language Situations in Southern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 97. [In print].
4. Rezanova, Z.I. (ed.) (2005) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Images of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: obrazy yazyka v diskursakh i tekstakh* [Images of the Russian World: Images of Language in Discourses and Texts]. Tomsk: SK-S.
6. Poryadina, R.N., Gyngazova, L.G., Emer, Yu.A. et al. (2007) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of the Russian World: Spatial Models in Language and Text]. Tomsk: UFOPlus.
7. Rezanova, Z.I., Mashanlo, T.E. & Stepanenko, A.A. (2020) The Perceptual component in the semantics of Russian nouns, adjectives, and verbs in a bilingual perspective (The RuWordPerception Psycholinguistic Database). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 450. pp. 49–57 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/450/6
8. Rezanova, Z.I., Vladimirova, V.E. & Makhmudov, U.R. (2024) Yazykovaya simvolizatsiya pertseptivnogo opyta (slavyansko-tyurkskiye sootvetstviya) [Linguistic Symbolization of Perceptual Experience (Slavic-Turkic Correspondences)]. *Rusin.* 75. pp. 248–262. doi: 10.17223/22274200/26/5
9. Rezanova, Z.I., Vladimirova, V.E. & Mashanlo, T.E. (2022) Psikholingvis-ticheskaya baza dannykh TurkWordPerception kak leksikograficheskiy istochnik (otsenki vklada modal'nostey vospriyatiya v semantiku) [The TurkWordPerception Psycholinguistic Database as a Lexicographic Source (Assessments of the Contribution of Perceptual Modalities to Semantics)]. *Voprosy leksikografii.* 26. pp. 96–114. doi: 10.17223/22274200/26/5
10. Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2025) The Bilingual's Current Language Experience as a Factor Influencing the Perception of Perceptual Semantics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 517. pp. 53–61. doi: 10.17223/15617793/517/5
11. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2020) The Perceptual component in the semantics of Russian nouns, adjectives, and verbs in a bilingual perspective (The RuWordPerception Psycholinguistic Database). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 450. pp. 49–57 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/450/6
12. Rezanova, Z.I., Artemenko, Ye.A., Dibrova, V.S., Dybo, A.V., Korshunova, I.S., Nagel, O.V., Ryzhova, O.V., Stepanenko, A.A. & Temnikova, I.G. (2024) Russkiy yazyk v usloviyakh kontaktirovaniya: tyurksko-russkoe yazykovoe vzaimodeystvie [The

- Russian Language in Contact Situations: Turkic-Russian Language Interaction]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
13. Artemenko, E.D. Bub, A.S., Gnetov, D.K. et al. (2021) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2021622890 Rossiyskaya Federatsiya. Psikholingvisticheskaya baza dannykh otsenok slov russkogo yazyka RuWord-Perception: № 2021622722: zayavl. 30.11.2021: opubl. 10.12.2021* [Certificate of State Registration of Database No. 2021622890 Russian Federation. Psycholinguistic Database for Word Ratings in Russian RuWordPerception: No. 2021622722: appl. 30.11.2021: publ. 10.12.2021]. National Research Tomsk State University.
14. Burnakova, A.V., Vladimirova, V.E., Dibrova, V.S. et al. (2022) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2022622589 Rossiyskaya Federatsiya. Psikholingvisticheskaya baza dannykh TurkWordPerception: otsenki slov tatarskogo i khakasskogo yazykov po modal'nostyam vospriyatiya: № 2022622427: zayavl. 10.10.2022: opubl. 21.10.2022* [Certificate of State Registration of Database No. 2022622589 Russian Federation. Psycholinguistic Database TurkWordPerception: Ratings of Tatar and Khakas Words by Perceptual Modalities: No. 2022622427: appl. 10.10.2022: publ. 21.10.2022]. National Research Tomsk State University.
15. Vladimirova, V.E., Korshunova, I.S., Makhmudov, U.R. & Rezanova, Z.I. (2023) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2023623166 Rossiyskaya Federatsiya. Psikholingvisticheskaya baza dannykh UzRusWordPerception: otsenki slov uzbekskikh i russkikh slov po modal'nostyam vospriyatiya: № 2023623005: zayavl. 19.09.2023: opubl. 20.09.2023* [Certificate of State Registration of Database No. 2023623166 Russian Federation. Psycholinguistic Database UzRusWordPerception: Ratings of Uzbek and Russian Words by Perceptual Modalities: No. 2023623005: appl. 19.09.2023: publ. 20.09.2023] (2023). National Research Tomsk State University.
16. Barsalou, L.W. (2008) Grounded Cognition. *Annual Review of Psychology*. 59(1). pp. 617–645.
17. Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. (2003) Sex, syntax, and semantics. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in mind: Advances in the Study of Language and Thought*. MIT Press. pp. 61–79.
18. Colavita, F.B. (1974) Human sensory dominance. *Perception and Psychophysics*. 16. pp. 409–412. doi: 10.3758/BF03203962
19. Emmorey, K.D. & Fromkin, V.A. (1988) The mental lexicon. In: Newmeyer, F.J. (ed.) *Linguistics: The Cambridge Survey*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 124–149.
20. Haspelmath, M. (2003) The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison. *New Psychology of Language*. 2. pp. 211–242.
21. Hecht, D. & Reiner, M. (2009) Sensory dominance in combinations of

audio, visual and haptic stimuli. *Experimental Brain Research*. 193. pp. 307–314. doi: 10.1007/s00221-008-1626-z

22. 11. 12. 13. Lynott, D. & Connell, L. (2009) Modality exclusivity norms for 423 object properties. *Behavior Research Methods*. 41. pp. 558–564. doi: 10.3758/BRM.41.2.558

23. Lynott, D. & Connell, L. (2013) Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods*. 45(2). pp. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0

24. Meteyard, L., Cuadrado, S.R., Bahrami, B. & Vigliocco, G. (2012) Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*. 48. pp. 788–804.

25. Tsaregorodtseva, O. & Rezanova, Z. (2023) Sensory Modality Norms for L1 and L2: Heritage Khakass as L1 Compared to Russian as L2 and L1. OSF. 4th July. doi: 10.17605/OSF.IO/GYSBW

26. Wilson, M. (2002) Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin & Review*. 9(4). pp. 625–636.

27. Winter, B. (2016) Taste and smell words form an affectively loaded part of the English lexicon. *Language, Cognition and Neuroscience*. 31. pp. 975–988.

Коршунова Ирина Сергеевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Irina S. Korshunova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Махмудов Умиджан Реимбаевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Ургенчского государственного университета имени Абу Райхана Беруни (Узбекистан).

Umidjan R. Makhmudov – Urgench State University named after Abu Raykhan Beruni (Uzbekistan).

E-mail: abduvaliumid@yandex.com

УДК 94(47+477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/14

Геополитическое противостояние славянских и романо-германских народов

В.П. Зиновьев¹, С.Г. Суляк²

¹ Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

² Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

¹ E-mail: vpz@tsu.ru

² E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается сюжет европейской истории, связанный с многолетним геополитическим противостоянием славянских и германо-романских народов, вызванным экспансией последних на земли славян. Это противостояние обозначилось ещё с раздела Римской империи на Восточную греческую и Западную романскую в конце IV в. н. э., углубилось после раздела христианской церкви на восточную православную и западную католическую в IX–XI вв. Славяне большей частью находились под влиянием патриарха Византии, а германцы – под влиянием католического папы. Крестовые походы католиков против Византии, славянских и балтских племён усилили вражду. Подчинение большей части византийских владений и славянских земель тюрко-монгольскими завоевателями в XIII–XV вв. отделило восточных и южных славян от Европы, сделаво их частью восточного мира. Возвращение русских к европейской политике состоялось только в XVII в., когда Московия, став сильнейшей частью Джуичева улуса, подчинила себе все остальные его земли и вернула суверенность, несмотря на противодействие исламских и католических соседей. В XVIII – первой половине XIX в. Российская империя была равноправным и активным участником европейской политики, расширяя своё влияние и поддержку славянских народов. Во второй половине XIX – начале XX в. наступила череда неудач и поражений, вызванных медленной модернизацией страны вследствие анахронизма её политического устройства. С приходом к власти в России большевиков была проведена быстрая модернизация страны, позволившая одержать победу над

объединённой нацистами Европой и достигнуть максимального влияния СССР в мире. Задержка модернизации мобилизационной хозяйственной системы и политической жизни страны привела к распаду социалистического лагеря, развалу СССР и утрате большинства геополитических завоеваний большевиков. Германо-романские элиты поставили сейчас задачей «окончательное решение русского вопроса», т. е. уничтожение России и русских как народа. С этой целью руками украинских нацистов и средствами русофобского союза полусотни государств сейчас ведётся гибридная война против народов России. Необходима новая мобилизация всех сил и средств страны для отражения агрессии.

Ключевые слова: славяне, германские и романские народы, geopolитика

The geopolitical confrontation between the Slavic and Romano-Germanic peoples

Vasiliy P. Zinoviev¹, Sergey G. Sulyak²

¹ Tomsk State University

36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia

² St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ E-mail: vpz@tsu.ru

² E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

The article examines the plot of European history related to the long-term geopolitical confrontation between the Slavic and Germanic-Roman peoples caused by the expansion of the latter into the lands of the Slavs. This confrontation began with the division of the Roman Empire into Eastern Greek and Western Roman in the late 4th century AD, and deepened after the division of the Christian Church into Eastern Orthodox and Western Catholic in the 9th – 11th centuries. The Slavs were mostly under the influence of the Patriarch of Byzantium, while the Germans were under the influence of the Catholic pope. The Catholic crusades against Byzantium, the Slavic and Baltic tribes intensified the hostility. The subjugation of most of the Byzantine possessions and Slavic lands by the Mongol-Turkic conquerors in the 13th–15th centuries separated the eastern and southern Slavs from Europe and made them part of the Eastern world. The return of Russians to European politics took place only in the 17th century, when Muscovy, having become the strongest part of the Juchi

Ulus, subjugated almost all the rest of its lands and regained sovereignty, despite the opposition of its Islamic and Catholic neighbors. During the 18th and first half of the 19th centuries, the Russian Empire engaged as an active and influential participant in European affairs, extending its power and presenting itself as a patron of Slavic populations. However, a period of setbacks and military defeats followed in the late 19th and early 20th centuries, largely attributable to the country's slow modernization and anachronistic political structures. The Bolshevik ascent to power initiated a rapid and forced modernization, which ultimately enabled the Soviet Union to defeat Nazi Germany and its European allies, achieving unprecedented global influence in the subsequent decades. Ultimately, the failure to modernize the Soviet mobilization-based economic model and its rigid political system led to the dissolution of the socialist bloc, the collapse of the USSR, and the loss of most Bolshevik-era geopolitical gains. Russian elites have now set the task of “the final solution of the Russian question,” that is, the destruction of Russia and the Russians as a people. To this end, a hybrid war is being waged against the peoples of Russia by the hands of the Ukrainian Nazis and the means of the Russophobic union of fifty states. A new mobilization of all the country's forces and resources is needed to repel aggression.

Keywords: Slavs, Germanic and Romance peoples, geopolitics

Государства занимают определенное место на земле и имеют конкретных соседей, с которыми могут иметь споры, не разрешаемые сотнями и тысячами лет. Вот это надо иметь в виду, рассматривая современные отношения славян с германо-романскими народами Европы. Предпосылки для характера этих отношений сложились давно, ещё в то время, когда предки индоевропейцев из своей родины в Центральной Азии и Южной Сибири разошлись по землям Евразии. Арийцы завоевали Индостан, Ближний Восток, заняли Великую степь от Монголии до Днестра. Кельты, германские, романские, славянские племена поделили Европейский выступ. При этом славянам достались не самые ценные в аграрном обществе холодные и бедные пространства Русской равнины, покрытой лесами. Как писал С.М. Соловьёв, «природа для Западной Европы, для её народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – ма́чеха» [6: 2]. В Западной Европе плотность населения была высокой, в Восточной Европе и особенно на Русской равнине – низкой и очень низкой.

Первым стало тесно германцам, готы в III в. переместились с Балтийского моря на Чёрное, потеснив славян, затем – на Средиземное, заняв его тёплые западные берега. Германо-романские народы ассимилировали большинство кельтов, значительную часть славян.

Судьбы народов Западной и Восточной Европы долгое время были связаны с разделом Римской империи на романскую и греческую части. Затем к этому разделу добавилось разделение христианской церкви на православную (ортодоксальную) и католическую примерно по той же романо-греческой линии раздела Европы в IX–XI в. С этого времени католическая церковь стала организатором борьбы с православным населением Восточной Европы, она благословляла крестовые походы против Византии и Руси.

Параллельно с этими событиями через русскую равнину прошли волны гуннов, тюрков, угрев, монголов, отбрасывая восточных славян от морей в леса. Но конфликты с восточными племенами перешли у русских со временем в сотрудничество. Иначе складывались отношения с германскими и романскими этносами. Германцы, завоевав Западную Римскую империю, кроме хозяйственного, культурного и христианского наследства восприняли и идею исключительности, превосходства над другими народами. Эта идея давала сомнительное право на уничтожение иноверцев – варваров.

Европейские завоеватели отметились геноцидом других народов на всех других континентах, начиная с крестовых походов, уничтожением индейцев, работогровлей, массовыми убийствами жителей Африки, Азии и Австралии.

Одним из направлений германо-романской экспансии был натиск на земли православных славян и балтов, сократились территории сербов, хорватов, исчезли пруссы, померанцы, ливы, кашубы. Однако железные отряды католических рыцарей не смогли завоевать земли русских плёмен. Крестоносцев громили Роман Волынский, Александр Невский, Дмитрий Переяславский, позднее литовско-русские князья и Иван Грозный. Здесь *Drang nach Osten* для рыцарей закончился.

Однако эстафету от крестоносцев приняли католические правители Речи Посполитой, которые считали Москву законной своей добычей. Поляки, европейские наёмники, которые шли на Москву вместе с Григорием Отрепьевым, искренне считали, что несколько сот католиков запросто станут господами Руси, потому что московиты не храбреев индейцев [4: 251]. Как и крестоносцев и шведов, поляков манили пахотные земли и крепостные крестьяне Руси. Только всенародное ополчение смогло предотвратить польское иго. Это было бы постращенное монголо-татарского ига, так как монголы, в отличие от европейцев, не вмешивались в социально-экономическую и культурную сферы жизни русских княжеств, довольствуясь данью. Московское великое княжество стало наиболее сильной частью Джучиева улуса и со временем подчинило всю его территорию, став Московским царством и Российской империей. После завоевания турками Византии самым

сильным православным государством осталась Московия, ставшей, по мнению русских мыслителей, третьим Римом.

Русское государство вступило в начале XVII в. в долгий конфликт с европейскими соседями, это совпало со сменой правящей варяжской династии Рюриковичей на русских Романовых. Десятилетия понадобились, чтобы королевские дома Европы признали новую династию русских царей. Начиная со Смоленской войны 1632–1634 гг. главным направлением политики Московского царства стало европейское, главными врагами – Речь Посполитая, Шведское королевство, Османская империя. Россия постепенно возвращала свои исконные земли на юге, западе и севере, прорываясь к Балтийскому и Чёрному морям.

Пётр I, победив шведов, вернул Россию в европейскую политику, как это было во времена Ярослава Мудрого, провозгласил себя императором, равным римским правителям. Шведы смогли только ответить русофобской нормандской версией происхождения русского государства. Пётр сделал зависимой Речь Посполитую, которая за XVIII в. утратила суверенность. В 1793 г. польские и литовские паны окончательно пропали на Гродненском сейме польский суверитет, дав согласие на раздел страны. Россия получила свои западные земли – белорусские и украинские.

В XVIII в. была решена задача возвращения русских на Черное море после ряда русско-турецких войн. Князь Безбородько, канцлер Российской империи, говорил, что при матушке Екатерине ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без её разрешения, но победы России оставили двух недобитых смертельных врагов – Польшу и Швецию, добавили Пруссию, Францию, Англию и Турцию.

Наполеон Бонапарт, объединив почти всю Европу, попытался в начале XIX в. подчинить Россию, но был полностью разгромлен войсками генерала М.И. Голенищева-Кутузова и вооруженным народом. Это добавило русофобии в Европе, так как армия вторжения в основном состояла из войск покорённых Наполеоном европейских монархий. Свидетельством антирусских настроений европейской элиты стало пакостное сочинение Астольфа де Кюстиня о России – тюрьме народов.

На Венском конгрессе 1815 г. Александр I совершил большую ошибку, передав под власть австрийцам Восточную Галицию, населённую русинами, взяв в качестве приза Великую Польшу. Польше в итоге пришлось дать независимость, а в Галиции усилиями немцев и поляков была сформирована и осуществлена украинская идея, в основу которой австрийские чиновники положили мысль о том, что украинцы, принявшие главой своей церкви папу римского, – это культурные европейцы, а православные русины – быдло, т. е. скот. В

начале ХХ в. деятели русинского движения предупреждали славян об опасности раскола русинов [7]. В период Первой мировой войны австрийцы обезглавили русинское население, сгноив в лагерях Талергоф и Терезин всю интеллигенцию западных русских – учителей и священников. За 200 лет все русины Галиции захотели стать европейцами, а сама идея «Україна – це Європа» стала лозунгом всей Украины. Теперь этот лозунг соответствует действительности – большая часть элиты украинцев, как и европейцев, – нацисты.

XIX и начало XX в. для России были временем потерь темпов развития и внешнеполитических утрат. Успехи были достигнуты только в борьбе с ещё более отсталым соперником – Османской империей. Россия добилась освобождения Греции и славянских народов на Балканах. Крымская война показала военно-техническую отсталость страны, завоевания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. у России отняли европейцы, Русско-японская и Первая мировая войны были также проиграны русской монархией японской и европейской буржуазии.

Все изменили революция 1917 г., власть большевиков. Интервенция 14 государств во время Гражданской войны не удалась, оккупантам пришлось признать советское правительство и новую страну – СССР.

Новая попытка всей Европой напасть на Россию (СССР) и устроить грабёж ее богатств была совершена в 1941–1945 гг. Однако в этот раз страна технологически и интеллектуально была готова к сопротивлению. За двадцать лет была создана индустрия, современная наука, современная армия. Николай Иванович Вавилов в 1925 г. справедливо приравнял науку армии и флоту, сказав на собрании при открытии Института генетики: «Мы можем уступать нашим соседям временно в общем уровне нашего благосостояния, нашего обихода жизни; единственно, в чем мы не можем им уступать, это в вооружении нашего интеллекта. Если, в силу необходимости, мы обязаны держать нашу армию, наш морской и воздушный флот на уровне наших соседей, то еще более это касается армии исследователей, без которой немыслимо представить себе какой-либо серьёзный прогресс нашего Союза» [1]. В начале Великой Отечественной войны Красная армия уступала врагу в качестве вооружения и кадров. Совершенствовать вооружение, добывать опыт пришлось ценой больших людских потерь (21 млн реально погибших воинов и мирных жителей) [2].

Победив во Второй мировой войне, Советский Союз создал содружество социалистических государств, объединив народы Центральной и Восточной Европы, реализовав тем самым мечту Константина Николаевича Леонтьева о новой Великой Македонии во главе с Россией [3: 62]. Однако это единство было непрочным и

не выдержало противостояния с западным миром. Социалистический лагерь и ССР были разрушены разложением коммунистических элит социалистических стран Европы, их догматизмом, национальным эгоизмом и корыстолюбием. К.Н. Леонтьев предупреждал об опасности отсутствия единых интересов у славянских народов ещё в XIX в. Как своевременно звучат его слова: «Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!» [5: 22].

Россия сейчас вновь осталась одна, изменилась парадигма её развития. Если до конца XX в. она расширялась, то сейчас главная задача – сохранить то, что имеем – территорию, народ и природные ресурсы. В индустриальный век ценность земли изменилась, ранее пустынные пространства, как оказалось, таят в себе несметные минеральные сокровища. Интерес к ресурсам России чрезвычайно вырос. Ангlosаксы стали открыто говорить о том, что Сибирь не должна быть только российской. Холодную войну советское руководство проиграло, идеологические противоречия между Россией и западным миром ушли, но оказалось, что не в них была причина конфликта, а в природных ресурсах страны. Геополитическое противостояние обострилось. Видимая слабость России 1990-х гг. опять поманила агрессоров Европы. Политика приручения России сменилась стремлением разделить ее на мелкие части и уничтожить как цивилизацию. Русофобская политика руководства стран НАТО и украинских националистов привела к новой войне. Цель наших противников – не только природные ресурсы, но и русские люди на Украине. Их стараются превратить в украинцев запретами на все русское или уничтожить. С 2022 г. идут военные действия против России: Украина даёт людские ресурсы, а снабжают её всем необходимым 50 государств мира, в том числе и славянские, образующие антироссийский блок. Сейчас европейские лидеры говорят об открытой войне против России, не имея на то средств и желания значительной части населения. Для мобилизации общественного мнения европейские элиты вновь говорят об агрессивной России и исключительности европейцев. Ведётся оголтелая гибридная информационная, финансовая, дипломатическая, диверсионная война для окончательного решения «русского вопроса». Нужна ли нам такая Европа? Ранее Европа была притягательна для русских своим интеллектуальным и культурным потенциалом, как пример успешной цивилизации, как торговый партнёр и покупатель

наших природных ресурсов. Теперь же Европа, «отменившая» Россию, нам не интересна.

Некоторые наши соседи по СНГ, не понимая, что пока есть Российской Федерации, существуют и они как суверенные государства, исподтишка и даже открыто сотрудничают с нацистским режимом Украины. Но время показало прочность России. Несмотря на санкции романо-германских государств, Россия достигла технического превосходства в вооружении и одерживает победу в военном столкновении с Украиной. Руководство США, решив, что воевать с нами себе дороже, решило просто ограбить Украину и выйти из конфликта. Европе же, как и во время Суэцкого кризиса 1956 г., грозит остаться ни с чем, деньги на бандитский набег они истратили, а возвращать их никто не собирается [8]. Отсюда милитаристский и реваншистский психоз европейской элиты. Нужна мобилизационная готовность нашей страны и нужно быть стойким в бедствиях, как писал М.Е. Салтыков-Щедрин. У России нет в этом «соревновании» равных соперников, зато имеется исторический опыт самой тяжкой борьбы с захватчиками с начала существования Руси. Победы, которые одерживали наши отцы и прапотцы над агрессорами из Европы, служат примерами мужества и стойкости для внуков и правнуоков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов Н.И. Очередные задачи сельскохозяйственного растениеводства. (Растительные богатства земли и их использование): [речь на первом расширенном заседании Совета Ин-та (Москва, Кремль, 20 июля 1925 г.)]. URL: <https://www.vir.nw.ru/blog/publications/ocherednye-zadachi-selskohozyajstvennogo-rastenievodstva-rastitelnye-bogatstva-zemli-i-ih-ispolzovanie-rech-na-pervom-rasshirennom-zasedanii-soveta-in-ta-moskva-kreml-20-iyulya-1925-g/> (дата обращения: 28.05.2025).
2. Земсков В.Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины) // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59–71.
3. Историография истории России до 1917 года. Т. 2 / [М.Ю. Лачаева, Н.М. Рогожин, Г.Р. Наумова]. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004. 383 с.
4. История внешней политики России: В 5 т. Т. 1: Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Академический проект; Парадигма, 2018. 436 с.
5. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1876. [2], 132, [1] с.

6. Соловьев С.М. История России с древнейших времён: В 29 т. Т.13: История России в эпоху преобразований. М.: В Университетской типографии, 1863. 388, [2], XVIII с.

7. Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1 (39). С. 83–94.

8. Хахалкина Е.В. Суэцкий кризис 1956 г.: поворотный момент британской внешней политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 156–164.

REFERENCE

1. Vavilov, N.I. (1925) *Ocherednyye zadachi sel'skokhozyaystvennogo rastenievodstva. (Rastitel'nyye bogatstva zemli i ikh ispol'zovaniye): [rech' na pervom rasshirennom zasedanii Soveta In-ta (Moskva, Kreml', 20 iyulya 1925 g.)]* [Priority Tasks of Agricultural Plant Growing. (The Plant Resources of the Earth and Their Use): [Speech at the First Extended Meeting of the Institute's Council (Moscow, Kremlin, July 20, 1925)]]. [Online] Available from: <https://www.vir.nw.ru/blog/publications/ocherednye-zadach...> (Accessed: 28th May 2025).

2. Zemskov, V.N. (2012) O masshtabakh lyudskikh poter' SSSR v Velikoy Otechestvennoy voynе (v poiskakh istiny) [On the Scale of Human Losses in the USSR in the Great Patriotic War (In Search of the Truth)]. *Voenno-istoricheskiy arkhiv*. 9. pp. 59–71.

3. Lachaeva, M.Y., Rogozhin, N.M. & Naumova, G.R. (2004) *Istoriographiya istorii Rossii do 1917 goda* [Historiography of the history of Russia before 1917]. Vol. 2. Moscow: Gumanitarnyy izdatel'skiy tsentr VLADOS.

4. Sakharov, A.N. (ed.) (2018) *Istoriya vneshej politiki Rossii* [History of Russia's Foreign Policy]. Vol. 1. Moscow: Akademicheskiy proekt; Paradigma.

5. Leontiev, K.N. (1875) *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantism and Slavism]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/vizantizm-i-slavyanstvo/ (Accessed: 28th May 2025).

6. Soloviev, S.M. (1863) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from the Earliest Times]. Vol. 13. Moscow: V Universitetskoy tipografi. [Online] Available from: <https://rucont.ru/efd/10875> (Accessed: 28th May 2025).

7. Fominykh, S.F. & Zinoviev, V.P. (2015) The Journal “Slavyanskiy vek” as a Source on the History of the Rusins. *Rusin*. 1(39). pp. 83–94 (in Russian).

8. Khakhalkina, E.V. (2016) The Suez Crisis of 1956: A Turning Point in British Foreign Policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 156–164 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/404/25

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Vasiliy P. Zinoviev – Tomsk State University (Russia).

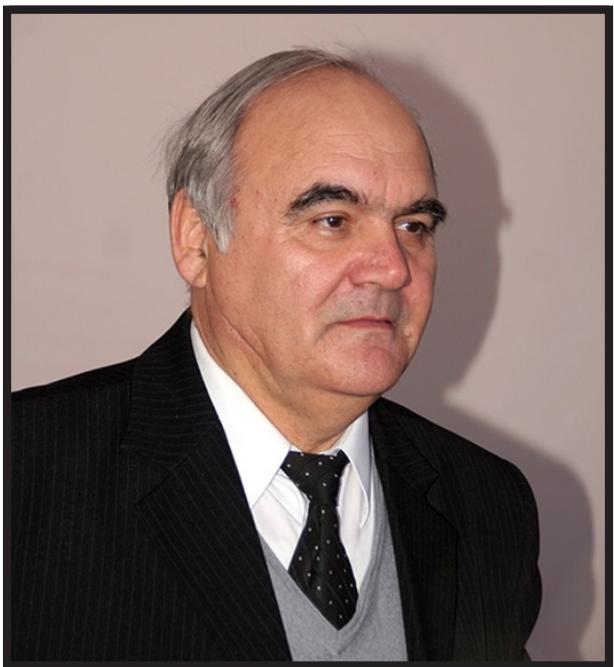
E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Памяти Николая Николаевича Червенкова

1 июля 2025 г.
ушёл из жизни
известный мол-
давский учё-
ный-болгарист
Н.Н. Червенков.

Н.Н. Червенков
родился 2 января
1948 г. в с. Ого-
родное (Чийшия)
Болградского
района Одесской
области Украин-
ской ССР в семье
потомков болгар-
переселенцев. В
1967 г. поступил на
исторический фа-
культет Одесского
государственного
университета. В
1972 г. защитил

дипломную работу, посвящённую участию бессарабских болгар в национально-освободительной борьбе в 1856–1869 гг.

После окончания университета стал работать в Институте истории Академии наук Молдавской ССР (с 1991 г. – Академии наук Молдовы (АНМ)). Проходил стажировки в Болгарской Академии наук и в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. В 1982 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Болгарская эмиграция в Румынии и национально-освободительное движение в Болгарии (вторая половина 50-х – 60-е годы XIX в.)» в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. В 1986 г. здесь вышла его монография «Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х – 60-е гг. XIX в.».

С 1972 по 2004 г. Н.Н. Червенков работал в АН МССР (АНМ) сначала младшим научным сотрудником, затем старшим. В 1990 г. возглавил

отдел «Истории стран Юго-Восточной Европы» Института истории АН МССР. С сентября 1991 г. по май 2004 г. работал в Институте межэтнических исследований сначала ведущим научным сотрудником, затем заведующим секции «Болгаристика» (1997–2004), заместителем директора Института (1998–2001). Одновременно являлся доцентом Молдавского государственного университета и Государственного педагогического университета им. И. Крянгэ.

В 2003 г. защитил докторскую диссертацию «Формирование идеи болгарской государственности (середина XVIII – 70-е гг. XIX в.)» в Государственном педагогическом университете имени И. Крянгэ. Подготовил программу по предмету «История, культура и традиции болгарского народа», по которой учатся дети болгар в Тараклийском районе Республики Молдова и Болгарском теоретическом лицее «Васил Левски» в Кишинёве.

Способствовал открытию в г. Тараклия Государственного университета им. Г. Цамблака в 2004 г. и до 2010 г. был его первым ректором.

Более 20 лет возглавлял созданное в 1994 г. «Научное содружество болгаристов Молдовы». Был членом правления Болгарской общины Республики Молдова, членом руководства общеболгарского комитета «Васил Левски».

Н.Н. Червенков – автор или соавтор более 170 статей, исследований, книг, учебников, в том числе 13 монографий, документальных сборников, учебных пособий, около 200 научно-популярных статей, изданных в Молдавии, России, Украине, Болгарии и Сербии. Был составителем, научным и ответственным редактором, членом редколлегий нескольких десятков монографий, сборников, периодических изданий.

Основные публикации Н.Н. Червенкова: «Прошлое и настоящее села Кирютня» (в соавт. с С. Новаковым, Кишинёв, 1980; «Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х – 60-е гг. XIX в.» (Кишинёв, 1982); «Болгаро-российские общественно-политические связи, 50–70-е гг. XIX в.» (коллективная монография, Кишинёв, 1986); «Васил Левский» (Кишинёв – Чимишлия, 1993); «Българите от Украина и Молдова. Минало и настоящее» (в соавт. с И.Ф. Греком, София, 1993); «Тараклии – 200 лет. Т. I (1813–1940)» (в соавт. с И. Думиникой, Кишинёв, 2013); «Петро-Павловская церковь села Чийшия (Городнее)» (Кишинёв, 2013).

За свою деятельность был удостоен ряда наград: орденов «Gloria Muncii» (Молдова) и Ордена «Святые Кирилл и Мефодий» I степени (Болгария), почётными знаками Президента Республики Болгария, Молдавской академии наук («Признание»), Всеболгарского коми-

тета «Васил Левски», медалями Болгарской академии наук («Марин Дринов»), Софийского государственного университета («Климент Охридски»).

Являлся почётным гражданином г. Тараклия.

Н.Н. Червенков сотрудничал с журналом «Русин». Опубликовал в нём ряд статей, участвовал в проводимых под эгидой журнала научных конференциях и заседаниях круглого стола.

Николай Николаевич Червенков был похоронен на кладбище Святого Архангела Михаила в столице Республики Болгария Софии.

Светлая ему память!

Редакторский совет журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РУСИНЫ

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2025. № 81

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 300 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 28.10.2025.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 85/1225.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

